

**МАСТЕР-КЛАССЫ
(основные положения)**

**Л. С. ЗАССЕЕВА,
директор ЦГА РСО-Алания**

**ВОПРОСЫ ДОСТУПА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ
К АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ
РГБУ ЦГА РСО-А
(нормативно-правовая база)**

В современном правовом пространстве РФ архивное дело по проблемам доступа к информации регулируется с помощью порядка 32 законодательных актов, из которых следует выделить такие правовые акты, как:

- Конституция РФ, 1994 г.;
- Гражданский кодекс РФ, ч.ч. 1,2,4;
- Уголовный кодекс РФ;
- ФЗ-125 «Об архивном деле в РФ, 2004 г.;
- ФЗ-149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», 2006 г.;
- ФЗ-131 «О государственной тайне», 1993 г.;

- ФЗ-152 «О персональных данных», 2006 г.;
- Указ Президента РФ «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» №188 от 06.03.1997 г.;
- и такие нормативно-методические документы, как:
- Основные правила работы с научно-технической документацией в госархивах РФ, 2004 г.;
- Правила организации и хранения, комплектования, учета и использования документов АФ РФ и др. архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях РАН, 2007г.;
- Правила работы пользователей в читальных залах государственных архивов РФ, 1998 г.;
- Положение о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах органов РФ, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел, 2006 г.

В соответствии со ст. 26 Ф.3-125 «Об архивном деле в РФ», а также разделом 5 «Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда РФ» открытые документы Архивного фонда Республики Северная Осетия-Алания, а также справочно-поисковые средства к ним доступны для пользования всем юридическим и физическим лицам, независимо от их гражданства.

Порядок работы пользователей с документами открытого хранения в читальном зале ЦГА РСО-Алания определен Правилами работы пользователей в читальных залах государственных архивов РФ.

На основании пункта 1.7. указанных Правил Центральным государственным архивом РСО-Алания, с учетом специфики размещения документов в двух разобщенных зданиях, разработан Регламент работы читального зала ЦГА РСО-Алания, утвержденный приказом Архивной службы РСО-Алания №7 от 01.12.2005 г.

В соответствии с перечисленными документами порядок допуска пользователей в читальный зал следующий:

- пользователи, ведущие научно-исследовательскую работу в соответствии с планом научно-исследовательского или издательского учреждения или выполняющие служебные задания, представляют гарантийное письмо на бланке направившей их организации, подписанное руководителем и заверенное печатью организации;

— пользователи, ведущие исследовательскую работу по личной инициативе, заполняют личное заявление установленного образца.

Резолюция — допуск на право пользования архивными документами накладывается Руководителем Архивной службы РСО-Алания сроком на один календарный год.

Пользователи, получившие допуск к работе с архивными документами, проходят в читальный зал согласно списку пользователей на основании пропуска ежедневного посещения читального зала при предъявлении документа, удостоверяющего личность.

Сотрудник ЦГА РСО-Алания, ответственный за обеспечение порядка работы пользователей в читальном зале обязан:

— ознакомиться с документом — допуском, предъявленным пользователем, обратив особое внимание на наличие в нем Ф.И. О. пользователя, темы и хронологических рамок исследования;

— проверить правильность заполнения анкеты и соответствие внесенных в нее данных с документом, удостоверяющим личность;

— ознакомить пользователя с порядком работы читального зала, с порядком и условиями предоставления информации, а также с порядком работы с архивными документами;

— предоставить пользователю Научно-справочный аппарат к документам архивных фондов;

— ежедневно следить за отражением работы пользователя с документами в учетных документах:

— бланк заказов на выдачу описей, дел, печатных изданий;

— лист использования документов;

— личное дело пользователя;

— журнал регистрации посещений пользователями читального зала;

— список и журнал регистрации личных дел пользователей.

В связи с тем, что в ЦГА РСО-Алания нет специального зала для работы с микрофильмами фонда пользования и нет соответствующих для работы с ними технических средств, в читальный зал выдаются подлинные документы, в том числе ОЦД.

В связи с этим установлены ограничения на доступ пользователя к подлинным архивным документам открытого хранения, находящимся в неудовлетворительном физическом состоянии. Это, главным образом, дела, определенные как документы, нуждающиеся в реставрации или пораженные плесневелым грибом, т.е. дела с высокой степенью разрушения материальных носителей, угрожающей физической целостности и сохранности.

Кроме того, в Указе Президента РФ «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера №188 от 06.03.1997 г. приводится ряд критериев, согласно которым некоторые документы относятся к категории документов ограниченного доступа:

- персональные данные;
- тайна следствия и судопроизводства;
- служебные сведения;
- сведения, связанные с профессиональной деятельностью;
- сведения, связанные с коммерческой деятельностью;
- сведения о научных изобретениях деятельности до официальной публикации информации о них;
- содержащие информацию ограниченного доступа (ОД): Согласно актам в делах фондов, такие сведения содержатся только в документах ОФОР, определенные как ОД в ходе проведения работ по рассекречиванию документов в 1989-1990 гг. Критерием определения сведений ОД служило циркульное письмо Главного архивного управления при СМ СССР за №7/1264-Е от 18.05.1988 г. Это такие документы, как:
 - о националистических и шовинистических настроениях, национальной розни, погромах;
 - о деятельности реакционных общин и сект;
 - о внешнеполитических и внешнеэкономических и других связях, затрагивающих интересы соседних и третьих государств;
 - о границах;
 - о лишении избирательных и политических прав в судебном и несудебном порядке;
 - содержащие сведения о личной и семейной тайне гражданина, 75-летний срок хранения которых еще не истек.

Выдача подлинных документов производится с разрешения руководства архива. На бланке заказе пользователя ставится резолюция о возможности, причинах и сроках выдачи подлинников документов.

Состояние и сохранность документов и наличие в документах конфиденциальной информации проверяется заведующим архивохранилищем, о чем делается отметка на бланке заказа.

Правом наложения резолюции о выдаче документов на бланке заказа пользователя обладают директор, заместитель директора, главный хранитель фондов или начальник отдела обеспечения сохранности документов.

В нашем случае, как уже было сказано выше, что мы выдаем в читальный зал подлинные архивные документы, пользователи могут быть временно ограничены в выдаче архивных документов в следующих случаях:

- дела находятся в кабинете по реставрации документов;
- дела не прошли научное описание и техническое оформление;
- имеют отметку ДСП, а, следовательно, их использование ограничено в соответствии с условиями, оговоренными в акте приема-передачи их на государственное хранение организацией фондообразователем;
- заняты за другим пользователем;
- заняты за сотрудником архива в целях выполнения служебного задания;
- выданы во временное пользование юридическим и физическим лицам.

Порядок использования документов оговорен особыми условиями фондообразователя. Это, как правило, касается документов личного происхождения, т.е. личных фондов.

Пользователь на свое усмотрение может делать выписки из архивных документов или заказывать копии архивных документов, а также справочно-поисковых средств, оформив заказ установленного образца.

Особое разрешение необходимо получить при копировании:

- особо ценного или уникального документа;
- документа, содержащего результаты запатентованной, научной и научно-технической деятельности.

Копирование неизданных справочников, описей, картотек, перечней-указателей, тематических перечней архив в полном объеме не производит.

**Т.А. НЕВСКАЯ,
д.и.н, профессор СКФУ
(г. Ставрополь)**

О КОНЦЕПЦИИ КУРСА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКАХ

Одним из лозунгов современного образования в преподавании гуманитарных дисциплин в настоящее время считается толерантность. Воспитание терпимости по отношению к людям иных культур, уважения к чужой религии, обычаям и образу жизни совершенно необходимы в нашей многонациональной стране, а в нашем полиэтническом регионе — особенно. Однако преподавание истории Отечества в высшей школе, которое и должно было решить эту задачу, далеко не всегда способствует такому воспитанию. И дело здесь, прежде всего, в учебниках Истории Отечества, в той концепции истории страны, которая в них заложена.

В подавляющем большинстве учебных пособий взгляд на историю страны дан исключительно из Москвы, хотя вузовский курс и называется «История Отечества», а не «История России». Особенно четко это прослеживается в изучении древних этапов истории. Предпочтение отдается изучению Древнерусского государства, тогда как другие государства на территории нашей страны рассматриваются только через призму отношений с Киевской Русью, причем отношений, как правило, не мирных. Авторы учебников не принимают во внимание, что такие государства, как Кавказская Албания, Хазарский Каганат, Волжская Булгария, Алания и др., были созданы предками народов нашей страны, ныне таких же граждан России, как и русские. Многие из этих государств возникли раньше, чем Русское государство, и имели немалые культурные достижения, свою религию, письменность. И народы Кавказа, Поволжья имеют право гордиться этим периодом своей истории. В учебниках же хазары, болгары, половцы предстают

лишь злыми, коварными врагами русских, которых последние с переменным успехом били.

Не лучше обстоит дело и с изложением истории Золотой Орды, Казанского и Астраханского ханств, которые являются такими же «нашими» государствами, как и Московское царство. Естественно, такое изложение исторических событий не может устраивать многие народы, которые не хотят себя осознавать цивилизованными лишь с включением в состав Русского государства. Может быть, именно поэтому в последнее время стали появляться многочисленные учебники региональной истории, написанные с националистических позиций, которые весьма тенденциозно представляют события нашей истории, но уже с «другой» стороны. Возможно, это является ответной реакцией на содержание учебников, издаваемых в центре. С националистическими концепциями истории следует бороться, причем на всех уровнях, но не надо забывать и об общей концепции истории всей страны, которая должна выглядеть как история всех народов России, а не только русских.

Современные вузовские учебники, предназначенные студентам неисторических факультетов, имеют и другие недостатки. Во-первых, подавляющая масса изданий ориентирована на студентов всех факультетов, тогда как пособия для экономических, юридических и других гуманитарных факультетов должны отличаться как по содержанию, так и, объему от учебников для студентов технических специальностей.

Во-вторых, большинство современных учебников по истории России носят сугубо описательный характер. Практически ни в одном из наиболее распространенных учебников нет периодизации отечественной истории. Авторы, видимо, во избежание критики, отказавшись от формационного подхода, не дают вообще никаких принципов периодизации. Материал в учебниках разбит на главы совершенно произвольно, часто просто по векам или периодам правления тех или иных царей. Главное, не приведены основания, по которым выделяются периоды истории, поэтому у студентов не формируется представление, в чем же качественное различие между разными этапами развития российского государства и общества. Отсутствие четкости, хотя бы самых общих теоретических основ, приводит к тому, что студенты запоминают историю России как нагромождение разных событий, а не как взаимосвязанный закономерный процесс.

Большинство имеющихся в продаже учебников фактически представляют собой более краткое изложение исторических событий, чем в школьных учебниках, тогда как задача вузовского курса — не повторять то, что изучали в школе, а выводить студентов на более высокий уровень теоретического осмысления исторического пути России. Почти во всех учебниках отсутствует материал о специфике истории Отечества, сопоставление основных этапов российской истории с общемировым процессом.

В некоторых изданиях встречаются устаревшие и даже неправильные формулировки. Например, в учебнике Титова «История государства и права» (2000 г.) современный этап истории страны назван «периодом реставрации капитализма». Из такого названия следует, что автор не только не знаком с современной периодизацией истории, но и привносит в название современной эпохи оценочный момент, так как термин «реставрация» относительно государственного строя носит негативный оттенок.

Таким образом, при наличии в продаже огромного количества вузовских учебников по истории очень трудно рекомендовать студентам подходящее издание. Есть хорошие учебники (например, «История России IX — XX века», изд. «Нестор», СПб., 1999), но они выпущены небольшими тиражами и труднодоступны. Видимо, Министерству образования следует строже подходить к рекомендации вузовских учебников, проводить конкурсы и рассматривать издание подобной литературы прежде всего как государственное дело — формирование новой идеологии, толерантного массового сознания, а не чисто коммерческое мероприятие.

**Е. В. КАЛИНИНА,
к.ф.н., доцент СКФУ
г. Ставрополь**

НОВЕЙШИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

Возрастание в последней четверти XX — начале XXI вв. роли методологии в современных научных исследованиях инициировало не только более глубокую теоретическую рефлексию собственно предмета методологии (в том числе и методологии истории), но и наглядно показало (и в значительной степени доказало) важность и действенность смены методологических установок, произошедшей во II половине XX в. Это привело ко все более возрастающему интересу сначала зарубежных, а позже и отечественных исследователей к теоретическим и методологическим проблемам истории и исторического познания. Следствием этого стало появление таких новых направлений в историографии, как социальная история (школа «Анналов» во Франции, «новая история» или «новейшая социальная история» в США, «история общества», или «новая социальная история» в Великобритании, других западноевропейских странах), «новая локальная история», постмодернизм, микроистория, социокультурная история, гендерная история, история повседневности, новая биографическая или персональная история, интеллектуальная история (или история идей), устная история, историческая и социальная антропология и другие.

Причем следует отметить, что появление истории повседневности, устной и гендерной истории явилось во многом следствием антропологизации истории, поворота к человеку, что вызвало пересмотр исследовательских полей и подходов, приведших в конечном итоге к культурному, а позже и к лингвистическому повороту.

Соответственно возросли возможности для познания прошлого во всей его объемности и многогранности, в научный оборот были

введены мощные пласты фактов, а высокий уровень теоретического анализа и профессионализма, плюрализм подходов и мнений, возросшая социальная ответственность стали показателями поступательного развития. Таким образом, прорыв в методологии, связанный во многом с деятельностью «Анналов», расширивших благодаря междисциплинарному подходу (который Агирре Рохас назвал одной из методологических парадигм [1,101-107] этой французской школы) позаимствованные из разных наук, в первую очередь социологии, аналитические процедуры и, что не менее важно, тематику исследований, во много продолжается. Об этом свидетельствует ряд серьезных научных изысканий, появившихся у нас в стране в последнее десятилетие [2].

Среди многочисленных новаторских направлений в историографии несомненный интерес вызывает такое направление, как эгоистория, представляющая собой описание человеком истории своей семьи и своей жизни в контексте исторического процесса. У его истоков стоит французский историк Пьер Нора, разработавший проект «Эссе эгоисторий», вылившийся в публикацию в 1987 году под его редакцией сборника эгоисторий под одноименным названием проекта. Основные участники проекта — представители французской исторической школы «Анналов»: Морис Агюлон, Пьер Шоню, Жорж Дюби, Жак Ле Гофф, Пьер Губер, Мишель Пьеро и другие, которые в своих личных историях, размышляя о своем жизненном пути, попытались определить собственное место в истории. Будучи признанными специалистами, они сами стали объектами исследования, пытаясь в своих личных историях через обращение в прошлое и рефлексии об этом прошлом увидеть себя в контексте этого прошлого. По меткому замечанию Франсуа Досса, эгоистории — это не что иное, как «возвращение того вытесненного, нереализованного потенциала автора, который образовался в сциентистскую эпоху» [3,182]. Высоко оценивая этот проект, российская исследовательница Н. В. Трубникова справедливо отмечает, что «сборник «эгоисторий» помогает проникнуться «человеческим измерением» исторической науки, понять факторы, оказывающие влияние на формирование судеб и исследовательских ориентаций признанных мэтров исторической науки, дает возможность сравнить различные ипостаси историка как свидетеля своего времени и специалиста по прошлому» [3,184]. Эту позицию разделяют и другие исследователи, считающие, что «историки нуждаются в собственных рефлексиях своей профессии» [4,3]. Эгоистория

дополняет «новую биографическую историю», «отпочковавшуюся» от традиционной исторической биографии и сделавшую акцент на человеческую индивидуальность и персонализацию предмета истории. От анализа и описания действий великих людей — к исследованию внутреннего мира обычных людей, реконструкции личной жизни и судеб отдельных исторических индивидов — вот вектор развития новой биографической истории, «или персональной истории». Ее основным исследовательским объектом являются в первую очередь персональные тексты, или источники личного происхождения, а предметом исследования — история одной жизни во всей ее уникальности и полноте. Главными методами исследования выступают микроисторические подходы, что в свою очередь еще в большей степени увеличило интерес к микроуровневой истории в противовес социально-структурной.

Расширение тематики исследовательских полей привело в свою очередь к изменению истории историографии, которая разнообразила свою проблематику и отвела центральное место изучению дискурсивной практики историка, который с помощью рационально проверяемых средств и соответствующих исследовательских методик получает достоверные знания о прошлом. Вместе с тем важно помнить об относительном характере исторического знания. Открывающиеся новые факты дополняют, а нередко и меняют общее восприятие картин прошлого, не всегда позволяя сохранить преемственность прежних представлений. Однако исторические теории и методологические установки наименее подвержены переменам, что предопределяет ведущую роль истории в интегральном изучении человека, а потому можно в целом согласиться с Б.Г. Могильницким, определившим историю как единственную дисциплину, использующую в своей работе все языки социально-исторического времени [6, 265] и (добавим мы) пространства. При этом не нужно игнорировать тот факт, что современность самым активным образом «участвует» в формировании предела исторического исследования, а значит, и категориальной структуры этого исследования. Современность следует рассматривать не только как источник так называемых ценностных ориентиров историка (признавая при этом, что нередко содержание часто используемых таких категорий, как свобода, демократия, правовое государство, хотя и не всегда осознанно, зависит от ценностной ориентации исследователя), но и как исходный пункт его познания в широком смысле слова: к прошлому историк идет через совре-

менность, что в известном смысле не может не влиять на научность критериев истины, так как последний не выходит за рамки сферы субъективности. Но, с другой стороны, научное познание является нескончаемым, противоречивым, постоянно развивающимся процессом, включающим как формирование глубинных основ познания, так и область регулируемых историком и подверженных бесконечным изменениям оценок событий, в основе которых — социальный интерес. Это не должно отрицать возможность объективной истории, как это делает, например, А. К. Гуц, предлагающий представить историю России в «форме версий» [7, 10], тем самым настаивая на ненаучности исторического знания, полной неспособности историка объективно воспроизвести смысл явлений прошлого. Такой подход характерен в большей степени для современного постмодернизма с его идеями деструкции, субъективизма, что привело к формированию иного, отличного от традиционного понимания проблемы исторического развития человечества.

Вместе с тем активное обращение и сближение со смежными дисциплинами раздвинуло рамки и обогатило историческую науку, позволило в известной степени преодолеть пессимизм и релятивизм постмодерна, хотя многими исследователями историографическая ситуация конца XX — начала XXI вв. характеризуется как кризисная [7, 35; 18] (несмотря на продолжающуюся расширяться тематику и проблематику исторических исследований), что связано во многом с ломкой культурной парадигмы, которая вызвала пересмотр эпистемологических основ гуманитарного знания.

С этим утверждением согласны многие исследователи. В частности, оценивая новый этап развития современной науки как постнеклассический, В. Н. Сидорцов отличает его такую сущностную черту, как «парадигмальные сдвиги в сторону постнеклассики», характерную в том числе и для исторического знания [4, 274]. Методология приобретает черты плюрализма, происходит осмысление истории как полифоничной, что в свою очередь настоятельно требует и осмысления новых механизмов складывания соответствующего исторического знания. В данных условиях как никогда остро ощущается потребность историков в собственных рефлексиях своей профессии, своего места в профессии, что создаст возможность для самоидентификации истории в новых «постнеклассических» условиях. В свою очередь это активизирует поиски фундаментальных оснований исторического знания. В связи с этим многократно возрастает роль

и значение историографии, особенно в период постмодерна, когда сама историография проходит этапы трансформации, существенно обновляя и расширяя свои исследовательские поля. Доказательством этого является, в частности, изменение содержательно-предметного основания интеллектуальной истории. «Выросшая» в определенном смысле из «истории идей» А. Лавджоя, автора работы «Великая цель бытия: История одной идеи», увидевшей свет в 1936 г., это направление во второй половине XX века эволюционировало в сторону социальной истории идей, в которых приоритет отдавался роли социального контекста, в противовес предшествующей сосредоточенности на теориях и доктринах и практически полного игнорирования социального контекста идей. История идей постепенно обрела четкие очертания и определила относительные границы своих исследовательских полей во многом благодаря лингвистическому повороту, впервые заявившему о себе сначала в литературоведении и лингвистике во второй половине XX века. И хотя он оказался неоднозначно воспринят научным сообществом историков, тем не менее со временем все формы дискурса начинают рассматриваться как текстуальные, а деконструкция (термин Жака Деррида — автора деконструктивистской теории) стала восприниматься как особый метод анализа текста, позволивший в конечном итоге выстроить логическую цепочку: от критики текста — к метакритике философских, литературно-критических и исторических трудов.

Таким образом, в итоге было значительно расширено предметное поле интеллектуальной истории, а само это направление справедливо окончательно обрело междисциплинарный статус, отказавшись от акцентирования социологического и организационного аспекта познавательной деятельности. Эволюция истории идей привела его к новому пониманию «идей»: вначале к социальной истории «идей», а затем, в «новой интеллектуальной истории», — к сегодняшнему лингвистическому пониманию культуры, создающей фундамент для общности «идей». Новое наполнение интеллектуальной истории выводит историографию и историографов на новый уровень осмысления истории в постмодернистском мире в целом.

Итак, история идей изначально заявила себя как междисциплинарное направление, соприкасаясь как с другими отраслями знаний, так и тесно смыкаясь с такими исследовательскими направлениями, как культурная история, историческая антропология и, конечно же, интеллектуальная история, целью которой является выявление логи-

ки исторического нарратива, его связи с объективной реальностью прошлого. Все это позволяет более отчетливо осознать роль истории не только с точки зрения науки и философии, но также и культуры, о чем свидетельствует появление в 1980-е годы такого направления, как «новая культурная история», признающего активную роль языка, текста и нарративных структур.

Смена исследовательских ориентаций историографии происходит параллельно с переосмыслением самого идеала научности, что усиливает роль историографической критики, которая выступает как важное средство коррекции и расширения наличного арсенала подходов, методов, концепций и моделей исторического исследования, как инструмент обновления и последующего развития исторической науки в XXI в. [5, 274].

Примечания

1. Агирре Рохас К. А. «Анналы» и марксизм (Десять тезисов о методологических парадигмах) // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов»/Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 1993.

2. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1999.

3. Трубникова Н. В. Эгоистории как автопортрет «Третьего поколения» французской исторической школы «Анналов» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. №1.

4. Методологические проблемы истории/Под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Минск, 2006.

5. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания.

6. Могильницкий Б. Г. Методология истории в системе университетского образования // Новая и новейшая история. 2003. № 6.

7. Гуц А. К. Многовариантная история России. М.-СПб., 2000.

8. Методологические проблемы истории/Под общей ред. В. Н. Сидорцова.

**С. А. ХУБУЛОВА,
д.и.н., профессор СОГУ**

**ЧЕЛОВЕК ФРОНТИРА:
БЫТ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД НЭПА**
(Методологические зарисовки)

В настоящее время история повседневной жизни людей привлекает к себе все большее количество исследователей широким спектром проблематики, возможностью вовлечения в научный оборот ранее не использовавшегося источникового материала, а также постоянно увеличивающимся методологическим пространством.

Период нэпа в качестве хронологических рамок исследования выбран не случайно. Данный временной отрезок является одним из интереснейших с точки зрения разнообразия процессов, происходивших во всех сферах жизни общества. Во многих исследованиях это время в истории России названо переходным. Оно сопровождалось внедрением новых принципов построения бытия и перестройки жизненного пространства, что должно было непосредственно сказаться на повседневном существовании людей в целом, и быте, — в частности.

Изучение быта на региональном уровне оправдано рядом причин. Во-первых, спецификой развития Осетии в эти годы, которая определялась географическими, хозяйственными, национальными, политическими особенностями. Во-вторых, с периодом нэпа в Осетии связывается активизация и дальнейшее развитие местной промышленности, горной промышленности и проч. В данном контексте встает вопрос о качестве жизни населения.

Методологическая концепция исследования строится, исходя из понимания быта как социологической категории. Однако ее применение в историческом исследовании может быть оправдано при наличии соответствующей источниковой базы.

Быт — это непроеизводственная приватная сфера человеческой деятельности, которая включает в себя различные занятия хозяйственного и культурного характера, реализуемые внутри и вне семьи, направленные на воспроизводство физического и духовного состояния индивида. Бытовая деятельность людей, как и любая другая, детерминируется условиями, в которых она протекает, и характеристиками самого населения как субъекта этой деятельности. Поэтому быт нами представляется как система, состоящая из трех основных элементов: субъекта, условий и самой деятельности.

Субъектом бытовой деятельности является население, например, Северной Осетии. Принимая всю сложность социальной структуры города и сел, а также социальной стратификации их жителей, мы пришли к выводу, что понятия «городское» и «сельское» население слишком абстрактны для исторического исследования. Поэтому субъект бытовой деятельности был конкретизирован до трех социальных групп — рабочих и служащих как представителей большинства городского населения и крестьян — сельского населения.

Деятельность субъекта в любой сфере повседневной жизни, в бытовой, в частности, определяется условиями или внешней средой, в которой она реализуется. Для городских жителей внешняя среда — город, для сельских — село, со всеми присущими для этих видов поселений характеристиками, формирующими бытовое пространство: территориальными, экономическими, культурными, инфраструктурными.

Однако анализ условий нельзя ограничивать только поселенческими факторами. Необходимо принимать во внимание региональные особенности экономического и политического развития.

Последний элемент системы быта — деятельность. Она является во многом результатом взаимодействия условий и субъекта и фиксирует содержание быта. Набор видов бытовой деятельности определяется исходя из потребностей, удовлетворяемых в быту, а именно потребностей в еде, одежде, по уходу за собой и вещами, поддержании санитарного состояния и здоровья, досуге. Традиционно исследование деятельности проводится через качественный и количественный показатели. Первый фиксирует содержание и структуру отдельного вида деятельности, второй — объем, частоту этой деятельности. У нас есть возможность определения только качественной стороны содержания бытовой деятельности. Причина — отсутствие источников, несущих информацию о

продолжительности и режиме, осуществляемых населением Осетии бытовых практик в годы нэпа. Только в некоторых случаях для установления хотя бы ориентировочных показателей, как, например, объем досуга, нами могут быть использованы опубликованные данные по другим регионам. Социально-психологический аспект деятельности, т.е. личностное отношение, предпочтения, также не отражаются в источниках напрямую. Тем не менее, для его определения мы можем обратиться к косвенным показателям, таким как объемы продаж разных товаров, уровень посещаемости тех или иных заведений (учреждений культуры, бытового обслуживания и проч.).

Понятие быт включает в себя несколько взаимосвязанных составляющих — подсистем, в рамках которых протекает бытовая деятельность. В данном случае мы выделяем следующие: материальное потребление, домашний быт, здоровье, досуг.

Материальное потребление — это сфера деятельности населения, в которой потребности в товарах и услугах, связанных с приобретением или изготовлением обозначенных товаров. Функционирование данной подсистемы зависит от множества факторов как субъективного, так и объективного характера. К первым относится уровень доходов субъекта. Реальный уровень доходов определяется покупательной способностью. Возможности реализации покупательной способности субъектом определяются объективными условиями: политикой властей в этой сфере, экономической ситуацией в стране и в регионе, развитостью торговой сети и т.д.

В совокупности все перечисленные факторы оказывают непосредственное влияние на способы организации материального потребления, которые традиционно делятся на индивидуальные (внутри семьи) и внедомашние. Также они во многом определяют результирующую потребительской деятельности в виде уровня обеспеченности населения непродовольственными товарами и продуктами питания, который определяется количественными и качественными характеристиками приобретаемых товаров.

Ряд занятий, связанных со сферой материального потребления, в частности, покупка промышленных и продовольственных товаров, приготовление пищи, являются частью хозяйственно-бытовой деятельности населения. В это понятие включаются различные занятия хозяйственного толка, направленные на удовлетворение потребностей субъектов в обустройстве первичной среды

существования (поддержание санитарно-гигиенических условий), в уходе за собой, членами семьи, одеждой, обувью и проч. Эти виды человеческой деятельности осуществляются в рамках подсистемы домашнего быта. Большое влияние на эту сферу оказывает воздействие внешней среды. Она складывается из политики государства и местных властей в жилищной сфере и характеризуется состоянием жилищных условий населения, которые в свою очередь определяются степенью благоустроенности поселений, а также развитостью инфраструктуры.

Состояние жилищных условий отражается в различных показателях количественного и качественного содержания, принадлежностью жилья, размерами квартплаты.

Еще одной обозначенной подсистемой быта является здоровье. Оно определяется состоянием условий труда и быта. Но забота о собственном здоровье людьми осуществляется в рамках бытовой деятельности: косвенно — через питание, поддержание гигиены тела, жилища, посредством спорта, отдыха, или прямо — в случае необходимости через лечение. Поэтому соотношение здоровья с бытовой сферой нам кажется оправданным.

Четвертой из выделенных подсистем быта является досуг. Существуют две противоположные точки зрения на соотношение досуговой деятельности с бытом. Часть ученых (Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина) выносит ее за рамки быта, объясняя это различием материальной (быт) и духовной (досуг) сущностей этих категорий. Другие (Л. А. Гордон, Э. В. Клопов) включают досуг в сферу бытовой деятельности, исходя из трактовки быта как непроизводственной деятельности, направленной на удовлетворение как духовных, так и материальных потребностей. Мы придерживаемся последней точки зрения. Категория досуга сложна и неоднозначна, поэтому необходимо обозначить четко границы и структуру этого понятия. Часто досуг в литературе соотносят с понятием свободного времени. Однако границы этих категорий не совпадают — границы понятия «досуг» значительно уже понятия «свободное время». Свободное от работы время индивид может проводить по-разному: в хозяйственных занятиях по дому, воспитанию детей, дополнительному образованию, сну, развлечениям и т.д.

Далеко не все из перечисленных видов деятельности можно соотносить с досугом. Поэтому досуг определяется как сфера де-

тельности субъекта в свободное от основной работы, хозяйственно-бытовой деятельности по дому, уходу за детьми, гигиены, питания, сна время, направленной на восстановление его физических и психических ресурсов путем активного или пассивного отдыха, развлекательных или образовательных занятий внутри или вне семьи. Из приведенного определения следует, что досуг в данном случае понимается в широком смысле. В сферу досуговой деятельности мы включаем занятия как рекреационного (развлекательного), так и образовательного характера. Например, чтение может нести в одном случае образовательную, в другом — рекреационную функцию. Участие в театральном кружке одновременно может быть самообразованием и развлечением.

Роль субъективных факторов в определении форм досуговой деятельности, безусловно, значима. Каждый индивид выбирает способы проведения досуга в зависимости от возраста, образования, материального положения и т.д. Однако в немалой степени поведение субъектов в данной подсистеме быта определяется объективной реальностью, которая либо расширяет, либо сужает пространство для реализации потребностей в сфере свободного времяпрепровождения. Эта реальность включает в себя множество разноуровневых составляющих. К ним относятся, во-первых, политика властей в сфере культуры; во-вторых, состояние и развитие инфраструктуры культурных учреждений. Данная подсистема также неразрывно связана с остальными подсистемами. Досуг и формы его проведения в немалой степени зависят от материального положения людей, от организации хозяйственно-бытовой деятельности.

Выделив и охарактеризовав каждую из подсистем быта, необходимо описать комплексное содержание изучаемого объекта. Итак, быт — это сфера человеческой жизнедеятельности, в которой субъект с его социальными, материальными, ценностными характеристиками осуществляет потребительскую, хозяйственно-бытовую, досуговую деятельность в условиях, определяемых глобальными (общим экономическим, политическим положением в стране, политикой государства в сфере услуг, жилья, культуры), локальными (общим экономическим, политическим положением в регионе, политикой властей) и поселенческими (развитостью инфраструктуры, учреждений бытового, медицинского, культурного обслуживания) факторами.

В целом необходимо отметить, что помимо непосредственной связи между элементами быта (субъект, условия, деятельность), существует множество связей как внутри каждого отдельного элемента между его составляющими, так и между составляющими различных элементов. Например, все характеристики субъекта взаимосвязаны между собой: социальный статус влияет на материальное состояние, социальный и материальный статусы влияют на ценностные ориентиры человека и т.д. В то же время социальный статус может влиять на досуговую деятельность, на жилищные условия, а это уже связи между составляющими различных элементов (в данном случае, субъекта и деятельности), причем составляющими, относящимися к разным подсистемам быта. Это и формирует связи между подсистемами быта и позволяет системно подходить к его изучению.

І. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

**А.Д. СУХОВ,
соискатель СОИГСИ**

ПОЗДНЕБРОНЗОВАЯ КУЛЬТУРА ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Эпоха поздней бронзы является одним из наиболее важных периодов как истории всего Кавказа, так, в частности, и Южной Осетии.

Кавказ с его богатой рудной базой был одним из крупнейших металлургических центров Евразии, снабжавшим на рубеже III-II-го тысячелетия до н. э. своими изделиями и степные районы Восточной Европы.

В период поздней бронзы на Кавказе одновременно процветали такие известные археологические культуры, как колхидская, прикубанская, каякентско-хорочоевская, кобанская. Кобанская занимала горные районы Центрального Кавказа и находилась в теснейших контактах с культурами соседних регионов. В дореволюционной отечественной и зарубежной литературе эта культура считалась ведущей в эпоху поздней бронзы и раннего железа не только на Центральном,

но и на всем Кавказе. Многочисленные серии кобанских предметов вооружения, украшений, домашней утвари, а также семантика орнаментов, их стилистические особенности привлекали и привлекают внимание археологов. Однако с 30-х годов прошлого века в археологической литературе стали появляться работы, в которых термин «кобанская» либо подменялся термином «колхидская», либо объединялся с ним в одну «колхидо-кобанскую культуру». Однако многочисленные археологические исследования свидетельствуют о том, что по фактуре и технике изготовления кобанская керамика отличается от керамики колхидской культуры. Различие между этими двумя культурами хорошо прослеживается в погребальном обряде, а также в формах топоров, поясных пряжек, стержневых булавок с Н-образными головками, браслетов, и т. д. В то же время на некоторых бронзовых изделиях кобанской и колхидской культур (топоры, кинжалы, пояса, кольца) встречаются одни и те же изображения, связанные с производственно-магическими и тотемическими представлениями. Споры, возникающие вокруг этой темы, говорят о том, что вопрос о взаимоотношениях колхидской и кобанской культур по-настоящему еще не исследован и поэтому сказать что-либо определенное пока не удастся. Но совершенно ясно, что в эпоху поздней бронзы между этими культурами Закавказья и Центрального Кавказа существовали очень тесные связи, которые сыграли значительную роль в их становлении.

Археологические материалы, представленные погребальными комплексами, отдельными кладами и случайными находками, свидетельствуют о том, что южная часть Осетии соприкасалась с Восточной и Западной Грузией, а через перевальные пути — с северной частью Осетии, что в эпоху поздней бронзы шла по своему пути и никогда не отставала от них в культурном и историческом развитии. Здесь использовались местные руды, на базе которых сформировался металлопроизводящий очаг, что подтверждается убедительными археологическими фактами.

Археологические комплексы, выявленные в южной части Осетии, показывают тесную связь местного населения не только с соседними регионами, но и с отдаленными областями передней Азии.

На территории Южной Осетии множество памятников поздней бронзы. Наиболее известными и соответственно изученными являются археологические памятники с.Тли и с.Стырфаз. Археологические памятники поздней бронзы имеются в селениях Рук, Дзомаг,

Фасраг, Кваиса, Хвце, Уцифарс, Схлеб, Зарцем, Ортеу, Курта, Рустау, Ачабет, Корнис, Квасатал, Еред, Аркнет, Хелцуа, Дисеу, Згудер, Ожора, Нацаргора, Уаллаг лиса, Нул, Знаур, Члиана, Гром, Цъолд, Цон.

Однако из-за большого количества археологического материала и нехватки специалистов в области археологии не все могильники достаточно изучены.

Памятники эпохи поздней бронзы, выявленные у с. Стырфаз.

Одним из важных археологических объектов эпохи поздней бронзы и раннего железа является холм «Царциаты къадзах» (Скала Царциатов), расположенный на левом берегу реки Б. Лиахви недалеко от с. Стырфаз Дзауского района [3,113]. Первые сведения об археологических раскопках у скалы «Царциаты къадзах» появляются в 1890 году, когда южную часть Осетии второй раз посещает корреспондент Императорской археологической комиссии В. И. Долбежев вместе с зарубежным гостем, австрийцем Францем Хегером. Они проехали в с.Тли. После незначительных раскопок в Тли Долбежев провел раскопки разведочного характера в Стырфазе, назвав его Охудзией. На самом холме раскопки не были произведены, но к югу и юго-западу от холма, с двух сторон от проходившей там дороги, на большой территории расположен древний могильник, на котором в разные годы обнаруживались бронзовые и глиняные предметы, передававшиеся в краеведческий музей г. Цхинвала.

В 1924 году раскопки у холма были произведены Тер-Аветисяном и Е. Г. Пчелиной. Спустя год с этого же места в указанный музей были доставлены богато орнаментированные массивные браслеты с разомкнутыми концами и шейная гривна. Затем в музей поступили 2 бронзовые булавки. В 1945 году этот район был обследован Б. А. Куфтиным, который, совершая археологическую маршрутную экспедицию по ущелью р. Большая Леуахи и Имеретию, попутно остановился в Стырфазе. Он собрал материалы не только эпохи бронзы, но и более позднего периода. Ниже холма «Царциатыкадзах» он вскрыл погребение эпохи поздней бронзы, содержащее бронзовые предметы: крючок, булавку, 2 маленьких браслета, височную привеску, спиральные пронизи и т.д. [10, 44].

В 1954 году на холме «Царциаты къадзах» палеолитическим отрядом Юго-Осетинской археологической экспедиции АН Грузии был собран подъемный материал, состоявший в основном из фрагментов венчиков, донышек, ручек глиняных сосудов.

Спустя год после разведок у скалы «Царциаты къадзах» были про-

ведены археологические работы Б. В. Теховым. Было вскрыто 5 погребений XIII-XI вв. до н.э. Костяки в них лежали на боку в скорченном положении. В погребениях найдены безручные глиняные банки, покрытые черным лощением, тарелки, витоголовые бронзовые булавки, булавки с гвоздевидными головками, пластинчатые браслеты с заходящими друг за друга концами, бусы из сердолика и др.

В 1963 году Юго-Осетинским НИИ проводились археологические раскопки могильника с кромлехами, выявленного ниже шоссеной дороги, у самого русла р. Большая Лиахви. Тогда же было раскопано 9 кромлехов, а в 1974 и 1976 гг. исследованы 10 и 11 кромлехи. Кромлехи являются новой формой погребальных сооружений в ущелье р. Большой Лиахви. Они оставлены оседло-земледельческими племенами, местом поселения которых служила возвышенность к востоку от могильника «Царциаты къадзах».

Большой интерес вызвали материалы эпохи поздней бронзы, выявленные у с. Тли Дзауского района Южной Осетии.

Раскопки погребальных памятников Тлийского могильника проводились Б. В. Теховым в течение многих лет [4, 5].

В своих работах Б. В. Техов дает хронологические рамки могильника Тли с XVI в. до н.э. и до раннего средневековья. Подробно рассмотрим лишь комплексы XVI-X вв. до н. э., т. е. конца периода средней бронзы (XVI-XV вв. до н. э.) и всего периода поздней бронзы (XIV-X вв. до н. э.) [7, 217].

Этот памятник дал много интересных комплексов. Большинство вскрытых в Тли комплексов, среди которых имеются как мужские, так и женские, детские захоронения, датируются последними веками II и первой половины I тыс. до н.э. Все могилы рассматриваемой группы грунтовые, обложенные камнями и перекрытые выкладками. Погребенные ориентированы головой на север, реже — на северо-запад. Захоронения большей частью одиночные, но встречаются и парные. Все скелеты лежали на правом, реже левом, боку в скорченном положении.

Все костяки сопровождалась бронзовыми или железными предметами. Инвентарь погребений можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся предметы, имеющие боевое назначение: бронзовые булавы, наконечники копий, наконечники стрел, топоры, кинжалы как цельнолитые, так и с составными ручками и т.д.

Бронзовые топоры составляют основную часть инвентаря мужских захоронений. Они представлены тремя типами: дважды изогну-

тым в противоположные стороны корпусом, полуовальным лезвием, овальным проухом и молоточным обухом, с прямым корпусом и топоры с клиновидным обухом, полукруглой лопастью и овальным проухом.

В эпоху бронзы бронзовые изделия кобанских типов были в основном распространены в горной и предгорной полосе Центрального Предкавказья, в степи же они встречались редко. Горная и предгорная зоны южной части Осетии дали хорошие образцы кобанотлийской бронзы. Основную группу этих типов составляют бронзовые топоры из Цоис, Хвце, Корнис и других районов. Они так же, как и топоры из тлийских погребений, украшены изображениями змей, оленей, рыб и т.д. Большая часть тлийских бронзовых топоров сложно орнаментирована. Особенно те экземпляры, которые были встречены в комплексах конца II тысячелетия до н.э., т.е. топоры с дважды изогнутым в противоположные стороны корпусом, овальным проухом и полуовальным лезвием. Эти топоры украшены изображениями змей, рыб, солнца и других небесных светил, животных, фантастических существ, коней и т.д. Эти богатые орнаментальные узоры на топорах постепенно упрощаются и к концу IX в. до н.э. широко применяется гравированный или меандровый узор, причем узором стала покрываться только лезвийная часть топора. Такие экземпляры встречаются в комплексах до конца VII в. до н.э., с ними сосуществовали топоры с клиновидным обухом и полукруглым лезвием, среди которых выделяются два наиболее ранних экземпляра. Они так же, как и топоры с дважды изогнутыми корпусами, богато орнаментированы.

Излюбленными мотивами для орнамента бронзовых предметов являются изображения собаководного существа, рыбы и змеи. Эти три существа как на кобанских, так и на тлийских изделиях встречаются вместе и, по всей вероятности, связаны между собой мифологически. Очень часто встречаются изображения собак. Некоторые исследователи относили изображение собаки к категории фантастических животных, другие считали, что наличие изображения собаки на бронзовых древностях связано как с сюжетами охоты, так и со скотоводческим хозяйством кавказских племен.

Помимо изображения собак на многих бронзовых предметах (топорах, пряжках, поясах, пинцетах и т.д.) встречается изображение змеи, что, видимо, было связано с культом змеи, существовавшим на Кавказе с древнейших времен.

На бронзовых топорах, поясах, пряжках и других предметах, наряду с изображениями змеи, рыб, собаки, достойное место занимают изображения оленя. В эпоху поздней бронзы они становятся характерными для графического искусства кобано-тлийской культуры.

Бронзовые кинжалы и кинжальные клинки представлены разными формами и характеризуются высокой техникой изготовления. Среди них встречаются экземпляры с широким срединным ребром и суженной серединой. Имеются и цельнолитые кинжалы, среди которых экземпляры с бронзовыми ножнами, а также клинки, черенки которых лишены отверстий.

В тлийских комплексах середины II тысячелетия до н. э. (конец эпохи средней бронзы) имеется единственный топор (погребение № 46) с коротким трубчатым обухом. К этой же эпохе следует отнести еще один топорик, который был найден случайно на правом берегу р. Большая Лиахви и передан в Юго-Осетинский музей краеведения в Цхинвали. Цхинвальский топор, в отличие от тлийского, имеет более широкую и не изогнутую, а прямую с расширенными концами полуовальную лопасть, которая напоминает очертания лопасти топоров последующего периода.

Б. В. Техов считает, что цхинвальский топор — это переходный тип от топоров эпохи средней бронзы к топорам классического кобанского периода. Во всяком случае, не подлежит сомнению связь цхинвальского топора с топорами конца II тысячелетия до н. э. Таким образом, прослеживается процесс постепенного развития и совершенствования топоров эпохи ранней бронзы, которые превращаются в изящные боевые и культовые топоры поздней бронзы и раннего железа.

Таким образом, Кавказ мог быть главнейшим посредником в распространении проушных топоров, отсутствующих как в Малой Азии, так и на Балканском полуострове. Правда, в последнее время высказана мысль, что во II тысячелетии до н. э. контакты между Кавказом и древневосточным миром сильно ослабли, а связь с Передней Азией прекратилась вообще.

Пояса из листовой бронзы появляются с конца II тысячелетия до н. э. и не выходили из употребления в течение почти всей первой половины I тысячелетия до н. э. Развитие этого обязательного атрибута мужского и женского костюма шло от простого, узкого неорнаментированного к экземплярам, содержащим как растительные и геометрические узоры, так и сложные композиционные сюжеты,

свидетельствующие о высоком мастерстве художников-граверов, создавших удивительно сложные графические произведения, дающие потомкам богатую пищу для размышлений.

Пояса из листовой бронзы, найденные в Тли, подробно описаны Б. В. Теховым [7, 224]. Среди поясов из листовой бронзы выделяются экземпляры из погребений № 74 и 76. Они сходны по композиционному сюжету, но в деталях прослеживается определенная разница. Пояс из погребения № 74 плохой сохранности. Но помещенная в центре композиции сцена сохранилась более или менее удовлетворительно. Изображение схематично: на низких скамьях сидят друг против друга двое мужчин, одетые в панцири. У них короткие бороды, волосы на голове, они опоясаны, ноги босые. Головы человеческих фигур напоминают птичьи головки. Не менее интересную композицию находим на поясе из погребения № 76. Он оказался почти целым, повреждены только края в отдельных местах. По верхнему и нижнему краям пояс обрамлен двумя орнаментальными фризами, состоящими из косых штрихов и маленьких полуовальных фигур, напоминающих по форме закавказские бронзовые секиры. На концах пояса прославлено по одному отверстию. Там же помещены изображения птиц-куропатонок, расположенных в три ряда. Такие же фигуры помещены между основными фигурами, размещенными по центральной полосе внутри орнаментальных фризов. За птицами помещено изображение животного, по-видимому, осла с открытой пастью и травой в ней. За ослом следует олень. Туловище оленя, как и осла, украшено изображениями Солнца и других небесных светил. За фигурой оленя помещено изображение козла с высокими крюкообразными рогами. Значительное пространство занимает схематическое изображение человека с треугольным ртом, маленькой бородой и короткими волосами. Он опоясан и одет в панцирь. Правой рукой держит лук и стрелу, а левой вытаскивает стрелу из специального кармана для стрел, прикрепленного к колчану и привязанного к плечу.

За колчаном и стрелами, опущенными в карманчик наконечниками вниз, изображен бык, туловище которого имеет такую же форму и орнаментацию, что и у всех предшествующих фигур животных.

В композиции присутствует и изображение всадника, сидящего на низкорослом коне. Фигура всадника, схематизированная с маленькой бородкой и волосами, отмеченными короткими штрихами.

Изображения людей, животных и птиц размещены столь искусно, что можно предполагать: художник использовал предварительный рисунок.

По мнению Б. В. Техова, рассматривая материалы эпохи поздней бронзы раннего железа северного и южного склонов центральной части Большого Кавказа, нельзя не прийти к заключению, что общие хозяйственные навыки, стилистические особенности художественного мастерства проживавшего в этом регионе населения говорят об общности их происхождения и формирования.

Довольно подробно описан Теховым комплекс погребения №350, содержащий широкий гравированный пояс из листовой бронзы [7, 238]. Пояс длиной 93 см и шириной 15 см сохранился лучше, чем другие пояса этой группы. По краям он содержит фриз. По обе стороны фриза тянутся узкие ленточки, состоящие из косых насечек. Центральная широкая полоса занята композицией, разделенной на две половины. Изображения одной половины направлены влево, а другой — вправо. В центре крупным планом изображено животное с повернутой головой и разинутой пастью. Перед центральным изображением художник поместил колесницу с впряженными в нее двумя лошадьми. Легкие колеса имитируют солнце с отходящими от центра колес лучами, окруженными пуансоным кругом. На маленькой площадке кузова стоит мужская фигура, ноги ее ниже икр спрятаны за боковой стенкой кузова колесницы, украшенной узором в виде шахматного поля, обрамленного елочной рамкой. Через морды лошадей тянутся назад вожжи, образующие овал из парных линий. Их правой рукой держит стоящий на кузове мужчина. В левой руке он держит палку, с помощью которой он погоняет лошадей. Перед лошадьми стоит второй человек, повернутый лицом к колеснице. За человеческой фигурой изображена самка оленя, под ногами которой изображен кабан. Левая половина композиции завершается изображениями двух быков, помещенных один над другим перед изображением оленя.

Правая половина композиции начинается с изображения двух быков с мощными рогами. Далее изображена фигура человека с поднятой вверх правой рукой, успевшего выпустить две стрелы из лука. Перед фигурой стрелка — охотника находятся изображения оленя и двух быков.

Пояс из погребения № 350 содержит орнаментальные детали, встречаемые на экземплярах погребений № 74 и 76.

В материалах Тлийского могильника хранятся 15 булав различной формы и величины — как каменных, так и бронзовых. Хотя во второй половине II тысячелетия до н. э. булава пользовалась большой популярностью, в погребальных комплексах Центрального Кавказа она встречается реже кинжальных клинков и наконечников копий.

С течением времени (конец II тысячелетия до н. э.) каменные булавы были вытеснены бронзовыми.

Погребальный обряд и устройство могильных сооружений.

Исследования Тлийского могильника в течение ряда лет позволили с достоверностью установить устройство могил и способ погребения. К интересующему нас периоду относятся 113 погребений: 22 погребения XVI-XIII вв. до н. э. и 91 — XII-X вв. до н. э.

Подводя итоги по рассмотренным материалам эпохи поздней бронзы южного склона центральной части Главного Кавказского хребта, мы пришли к заключению, что в этот период здесь процветала археологическая культура, которая характеризуется близким сходством орудий труда, оружия, утвари, украшений, а также погребального обряда с археологической культурой северного склона центральной части Кавказского хребта.

Общие исторические судьбы, общие верования, художественные традиции, сходство общественно-экономической жизни, близкое соседство способствовали возникновению сходных форм материальной и духовной культуры, поднятию на более высокую ступень важнейших отраслей их хозяйственной деятельности — металлургии, скотоводства, земледелия, а также многих ремесел, не вышедших за рамки домашнего производства. Все это позволяет утверждать, что оставившие эти памятники племена находились в генетическом родстве.

Примечания

1. Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.
2. Техов Б. В. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинир, 1957.
3. Техов Б. В. Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974.
4. Техов Б. В. Тлийский могильник и проблема хронологии культур поздней бронзы раннего железа Центрального Кавказа // СА. 1972. № 3.

5. Техов Б. В. Тлийский могильник. (Комплексы XVI-X вв. до н.э.). Т. III. Тбилиси, 1980.
6. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
7. Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006.
8. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. М., 1900.
9. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. Изд. АН СССР. М., 1960.
10. Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Южную Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.

Список сокращений

МАК — Материалы к археологии Кавказа.
СА — Советская археология.

**М. М. ОГОЕВ,
аспирант СОИГСИ**

ГОРСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА В РОССИЙСКОЙ АРМИИ (СЕРЕДИНА XVI — СЕРЕДИНА XIX ВВ.)

В процессе присоединения Кавказа к России активными действующими лицами всегда были представители местных народов. Естественно, что первыми были представители правящих сословий, люди, имеющие вес в горских общинах. Себя они видели союзниками России, в качестве примера можно привести дружины грузинских царей, осетинское и кабардинское ополчения. Присоединение Кавказа к России имело огромное значение для обеих сторон: с одной стороны, оно создало благоприятные условия для дальнейшего развития горских народов, а для России означало усиление ее влияния в регионе, богатом природными ресурсами, в которых Россия была заинтересована.

В 1557 г. Кабарда добровольно присоединилась к России. Это было продиктовано многими факторами, в том числе и тем, что простой народ, изнемогающий от междоусобиц, надеялся с помощью России положить этому конец. Кабардинские князья же надеялись упрочить свое экономическое положение. Но, конечно, сближение с Россией было необходимо Кабарде более всего из соображений безопасности. Причина была в угрозе нападения крымско-турецких войск на Северный Кавказ и Закавказье, а соответственно и на Кабарду.

Князь Темрюк Идаров, выдающийся военный и политический деятель Кабарды, понимавший опасность, исходящую от крымско-турецких войск, принял единственно верное решение в столь сложной ситуации — объединиться со своим могущественным соседом — Россией.

В ноябре 1552 г. в Москву прибыло первое, по летописным данным, посольство от адыго-кабардинцев, которое заявило о желании

своих народов принять подданство России. В состав посольства входили князья Маашук Кануков, Иван Езбузлуев и Танашук. Посольство просило, чтобы «их государь пожаловал, вступился за них, а их с землями взял к себе в холопи, а от крымского князя оборонил» [1, 112]. Так было положено начало сотрудничеству одного из горских народов с Россией. В 1558 г. князь Темрюк отправил в Москву своего сына Салнука, который был крещен под именем Михаила, остался при дворе царя Ивана и впоследствии стал одним из его приближенных [1, 114]. Кабарда на тот момент представляла из себя мелкие феодальные владения. Старшего князя выбирали по очереди из разных линий княжеского дома. На тот момент большим князем был выбран Темрюк Идаров. В 1561 г. Иван Грозный окончательно закрепил союз с Кабардой, женившись на Марии Темрюковне. Первыми шагами в военном сотрудничестве стало участие конных отрядов адыгов и кабардинцев в Ливонской войне. В 1578 г. возобновились ирано-турецкие войны, и Северный Кавказ стал объектом нападения крымско-турецких войск. Это было опасно для России тем, что Крым был союзником Польши в Ливонской войне, но на Северном Кавказе крымчане встречали ожесточенное сопротивление со стороны союзников России — кабардинцев и адыгов. В свою очередь царское правительство оказывало посильную помощь князю Темрюку в ведении военных действий, например, захватом города Тарки войском воеводы Черемисинова.

В 1567 г. была построена и снабжена артиллерией первая русская крепость на Тереке, получившая название Терки, что еще больше укрепило отношения Кабарды и России. Но ее строительство повлияло на русско-турецкие и русско-крымские отношения, обострив их. В результате после смерти князя Темрюка от полученной в бою с крымцами раны в начале 1570 г. и удачного похода войск крымского хана Девлет-Гирея на Русь в 1571 г. Ивану Грозному пришлось пойти на тяжелые уступки, первая русская крепость на Тереке была снесена. Но это несколько не повлияло на сотрудничество России и Кабарды, и в 1590 г. были предприняты совместные походы русских войск и кабардинского ополчения против дагестанского шамхала.

Упоминаются конные отряды кавказцев и в Смутное время. По свидетельству наемника Жака Маржарета, служившего в российской армии с 1604-1611 гг., русские силы состояли по большей части из кавалерии, при этом, по его подсчетам, «черкесов» в русской армии было от 3 до 4 тысяч [2, 7].

Часто горцы привлекались и как обычные наемники, нанимавшиеся целыми отрядами, либо как проводники, знакомые с театром боевых действий. В Персидском походе Петра Великого 1722 г. участвовало около трехсот осетин [3, 337]. Осетины принимали участие в русско-турецкой войне 1768-1774 гг., русско-турецкой войне 1787-1791 гг. и русско-шведской войне 1788-1790 гг. [4, 53]. После присоединения Осетии к России в 1774 г. осетины стали куда более активно идти на российскую службу. Однако такая возможность предоставлялась лишь представителям горской знати.

Военная служба считалась почетным делом у горцев. Царское правительство всеми силами привлекало на свою сторону горскую знать. С этой целью представители ее принимались в учебные заведения, чтобы сформировать кадры, которые должны были стать проводниками российской политики среди народов региона. Выходцы из знатных фамилий служили в императорском конвое, в котором собирали представителей нескольких кавказских народов: кабардинцев, чеченцев, осетин и черкесов-адыгов. Российское правительство пыталось максимально использовать боевые возможности горских воинских подразделений, поэтому из них формировались конно-иррегулярные части, милиция, которая была создана для охраны Военно-Грузинской дороги.

История осетинской военной интеллигенции неразрывно связана с Терским Казачьим Войском. В 1810 г. в ряды линейных казаков были записаны два осетинских села — Новоосетинское и Черноярское, в 1823 г. из числа осетин и горцев, живущих близ Моздока, был образован Горский полк. Во время Кавказской войны они отличались в схватке с частями имама Шамиля, который решил привлечь на свою сторону осетин и кабардинцев и вышел к Моздоку. Против отряда имама была направлена сотня казаков, преимущественно осетин. Опытный воин Шамиль устроил засаду, и вся сотня погибла в бою, но не сдалась.

Принимали участие осетины и в Отечественной войне 1812 г. Тысячи горцев выражали свою готовность вступить в бой, но царское правительство, не доверявшее горцам, откровенно боялось вооружить их. Поэтому в боях довелось участвовать лишь горцам, служащим в казачьих частях.

Огромную роль в формировании горской военной элиты сыграли аманатские школы, куда забирали детей, происходивших из знатных фамилий, чтобы иметь возможность оказывать влияние на

горские общества. Не завидна была судьба попавших в эти школы. Зачастую они были больше похожи на тюрьмы. Часто детей забирали на воспитание российские офицеры, как, например Асланбек Туганова, которого в четырехлетнем возрасте отдали в аманаты. Он вырос в семье полковника русской армии и дослужился до генеральского звания.

Но, несмотря на тяжелые условия, в которых содержались дети, отданные в аманаты, ни в коей мере нельзя принижать ту роль, которую сыграли аманатские школы в формировании горской военной элиты. Офицеры, недавние аманаты, возвращались на родину, и благодаря им постепенно налаживались отношения русских и кавказцев, они стали тем связующим звеном, которое объединило абсолютно разные культуры.

Многие осетинские фамилии дали российской армии не одного, а сразу нескольких офицеров, например, Есиевы, Кусовы, Кануковы. Около 40 генералов из осетин служило в течение XIX в. в русской армии, генерал-лейтенант М. Баев, генерал-майор И. Гайтов, генерал-лейтенант И. Кусов и многие другие, большинство из осетинской знати были офицерами. Осетины являлись единственным народом на Северном Кавказе, среди которого было такое количество офицеров: к концу XIX в. на 13 тысяч населения в Осетии приходилось 2580 офицеров [5, 3.].

Особую страницу в истории формирования горской военной элиты занимает Крымская война 1853-1856 гг. В Центральной России общество плохо понимало цели и задачи военных действий в ходе Крымской войны, и сама война не имела широкого общественного резонанса. На Кавказе же все обстояло по-другому: высокий статус военного дела у народов региона наряду с тем обстоятельством, что в этой войне горцам пришлось выступить против хорошо знакомого врага — турков, — обеспечили массовое участие и высокую боевую активность осетинских, азербайджанских, грузинских и армянских ополчений в военных действиях русской армии. Многие горцы отличились в ходе войны — отец великого осетинского поэта Коста Хетагурова Леван, ротмистр Индрис Кундухов, командир горской милиции, награжденный орденом св. Анны [4, 102]. Именно храбрость иррегулярных частей, состоящих из кавказцев, сорвала планы Турции на Закавказском театре военных действий.

Горская военная элита в русской армии оставила заметный след в истории России, но, тем не менее, многое и многие еще неизвест-

ны, именно поэтому данная тема должна исследоваться как можно тщательнее, ведь горское офицерство — это поистине гордость Кавказа.

Примечания

1. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967.
2. Маржарет Ж. Состояние Российской Империи // Ж. Маржарет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007.
3. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб., 2008.
4. Санакоев М. П. Из истории боевого содружества русского и осетинского народов (XVIII — нач. XX вв.). Цхинвали, 1987.
5. Дзагурова Г. Т. Осетины в войнах России. Владикавказ, 1995.

**А. О. МУРТАЗАЕВ,
к.и.н., нс ИИАЭ ДНЦ РАН,
г. Махачкала**

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЙТАГСКОГО УЦМИЙСТВА С ДАГЕСТАНСКИМИ ВЛАДЕНИЯМИ В XVII В.

Как известно, в прошлом территория Дагестана не представляла собой единого политического пространства. На его территории не образовалось единого государства с соответствующими институтами. В ходе исторического развития в Дагестане сложились две основные системы общественно-политического устройства, или две формы государственности. Это были феодальные владения и союзы сельских общин, которые существенно отличались друг от друга по величине занимаемой территории, количеству и этническому составу населения. Одним из наиболее крупных, сильных и влиятельных феодальных владений Дагестана на протяжении многих столетий было и Кайтагское уцмийство, которое начиналось в приморской низменности, охватывало предгорный и нагорный Дагестан. На севере оно граничило с Тарковским шамхальством, на юге — с Дербентом и Табасараном, на западе — с Казикумухским ханством и союзом сельских общин Акуша-Дарго, на востоке омывалось Каспийским морем. В изучаемое время оно представляло собой крупное, по масштабам Дагестана, феодальное владение, в котором проживали различные этнические группы (кайтаги, кумыки, терекемейцы, даргинцы, горские евреи).

Кайтагское уцмийство в XVII в., как и в предыдущие эпохи, оставаясь сильным и влиятельным княжеством Дагестана, поддерживало тесные контакты практически со всеми дагестанскими владениями.

Взаимоотношения с шамхальством носили разный характер в зависимости от политической ситуации в Дагестане. Правители Кайтага — уцмии поддерживали отношения с обоими соперничав-

шими кумыкскими феодальными владениями — Эндиреевским и Тарковским. Обе стороны в свою очередь считались с мнением и авторитетом уцмиев, которые часто выступали посредниками в переговорах между ними [1, 96-98].

Связи Кайтага с Тарковским владением в первой половине XVII в. нашли отражение в различных документах того периода. Так, в 1625 г. уцмий освобождает из плена русского стрелецкого сотника С. Огибалова по просьбе терских воевод, при этом посредником между Терки и Кайтагом выступил сын Ильдара Тарковского — Амирхан [2]. В 1627 г., по сообщению терских воевод В. Щербатова и С. Татищева в Москву, шамхал Илдар при поездке в Шемаху, якобы, сумел склонить уцмия Рустам-хана к присяге царю. При этом он даже соглашался выдать аманатом сына, а посредником пожелал видеть Илдара. Уцмий соглашался пропускать беспрепятственно русских купцов через свои владения, но взамен требовал открыть кайтагцам свободный доступ для торговли в Кабарду [1, 87-88].

Взаимоотношения уцмиев Кайтага и Тарковских шамхалов укреплялись и междинастическими браками. Так, две дочери уцмия Рустам-хана были замужем за двумя сыновьями шамхала Илдара — Имамризой и Гиреем, и поэтому они считались «сильнее всех во всех горах» [2].

В источниках зафиксированы посреднические услуги уцмия Рустам-хана в урегулировании отношений кумыкских владетелей. Когда в 1632 г. между Султан-Мутотом и Илдаром обострились отношения, Рустам-хан, оставив все остальное, бросился лично мирить своих зятьев (дочь уцмия была замужем за Султан-Мутотом Эндиреевским): в декабре 1632 г. он побывал в Тарки, Эндери и добился примирения. Усилия его были столь успешны, что вызвали беспокойство терского воеводы А. Н. Головина. Он сообщал в Посольский приказ в Москву, что если примирение владетелей Тарков и Эндери приведет к объединению «Кумыцкой земли», то, вероятнее всего, она отпадает от России [1, 96-98]. Есть сведения, что в Москве разделяли эти опасения, известен даже совет воеводы ссорить этих кумыцких владетелей «....единолично промышлять неоплошно, чтоб им помириться и в соединенье быти не дати» [1, 98].

Уцмии поддерживали довольно тесные контакты и с эндиреевскими владетелями. В начале XVII в. возрастает политический вес Султан-Мута. Он, видя, как Гирей и Илдар Тарковские находили поддержку у России и Ирана, в противовес им стал сближаться с

Турцией и Крымским ханством, а в Дагестане — с наиболее сильными и независимыми правителями — уцмием и нуцалом. Так, в 1627 г., согласно сообщению терских воевод В. Щербатова и С. Татищева в Москву, Айдемир, сын Султан-Мута Эндиреевского, вместо брата Чопана собирался отправить в заложники в Терки меньших своих братьев Хан-мурзу и Казаналп-мурзу, которые приходились ему братьями лишь по отцу, но не по матери, являвшейся дочерью уцмий кайтагского [2]. По данным воеводы А. И. Головина, который писал в Москву в 1632 г., Султан-Мут был женат на дочери уцмий Рустам-хана и имел от нее сына, которого уцмий не разрешал отдавать в заложники в Терский город [2]. Кайтагское уцмийство принимало участие и в междоусобицах кумыкских владетелей, поддерживая одну из сторон. В 1643 г. противостояние Эндиреевского и Тарковского правителей закончилось походом на Тарки Эндиреевского князя. В этом участвовал и уцмий Рустам-хан. Напавшие сожгли в Тарки дом Сурхая, сына Гирея, перебили многих его людей, захватили много пленных, включая его жен [1, 160-166]. Поэтому в междоусобной борьбе за уцмийскую власть в Кайтаге в 1645-1646 гг. Сурхай выступил против Рустам-хана, поддержав его противника — иранского ставленника Амирхан-султана. По некоторым сведениям 1646 г., войско Сурхая стояло под Утамышем, и шамхал созывал туда других князей для общего похода на Рустам-хана [1, 167-172].

Что же касается правителя Эндиреевского владения Казаналпа, то он в 1645 г. активно помогал уцмью Рустам-хану. За это шах Аббас II дал указание Арап-хану Шемахинскому, прибывшему в Кайтаг на помощь Амирхан-султану, «тех ондреевцев побить» [1, 175]. Отношения нового уцмий Амирхан-султана со своим непримиримым противником Казаналпом через некоторое время пошли на улучшение. Уцмий Амирхан-султан и Казаналп вместе с иранскими войсками принимали участие в походе на Сунженский городок в 1651 г. [1, 181-184].

Кайтаг поддерживал определенные экономические и политические связи и с Табасараном. В течение XVII в. между их правителями не было серьезных противоречий приводивших к столкновениям. Наоборот, известны случаи их совместной борьбы. Согласно записи в арабской рукописи, обнаруженной в с. Хурик Табасаранского района в 1615 г., кайтагцам и табасаранцам пришлось одновременно, возможно, совместными силами отражать вторгшиеся в их вла-

дения иранские войска шаха Аббаса I (1587-1629 гг.) [3, 83]. Аналогичный случай имел место и в 1684 г., когда произошло сражение «между амирами ал-Хушни (Табасарана. — А. М.) и Кайдаком», с одной стороны, и «кызылбашами» — с другой, в котором «сложили головы многие из Кайдака и Табасарана» [4, 146]. Совместные выступления Кайтага и Табасарана способствовали укреплению их политических и экономических связей.

Как и в предыдущие эпохи, кайтаго-дербентские отношения в XVII в. также получили дальнейшее развитие. В 1606 г., когда жители Дербента восстали против турок, они обратились за помощью к Рустам-хану, который, прибыв с кайтагскими отрядами, помог освободить город от турецких войск. За это Рустам-хан получил от иранского шаха Аббаса I грамоту на управление Дербентом [5, 46]. Обращение правящей верхушки Дербента к уцмию было не случайно. Оно, по-видимому, являлось следствием наличия уже до этого определенных политических связей и тесных торгово-экономических взаимоотношений между Дербентом и Кайтагом. При этом следует указать, что делегация от Дербента и Кайтага к шаху Аббасу I, как об этом свидетельствует Искендер Мунши, была общая объединенная [6, 160].

В XVII в. Кайтаг поддерживал отношения с политическими структурами и за пределами Дагестана. Сведения, содержащиеся в различных источниках, позволяют говорить в некоторой степени о кабардино-кайтагских связях. Еще в 1625 г. одним из условий принятия присяги на верность русскому царю уцмий Рустам-хана было требование, чтобы его торговым людям и ему был гарантирован свободный проезд в Кабарду и обратно [1, 88]. В 1634 г. уцмий Рустам-хан посылал своего сына Уллубия в Кабарду с целью выяснить намерения бывшего ставленника иранского шаха на Северном Кавказе Шагин-Гирея, который перешел на службу к турецкому султану и с его войсками и крымцами готовил поход через Сунжу и Терек в Иран [2].

Во второй половине XVII в. правящий дом Кайтага установил династические связи с азербайджанскими владениями. Один из представителей уцмийского рода Гусейн-хан был женат на дочери рудбарского кадия в Сальянах. От этого брака родилась дочь, ставшая, по данным А. К. Бакиханова, родоначальницей рудбарских и сальянских султанов [7, 66]. После этого Гусейн-хан переехал в Исфаган и там также женился на дочери одного из

владельцев рода Каджар по имени Зухра-ханум. У них здесь родился сын Ахмед-хан, ставший основателем династии кубинских ханов. Гусейн-хан добивался расположения иранского шаха, который, оценив его храбрость и большие способности, назначил кубинским и сальянским ханом [8,122]. Гусейн-хан, став кубинским правителем, построил крепость Худат и избрал ее своей резиденцией. Он даже попытался добиться уцмийского престола и вернуть наследственное владение Башлы [9, 8].

Уцмии Кайтага принимали участие в съездах феодальных владельцев шамхальства. Такие съезды созывались в первой половине XVII в., когда возникала угроза вторжения иранских войск и необходимость принятия мер защиты от них. Подобные съезды, по имеющимся сведениям, созывались в 1615, 1617, 1618, 1621, 1632, 1633 гг. [10, 57]. На них владельцы Дагестана обсуждали вопросы войны и мира, престолонаследия, взаимоотношений, давали клятву верности друг другу, обменивались заложниками для гарантии союза и т.д. Хотя условия заключенных на этих съездах договоров часто нарушались, созыв их играл важную роль в политической жизни и взаимоотношениях владельцев Дагестана, а также свидетельствовал о наличии в Дагестане союзнических тенденций, которые обычно проявлялись при нападении извне, когда даже враждовавшие тарковские и эндирейские владельцы оставляли (хотя бы на время) свои противоречия и выступали сообща [11, 74-75].

Таким образом, в XVII в. Кайтагское уцмийство поддерживало тесные отношения со многими владениями Дагестана, активно участвовало практически во всех политических событиях, вмешиваясь во внутренние дела некоторых из феодальных образований.

Примечания

1. Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в. Документы и материалы/Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958 (далее — РДО).
2. Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Даг.НЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.305 (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН).
3. Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.
4. Шихсаидов А. Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т.9.

5. Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994.
6. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — нач. XIX в. Л., 1949.
7. Березин И. Н. Путешествия по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849. Т. IV.
8. Бакиханов А. К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.
9. Казикумухские и кюринские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Т. II.
10. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI — 30 е годы XVII века. М., 1963.
11. Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владетелей и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973.

**З.М. БАСИЕВА,
соискатель СОИГСИ**

НАЧАЛО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕЙ МЮРИДИЗМА В ЧЕРКЕСИИ (1842-1844 ГГ.)

На черноморской береговой линии с ее возобновлением и усилением после трагических событий 1840 г. было спокойно, и черкесы почти совсем не тревожили приморские укрепления. Горцы не проявляли практически никакой серьезной военной активности против русских войск на протяжении всего правого фланга. Линия укреплений в сухопутной части была уже к 1842 г. достаточно защищена, однако со стороны моря она по-прежнему оставалась уязвимой. Укрепления береговой линии, кроме своей прямой задачи пресечения всяких сообщений горцев с турками, стали к этому времени приносить еще пользу как центры развития меновой торговли.

В феврале-марте 1840 г. черкесами были захвачены несколько российских фортов: 7 февраля форт Лазарев, 27 февраля форт Головинский, 29 февраля укрепление Вельяминовское, 22 марта Михайловское и 31 марта укрепление Николаевское и св. Духа. Все перечисленные русские укрепления в дальнейшем были восстановлены, но они оставались до конца своего существования постоянной мишенью, как для горцев, так и для враждебно настроенных против России иностранных государств.

Постепенно открывались пути к мирному разрешению проблемы присоединения воинственных черкесских племен к Российской Империи. В условиях отсутствия внешнего воздействия обозначился процесс сближения черкесских племен с Россией. Намечалась явная тенденция к усилению политических предпочтений горцев в пользу России.

Однако перспектива быстрого и бескровного разрешения черкесской проблемы была в скором времени сведена на нет разгоравшейся Кавказской войной и стремлением Шамиля расширить границы своего имамата до Черноморского побережья Кавказа. С этой целью в 1842 г. шейх Шамиль направил в Черкесию «одного из самых решительных наибоов Хаджи-Магомета» [1, 211]. Он появился в Черкесии как посланец от «могущественного воина и пророка божьего» шейха Шамиля, на поддержку которого могли рассчитывать и черкесы при условии принятия ими «магометанской веры» и повиновении «его приказаниям» [1, 212].

В конце мая 1842 г. начальник Правого фланга Кавказской Линии генерал-лейтенант Г. Х. Засс доносил командующему войсками о том, что в первых числах этого месяца «лазутчики уведомили его о прибытии к убыхам и шапсугам двух кумыков и чеченцев». Эти люди явились к ним с «письменными и словесными предложениями Шамиля, которыми он просил горцев открыть» в ближайшие месяцы «против Правого фланга решительные действия». В случае же, если горцы откликнутся на его призыв, Шамиль обещал им быстро двинуть «свои силы из Чечни с которыми они завладеют всеми» русскими «пунктами на Лабе и Кубани», а дальше «проникнув в глубину Кавказской Линии достигнут Ставрополя и разорят их» [2]. Из этого, вероятно, одного из первых обращений Шамиля к адыгам с предложением присоединиться к нему, хорошо прорисовывается основная его ставка в этом крае. Здесь мы не видим еще обращения к черкесам Западного Кавказа как к своим единоверцам, т. е. как к правоверным мусульманам, которых он призывает на войну с «гяурами». К слову сказать, это понятие появляется в Черкесии именно с проникновением мюридизма с Восточной части Кавказа. На этот факт указывал Т. Лапинский [1, 211]. Из призыва Шамиля вытекает, что он не рассчитывал заручиться черкесской поддержкой на почве религиозного единства. В послании очевидно другое: он пытается привлечь черкесов обещанием богатой добычи, единственным весомым для них доводом, благодаря которому он мог получить поддержку на этом начальном этапе знакомства. Русский писатель граф В. А. Соллогуб дает достаточно точное определение религиозному состоянию адыгов, охарактеризовав его следующими словами: «Религия же их представляет странное смешение язычества с христианскими преданиями и магометанскими верованиями» [3, 12].

Хаджи-Магомет энергично взялся за исламизацию Черкесии и внедрение среди черкесов идей, проводимых Шамилем среди горцев северо-восточного Кавказа. Он «ставил имамов, основывал мечети и проповедовал священную войну против русских» [1, 211].

Уже в начале августа 1842 г. ему удалось нарушить в Закубанье существовавшее почти в течение двух лет спокойствие, напомиравшее даже своего рода перемирие. Пробравшись «к абадзехам и проповедуя между ними шариат», делегация от Шамиля во главе с Хаджи-Магометом успела «возбудить фанатизм, до тех пор чуждый племенам, обитающим против правого фланга Кавказской Линии». Собрав «огромные скопища», они «двинулись через Лабу к верховьям Кубани с тем, чтобы увлечь с собою в горы покорные аулы» [4, 304]. В результате бесленеевцы, башильбаевцы и тамовцы были вынуждены оставить свои насиженные места и присоединиться к числу непокорных племен. Хаджи-Магомет попытался создать в Закубанье «учреждение муртазек» [5, 672]. Сформированные отряды муртазек должны были строго следить за исполнением мусульманских религиозных обрядов шариата.

Однако требование Хаджи-Магомета строго следовать нормам шариата стали вызывать в черкесской среде большое недовольство. Горцы теряли доверие к Хаджи-Магомету и начали требовать от него конкретного ответа на вопрос «кто он и по чьей воле действует?». Черкесов не удовлетворяли больше его первоначальные объяснения, что он прибывает среди них по мистическому «вдохновению свыше» и по «наставлениям Шамиля» [6, 214]. Упоминание о Шамиле также не являлось для вольных адыгов сколько-нибудь весомым доводом, так как навязываемые им нововведения разрушали их привычный многовековой уклад жизни. Оказавшись в атмосфере полного недоверия, Хаджи-Магомет сделал другой ход, заявив горцам, что на самом деле он «действует по воле турецкого правительства» и даже предложил горцам удостовериться в этом лично. Горцы не стали медлить со столь важным делом и выбрали 40 доверенных лиц, которые были делегированы в Константинополь. Хаджи-Магомет за время своего короткого нахождения среди черкесов хорошо усвоил, что турецкий султан и египетский паша для адыгов представляют большую значимость, чем его имам, и в критическую минуту умело сыграл на их приоритете.

Не дождавшись ответа от турецкого правительства, абадзехи в начале 1843 г. отправили письмо уже к самому Шамилю. В послании

они обратились к имаму с жалобой на Хаджи-Магомета и выразили свое недовольство его покушениями против существующих у них обычаев и притеснениями, которым он их подвергал. Возмущенные абадзехи требовали ответа от Шамиля и хотели знать, действительно ли он отправил в Закубанье Хаджи-Магомета.

Генерал А. И. Нейдгардт*, сменив в должности управляющего на Кавказе Е. А. Головина**, совершив осмотр Черноморской береговой линии, представил подробный отчет князю А. И. Чернышеву*** о положении линии. Состояние укреплений и гарнизонов он нашел «в положении весьма удовлетворительном, — а многое в оных и в очень хорошем виде» [4, 897]. Также удовлетворительно он оценил и взаимоотношения с горцами на береговой линии. Однако, несмотря на то, что нигде в горах не наблюдалось больших волнений и «сильных неприязненных действий», А. И. Нейдгардт просил обратить особое внимание на два обстоятельства. В первую очередь он указывал на происходившие «беспокойства в Абхазии» от участвовавших вторжений абреков в Цебельду, а во вторую — на происходящие сильные волнения «между натухайцами присутствием у них Хаджи-Мамеда». Последний прибыл к натухайцам «с сильным сборищем» в середине июня 1843 г. По прибытии он принялся наставлять натухайцев против России и призывать их к восстанию. Хаджи-Магомет применял для этих целей то угрозы, то так известные уже горцам многолетние обещания помощи от султана турецкого и паши египетского. Продолжение его деятельности среди натухайцев было чревато срывом данного ими обещания покорности и всеобщим восстанием против России.

Военным властям стало также известно, что абадзехи провели

* Нейдгардт Александр Иванович (1784-1845 гг.) — русский генерал, командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий Закавказским краем с 25-го ноября 1842 г. по 27 декабря 1844 г.

** Головин Евгений Александрович (1782-1858 гг.). С 30 ноября 1837 г. по 25 декабря 1842 г. Е. А. Головин командовал Отдельным Кавказским корпусом, являлся главноуправляющим гражданской частью и пограничных дел на Кавказе. Воплощал в жизнь план Николая I по созданию Черноморской береговой линии, четыре форта которой — Святого духа, Александрия (Навагинский), Головинский (названный в честь Е. А. Головина) и Лазаревский — были основаны на территории современного Большого Сочи. Заложил порт Новороссийск.

*** Чернышёв Александр Иванович (1786-1857 гг.) — российский генерал-адъютант, генерал от кавалерии, исполнял обязанности военного министра в 1827-1832 годах, с 1832 по 1852 гг. военный министр Российской Империи.

собрание, на котором присутствовали и многие старшины других адыгских племен. Большинство собравшихся «изъявило готовность сблизиться с нами (т. е. с Россией. — З. Б.) и даже покориться», но главным препятствием к окончательному принятию этого решения стало «возражение некоторых лиц». Возражавшая сторона утверждала, что «будто — бы они не имеют на это (т. е. на примирение. — З. Б.) права без формального объяснения турецкого султана, что он от них отказывается и не даст им ни какой помощи» [7]. В результате собрание разошлось, приняв решение отправить в Константинополь посольство из почтеннейших старшин, чтобы они на месте выяснили намерения турецкого правительства. Неуверенность горцев относительно настоящих планов Турции по делам Кавказа не первый раз уже останавливала их от намерений прекратить враждебные действия.

Генерал-адъютант А. И. Нейдгардт в рапорте военному министру князю А. И. Чернышеву от 21 ноября 1843 г. изложил ему бытующие среди закубанцев представления на счет зависимости их от турецкого султана и желание горцев отправить свою делегацию в Турцию для выяснения интересующих их вопросов. Он просил у А. И. Чернышева официального разрешения на поездку черкесских старшин в Константинополь.

К 1844 г. в абадзехском обществе недовольство деятельностью Хаджи-Магомета достигло предела. Особый ропот абадзехов вызывало стремление наиба вытеснить вековые адаты и заменить их нормами шариата. В результате стали возникать сильные народные волнения, направленные против посланца Шамиля. Одному из влиятельных старшин из фамилии Эдиге удалось убедить всех почтеннейших лиц в незаконной деятельности Хаджи-Магомета и о «необходимости изгнать этого человека из своего общества» [4, 890]. Хаджи-Магомет вскоре вынужден был бежать к шапсугам.

Начальнику Черноморской береговой линии А. И. Будбергу стало известно, что 19 марта 1844 г. шапсуги численностью «более 1500 человек с 12 значками» [4, 902], возглавляемые Шеретлуко Ногойзы, готовятся совершить нападение на русские укрепления. И действительно, 21 марта горцы совершили набеги на ст. Витязево и ст. Суворовскую. Столкновение закончилось полным поражением горцев, а численность убитых и раненых составила более 100 человек. Сами же шапсуги высказывались об этом столкновении, что «никогда еще не было столь позорного дела для черкес» [4, 904].

В одной из схваток Шеретлуко Ногойзы, получив тяжелое ранение, был захвачен в плен и вскоре скончался от полученных ран. У Шеретлуко Ногойзы было найдено «письмо Хаджи Мамеда (Хаджи-Магомета. — З. Б.) на арабском языке в виде фирмана — действовать против неверных, собирая под свое предводительство враждебные племена горцев». В фирмане Хаджи-Магомет также заранее благословлял каждого, кто примкнет к Ногойзы для разгрома русских. Шеретлука в этом деле сопровождал «один из двух чеченцев, безотлучно находившихся при Хаджи Мамеде» [4, 904].

13 мая 1844 г. жизнь Хаджи-Магомета — первого агента Шамиля на Северо-Западном Кавказе прервалась. По сведениям Т. Лапинского, он был умерщвлен ядом, «который ему дали приверженцы турок и черкесские уорки» [1, 211]. Отсутствие Хаджи-Магомета тут же сказалось на поведении горных адыгов, так как наблюдалось некоторое их сближение с российским командованием.

Стоит заметить, что деятельность Хаджи-Магомета не добавила приверженцев Шамиля в Черкесии, а, наоборот, привела к полной потере интереса горцев к имаму и законам шариата, которые он пытался им прививать. В ответном письме горцев к А. И. Нейдгардту весной 1844 г. было откровенно заявлено черкесским народом, что «Шамиль не принадлежит нам (т. е. черкесам. — З. Б.), не в наших он землях и не наши у него люди и мы ничего общего с ним не имеем» [4, 892]. Кроме этого, они убеждали генерала, что они «совершенно далеки от него» и не имеют никакого желания и в дальнейшем помогать ему и «вмешиваться в его дела». Но одновременно с заверениями горцев не иметь никаких связей с Шамилем, в послании неожиданно для адресата прозвучали и другие, давно не отмечавшиеся у них высказывания. В письме командующему черкесы вновь заявили: «мы, весь означенный народ, не признаем над собою власти русского государя и никогда не будем признавать» [4, 893].

Кроме откровенной антишамилевской и антироссийской тенденции в письме были четко сформулированы возобладавшие снова в народе протурецкие политические настроения. «Мы, — писали они командующему, — обитатели гор, начиная от Карачая (верховья Кубани) до Анапы, настоящие черкесы, веруем в Коран и признаем над собою власть Абдул-Меджид-хана. Мы ему будем повиноваться и ему будем служить...». Надо заметить, что письмо к А. И. Нейд-

гардту, датированное 28 апреля, 1844 г., написал «по доверию» черкесского народа натухайский кадий* Мухаммед-Эмин**, эфенди***, пользовавшийся «между всеми шапсугами и натухайцами исключительно репутацией грамотного человека» [6, 270]. Им же были написаны письма в марте 1845 г. от имени всего черкесского народа к турецкому султану Абдул-Меджиду. Письма содержали «требование от султана заступления против русского оружия» [6, 271].

В конце 1844 г. на политической арене вновь появляется фигура черкесского князя Сефер-бея, которого С. К. Бушуев считал «английским агентом» [8, 222]. Он долгое время выполнял поручения правительства Туманного Альбиона. Иностранцы сумели «...возбудить тщеславие Сефер-бея и обольстить его...ложными обещаниями», — писал посол России в Турции А. П. Бутенев в секретном письме к барону Г. В. Розену [6, 101]. Под влиянием иностранцев, а особенно англичан, Сефер-бей отправлял к горцам «от их и своего имени письма». Эти послания содержали «уверения что Англия и другие державы признают независимость горцев и расположены даже выслать им военную помощь» [6, 101]. Сефер-бей со временем стал надежным проводником и поручителем иностранных агентов, отправлявшихся в Черкесию. На его политическую активность не повлияла и так называемая ссылка его из Константинополя в отдаленный Базарджик. Известно, что без его письменного поручительства ни один иностранец не ступал на черкесский берег Черного моря, а тем более в глубь страны.

В декабре 1844 г. Сефер-бей вдруг, поменяв характер своих писем, отправляет «Извещение», адресованное «к князьям, дворянам и всем независимым обществам шапсугского народа» [4, 892]. «Извещение» это было другого толка и отличалось от предыдущих писем Сефер-бея своей политической направленностью. Вполне возможно, что русские власти сумели оказать влияние на Сефер-бея, рассчитывая, что его официальное обращение с признанием законности Российских притязаний на Черкесию сможет сменить политические настроения среди горцев. Об этом свидетельствует сделанный Сефер-беем в послании основной акцент на право-

* Кадий, кади — духовное лицо у мусульман, исполняющий обязанности судьи.

** Не путать с третьим посланцем Шамиля на Западном Кавказе — наибом Мухаммед-Эмином. Последний появился в Черкесии намного позже.

*** Эфенди — в Турции — обращение к мужчине, соответствующее слову «господин».

мерность Адрианопольского договора, так как «...сам султан наш, заключив мир с русскими, уступил им наши страны» [4, 893]. В то же время Сефер-бей остается сторонником независимости горных адыгов, призывает их «не даваться русским в обман», а он в свою очередь будет по-прежнему ходатайствовать в Турции за осуществление их желания. Основной же причиной неудачи своих многолетних усилий в Турции называет существовавший между Турцией и Россией мирный договор, вынуждавший соблюдать султана его условия. При данных обстоятельствах Сефер-бей посовествовал сородичам набраться терпения, пока не наступят «перемены в отношениях двух монархов». А пока просил их «не предпринимать» против русских «никаких неприязненных покушений» и «жить» с ними «мирно» [4, 893].

«Извещение» Сефер-бея было обнародовано на собрании шапсугов и нутухайцев «в конце декабря месяца». «Почти единодушно» горцами было принято решение «наблюдать строгое миролюбие в отношении к России» [6, 238]. Однако это решение в тот же час было «поколеблено возмутительными возгласами эфендия Шерета...». В результате давления оппозиции часть присутствующих сменила свое решение и примкнула к сторонникам Шерета, пользовавшимся в народе «некоторым значением». Шеретовцы стали требовать личного «Известия» Абдул-Меджида о мире, так как «...без повеления султана народ не может помириться», и в знак протеста приняли решение совершить «вторжение в пределы Черномория».

Таким образом, выявившаяся с конца 1840 г. тенденция к налаживанию мирных русско-черкесских взаимоотношений была прервана вмешательством во внутренние и внешние политические процессы в Черкесии наиба Хаджи-Магомета — первого посланца шейха Шамиля к черкесам.

Несмотря на некоторые успехи, достигнутые в Черкесии наибом в распространении идей мюридизма, все же основная поставленная Хаджи-Магомету задача не была решена. Наряду с тем, что черкесы не хотели менять привычную для них протурецкую ориентацию на приверженность имаму, причиной неудач Хаджи-Магомета было и то, что черкесы не хотели отказываться от вековых адатов и жить по канонам шариата.

Тем не менее, на этом этапе черкесы впервые соприкоснулись и ближе ознакомились с положениями идеологии имамата.

Примечания

1. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-фа, 1995.
2. ВИА. Ф. 846. Оп. 16. Том 6466. Л. 185.
3. Соллогуб В. А. Кавказ в Восточном вопрос» // Кавказ. 1856. № 3.
4. Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Архив Главного Управления Наместника Кавказского. Т. IX. Тифлис, 1884.
5. Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Архив Главного Управления Наместника Кавказского. Т. X. Тифлис, 1885.
6. Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов // Сборник документальных материалов / Под ред. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953.
7. ВИА. Ф. 846. Оп. 16. Том 6485. Л. 17.
8. Бушуев С. К. Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» (1836-1837 гг.) // Красный архив. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. Т. 5 (102).

**С. М. КЯЗИМОВА,
аспирант СОИГСИ**

ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА В СИСТЕМЕ ИСКУССТВЕННОГО РОДСТВА НАРОДОВ КАВКАЗА

Аталычество, усыновление, побратимство как различные формы кавказского искусственного родства очень часто становились объектом исследований этнографов. В меньшей степени уделялось внимание другим обычаям, порождавшим родственные отношения между чужими до тех пор людьми. Рассматривая эти обычаи в генетическом плане, этнографы выявляют мотивы и формы искусственного родства. Что касается функционального плана, то речь идет о реальных ролях, выполняемых теми или иными обычаями породнения. Впервые Я. С. Смирновой была предложена особая типология форм искусственного родства: формы казуальные, т.е. обусловленные определенными осознанными причинами, и формы окказиональные, т.е. связанные с каким-нибудь случаем, оказией [1, 216]. Если при первых формах люди прямо договаривались о том, чтобы вступить в отношения искусственного родства, то при вторых совершение определенных обрядов жизненного цикла автоматически влекло за собой породнение. Если взглянуть на все названные обычаи в их совокупности, то можно по-иному увидеть предмет нашего исследования. В данном случае это институт аманатства в системе искусственного родства. Имеются основания заключить, что посредством аманатства ширился круг искусственного родства в территориальной общине горцев; аманатство являлось одним из способов утверждения этого родства в системе территориальной общины. Аманат на сей раз проявляет себя в новом качестве — искусственном породнении межрегионального масштаба. Аманатство, обусловленное кровомщением, как правило, осуществлялось в различных региональных пределах, что было и удобно, и надежно. Осетин, совершивший проступок в

Осетии, шел в аманаты, как правило, к соседям — мтиулам, принимал их имя, становился верным их другом и помощником в любой беде [2, 17].

Большую значимость для аманата имело его побратимство с покровительствующим ему селом-общиной в целом. Удостоверяется, что названное побратимство, ритуально скрепленное жертвоприношением в святилище покровительствующей аманату общины, дает надежную гарантию аманату в том, что отныне покровитель в случае убийства аманата мстителями обязуется прибегнуть к обычаю кровной мести и рассчитаться с убийцей аманата так же, как и со своими истинными кровниками. Однако если аманат не совершил в покровительствующем ему отныне святилище обряд побратимства (и непременно с жертвоприношением) с покровителями, то последние не несут за него обязанности кровомщения и довольствуются лишь надежным его укрытием от преследований врага.

Указанное обстоятельство существенно, т.к. ясно свидетельствует, что такое материальное участие аманата в покровительствующей ему общине и «взнос» в виде пожертвования в ее святилище социально приравнивает его ко всем фамилиям (или фамилии), входящим в данную общину, на которых распространялся обычай кровомщения.

В чем же заинтересованность стороны, принявшей под покровительство аманата? Следует заметить, что вопрос этот концентрируется на проблеме кровнородственных и искусственно-родственных начал в системе территориальных общин горцев. Очевидно, что определяющую роль, побуждающую общину принять аманата под покровительство, играла постоянная забота о ее количественном пополнении. Покровительство аманата считалось делом почетным для села-общины, т. к. каждый новый член расценивался как ее потенциальный множитель. В целом принятие чужака в чуждую для него среду являлось типичным для патриархального общества, поскольку вело к достижению численного большинства по отношению к соседу. Это укрепляло общину как в хозяйственном, так и в военном отношении.

Став членом общины-покровительницы, в нередких случаях аманат брал себе новую фамилию. Обычно к указанной замене прибегали аманаты, пришедшие по причине совершенного ими убийства, что имеет вполне логичное объяснение: при замене старой фамилии розыски убийцы для враждующей с ним стороны значительно усложнялись. Замена аманатом фамилии поясняется самими горца-

ми как профилактическая мера в создании им большей безопасности и всяческих затруднений при поисках аманата. Как отмечают исследователи, по мнению опрошенных ими старцев, отменных знатоков древних обычаев, замена человеком фамилии, как сущий факт, своим происхождением обязана именно аманатству [2, 46]. Инициатором замены фамилии на новую обычно являлся сам аманат.

Став полноправным членом общины-покровительницы, а тем более при замене аманатом своей фамилии, он брал на себя все обязательства, распространявшиеся на коренных членов общины, — как сугубо хозяйственные, так и касающиеся создания семьи. Так, на аманата распространялись условия брачной экзогамии, при которой аманат не мог жениться на девушке из покровительствующего ему селения. Экзогамный запрет касался, в свою очередь, и девушек из семьи аманата: их уважали так же, как и коренных односельчанок, поэтому жениться на представительнице семьи аманата считалось зазорным.

Во всех докапиталистических формациях в сфере земельных взаимоотношений земель как собственностью никто не владеет, и владельцем ее является общество в целом. Этнографические данные свидетельствуют, что «с незапамятных времен земля была уделом коренных общинников, а в сфере земельных отношений субъектами являлись представители живущих на территории данных общин фамилий, объединенных как кровно, так и искусственно-родственными узами». На примере аманатства в аспекте земельных отношений у горцев четко выделяется форма землепользования (но не земле-владение и не собственность земли, т. к. «владение еще не есть собственность»). В системе земельных отношений аманату отводилось надлежащее место, и решение остаться аманатом во многом зависело от наличия в общине-покровительнице пригодных для обработки земель.

В вопросе выделения аманату земли во временное пользование инициатором выступало село-община. Как правило, вопрос этот в пользу аманата разрешался при наличии свободных земель, также недостатке рабочих рук. Если аманат принимал окончательное решение остаться в покровительствующей ему общине, при очередном перераспределении земель сельчане выделяли аманату положенный участок для вспашки. В окончательном итоге, получив землю, аманат устраивал жилище, и его аманатство постепенно предавалось забвению, становилось номинальным. Удовлетворение аманата землей

являлось реальной основой его приобщения к статусу коренного жителя покровительствующей ему общины. После принятия в общину покровительницу аманат получал равное с коренными общинниками право на землю.

Что касается сроков землепользования аманатом землями покровительствующей ему общины, то они ничем не отличались от статуса рядовых общинников, т. е. как и последние, аманат регламентированно пользовался землей общины, землей, подлежащей периодическим перераспределениям в целях сохранения равенства в экономическом положении горцев. Традиционные формы землепользования, рассмотренные в контексте аманатства, представляют возможность проследить характерные особенности территориальной общины горцев, где кровное родство, постепенно утрачивая свою значимость, сохраняется еще в течение длительного периода. Осмысление института аманатства в системе земельных отношений горцев свидетельствует, что сущность притязаний общинников обуславливалась малоземельем и скудностью, дающей минимум жизненно необходимого, а не желанием добыть излишний продукт. Вычленение земельного статуса аманата в системе земельных отношений горцев показывает, что земельные вопросы регулировались на основе традиционного обычного права, завещанного предками.

Институт аманатства свидетельствует, что породнение-побратимство самого аманата с покровителями влечет за собой аналогичные связи всех членов его семьи с покровителями. Таким образом, аманатство расширяло связи искусственного родства в территориальной общине как по мужской, так и женской линии. Их же потомки минимум на протяжении семи поколений строго придерживались брачного запрета.

Природа института аманатства такова, что она простирается далеко за пределы региона и, следовательно, вырастает в систему межрегиональных отношений. Именно по причине сказанного рассматриваемый феномен аманатства проявляет сходство с явлениями аналогичного порядка как в Грузии, так и вообще на Кавказе. Обычай взятия под покровительство по причине совершения какого-либо проступка удостоверяется и в быту черкесов. Помимо того, межрегиональные контакты горцев Северного и Южного склонов Кавказского хребта в контексте аманатства (в частности, переход грузин к горцам Северного Кавказа, а также обратный процесс — переход северокавказских горцев к грузинам, чему нередко сопутствовала за-

мена вероисповедания) являлись довольно частым явлением вплоть до 20-х годов двадцатого столетия. В русле сказанного следует также рассматривать неоднократные сведения, представленные периодической печатью середины XIX в., касающиеся тагаурских осетин, их быта, в частности, факты побега от кровников в поисках надежного укрытия. Вариантные с аманатством ситуации четко прослеживаются в быту и мусульманских народов Кавказа в период, предшествовавший их включению в состав Российской Империи.

Таким образом, аманатство, широко распространенное в быту кавказских народов, в его хозяйственно-бытовом аспекте имеет много схожих черт с феноменами искусственного родства. Прибегая к установлению квазиродственных отношений, общинники таким образом расширяли сеть родственных связей, выступающих в патриархальном обществе эквивалентом силы и могущества. Расширение и усложнение системы социальных связей, в которые включался индивид в результате установления дополнительной линии отношений по типу родственных, наряду с необходимостью выполнения обязательств со стороны новых родственников, которые налагались на них обычным правом, гарантировали лучшую защиту личных и имущественных интересов каждого отдельного человека, замещая, таким образом, функции отсутствовавшей государственной власти [1, 239]. Родственные и квазиродственные связи не только становились формой проявления солидарности и всесторонней взаимопомощи, но и служили своеобразной страховкой от обид и притеснений в сфере частных взаимоотношений.

Примечания

1. Смирнова Я.С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюции // Кавказский этнографический сборник. Вып.9. 1989.

2. Канделаки М.Б. Из общественного быта горцев грузин — институт аманатства. Тбилиси, 1987.

**Д. А. ШУРДУМОВА,
бакалавр КБГУ, г. Нальчик**

ЧЕРКЕСИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 30-50-Е ГГ. XIX ВЕКА

Кавказ всегда являлся одним из самых значимых стратегических пунктов нашей планеты в военном и торговом отношениях, так как находился на стыке двух цивилизаций — Запада и Востока. Любое государство, овладев Кавказом и Черным морем, получало возможность контролировать пути на Ближний Восток и в Индию.

Международные противоречия по поводу Кавказа начали обостряться в первой трети XIX века. В разногласия России и Турции вмешались Англия и Франция, вступившие как между собой, так и против России, в борьбу за политическое и экономическое влияние на Ближнем и Среднем Востоке.

Адыги, проживая на перекрестке важнейших торговых путей, естественно, не были изолированы от внешнего мира [1, 445]. Россия, находясь в непосредственной близости с ними, претендовала на эти территории. Она возвела укрепленные посты и казачьи станицы от Черного моря до Каспийского, которые образовали наступательную и оборонительную линию [2, 90].

Продвижение России к югу противоречило интересам Британии, так как это могло подорвать устои ее колониальной политики в Азии. Она также опасалась того, что Россия пополнит свою армию за счет представителей местных народов, боевые качества которых были широко известны [3, 64]. Поэтому освободительная борьба адыгских народов сопровождалась активным вмешательством иностранных государств и попытками использовать адыгов в собственных захватнических целях на Кавказе [4, 42].

Очередная русско-османская война 1828-1829 годов завершилась победой России. По Адрианопольскому договору Порты отказалась от Северного Кавказа, которым она никогда фактически не владела, в пользу России. В политических кругах Англии вызвали недовольство

как условия договора, так и его толкование, которое, пользуясь слабостью Порты, позволило себе российское правительство. Не только узкая полоса побережья от устья Кубани до Аджарии, указанная в IV статье договора, становилась частью владений России, но и вся Черкесия, что было охарактеризовано как грубое нарушение Лондонской конвенции 1827 года, запрещавшей России искать территориальные приобретения за счет Османской империи. Отмечалось также, что само царское правительство никогда до 1829 года не признавало Черкесию турецкой территорией [5, 122].

В этих условиях отношения адыгов с сопредельными государствами складывались по-разному: одни народы оказывались, так или иначе, в сфере влияния России, а другие — Турции. Неоднозначно складывались их отношения с Англией, активизировавшей свою политику [6, 3].

Однако России удалось в результате Ункяр-Искелессийского договора от 26 июня 1833 года фактически безраздельно утвердиться в Черном море. Ее южные границы оказывались в относительной безопасности от нападения со стороны Босфора и Дарданелл. Этот договор стал следующим звеном в цепи англо-русских противоречий.

Оказывая черкесам военную помощь, английское правительство рассчитывало затянуть Кавказскую войну и обессилить Россию в экономическом плане. Главным исполнителем воли британской буржуазии, требовавшей усиления ближневосточной экспансии, был министр иностранных дел Англии лорд Пальмерстон [7, 102].

К концу 1836 года пошатнулся престиж Англии в глазах горцев. Это было связано с высылкой Сефер-Бея Заноко — одного из прославленных предводителей адыгов в борьбе за независимость. Руководитель британских агентов, занимавшихся подрывной деятельностью среди черкесов, Дэвид Уркарт уверял их, что Сефер-Бей выслан с особого ведома англичан для обмана русских, а планы о независимости для горцев существуют по-прежнему. Полемика вокруг позиции британской дипломатии по отношению к Черкесии достигла максимального накала, и братья Белл из Глазго — Джордж и Джеймс — на шхуне «Виксен» направились в Черкесию, чтобы продемонстрировать решимость прорвать незаконную блокаду свободной страны [8, 1]. Об этих событиях владелец шхуны пишет английскому консулу в Одессе Г. Джимзу 12 декабря 1836 г.: «Только я закончил приготовления, чтобы обменять свой груз на местные продукты, (...) как к борту нашей шхуны подошел русский военный бриг «Аякс». Его капитан, Вольф, заявил, что мы нару-

шили блокаду этого побережья, установленную русским императором и объявленную разным европейским дворам, приказал нам сняться с нашей якорной стоянки и проследовать за ним к адмиралу Эсманту в Геленджик, пригрозив, что если мы не выполним его приказания, он немедленно потопит «Виксен» [9, 1]. Шхуну конфисковали и передали в состав Черноморского флота России.

Вначале инцидент повлек за собой резкий диалог между правительствами Британии и России, шумиху в британском парламенте и прессе. Но мнение большинства западных дипломатов о случившемся склонялось в пользу России, и даже британские газеты признали законность ареста «Виксена». Все понимали, что экспедиция преследовала не столько коммерческие цели, как позже в своих мемуарах писал Белл, сколько политические. Это был апогей противоречий России и Англии. Провокация английских агентов, под руководством Уркарта, не имела успеха, а адыги, вне зависимости от воли и желания, оказались в эпицентре «большой» политики [10, 152].

В конце 30-х годов царизм активизировал военные действия на Западном Кавказе с целью скорейшего его покорения, которое лишило бы Англию повода рассматривать черкесский вопрос как международный.

В начале 1840-х Д. Понсонби высказал идею создания конфедерации. В своем письме от 13 мая 1840 г. Пальмерстону он пишет: «возможно, самая плодородная в мире страна, хорошо защищенная естественными преградами, так что будь здесь, между двумя морями, создана столица или административный центр, то это место могло бы сделаться главным для центральной Азии рынком. Я сильно склоняюсь к мнению, что нынешнее положение населяющих Кавказ племен благоприятствует созданию такой конфедерации» [11, 1].

Польский эмигрантский центр в Париже, во главе с Чарторыйским, тоже стремился создать в Черкесии хотя бы какое-то подобие государства, чтобы формально иметь в лице данного института «предмет» для провозглашения независимости [12, 67]. Польские лидеры стремились установить связь с черкесами, чтобы привлечь к себе внимание Лондона, а также поднять свой авторитет в его глазах. Но эта миссия завершилась провалом.

Укрепление позиций России на восточном побережье Черного моря и мероприятия по прекращению провокационной деятельности англичан и турок на Северном Кавказе, по пресечению контрабандной торговли оружием и невольниками завершились учреждением регулярного крейсерства кораблей Черноморского флота у берегов

Кавказа. В этих условиях Турция и Англия не могли оказать помощи без открытой войны с Россией.

Потеряв свободный доступ к черкесским берегам, иностранные державы не порывали связей с отдельными представителями горской знати протурецкой ориентации. Среди них были известный Сефер-Бей Заноко и наиб Шамиля Мухаммед -Эмин, появившийся на Северо-Западном Кавказе в конце 40-х годов XIX века. Его деятельность отвечала интересам правящих кругов Англии и Турции [13, 85].

На этом этапе немалое значение имели Лондонские конвенции 1840-1841 гг. Первая была заключена 3 июля 1840 года между Англией, Австрией, Пруссией и Россией, с одной стороны, и Турцией, — с другой. Она запрещала вход в проливы иностранным военным судам в мирное время, присутствовать они могли только в том случае, если Стамбулу грозит опасность со стороны Египта, и лишь до того момента, пока султан не попросит их удалиться. Вторая конвенция была заключена 13 июля 1841 между Россией, Великобританией, Францией, Австрией, Пруссией и Турцией. Она обязывала Турцию в мирное время не пропускать через Черноморские проливы иностранные военные суда. Данная конвенция фактически аннулировала Ункяр-Искелесийский договор 1833 и продемонстрировала дипломатическую победу Англии над Россией.

В это время Петербург требовал от Порты принятия действенных мер по пресечению тайных поставок оружия и снарядов из Турции на восточный берег Черного моря. Но турки продолжали посылать горцам оружие и тайные письма с просьбой не покоряться России и ждать помощи. И в политике Англии интерес к Черкесии не был утрачен, поддержка горцев против России шла полным ходом.

Все усилия российского правительства приблизить окончание войны на Кавказе не достигали успеха. Более того, благодаря растущим экспансионистским устремлениям Англии, сопровождавшимся реваншистскими притязаниями султана, черкесский вопрос, как и восточный вопрос в целом, превратился в сложный клубок противоречий, предшествовавших Крымской войне.

Известия о начале Крымской войны произвели большое впечатление на население Кавказа. Она предоставляла определенный шанс адыгам отстоять с помощью вооруженных сил союзников территорию Черкесии и свою независимость [14, 152]. А правящие круги Англии, Франции и Турции надеялись, что им удастся с помощью горцев комбинированным ударом — с фронта и тыла — разгромить русские войска.

Кавказ расценивался этими державами как «мост», переброшенный из Европы в Азию, как важный узел военных и торговых коммуникаций, имеющих огромное стратегическое и политическое значение. Кроме того, здесь продолжалась освободительная борьба против колониальной политики русского царизма, что отвлекало основные силы русских, облегчая англо-франко-турецкой коалиции военные действия на Кавказе [15, 104]. Горцы Северо-Западного Кавказа не оправдали надежд Англии и Турции, не сыграли той роли, которая отводилась им в тылах русской армии в ходе Крымской войны [16, 88]. Надежду на всеобщее выступление кавказских народов против русских разрушили мирные переговоры, начавшиеся в феврале 1856 г., между союзниками и Россией [17, 199].

Одним из вопросов, вокруг которого разгорелась острая дипломатическая борьба на Парижском конгрессе, был черкесский вопрос. Английская и турецкая дипломатия настойчиво старались добиться пересмотра Адрианопольского мира и создания государства под названием «Черкесия», которая находилась бы под протекторатом одной из них [18, 120].

Но Англии не удалось за столом дипломатических переговоров заставить Россию признать «независимость» Черкесии, что вызвало бурную реакцию со стороны правящих кругов. Некоторые из выступавших в палате лордов даже настаивали на продолжении войны именно потому, что черкесский вопрос не был решен в пользу Англии.

Крымская война 1853-1856 гг. и заключение Парижского договора позволили западноевропейским державам временно устранить Россию как соперника в восточном вопросе. Самыми тяжелыми условиями для России были статьи о нейтрализации Черного моря, о запрещении держать там военные корабли и строить крепости. Они лишали Россию возможности защиты своих южных границ [19, 14].

Примечания

1. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. В 2-х т. (перевод Гарданова; послесловие Бижева А. Х.). Нальчик, 1995.

2. Жиль Ф. А. Письма о Кавказе и Крыме/Пер. с фр. яз. К. А. Мальбахова. Нальчик, 2009.

3. Берзедж Н. Изгнания черкесов/Пер. Хуажева Н., Губжиков М. Майкоп, 1996.

4. Касумов А. Х., Касумов Х. А. Освободительная борьба адыгских народов в XIX в. // Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991.
5. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003.
6. Панеш А. Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп, 2007.
7. Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII—начало XIX вв.). М., 1978.
8. «Черкесия в картах». Карта, иллюстрирующая «Дневник пребывания в Черкесии» Джеймса Станислава Белла. URL [http: // www.adigasite.com](http://www.adigasite.com) (дата обращения: 25.04.2012)
9. Письмо владельца шхуны «Виксен» — английскому консулу в Одессе Г. Джимзу. 12 декабря 1836. О захвате британской шхуны «Виксен» русским флотом у черкесского побережья. URL [http: // www.aheku.org](http://www.aheku.org) (дата обращения: 25.04.2012)
10. Кудаяева С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик, 2007.
11. Д. Понсонби — Г. Пальмерстону. 13 мая 1840 г. О создании конфедерации на Кавказе. URL [http: // www.aheku.org](http://www.aheku.org) (дата обращения: 24.04.2012)
12. Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX века. Владикавказ, 1992.
13. Гакаме К. Внешнеполитическое положение Черкесии накануне и в годы Крымской войны/Россия и Черкесия (вторая половина XVIII-XIX вв.). Майкоп, 1995.
14. Чирг А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII— 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002.
15. Касумов А. Х., Касумов Х. А. Геноцид адыгов. Нальчик, 1992.
16. Панеш А. Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп, 2007.
17. Касумов А. Х., Касумов Х. А. Геноцид адыгов. Нальчик, 1992.
18. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974.

А. Г. КОЧИЕВА,
аспирант СОИГСИ

**ПРЕДПОСЫЛКИ ЗЕМЕЛЬНО-СОСЛОВНЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В 50-60 ГГ. XIX В.**

В 50-х годов XIX века обозначился военный перевес России в противостоянии с вооруженными силами имамата Шамиля. Теперь Российская администрация могла приступить к решению здесь проблем социально-экономического характера.

Особую озабоченность администрация выражала по решению сословно-земельного вопроса, что было обусловлено участвовавшими выступлениями крестьян против феодалов.

В отличие от Центральной России, народы Северного Кавказа отставали в своем политическом и общественно-экономическом развитии. Здесь накануне крестьянской реформы отсутствовали ярко выраженные капиталистические отношения. Также наряду с господствующими феодальными порядками большую роль играли еще патриархальные пережитки.

Тем не менее, это не исключало экономический фактор как одну из необходимых предпосылок освобождения зависимых сословий среди горских народов Северного Кавказа и проведения здесь земельной реформы. К тому же Россия, твердо ставшая на путь капиталистического развития, требовала приспособления экономики отсталых окраин к нуждам буржуазного развития. Нужно было создать условия для развития покупательной способности населения.

Иначе говоря, феодальные отношения были уже не в интересах русского капитала.

Другой причиной, диктовавшей проведение крестьянской и земельной реформы, была борьба, которую вело крестьянство против усиливавшейся феодальной эксплуатации. Эта борьба настолько обострилась, что, по признанию властей, «нужны были особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения» [4, 302] между крестьянами и феодалами.

Важной особенностью реформы на Северном Кавказе было то,

что, в отличие от Центральной России, она проводилась по этапам. Первый этап — проведение земельной реформы. Второй этап — освобождение зависимых сословий [2, 94].

С этой целью в 40-50 гг. XIX в. были открыты сословно-поземельные комитеты под руководством П. П. Нестерова, Г. В. Новицкого, М. С. Ильинского, Э. С. Алехина, Г. Р. Эристова, барона И. А. Вревского, А. П. Грамотина, М. А. Кундухова, В. В. Орбелиани и др. [5, 26].

В 1847 году во Владикавказе открылась комиссия по разбору земельно-сословных прав под председательством начальника Владикавказского округа Нестерова. Что касается сословного вопроса, комиссия стала на позиции признания феодального строя, признания старшин привилегированным сословием и признания за ними «прав над народом» [6, 164]. Также, видя, как обострилась вражда против старшин со стороны фарсаглагов, им было принято решение поселить их отдельно.

Так как комиссия Нестерова не дала конкретных указаний о размежевании земли на плоскости, она была упразднена, и в 1851 г. был учрежден новый комитет под председательством барона Вревского, который должен был принять конкретные меры по размежеванию земли. Им было принято решение, во-первых, признать алдар высшим сословием и наделить их землей большего количества сравнительно с другими сословиями, во-вторых, фарсаглаги и кавдасарды должны были быть поселены отдельно от алдар, в-третьих, Вревский предлагал аулы называть по урочищам, а не по имени алдар.

На основании этих принципов комитет отмежевал земли из такого расчета: семейству из алдар — как высшему сословию, по 225 дес., остальному же населению — по 36-37 дес. на двор. Но, исходя из этих расчетов, земли не получили 49 дворов алдар и 334 двора кавдасардов и фарсаглагов, т. е. земли не хватило.

Комиссии не решили земельный вопрос ни в Чечне, ни в Кабарде, ни в Осетии, и впоследствии они были упразднены. Взамен их был создан новый «Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев левого крыла Кавказской линии» под председательством Грамотина.

Комитет занимался главным образом разбором сословных прав и привилегий горской знати. Для крестьян было сделано очень мало. Все комиссии и комитеты, действовавшие с 1847 по 1861 гг., признавали вотчинные права местных феодалов. Они предлагали правительству поддерживать сложившиеся земельные отношения. До конца 50-х годов правительство, занятое подавлением движения под руко-

водством Шамиля, соглашалось с этим. Но после поражения Шамиля участились отступления от этого правила. По признанию наместника Кавказа, накануне реформы 60-х годов «все распоряжения наши по земельным делам, вызванные большею частью лишь военными соображениями, имели характер временных мер, не могли уже удовлетворить ни видам правительства, ни потребностям горцев» [3, 270].

В 1861 г. кн. Орбелиани разработал новый проект земельной реформы, который он изложил в своем «отзыве» на имя военного министра. При выработке проектов земельных реформ наиболее сложным и спорным оказался вопрос о том, какую систему землевладения принять за основу: общинную или частнособственническую? По мнению кн. Орбелиани, сельская община имела то преимущество, что она препятствовала пролетаризации крестьянства; частная же собственность могла содействовать более совершенному развитию сельского хозяйства. Орбелиани предлагал закрепить за князьями и дворянами определенные земли на правах частной собственности, но с условием, чтобы они не предъявляли никаких претензий на другие земли, а равным образом и земли лиц, которых они считали своими вассалами-крепостными. Орбелиани предлагал дать землю тем лицам, которые по происхождению не принадлежали к высшему сословию, «но своим усердием и преданностью» принесли царскому правительству «огромную пользу» и в службе достигли тех чинов и наград, «которые по законам империи дают право дворянства» [3, 303]. Таким образом, князь предложил сочетать общинную форму землевладения с частной. Этот проект в Петербурге получил одобрение.

В связи с одобрением проекта реформы, представленного кн. Орбелиани, все окружные комитеты и комиссии, учрежденные в разное время, были упразднены.

Однако до приезда на Кавказ великого князя Михаила Николаевича к его реализации никто не приступал. Деятельность Центрального Комитета и уездных дворянских собраний также оставалась формальной.

Осенью 1862 г. во Владикавказе и в других округах Терской области были открыты новые поземельные комиссии, но их деятельность оказалась такой же неэффективной, как и предыдущих, поэтому в июне 1863 г. начальник Терской области Д.И. Святополк-Мирский подал рапорт Главнокомандующему Кавказской армией с ходатайством об упразднении этих комиссий и комитетов и об учреждении новой, одной общей для всей Терской области. Председателем Терской сословно-поземельной комиссии был назначен чиновник для особых поручений

при наместнике Кавказа, коллежский советник Д. С. Кодзоков [5, 31].

За основу своей работы она взяла положение о том, что «земля, занимаемая жителями на плоскости, есть казенная». При таком подходе к земельному вопросу правительство имело основание считать все занятые горцами земли государственным достоянием и распоряжаться ими по своему усмотрению.

Комиссия занималась также изучением сословно-правовых отношений горского населения и проведением крестьянской, аграрной и податной реформ в округах Терской области, проделав «огромную работу по сбору материалов по истории хозяйственно-экономического и социально-политического строя населения Северного Кавказа» [3, 305].

Завершив размежевание земель в плоскостной части Терской области, 31 декабря 1869 г. комиссия Кодзокова была преобразована во временную «Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» с подчинением ее главному управлению наместника Кавказа. С небольшими перерывами комиссия просуществовала до 1908 года.

Таким образом, реформы 60-х гг. были следующим шагом по пути ликвидации феодальных отношений. В результате реформ было введено общинное владение землей на плоскости и объединение бывших феодалов и их зависимых в одну массу общинников.

Примечание

1. Блиева З. М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е годы XIX века. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2005.

2. Зембатов Ч. С. Земельная реформа и освобождение зависимых сословий в Северной Осетии // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989.

3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.) / Под ред. А. Л. Нарочницкого. М.: Наука, 1988. Т. 2.

4. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1967. Т. 1

5. Кузьминов П. А. Причины и подготовка преобразований у народов Северного Кавказа в 50-70-е гг. XIX века // Известия СОИГСИ. Вып. 5 (44). 2011.

6. Скитский Б. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. Владикавказ, 2009.

**Н. В. АББАСОВА,
аспирант КБГУ**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА В КОНЦЕ 70-Х — НАЧАЛЕ 80-Х ГГ. XIX В.

М. Т. Лорис-Меликов — столь значительная фигура в истории России второй половины XIX в., что вряд ли найдутся исследования, посвященные государственным, административным, военным проблемам этого периода, где не упоминалось бы его имя. Однако характеристики его в литературе весьма разноречивы и не всегда имеют под собой документальное основание. Например, в 1942 г. вышла книга А. Эльчибеяна, в которой характеризуется только военная деятельность, причем без ссылок на источники [1]. В работе Г. Г. Даниеляна большее внимание было уделено исследованию биографии, по сравнению с государственной деятельностью [2]. В советской историографии к Лорис-Меликову относились негативно, и его политика подвергалась острой критике. Со временем интерес к его личности усилился в связи с накоплением богатого научного материала и начавшимися с конца 1980 г. поисками нереализованной «реформаторской альтернативы» революциям XX века.

Неудивительно, что интерес к переломному рубежу в истории России вновь и вновь возвращал исследователей к событиям конца 1870-1880 гг., когда в правительственных верхах шел напряженный поиск внутривластного курса, способного вывести страну из глубокого социально-политического кризиса.

Анализ ситуации обоснованно выдвигает на первый план деятельность М. Т. Лорис-Меликова и его предложения, намеченные во всеподданнейшем докладе 28 января 1881 г. — в «конституции графа Лорис-Меликова», как обозначим доклад публицисты конца XIX века и как его до сих пор именуют многие историки [3, 33].

Весомый вклад в изучение данной темы в последние десятилетия внес ряд ученых. Вопросы воспитания, обучения, образования, в которых складывался характер будущего государственного деятеля,

осветил в объемной статье П. А. Кузьминов [4]. Автор уделяет пристальное внимание чертам личности Лорис-Меликова, его семье, взаимоотношениям с окружающими людьми — всему тому, что способствует более глубокому пониманию его деятельности. Несомненным достоинством работы является широкое привлечение архивного материала о служебной карьере Лориса на Кавказе.

Один из спорных вопросов политики Михаила Тариеловича — пришел ли он в петербургскую бюрократическую верхушку уже с убеждением в необходимости конституционных шагов или обрел его позже, исчерпав иные средства, подвергшись воздействию событий и своего окружения. Пожалуй, здесь следует согласиться с исследователем внутренней политики самодержавия пореформенного периода В. Г. Чернухой в том, что убеждения, взгляды, намерения Лорис-Меликова, цели и мотивы проводившейся им политики, ее внутренняя логика все еще нуждаются в изучении [5,139].

Успешное административное управление Терской областью в 1863-1875 гг., русско-турецкая война 1877-1878 гг., лавры победителя Карса, участие в Кавказской войне сделали Лорис-Меликова широко известным, и его «карта» прочно попала в «колоду» высших правительственных назначений. В сентябре 1878 г. он с чрезвычайными полномочиями от правительства направляется в Поволжье для борьбы с эпидемией чумы.

Внимание царя к делам на Волге придавало особое значение командировке Лорис-Меликова. Не случайно хорошо знавший расстановку сил в правительственных сферах министр государственных имуществ П. А. Валуев писал Лорису: «Ваше имя слишком громко, чтобы сопоставить его с ветлянской эпидемией, почти угасшей до Вашего приезда. Будет ли выставлено на вид государственное, а не медицинское значение Вашей поездки?» [6, 100-109].

Получив назначение в Астрахань, Лорис-Меликов, видимо, с самого начала не собирался ограничивать себя сугубо санитарными задачами. Об этом свидетельствует уже то, что помимо профессоров, медиков, журналистов и иностранных представителей, он включил в свою свиту молодых представителей столичной аристократии. Столь нехитрым способом, но хорошо просчитанным тактическим ходом, он в течение двух месяцев поддерживал интерес высшего общества к астраханским делам.

В Астрахани ярко проявился его новый подход к решению сложных государственных задач. Получив чрезвычайные полномочия ге-

нерал-губернатора, он действует не с помощью военных приказов и карантинных, которые должны локализовать распространение инфекции, а привлекает материальные средства местных нуворишей, улучшает санитарные условия населения, создаёт условия для организованной работы всех слоёв общества. Не менее важно, что генерал-губернатор на долгое время зарядил энергией органы самоуправления, выведя их из провинциальной спячки, приобщив к оперативным решениям насущных вопросов здравоохранения и городского хозяйства. Эпидемия в низовьях Волги дала возможность поставить вопрос о соляном налоге предельно остро, и Лорис от этой возможности не уклонился. Дело в том, что дороговизна соли заставляла крестьян покупать тузлуки и выпаривать их, добывая соль. А тузлуки были признаны одним из каналов распространения эпидемии. Лорис-Меликов был первым представителем власти, открыто, гласно, публично признавший вред соляного налога и высказавшийся о необходимости его отмены [7, 67].

Память о двухмесячном пребывании Лорис-Меликова в Волжском регионе сохранилась здесь на многие годы, и не только потому, что связывалась с чрезвычайными событиями борьбы с эпидемией. Российская провинция увидела новый для нее тип начальника — деятельного, энергичного, смелого в решениях, требовательного к их исполнению, твердого в своих обещаниях. Подданные империи едва ли не впервые столкнулись с представителем власти, пытавшимся разобраться в их нуждах.

Убедившись в том, что все очаги чумы ликвидированы, граф ходатайствует перед Александром II об упразднении этой высокой должности. Из 4 млн. руб., выделенных правительством на борьбу с чумой, 3700 тыс. руб. он возвращает в казну [8, 408]. Факт, ёмко характеризующий порядочность и чистоплотность чиновника и человека.

После очередного покушения на жизнь Александра II, Михаил Тариелович становится генерал-губернатором Харьковского военного округа с 12-миллионным населением, получив задание остановить волну террористических актов. Обширные полномочия генерал-губернатора неизбежно обрекали на конфликт как с местной администрацией, так и с руководителями министерств и ведомств.

Несмотря на активное противодействие чиновников, ему удалось практически полностью обновить состав губернского начальства, усилить и дисциплинировать полицию, прекратить беспорядки в учебных заведениях. В то же время он сумел привлечь к себе

деятелей земства, изъявивших готовность содействовать исполнению всех административных распоряжений правительства. Борясь с крамолой, Михаил Тариелович не упускал из поля зрения городское хозяйство с его ложными проблемами. И здесь, как и в Астрахани, его присутствие в городе оставило ощутимые следы: был пущен водопровод, увеличилось число мощеных улиц, были открыты новые школы, фельдшерские пункты, возросло количество практикующих врачей.

18 ноября 1879 г., возвращаясь из Ливадии, Александр II проезжал по территории Харьковского генерал-губернаторства. «Провожая его величество по своему краю, — вспоминал К. А. Скальковский, — граф доложил ему о положении дел, о принятых им мерах, и как результате их — о полном спокойствии в вверенных ему губерниях, достигнутом не путем устрашения, а обращением к благосмыслящей части общества. Государь, одобрив все его распоряжения, горячо его благодарил и несколько раз повторил: «Ты вполне понимаешь мои намерения» [9, 201-204]. Разговор этот, состоявшийся накануне очередного покушения, вероятно, должен был запомниться императору.

Взрыв Зимнего дворца народовольцем С. Халтуриным 5 февраля 1880 г. стал переломным в судьбе М. Т. Лорис-Меликова. 9 февраля Лорис получает высшее в его карьере назначение — пост председателя Верховной распорядительной комиссии с тем же заданием, что и в Харькове, но уже в рамках всей России. На совещании с министрами Александр II подчеркнул мысль о необходимости соединить в одних руках все силы для розыска и подавления терроризма в стране и, обратившись к дежурному генерал-адъютанту Лорис-Меликову, присутствовавшему на заседании, назначил его начальником Верховной Распорядительной комиссии. «... Лорис-Меликов, — вспоминал П. А. Валуев, — бледный, как полотно, сказал, что если на то воля Его Величества, то ему ничего более не остаётся, как вполне ей подчиниться» [10, 92].

Вся обстановка свидетельствовала об очередной импровизации императора, однако это неожиданное для всех, не исключая и Лориса, назначение не было случайным. Оно свидетельствовало о том, что император определился с методами борьбы с революционным движением и человеком, который реализует эти планы. Более года он обладал полномочиями вице-императора и вошел в историю страны как «парадоксальный диктатор».

Указ 12 февраля 1880 г. наделял начальника Комиссии правом «делать все распоряжения и принимать все меры, которые он признает необходимым для охранения государственного порядка и общественного спокойствия», и требовал их исполнения «всеми и каждым» [11].

Широкий объём полномочий на бумаге и крайне ограниченный на деле для человека, малознакомого столичному бомонду, стал основанием для разговоров о диктаторских устремлениях «восточного льва». В условиях острого общественно-политического кризиса возможны были два варианта развития России: прогрессивные, либеральные реформы, или чрезвычайные, карательные меры. Выбор между этими альтернативными векторами развития, по распоряжению Александра II, должен был сделать Лорис-Меликов. Граф отказался от должности «диктатора России» и предложил закрыть Верховную распорядительную комиссию, считая необходимым действовать в формате существующего законодательства.

Предложение было принято, комиссия распущена, а Лорис получил должность министра внутренних дел. Не желая злоупотреблять своей чрезвычайной властью, Лорис-Меликов решил, что должен устранять не следствие, а причину кризиса, для чего в первую очередь изменить бюрократический механизм функционирования власти в империи. Он начал готовить проект очередных государственных реформ.

По сохранившимся материалам можно реконструировать основной замысел проекта. Он состоял из трех предложений. Первое: создание законосовещательного, представительного учреждения на основе земской системы. Второе: создание правительства, ответственного перед императором и проводящего во всех министерствах и ведомствах единую политику. Третье: проведение через новые органы власти программы внутренних реформ (преодоление крестьянского малоземелья, расширение прав и полномочий земских организаций, освобождение печати от части цензурных запретов и др.). Программа была по тем временам достаточно радикальна, а первый пункт намекал на переход к началам конституционного правления [12,149]. Чтобы добиться согласия Александра II, Лорис разбил проект на составные элементы и решил предлагать их царю на утверждение по частям.

Первой такой попыткой стал Высочайший доклад от 28 января 1881 г., в котором речь шла о земском представительстве, причем

права предполагавшегося учреждения были весьма ограничены. Попытка оказалась удачной, Александр II поставил свою подпись, и началась подготовка к созыву «Общей комиссии» от земств.

Убийство 1 марта 1881 г. императора Александра II резко изменило ситуацию. В правительственных верхах вспыхнула борьба между либералами и консерваторами во главе с К.П. Победоносцевым за влияние на Александра III. На совещании министров 8 марта большинство высказалось за проект Лорис-Меликова, однако император колебался и выступал скорее «против», чем «за». Лорис решил пойти ва-банк и в Высочайшем докладе от 18 апреля 1881 г. дополнил проект о земском представительстве программой реформ. Это был третий и последний вариант проекта, который отражал почти весь первоначальный замысел.

Лорис рискнул и проиграл. Позицию Александра III могла бы изменить только масштабная поддержка проекта обществом. Оно же было плохо информировано, организовано и расколото на антагонистические страты.

29 апреля 1881 г. царь подписал манифест, вошедший в историю как программа «незыблемости самодержавия», а на следующий день Лорис подал прошение об отставке. Одновременно о своем желании выйти из правительства заявили его сторонники либеральных преобразований: министр финансов А.А. Абаза и военный министр Д.А. Милютин. Это был первый в истории России министерский кризис.

Лорис-Меликов, промелькнувший на политическом олимпе России, оставил историкам немало загадок. Главная: что было бы с Россией, прими она его «конституцию»? И еще: в чем была причина его удивительной популярности? Кажется, можно утверждать, что особую роль в этом сыграл личностный фактор. Оказавшись волею судьбы и незаурядным личным качествам у подножия российского трона, работая рядом с Александром II с 9 февраля 1880 по 1 марта 1881 г., он не смог остановить спад экономики, рост всеобщего недовольства, предотвратить цареубийство и вынужден был уйти с политической авансцены российского государства. Вместе с тем, по нашему мнению, в острый период второго общественно-политического кризиса М.Т. Лорис-Меликов сыграл важную стабилизирующую роль, которая до конца ещё не оценена. В характере графа счастливо соединились такие редкие для чиновника высшего ранга качества, как бескорыстие, скромность и неодолимое желание общественной пользы.

Примечания

1. Эльчибемян А. Генерал адъютант М. Т. Лорис-Меликов. М., 1942.
2. Даниелян Г. Г. Генерал граф М. Т. Лорис-Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность. Ереван, 1997.
3. Мамонов А. В. Граф М. Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. №5.
4. Кузьминов П. А. М. Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. М., 2005. Т. 2 (34).
5. Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века. Л., 1978.
6. Валуев П. А. Письма к М. Т. Лорис-Меликову (1878–1880) // Россия и реформы. М., 1995. Вып. 3.
7. Итенберг Б. С., Твардовская В. А. Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004.
8. Кузьминов П. А. М. Т. Лорис-Меликов на службе Его Величества // Исторический вестник. Нальчик, 2009. Вып. VIII.
9. Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890.
10. Валуев П. А. Дневник (1877–1884). М., 1961.
11. Собрание распоряжений и узаконений правительства. СПб., 1880. № 15.
12. Данилов Д. Д. Лорис-Меликов: карьера парадоксального диктатора // Вопросы истории. 1998. № 11-12.

**Ч. Р. БАДОВ,
аспирант СОГУ**

РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ИСТОРИИ АЛАГИРА

В середине XIX века началось промышленное освоение природных богатств Центрального Кавказа. Одной из ярких страниц в истории экономического освоения Осетии стала постройка Алагирского серебряно-свинцового завода.

Со времени укрепления позиций России на Кавказе проводились разведки и разработки серебряных и прочих руд в разных районах Кавказа, но все они были не слишком успешны.

С XVII века рудные богатства Осетии привлекают внимание царского правительства, которое первые сведения о них получает в 1628 году от посланника кабардинского князя в Москве Бетермукова. Русский царь Михаил Фёдорович в 1628 году для изучения этих богатств снарядил экспедицию в Кабарду и Садон в составе воевод И. Н. Дашкова и Б. Г. Приклонского и специалистов — англичанина Юлиана и немцев Фрича и Арольта. Представленные экспедицией материалы были неполными, так как из-за эпидемии она не посетила горы [6, 65].

Кабардинский мурза Каншов доставил из Садона в Терский город руду и указывал на то, что она есть «по Ардоне реке и до той руды ехать меж гор в одну лошадь» [3, 9]. Грузинские цари и кабардинские князья знали о садонских рудах. В челобитной грузинских духовных лиц Иосифа и Николая в 1742 году на имя императрицы, где ставился вопрос о распространении в Осетии христианства, они подчёркивали, что «места их изобилуют золотом, серебряными рудами и минералами, камением преизрядным» [8, д. 17, л. 2].

После того, как первое Осетинское посольство в 1750 году передало правительству России сведения о наличии свинцовых руд, началось более детальное изучение Алагирского ущелья.

В «выписке по представлениям кизлярского коменданта генерала-майора Н. А. Потапова», написанной в марте 1767 года, отмечается, что полковник Гак ездил к осетинскому народу. Будучи в Осетии, он слышал от многих, что «во всей Осетии, а особливо в Волагирском уезде при реке Арадоне по обеим сторонам, весьма много минеральных руд» [1, д. 1, лл. 925-926].

В 1767 году грузинский монах Григорий отправил в Петербург, в Берг-коллегию, образцы руд, найденных им в бассейнах рек Ардон и Фиагдон. После их изучения горное управление доложило правительству: «Оные найдены в Осетии, почти ничем не убожие нерчинских как в серебре, так и в винце оказываются» [5, 5-6].

К подробному изучению горных богатств Осетии русское правительство приступило в 60-х годах XVIII века, а до этого оно получало данные о них от членов духовной комиссии и администрации Кавказа. Однако это были общие сведения, а нужны были конкретные данные, чтобы использовать горнорудные запасы.

В 1766 году руководитель духовной комиссии Григорий привёз кизлярскому коменданту Потапову «металлы» из Осетии, который их переправил астраханскому губернатору Бекетову, а последний — в Петербург в Берг-коллегию, которая в свою очередь представила план использования месторождений: перевозка руд в Россию, сплав по Тереку до моря и по Волге с помощью бурлаков. В качестве рабочей силы предполагалось использовать местное население и переселить рабочих из России [6, 67].

Сенат разрешил Берг-коллегии снарядить экспедицию в Осетию для «освидетельствования» месторождений. Экспедиции во главе с горным мастером С. Вонявиным (1768 г.), специалистом горного дела А. Кирхнером (1771 г.), ротмистром казачьего войска А. Батыревым (1774 г.) положили начало освоению горнорудных богатств Алагирского ущелья [6, 68]. Все экспедиции отмечали перспективы разработки цветных металлов в Осетии.

В записке С. Вонявина от 13 сентября 1768 года в Берг-коллегию отмечается необходимость начать в Осетии разработку месторождений цветных металлов, строительство плавильного завода и желание осетин переселиться на предгорные равнины [2, д. 1, лл. 708-718].

Экспедиции С. Вонявина, А. Кирхнера, и А. Батырева собрали данные по Осетии о свинце, серебре, строевом лесе. Вонявин указал на возможность построения в Осетии плавильных заводов на берегу

р. Фиэгдон, у выхода её из Куртатинского ущелья, и на берегу р. Ардон в районе нынешнего Алагиря.

Экспедиция предлагала русскому правительству план переселения осетин и даже наметила для этого территорию. Жители Алагирского общества должны были занять земли в предгорьях, по обоим берегам р. Ардон, где были хорошие пашенные и сенокосные земли.

Интерес русского правительства к горным богатствам Осетии повысился с присоединением Грузии к России. В 1802 году для дальнейшего изучения руд сюда был направлен тайный советник, вице-президент Горной коллегии, академик А. А. Мусин-Пушкин. Геологические изыскания его экспедиции привели к выводу о возможности промышленной разработки полиметаллических руд в Садоне [6, 70].

Кавказская война отодвинула эксплуатацию руд Осетии, но она подняла спрос на свинец. Местное население добывало его примитивным способом. Необходимо отметить, что Садонское серебро-свинцовое месторождение эксплуатировалось греком Спиридоном Чекаловым, выходцем из Турции. До 1840 года он производил каменные работы и строил мосты на Военно-Грузинской дороге, благодаря чему скопил капитал. Узнав о залежах свинца в Алагирском ущелье, Чекалов по соглашению с четырьмя осетинскими фамилиями и с разрешения начальства занялся разработкой садонской руды. Несмотря на относительно высокую производительность, в 1846 году Чекаловым было сдано в казначейство 11 пудов серебра и 3400 пудов свинца. Примитивность разработки не могла позволить развивать уровень добычи.

В 1842 году для осмотра и описания Садонского месторождения был командирован горный чиновник Картерон, служивший при канцелярии наместника кавказского. Учёный комитет корпуса горных инженеров из описания Картерона и присланных им образцов вывел заключение о продуктивности Садонского месторождения, но для основательного суждения о его богатстве нашёл необходимым подробно его исследовать. В 1843 году состоялось высочайшее повеление — об изыскании «способа снабжать войска собственным российским свинцом» [7, 110].

Учёный корпус горных инженеров по отзыву Картерона в 1844 году снова направил его в Алагирское ущелье для подробного исследования рудных месторождений и осмотра добытых Чекаловым серебра и свинца.

По возвращении из Осетии Картерон вновь сообщил, что месторождение в Алагирском ущелье «заслуживает полного внимания горного ведомства. Здесь находится достаточное количество богатых свинцовых руд, обилие лесов, текущие воды, могущие приводить в действие горные и заводские машины» [4, 424].

Побывав вторично на месторождении, Картерон подтвердил выгодность строительства здесь завода. В его донесении отмечалось, что из 14 известных на Кавказе рудных месторождений самое благодёжное — Садонское. Он рекомендовал правительству выкупить у Чекалова Садонские рудники и приступить к их государственной эксплуатации. «После этого князь Воронцов, наместник Кавказский, желая, чтобы это богатое месторождение свинца и серебра перешло в руки казны, имеющей гораздо больше способов воспользоваться оными, вошёл о том в переписку с министерством финансов и просил его приказать лучше исследовать всё это дело и потом принять меры, которые окажутся нужными для учреждения завода. Командированный для сего с Алтайских заводов капитан Рейнке, осмотрев месторождение, представил результат своих исследований в учёный совет корпуса горных инженеров, который, соглашаясь с мнением Рейнке, счёл нужным для совершенного убеждения в надёжности месторождения командировать с сибирских заводов особую партию казённых горных мастеровых, которая и была с Высочайшего разрешения прислана из Уральских заводов в 1842 году в числе 80 человек, которых по тогдашнему военному времени снабдили казёнными ружьями, пошив им черкески из верблюжьего сукна и бешметы из синей материи. Произведённые разведки привели Рейнке к положительному убеждению в богатстве Садонского месторождения, и оно было взято в казну в 1850 году с уплатой греку Спиридону Чекалову за добытие нерасплавленной руды и, кроме того, он, по ходатайству князя Воронцова, Всемиловейше награждён был чином прапорщика, а в последствии произведён в подпоручики» [7, 112].

Для расплавки добываемых в Садоне руд необходимо было устроить завод, место для которого было избрано ещё в 1849 году на плоскости в расстоянии 33-х вёрст к северу от рудника. По плану правительства, для разработки садонского месторождения и постройки Алагирского завода предстояло переселить из Луганских, Уральских и Алтайских заводов крепостных, именуемых казёнными горными мастерами и рабочими в числе 380 семей, необходимых для функционирования завода и рудника [6, 78].

Первая партия мастеровых прибыла из ближайшего к Кавказу Луганского литейного завода (Екатеринославской губернии) в апреле 1850 года и на первый раз помещена была в больших госпитальных палатках, так как на месте, отведённом под станицу, не было никакого жилья. Для охраны переселенцев назначена была команда Донских казаков, земляков луганцев. Однако в палатках нельзя было долго оставаться с семьями, и потому луганцы, получив пособие по 30 рублей на мастерового, немедленно устремились в соседний аул Салугардан и закупили себе осетинские сакли, которые перевезли на место, отведённое под станицу, и построили первую по времени улицу, названную Луганской. Затем стали прибывать мастеровые с Уральских заводов (Пермской губернии), которые разместились на время, до устройства своих домов, по квартирам у луганцев. Последними явились мастеровые с Алтайских заводов (Томской губернии), заставшие уже поселение с несколькими улицами, так что недостатка для временного их размещения не было. Таким образом, сформировалась горная станица Алагир с населением казённых горных мастеровых. Обязательная служба для коих полагалась 35 лет, считая с 18-летнего возраста [7, 113].

Хотя мастеровые состояли на правах военнослужащих, но особого обмундирования им не полагалось, а всякий справлял себе одежду по своему вкусу и достатку. Исключение в этом отношении составляли так называемые нижние чины, служившие по письменной и технической части: урядники, уставщики и прочие, которые носили обмундирование военного образца.

В отношении существенных потребностей мастеровые были вполне обеспечены, получая жалование в месяц от 3-х до 5-ти рублей (смотря по специальности) и провиант на себя и жену по два пуда в месяц на каждую душу [7, 114].

Одновременно с устройством станицы производилась и постройка серебросвинцового завода на юго-востоке от неё, в расстоянии одной версты от её центра, в лощине. Строительство завода шло быстро. Уже в феврале 1852 года А. Б. Иваницкий, руководивший этим процессом, в рапорте начальнику штаба корпуса горных инженеров генерал-майору Быховцу сообщал, что большая часть работ выполнена [9, д. 83, л. 8-23 об.]. «Завод имел вид квадратного укрепления, защищающего площадь в 1200 квадратных сажень, и выстроен из трахитового туфа, добывающегося из скалы недалеко от места постройки. Работа производилась мастерами из греков, а отчасти и русскими

казёнными мастеровыми. Стены толщиной полтора аршина; в них устроены амбразуры для ружейной стрельбы, а на противоположных углах, по диагонали укрепления, сооружены две башни для фланговой обороны, из коих северо-восточная 2-х этажная, а юго-западная 3-х этажная; в верхних этажах помещались орудия, а в нижних артиллерийская прислуга. На верху конических крыш башен были сделаны деревянные окрашенные будки для часовых и приспособления для установки флагов в высокоторжественные дни» [7, 115]. 19 мая 1853 года, после освящения, завод пущен в действие в присутствии наместника кавказского князя Воронцова.

Первый опыт удался более чем удовлетворительно: из 300 пудов серебристого свинца выплавлено 26 с половиной фунтов серебра и 264 пуда чистого свинца. Полученный 21 мая 1853 года серебряный слиток был поднесён Николаю I [6, 83].

Мощности завода были рассчитаны на ежегодное производство 35 тысяч пудов свинца и 100 пудов серебра [10, 160].

В действительности приходится признать, что на протяжении всей своей истории ни Алагирский серебросвинцовый завод, ни Садонские рудники не стали рентабельными предприятиями. Во время Крымской войны в 1854 году, когда потребность в свинце для армии была очень велика, завод смог дать лишь 7 тысяч пудов свинца и 28 пудов серебра. В 1870 году завод произвёл около 10 тысяч пудов свинца и 32 пуда серебра. В 1880 году — 9 тысяч пудов свинца и 31 пуд серебра. Примерно на таком же уровне производство серебросвинцовых руд сохранялось до начала 1890-х годов. Невысокая эффективность производства объяснялась в первую очередь слабой разработанностью горнорудных месторождений, низким уровнем технической оснащённости предприятия, недостаточным финансированием изыскательных работ и технологических разработок [10, 161].

На заводе и Садонском руднике были каторжные условия труда, применялись телесные наказания. Работа велась в загазованной, содержащей свинец с пылью, атмосфере, вредной для здоровья. Несмотря на это, Алагирский металлургический завод и Садонский рудник были по тому времени крупными предприятиями почти с тысячным коллективом рабочих, основу которого составляли русские и украинские мастеровые. Отсталость технологии, низкий процент извлечения металлов, малая производительность и некомплексность использования минерального сырья, удалённость от промышленных

центров и железной дороги создали хроническую убыточность предприятия [6, 89].

Серьёзным ударом по деятельности завода стала отмена крепостного права в 1861 году. Согласно положению о горнозаводском поселении казённых горных заводов, все мастеровые освобождались. В угоду работе завода это был не единовременный шаг, рабочие освобождались по срокам службы. В Алагире это освобождение началось с 8-го марта 1862 года и окончилось 8-го марта 1863 года. Многие русские рабочие вернулись на родину, и лишь некоторая часть осталась в Алагире и нанялась на завод на условиях вольного найма.

Завод, несмотря ни на что, продолжил своё существование, но не приходится говорить о повышении его производительности. В 1895 году царское правительство, дабы избавить себя от постоянных расходов, решило сдать завод в частную аренду.

По арендному акту к новому владельцу переходили, кроме рудника и завода со всеми строениями и сооружениями, земли и прилегающие к ним леса Цейского и Касарского ущелий общей площадью около 3 тысяч десятин. Ежегодная арендная плата составляла 42 тыс. рублей [10, 162].

Посчитав это предприятие нерентабельным, новые владельцы в 1897 году закрыли Алагирский завод, просуществовавший 48 лет. Вместо него во Владикавказе был построен новый завод цветной металлургии, который начал функционировать в 1901 году и принадлежал бельгийскому промышленнику Губерту Дюккену.

Несмотря на бесславное завершение своей деятельности, необходимо признать, что Алагирский серебросвинцовый завод сыграл огромную роль в развитии промышленности Северной Осетии. А те русские и украинские рабочие, которые пожелали остаться при заводе после проведения крестьянской реформы, стали основой Алагирского сельского общества.

Примечания

1. Архив внешней политики России (АВПР). Осетинские дела. Оп. 128/2.
2. АВПР. Осетинские дела. Оп. 128/11.
3. Блиев М. М., Ортабаев Б. Х., Кучиев В. Д. Садонский свинцово-цинковый комбинат. Очерк истории. Орджоникидзе: Ир, 1979.

4. Горная история. Об устройстве Алагирского серебряно-свинцового завода на Кавказе // Горный журнал. Кн. 6. Ч. 2. СПб., 1850.
5. Кайтуков Б. Н. Цветная металлургия Северной Осетии. Орджоникидзе: Книгоиздат, 1972. — 130 с.
6. Попов К. П. Алагир. Владикавказ: Ир, 1996. 282 с.
7. Толмачёв С. И. Селение Алагир. Историко-статистический очерк // Терский сборник. Выпуск V. 1903.
8. Центральный государственный архив документальных актов. Ф. 199. Кор. 184. Ч. 2.
9. Центральный государственный исторический архив Ленинграда. Ф. 44. Оп. 4.
10. Цориева И. Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII-XIX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 253 с.

**3.3. АЗНАУРОВА,
студентка КБГУ, г. Нальчик**

**ПОНЯТИЕ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»
И ЕГО ТРАКТОВКА**

В общественной мысли России неоднозначно оценивалось историческое призвание интеллигенции, равно как и вкладывалось в это понятие неоднозначное содержание. Крупный ученый — культуролог Ю. М. Лотман справедливо заметил, что «все сколько-нибудь добросовестные говорящие и пишущие о русской интеллигенции вынуждены констатировать трудность, а то и невозможность точного определения объема и содержания этого понятия» [1, 106]. Анализ понятия «интеллигенция», исследование специфики ее концепций и действий представляется нам необходимым в связи с многочисленными, поливариантными толкованиями.

Долгое время считалось, что понятие «интеллигенция» в России было введено русским писателем П. Д. Боборыкиным, написавшим в 70-е гг. XIX века роман «Солидные добродетели», где беллетрист так определил содержание интеллигенции: «Под интеллигенцией надо разуместь высший образованный слой общества, как в настоящую минуту, так и ранее на всем протяжении XIX века». Интеллигенция в романе П. Д. Боборыкина предстает обличительницей существующих порядков, произвола со стороны дворян-землевладельцев, чиновников [2, 55-56]. Однако исследования последних лет выявили, что в подобном смысле понятие «интеллигенция» раскрывается в более ранних источниках. По мнению А. В. Соколова, термин интеллигенция впервые употребил В. А. Жуковский ещё в 1836 году. Причем с истинным интеллигентом ассоциировались не только образованность, но и «дум высокое стремленье» и моральная чистоплотность [3, 23]. Таким образом, представления об интеллигенции сложились уже в 30-е г. XIX века и были связаны с образованностью и нравственными идеалами.

Во второй половине XIX века в русской общественной мысли преобладающим становится мнение, что интеллигенция представляет собой особый круг людей, характеризующийся специфической идеологией, моралью, типом поведения, особым радикальным умонастроением, бытом и физическим обликом [4]. Большой вклад в определение понятия внесли идеологи народничества П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский, рассматривавшие интеллигенцию как социально-этическую, внеклассовую категорию. Так, П. Л. Лавров под интеллигенцией понимал «критически мыслящих личностей». «Критически мыслящей личностью» называется человек, который не заражен никакими предрассудками, не подчинен традициям, владеющим массами, и который вырабатывает свой идеал и определяет свое поведение совершенно свободно, руководясь только критическими указаниями разума [5, 646-647]. Эту мысль продолжает Н. К. Михайловский: «Мы — интеллигенция потому, что мы многое знаем, обо многом размышляли, по профессии занимаемся наукой, искусством, публицистикой. Слепым историческим процессом мы оторваны от народа, мы чужие ему, как и все так называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разум наш с ним» [6]. Таким образом, для народников при определении интеллигенции критерий образованности был недостаточным. В качестве необходимого они учитывали критерий нравственности, под которым подразумевались любовь и преданность к народу, критическое отношение к окружающей действительности, стремление изменить её.

Позднее Р. В. Иванов-Разумник, разделявший идеи народничества, подчеркивает, что интеллигенция представляет собой группу социально-этическую. «Интеллигенция, — пишет он, — есть этически — антимещанская, социологически — внесловная, внеклассовая преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов, активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности... никакой университетский диплом не дает еще право его обладателю причислять себя к интеллигенции» [7, 72-73].

К концу XIX — началу XX века акценты в понимании сущности интеллигенции смещаются. На первый план выходит не столько духовное избранничество, сколько политическая направленность, фанатичная одержимость социальными идеями, стремление к переустройству мира в духе книжно-утопических идеалов. М. И. Туган-Барановский подчеркивал роль мировоззрения и социального облика

интеллигенции: «Интеллигент — отщепенец и революционер, враг рутины и застоя, искатель новой правды» [8, 218]. Итак, интеллигенция чаще всего ассоциируется не столько с аккумуляцией всех достижений отечественной и мировой культуры, сколько с критически настроенными личностями; с необходимостью борьбы, с заговорицей деятельностью и готовностью к личным жертвам во имя народного блага.

Значительный вклад в понимание сущности феномена интеллигенции внесли авторы сборника «Вехи», вышедшего в 1909 году. Впервые мировоззрение русской интеллигенции было подвергнуто столь тщательному, детальному анализу. «Веховцами» был взят на вооружение социально-этический критерий при определении специфики интеллигенции в начале XX века. Правда, если народники поэтизировали интеллигенцию, считали деятельность ее героической, подвижнической, то «веховцы», как сторонники «этического социализма», чаще вкладывали негативный смысл в определение интеллигенции [9, 24]. Главная характеристика интеллигенции, согласно П. Б. Струве, — отщепенчество. «Мы разумею под интеллигенцией даже не «образованный класс». В этом смысле интеллигенция существует в России давно, ничего особенного не представляет». Как специфику русской интеллигенции П. Б. Струве выдвигает «особое отношение к государству в его идее и в его реальном воплощении». «Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему» [10, 192]. Мировоззрение русской интеллигенции исследуют также и другие авторы сборника. Весьма важную мысль высказал Н. Бердяев — «общественный утилитаризм в оценках всего, поклонение «народу» — то крестьянству, то пролетариату, — все это остается моральным догматом большей части интеллигенции» [11, 11]. Таким образом, в «Вехах» преимущественно речь идет о леворадикальной, революционной интеллигенции, символом веры которой были атеизм, материализм, оппозиционность по отношению к государству и народолюбие.

Выход в свет «Вех» вызвал острую дискуссию в общественной мысли России. В сборнике «Интеллигенция в России», вышедшем через год, с критикой «веховского» понимания интеллигенции выступили публицисты либерального направления, крупнейшие философы и политики. В частности, П. Н. Милюков, в противовес Н. Бердяеву, который утверждает, что интеллигенция сугубо русское, национальное явление, не имеющее аналогов за рубежом [12], считает, что «ин-

теллигенция вовсе не есть явление специфически русское. Ведь и в других странах интеллигенция, как отдельная общественная группа, возникала, как только рост культуры или усложнение общественных задач вместе с усовершенствованием государственно-общественного механизма и демократизацией управления создавали потребность в специализации и профессиональной подготовке интеллигентского труда» [13, 297]. Таким образом, под интеллигенцией авторы сборника имеют в виду, прежде всего, человеческий тип, определяемый ими не через социальное положение, не через образовательный ценз, не через экономический источник существования, а через общее, специфическое мировоззрение [14, 107].

В советские времена социально-этические концепты были отвергнуты, и общепринятой стала социально-экономическая трактовка, которая сохранилась по существу в неизменном виде более полувека — с середины 1930-х до середины 1980-х годов [15, 31]. В. Ленин оценивает интеллигенцию с классовых позиций, считает, что к ней следует относить «всех образованных людей, представителей свободных профессий, умственного труда, в отличие от представителей физического труда» [16, 107]. Вместе с тем он подчеркивает, что «интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе [17]. А. В. Луначарский, опираясь на учение классиков марксизма-ленинизма, считает, что «с точки зрения общества, как организации сотрудничества, — интеллигенция есть специальная группа лиц, несущая высшие функции по организации опыта, его сохранению и развитию, как в области знания, так и в области чувства» [18, 6]. Итак, советская социально-экономическая трактовка интеллигенции ставит во главу угла профессиональное самоопределение, род занятий данного специалиста. Главное достоинство советской интеллигенции виделось не в образованности и этических качествах, а в готовности «верой и правдой» служить социалистическому отечеству.

В результате дискуссий 90-х гг. появляется немало исследований, посвященных изучению феномена интеллигенции и рассматривающих интеллигенцию как особый морально-этический феномен. Как явление уникальное, присущее русской культуре, характеризует интеллигенцию академик Д. С. Лихачев: «Интеллигент — это человек, обладающий умственной порядочностью... к интеллигенции принадлежат только люди, свободные в своих убеждениях, не зависящие

от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам. Интеллигент — это состояние души» [19, 3].

Отечественные историки считают, что на Запад слово «интеллигенция» пришло из русского языка. Там оно заменяется совсем не равнозначным ему словом «интеллектуалы». Так, Г.П. Федотов считает, что «у европейцев нет вещи, которая могла бы быть названа именем интеллигенция. На Западе являются нелепыми антитезы: «интеллигенция и народ», «интеллигенция и власть». Одной из особенностей, отличающих интеллигенцию от интеллектуалов, на Западе является наличие у интеллигенции глубокого самосознания, она задумывается над своим призванием, над своим прошлым [20, 67]. По мнению Н. Бердяева, «интеллектуалы — это люди интеллектуального труда и творчества, прежде всего ученые, писатели, художники, профессора, педагоги и пр. Совершенно другое образование представляет собой русская интеллигенция, к которой могли принадлежать люди, не занимающиеся интеллектуальным трудом... Интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, со своим обязательным мирозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями» [21]. Отсюда следует, что интеллигенция отличается от интеллектуалов прежде всего тем, что интеллигенция способна выйти за рамки своих личных интересов, думать о судьбах своей страны, своего народа.

Все же часть современных ученых считает, что понятия «интеллигент» и «интеллектуал» тождественны, и нет смысла их разводить. Эту мысль достаточно четко выразил в одной из своих работ профессор В.Х. Беленький, который недоуменно вопрошает: «...но что такое «многоликое сообщество интеллектуалов», если не интеллигенция?» [22, 95]. На генетическую связь российской интеллигенции с западными интеллектуалами указал и Ю.М. Лотман: «в самой природе русской интеллигенции изначально заложена некая двойственность: она является результатом попытки создания образованной прослойки общества по европейскому образцу... своего рода интеллектуальной элиты и не учитывать эту соотнесенность с Западом было бы непозволительной ошибкой» [23, 108]. Естественно, пересечение тех или иных качеств, свойственных интеллектуалам, профессионалам, специалистам, присуще в определенной мере и интеллигенции. Так, например, знания, научное мышление, теоретический багаж, необходимый интеллектуалам, отдельным видам специалистов и професси-

оналам, чрезвычайно важен и для интеллигенции. Но не в этом ее специфика. Главное, на наш взгляд, — это ее этический потенциал.

Таким образом, анализируя разные подходы и точки зрения в определении понятия «интеллигенции», мы приходим к заключению, что интеллигенция — категория историческая, и ее наполнение со временем меняется. Разными лицами в него вкладывалось разное содержание, то есть, в проекции на социальную плоскость оно очерчивало неодинаковые группы общества. Отсюда вывод, что интеллигенция Иванова-Разумника, интеллигенция «Вех», интеллигенция В. Ленина и Д. С. Лихачева в приложении к современному им обществу обозначают разные его сегменты.

Проведенное исследование показывает, что интеллигенцию характеризует, прежде всего, способность критически мыслить, это люди, способные к нравственной рефлексии, ориентированной на преодоление глубочайшего внутреннего разлада с самим собой.

Примечания

1. Лотман Ю. М. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы международной конференции. М., 1999.

2. Цит по: Попов Д. С. Самосознание российской интеллигенции: траектории трансформации // Мир России. Т. XV. № 4. 2006.

3. Соколов А. В. Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009.

4. Ширинянц А. А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции. URL: // <http://www.portal-slovo.ru/history/35092.php> (дата обращения 21.06.2012).

5. Франк С. Интеллигенция и освободительное движение // Полярная звезда. 10 февраля. 1906. № 9.

6. Цит по: Куренной В. //Интеллектуалы. URL: http://www.fundeh.org/files/publications/35/vitalij_kurennoj_-_intellektualy.pdf (дата обращения 21.06.2012).

7. Иванов-Разумник Р. В. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993.

8. Туган-Барановский М. И. Интеллигенция и социализм // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993.

9. Мансуров В. А., Барбакова К. Г. Молодой интеллигент развитого социалистического общества. М., 1981.

10. Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993.
11. Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990.
12. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма // Бердяев Н. Образование русской интеллигенции и ее характер. Славянофильство и западничество // URL: [http:// www. vehi. net /berdyayev / istoki / index. html](http://www.vehi.net/berdyayev/istoki/index.html) (дата обращения 21.06.2012).
13. Милюков П. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России.
14. Гайденок П. П. «Вехи»: неслышанное предостережение // Вопросы философии. 1992 № 2.
15. Соколов А. В. Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009.
16. Цит. по: Севастьянов А. Двести лет из истории русской интеллигенции // Наука и жизнь. 1991. № 3.
17. Ленин. Вождь Октября. Ленин и культура. URL: <http://1001.ru/books/borev/issue52/> (дата обращения 5.06.2011).
18. Луначарский А. В. Об интеллигенции. М., 1923.
19. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2.
20. Федотов Г. П. Судьба и грехи России // Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции: в 2 т. СПб., 1991. Т. 1.
21. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма/URL: <http://www.krotov.org/index.htm><http://www.krotov.org/indx.htm> (дата обращения 21.06.2012).
22. Беленький В. Х. Еще раз об интеллигенции // Социологические исследования. 2004. № 4.
23. Лотман Ю. М. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы международной конференции. М., 1999.

**З. Т. ДЗОДЗИЕВ,
соискатель СОИГСИ**

**ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ГРУППА
«ХИЗАН» В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ (2 ПОЛ. XIX —
НАЧАЛО XX ВВ.)**

В горах Южной Осетии, как и в Северной, главной проблемой было малоземелье и аграрное перенаселение. Избыточному крестьянскому населению приходилось искать новые места для поселения. Такие места имелись, в частности, во владениях князей Палавандишвили и других помещиков, которые охотно принимали переселенцев-осетин.

Между крестьянином-хизаном и помещиком заключалось бессрочное соглашение об условиях крестьянского землепользования в помещичьем владении. Хизаны отличались от других крестьян тем, что имели личную свободу и право на бессрочное пользование помещичьей землей. Помещик обычно стремился приравнять хизана к крепостным крестьянам, распространить свои права над ним. Это встречало стойкое сопротивление со стороны хизана, отстаивавшего свою личную свободу от посягательств помещика. Помещик, принимавший хизана, юридически не мог объявить его своим крепостным хотя бы потому, что он пока что считался собственностью своего прежнего владельца — помещика, царя или церкви, и он мог вернуться обратно к ним в любое время.

Повинности, отбывавшиеся хизанами помещикам, были разнообразны и неодинаковы; размер их зависел от соглашения между сторонами, хотя складывавшийся обычай имел тенденцию к однообразию.

Хизаны подразделялись на следующие группы:

1. Хизаны, имевшие 10 десятин земли, отбывали 144 дня личной работой и 116 дней работой скота, зерном на сумму 40-53 рубля. Всего повинностей на сумму 117-130 рублей;

2. Хизаны, имевшие земли 7,5 десятины, отбывали личной работой 114 дней и работой скота 92 дня, зерном на сумму 30-40 рублей. Всего повинностей на сумму 63-69 руб.;

3. Хизаны, имевшие 5 десятин отбывали личной работой 81 день и работой скота 60 дней, зерном на сумму 20-26 рублей 60 коп. Всего повинностей на сумму 63-70 руб.;

4. Хизаны, имевшие 2,5 десятин, отбывали личной работой 42 дня, работой скота 10 дней, зерном 10-13 рублей. Всего 26-30 рублей.

И, наконец, безземельные хизаны, которые отбывали личной работой 50-52 рабочих дня на сумму 15-18 рублей [1,14-15].

Помимо крупных владений, принадлежавших князьям Мачабели, Эристави-Ксанским, Палавандишвили, отдельные селения осетин принадлежали мелким помещикам. В этих селениях — Корниси, Брили, Тигва, Абано, Нули, Ередви, Сарабуки, Мерия, Багеби, Сатихари, Снекви, Чареби, Зардианткари, Накалакеви, части Дмениси, а также в селах Кударского ущелья крестьяне относились либо к группе хизан (Корниси, Брили, Тигва), либо к крепостным крестьянам (Ередви, Сарабуки, Сатикари, Снекви, Зардианткари и др.). Селения Кере, Малая Реха, Кирбали принадлежали казне и церкви Самтавро; село Зерты — казне и Мухранской церкви; село Дмениси (часть) — Икортской церкви.

Казенные крестьяне не подвергались жестокости и эксплуатации со стороны помещиков. Поэтому в Грузии наблюдалось стремление помещичьих крестьян перейти в разряд государственных, в особенности это стремление усилилось в 30-х гг. XIX в. Крестьяне, проживавшие на территории нынешней Южной Осетии, неоднократно восставали против помещиков и заявляли, что они готовы отбывать всякие повинности государству, но не князьям Мачабели, которым они не принадлежали. Крестьяне своей упорной борьбой добились того, что Сенат отказал князьям Мачабели в крепостном праве над осетинами, которые были причислены в разряд казенных крестьян.

В низменной зоне крестьянские наделы определялись на основании общих положений, выработанных для Тифлисской губернии. Здесь излишки полевых земель передавались в пользу помещиков, а мелкопоместных землевладельцев закон совсем освободил от обязанности выделения крестьянам полевого надела.

Отмена крепостного права в Южной Осетии была проведена позднее, чем в России. Крестьянская реформа в Грузии основывалась на Положении от 19 февраля 1861 года. Однако для Восточной Гру-

зии были выработаны «Дополнительные правила о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости в Тифлисской губернии», утвержденные 13 октября 1864 года. Для нагорной зоны Горийского уезда и Горийского округа Тифлисской губернии», были сделаны изъятия из общего положения по этой губернии, установленные в особых «Правилах о поземельном устройстве крестьян», водворенных на помещичьи земли. Такие же изъятия были проведены и для нагорной части Рачинского уезда Кутаисской губернии [2, 12]. В нагорную часть этих уездов входили и осетинские поселения.

Российское правительство опасалось дальнейшего роста крестьянских восстаний в Грузии, но не хотело проведением крестьянской реформы настраивать против себя местных феодалов, на которых опиралось в своей политике. Поэтому власти, успокаивая дворян, неоднократно подтверждали, что реформа в Грузии никакого ущерба помещикам не принесет [3, 403].

В период проведения крестьянской реформы территория Юго-Осетии не представляла отдельной административной единицы, а входила, главным образом, в Горийский и Душетский уезды Тифлисской губернии, а также в Рачинский и Шоропанский уезды Кутаисской губернии. В конце XIX века по переписи 1897 г. в первых двух из этих уездов жило свыше 65 тыс., а в последних двух — свыше 6 тысяч осетин. Кроме того, в других уездах названных губерний проживало еще около 2,7 тыс. осетин [4].

Большая часть крепостных крестьян, на которых распространялось действие реформы, жило на землях князей Эристави — Ксанских. Их имения были расположены от ущелья реки Малой Лиахвы до ущелья р. Ксан. Много крепостных жило и во владениях других помещиков: Павленишвили, Палавандишвили, Амираджиби, Херхеулидзе, Диасамидзе и др. Часть крепостных крестьян жила в бассейне реки Большой Лиахвы, в селениях Кехви, Тамарашени, Ачабети, Курта, Кемерта, Дзарцеми и др. Крепостные крестьяне жили и в горных районах Юго-Осетии (селении Едыс, Верхний и Нижний Ерман, Бритат, Ход, Тли и др.). Много крепостных имелось в Кударском участке Рачинского уезда. Крестьяне, проживавшие на территории, составляющей нынешнюю Южную Осетию, делились в основном на четыре категории.

Это были мачабеловские крестьяне, проживавшие на землях кн. Мачабели, но не признававших над собой их прав; крепостные, жившие, главным образом, на землях кн. Эристави, отнесенные после

реформы к временнообязанным; хизаны, проживавшие на землях разных помещиков, особенно князей Палавандовых, на территории нынешнего Знаурского района, и, наконец, казенные крестьяне, жившие на государственных землях [1,14-15].

По положению 1864 г. о поземельном устройстве закавказских крестьян, последним было предоставлено право выкупать свои наделы с согласия помещиков по ценам, также согласованным с помещиками. До окончательного выкупа крестьяне оставались в положении временнообязанных. В этом положении крестьяне несли помещикам повинности: 1) денежную за усадьбу и сады, 2) натуральную: одну четвертую часть урожая с пахотной земли, одну треть с сенокосов и одну четверть с виноградников.

Реформа предоставляла крестьянам право пользоваться пастбищами, но запрещала пользоваться лесом. Помещики могли отпускать крестьянам дрова на добровольных началах за определенную повинность. Когда стороны не приходили к соглашению, спор разрешал мировой посредник.

Закон обязывал помещиков при личном освобождении крестьян предоставить им земельные наделы, чтобы они могли выполнять свои обязанности перед государством и землевладельцами.

Помещики не могли уменьшить как наделы отдельных крестьянских дворов, так и наделы, находившиеся в их совместном пользовании. Но они имели право отобрать участок у крестьянина, если тот не отправлял повинность, и передать другому или присоединить к своим землям. Крестьяне обязывались не оставлять и не уменьшать в течение десяти лет надел без согласия помещика и платить установленные повинности. В горной полосе, где наделы были скудные, а земля очень дорогая, никто из крестьян не оставлял своей земли. В результате реформы площадь землепользования югоосетинских крестьян в целом сокращалась. Если перед реформой в пользовании крепостных крестьян на территории Горийского и Душетского уездов было 93,36 десятины пахотной и сенокосной земли, то после реформы временнообязанные крестьяне получили в наделы, согласно уставным грамотам, 78,05 десятины, т.е. крестьяне потеряли 16,5% земли. В среднем на один крестьянский дым приходилось пахотной и сенокосной земли 3,3 дес., а после реформы — 2,1 десятины [5,288-289].

Не улучшилось положение югоосетинских крестьян и в отношении повинностей. Временнообязанные крестьяне до выкупа своих наделов должны были отбывать повинности деньгами или натурой,

определяемые добровольным соглашением с помещиком. Наместник Кавказа имел право перевода натурального оброка в денежный. Денежная повинность за усадьбу землю составляла 3 рубля за дневное паханье; за полевые пахотные земли платили галу — одну четвертую часть урожая; с сенокосов — одну треть укоса; с виноградников — одну четвертую часть урожая (кулухи); повинность с фруктовых садов определялась добровольным соглашением крестьян и помещиков. Если же соглашение не состоялось, то размер повинности определял мировой посредник [5, 291].

Взаимоотношения крестьян и помещиков, регулируемые уставными грамотами, рассматривались правительством как временные лишь до выкупа земельных наделов. Выкуп не был обязательным, но после реформы 1864 г. помещикам, особенно в горной полосе, собирать повинности стало гораздо труднее. Поэтому они хотели, чтобы крестьяне скорее выкупили свои наделы. Право выкупа земель представлялось как обществу в целом, так и каждому крестьянину в отдельности. Выкуп мог произойти по добровольному соглашению между помещиками и крестьянами или же по одностороннему требованию помещика. Согласно дополнительным правилам, выкупу не подлежали виноградники, пастбища и леса, что ущемляло интересы крестьян. Выкупной договор, включавший в себя данные о размере выкупаемой земли, о сумме ссуды и об условиях дополнительного платежа, утверждал мировой посредник по добровольному соглашению между помещиком и крестьянином. Материалы о выкупе рассматривало Губернское по крестьянским делам присутствие, но вопрос окончательно решало Главное выкупное учреждение.

Крестьяне, купившие земли посредством государственной ссуды, должны были вносить в казну выкупные платежи ежегодно в размере 6%. Ссуда погашалась в течение 49 лет.

С 1865 по 1890 гг. 153 осетинских дыма выкупили 559 десятин земли посредством государственной ссуды, а без нее 106 дымов выкупили 149 дес. К 1904 г. 434 дыма выкупили 1416 десятин, что составляло 14% всей надельной земли. Такой незначительный процент выкупа объясняется в основном незначительностью ссуды, которую могли получить крестьяне от государства. Одному дыму в нагорной полосе отпускалось не более 250 рублей. Для выкупа однодневного паханья усадьбу земли давали ссуду 50 руб., для полевой земли — 15, сенокосной — 5 рублей. Если же повинность отбывали урожаем или

скотом, то размер ссуды однодневного пахання для полевых земель составлял 10 руб., а сенокосных — 3 рубля [6, 295-301].

В 1873 г. правительство издало правила о переводе по Закавказскому краю натуральных повинностей в денежные. Это было первым мероприятием правительства, направленным на ликвидацию временнообязанных отношений. Но выкупные цены и денежные повинности, содержащиеся в этих правилах, комиссия признала высокими. С 1880 по 1912 гг. было составлено еще четыре проекта ликвидации зависимых и обязательных отношений в Закавказье; их обсуждали в различных инстанциях и только 20 декабря 1912 г. Государственная дума утвердила четвертый проект. Этот закон временнообязанные повинности заменял обязательным выкупом наделов. Для погашения государственной ссуды закон давал крестьянам следующие сроки: 56 лет для погашения 4%, 41 год — для 5% и 23 года — для 6%. Итак, выкупная операция ликвидировала временнообязанное состояние лишь меньшей части крестьян, большинство же осталось в кабале у помещиков.

В пореформенный период крестьяне делились на такие же категории, что и до отмены крепостного права. Так как хизаны считались лично свободными крестьянами, реформа 1864 г. на них не распространялась, и помещики стали подвергать их еще более жестокой эксплуатации.

Многие помещики после крестьянской реформы старались выселить осетин-хизан из своих земель, но в результате упорной борьбы последним удалось остаться в хозяйских имениях. Помещики увеличили повинности с хизанских дворов, чему хизаны выражали свое недовольство и протест. Так, например, в 1884 г. 103 хизана сел Торманеули, Бекмар, Малда, Цунар, Аркнети и Самцкаро подали жалобу на помещиков в Тифлисское губернское по крестьянским делам присутствие, в которой просили оказать воздействие на помещиков Палавандишвили, чтобы те снизили повинности до уровня дореформенного периода. Но губернское присутствие и II отдел мирового посредника Горийского уезда, состоявшее из тех же помещиков, не поддерживали просьбу хизан.

Князя Палавандишвили в 1883 г. заставили крестьян подписать новые условия о повинностях. После долгого изучения хизанского вопроса в различных учреждениях 3 июня 1891 г. правительством был утвержден закон об отношениях хизан и помещиков. Этот закон давал помещикам право изъять земли у хизан, оплатив им стоимость

хозяйственных построек. Если же помещик сгонял хизана с земли без предупреждения, то он должен был возместить крестьянину стоимость хозяйственных построек в двукратном размере. В случае отказа хизана от земли его дом переходил бесплатно к помещику. Таким образом, закон 1891 г., защищая интересы помещиков, не определил размеры повинностей, вокруг которых происходил непрерывный спор между помещиками и хизанами. Закон создавал условия для помещиков диктовать свою волю хизанам, как срочным арендаторам земли.

В 1900 г. были утверждены «Разъяснения и дополнения к Положению 1891 года». Но и этот закон не определил ни размера повинностей для хизан, ни площадь их земли. Новый закон ещё больше защищал интересы помещиков. Теперь землевладелец мог лишить хизана земли без какого-либо вознаграждения. Таким образом, хизанский вопрос не был разрешен, и хизаны продолжали борьбу против помещиков.

Реформа 1864 г. не распространялась и на крестьян, проживавших во владениях князей Мачабели, так как они еще в 1852 г. были освобождены от крепостной зависимости. Несмотря на это, князья Мачабели продолжали жестоко эксплуатировать их. Они отбирали у крестьян 1/10 часть урожая. Между Мачабели и крестьянами продолжался спор также и за пользование лесами и пастбищами; эти угодья помещики считали своей собственностью и за пользование ими требовали с крестьян отправление повинностей. Обоюдные жалобы крестьян и князей Мачабели за леса и пастбища разбирались во всех инстанциях, начиная от Цхинвальского мирового участка и кончая сенатом. В 1895 г. сенат и император решили оставить в силе положение, согласно которому без разрешения помещиков крестьяне не имели права пользоваться лесными и пастбищными угодьями.

Царское правительство в пореформенный период почти не занималось устройством также и государственных крестьян. В 1896 г. был выработан законопроект о земельном устройстве государственных крестьян в Закавказье, согласно которому крестьянам передавали наделы из казенных земель, оставшихся собственностью государства. Но этот проект не был утвержден. Казенные крестьяне-осетины жили в 58 селениях, из которых 48 находились на территории нынешней Южной Осетии, остальные — за ее пределами. Эти крестьяне имели собственные земли, купленные у частных лиц в Горийском и Душетском уездах.

В целях максимального обложения крестьян податью царское правительство в пореформенный период провело три раза камеральные описания населения. Однако большая текучесть крестьян-осетин (переселение с горной зоны в равнинные районы Грузии) не позволила царским чиновникам вести точный учет населения. Большинство переселенцев в продолжение десятилетий числилось в своих прежних местах и являлось недоимщиками.

В отличие от казенных крестьян внутренних губерний России, государственные крестьяне в Закавказье не получили права приобретать земельные наделы. В результате реформы не улучшилось и экономическое положение проживавших в отдельных селах церковных и дворовых крестьян.

Примечания

1. Абаев В.Д. Экономическое развитие Юго-Осетии в период капитализма. Ч. II. Тбилиси, 1956.

2. Догузов П.Б. Революционное движение в Южной Осетии в XIX-XX вв. Сталинир, 1960.

3. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907.

4. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. СПб. Вып. 7.

5. Ванеев З.Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX веке. Сталинир, 1956.

А. А. АЛИБЕКОВА,
аспирант ДНЦ РАН ИИАЭ, г. Махачкала

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ ЖЕНЩИНЫ
В ДАГЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.**
(к историографии вопроса)

В условиях происходящего в России процесса формирования гражданского общества особое место занимает вопрос о социально-экономическом положении женщины в обществе. Женщины заявляют о своей готовности к приобретению равных с мужчинами прав на профессию и труд [1].

Вопрос о положении женщины, ее месте в обществе всегда занимал выдающиеся умы, начиная с глубокой древности. В разные исторические эпохи, в разных культурах и обществах отношение к женщине не было одинаковым, как и само положение женщины в разных обществах было различным — от свободного и независимого, до приниженного и подчиненного. Однако традиционное общество всегда демонстрировало четкое разграничение мужских и женских ролей и, несмотря на разнообразие в статусе, женщина всегда занимала в обществе второстепенное место. По тому, как общество относится к женщине, какое положение она занимает в нем, можно судить о характере самого общества.

Тема актуальна на фоне возросшего на рубеже XX-XXI вв. интереса к исследованию статуса женщины в современном обществе, для чего необходимо изучение и осмысление экономического и социально-политического положения женщины.

В связи с этим возникает специальная историческая дисциплина, предметом изучения которой является историческая ретроспектива изучения гендерных отношений. Понятие возникло в начале 80-х гг. XX века вместе с появлением термина гендер, его теоретическую базу

впервые обосновала американский историк Джоан Скотт в своей знаменитой статье «Гендер: полезная категория исторического анализа» (1986). Появление гендерной истории стало реакцией на развитие женских исследований и истории женщин, которые в конце 70-х гг. зашли в тупик, как в плане методологии, так и в плане определяющих познавательных концепций [2].

Гендерная история в России до сих пор остается «белым пятном» исторической науки, часто подменяется историей женщин или историей быта. Тем не менее, при употреблении понятия гендер речь идет не о женщинах и их проблемах, а о взаимоотношениях полов в рамках определенной исторической реальности и проблемах, вытекающих из этого сложного процесса. Таким образом, гендерная история включает в себя историю женщин, историю мужчин, историю полов и их взаимоотношений, проблему социального конструирования пола и, самое главное, взаимосвязь и влияние вышеуказанных процессов на общую картину исторического развития человечества. При этом гендерная история заключается не в простом описании мужчин и женщин и их основных характеристик, а в систематическом выявлении их взаимосвязей через постоянное сравнение в рамках различных исторических ситуаций [3].

Огромный вклад в развитие в России гендерных исследований принадлежит Наталье Львовне Пушкаревой — доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику института этнологии и антропологии РАН. Она является автором ряда научных и научно-популярных монографий, статей в научных периодических изданиях и сборниках. В книгу «Женщина. Гендер. Культура», выпущенную в 1999 г., включены научные статьи и эссе [4]. Этот сборник отражает современный уровень гендерных исследований в России, поскольку все авторы не только вовлечены, но и увлечены этими исследованиями. В создании сборника участвовали ученые с мировым именем, ведущие российские специалисты в области гендерных исследований, зарубежные авторы и талантливая российская молодежь [4].

Все больше исследователей приходят к выводу, что гендерный подход необходим при любых социальных исследованиях, а особенно при исследовании роли и места женщины в различных общественных структурах.

История изучения дагестанской женщины, ее социальное, экономическое и политическое положение в обществе рассматривается в статье в хронологическом порядке. В дореволюционной историогра-

фии положение дагестанской женщины никогда не было предметом специального изучения. В работах этого периода немало этнографического материала по самым различным сторонам жизни и быта женщин, являющихся ценными источниками для изучения проблемы.

1850-1870-е гг. — активная фаза становления российского кавказоведения. Межкультурный диалог реализовался в политике и институтах, в науке и просвещении, но немаловажным источником его развития в тот период являлись творческие личности. Большое значение имеют интеллектуальный опыт и инициативы П. К. Услара и Н. И. Воронова, ярких представителей интеллектуальной элиты российского общества второй половины XIX века, жизнь и деятельность которых неразрывно связаны с Кавказом.

Современные исследователи подчеркивают, что завоевание Кавказа Россией шло вместе со становлением российского кавказоведения. Указывается на тесное взаимодействие кавказской администрации и ведущих научных учреждений, причем среди российских военных чиновников, членов Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества (КОИРГО), занявшихся изучением Кавказа в первую очередь, называют П. К. Услара, а среди научных изданий — «Сборник сведений о кавказских горцах», редактором которого был Н. И. Воронов [5].

С 1868 по 1876 год под его редакцией вышло девять томов этого сборника. Очерки Н. И. Воронова представляют ценность как источник для изучения истории Кавказа [6]. Однако не всегда эти сведения носили объективный характер. Особенно это прослеживается в описании дагестанской женщины. «Вот они, кавказские горянки, — пишет Н. И. Воронов в своих путевых заметках, — так размашисто идеализированные фальшивым строем лиры некоторых наших поэтов. Сгорбленные, в неуклюжих одеждах, отворачиваясь от нас, перетаскивали на спинах своих большие связки снопов, из под которых заметны были ноги, еле прикрытые дырявыми штанами. «Дамы, дамы! — радостно указывал на эти фигуры один из наших спутников. — Смотрите, дагестанские дамы». И это наивное замечание нашего спутника, весьма добродушного, казалось преисполненным злейшей иронии. В самом деле, какое сближение между тем, что европеец величает дамой и между этими несчастными жилищами кавказских гор, и не только под старость, но и в 30 лет уже не могущими распрямить свой стан» [7]. Такую поверхностную характеристику дает автор горянкам Дагестана.

В этом же сборнике за 1868 г. опубликована статья А. В. Комарова «Адаты и судопроизводство по ним» [8]. Она написана с использованием большого числа источников и прежде всего адатов. В ней рассматриваются вопросы, касающиеся судопроизводства. А. В. Комаровым уделено внимание также адатам по брачным делам, по увозу женщин, прелюбодеяниям, также показано правовое положение женщин.

Интересное описание нравов и обычаев одного из дагестанских народов, а именно даргинцев, дает Г.-М. Амиров [9]. Будучи гимназистом и жившим долгое время за пределами Дагестана, он в своих записках сумел показать положение женщин в семье. Отметил особенность отличия жительниц гор от жительниц равнин. Заключение это отличие в разной степени участия женщин указанных зон в хозяйственных (полевых) работах. Если на равнине доля женщин в этих работах была ничтожна, в горных долинах несколько выше, то в горах степень участия женщин во всевозможных хозяйственных работах была весьма велика [10].

К 80-м годам XIX в. относится исследовательская деятельность М. М. Ковалевского на Кавказе. Юрист по образованию, М. М. Ковалевский имел весьма разнообразные научные интересы. Приведенные им материалы способствовали складыванию в научной литературе мнения о бесправном положении дагестанки в семье и в обществе, о выполнении ею обременительных обязанностей по хозяйству и в поле, о низведении ее до положения рабыни. Вместе с тем, Ковалевский дал интересные сведения о личном имуществе жены, которое считалось неприкосновенным и по шариату возвращалось ей полностью в случае расторжения брака [10].

Об адатах и о положении женщин пишет Н. Семенов в своей монографии «Туземцы Северо-Восточного Кавказа» [11]. «Возьмем обычай обиходной жизни горца. Женщина не смеет сесть в присутствии мужчины, и мужчина-чеченец никогда не станет есть с нею вместе. Тон чеченца в разговоре с женщиной всегда властный, повелительный. Если чеченка делает что-нибудь на глазах своего мужа, поднимает, например, какую-нибудь тяжесть, она может надрываться, падать, — муж ни в каком случае не подойдет к ней и не окажет ей помощи; в дороге муж идет с пустыми руками, развлекаясь осматриванием своего оружия да окрестных гор, а жена сгибается под бременем наваленной на нее ноши, причем ей и в голову не приходит сказать мужу: «Я устала, помоги мне». Здесь опять сказывается влияние

миросозерцания, сложившегося под углом зрения мужчины-воина, для которого, как и все другое, не более как обстановка, существующая для его удовольствия" [11]. Этот пример отношения мужчины к женщине показателен также и для горцев Дагестана, ввиду схожести общественного положения. Автор описывает брачные обычаи горцев, юридические обычаи по делам оскорбления чести женщины, по делам похищения замужних и не замужних женщин. «Что касается обычая похищения женщин, то его следует объяснить таким образом. При существовании народа в условиях разрозненных агнатических союзов, похищения женщин могут быть и делом необходимости, когда в том или другом союзе не хватает представительниц прекрасного пола, и делом мщения — во время враждебных столкновений союзов и делом корыстного расчета или прихоти. С возведением в народный идеал мужчины-воина, добывающего все силой оружия, похищение женщины получает значение акта воинской доблести и поэтому естественно становится народным обычаем [11].

Новый этап в изучении Дагестана наступил с установлением советской власти. Специальные исследования жизни и быта женщин до революции и после революции должны были доказать, что до социалистической революции 1917 г. положение женщин было крайне тяжелым и угнетенным, лишь революция смогла освободить их и раскрепостить [10].

«Безотрадной и тяжелой была женская доля в дореволюционном Дагестане. Мусульманская религия оправдывала абсолютное бесправие женщины, рассматривала ее как собственность мужа. Женщина не считалась жизнедеятельным человеком, она всячески притеснялась не только в общественной жизни, но и в быту», — писал А. Путерброт в своей книге «По дороге русских сестер» [12]. Знаменательно, что официальная идеология господствующих классов находилась в непримиримом противоречии с тем взглядом на женщину, который в поэтической форме был выражен в произведениях народного творчества. Фольклорные произведения изображают женщину как носительницу не только красоты, но и высоких идеалов гуманизма, преданности родине и народу, воспевают ее находчивость, выдержку и доблесть [12, с.6]. Автор приводит много примеров в стихах Сулеймана Стальского, Гамзата Цадасы, народных сказаниях и преданиях.

Положение женщины в дагестанском обществе не может быть обрисовано с достаточной полнотой без исследования имущественно-правовой сферы. Эта проблема связана не только с историей пра-

ва в целом и семейного в частности, но и помогает найти ответы на такие важнейшие вопросы, как истоки неравноправия женщин, их имущественных прав. Вот что пишет А. И. Гасанова в своей монографии «Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920-1940 гг.): «Бесправное положение женщины-горянки было узаконено адатами и шариатом. По дагестанским адатам, в случае отсутствия главы семьи и наследника мужского пола, горянка лишалась каких-либо прав при переделе общественной земли, и ее собственный участок в этом случае переходил к родственникам мужа. По шариату женщина не признавалась прямой наследницей. После смерти отца, при отсутствии братьев и других членов семьи, девушка должна была уступить половину имущества родственникам отца, в то время как сын при тех же условиях наследовал все имущество. Все это приводило к экономической зависимости горянки от отца, когда она была девушкой, и от мужа, когда выходила замуж» [13].

В таком же духе пишет Р. А. Эльдарова в своей монографии «Женщины гор»: «Страшные законы прошлого сокращали детство и юность женщины. Женщина гор выполняла всю тягость как домашней, так и полевой работы, она эксплуатировалась более жестоко, чем женщина в любой восточной стране. Реакционная идеология ислама, горский быт с его адатским правом и шариатом неразрывными путями связывали горянку, превращая ее в самое безропотное и консервативное существо» [14].

Среди работ, посвященных семейным отношениям, необходимо отметить сборник статей «Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX — начале XX вв.», подготовленный сотрудниками ДНЦ РАН [15]. В статьях прослеживаются имущественные и социальные права женщин, их семейный статус и роль в повседневной жизни общества.

Огромный вклад в изучение жизни женщин в дагестанском обществе внесла Б. Р. Рагимова. В историко-этнографических исследованиях уделяется внимание изучению женщины в важнейших традиционных структурах — семье и сельской общине, определению ее места и роли и общественном быте. Б. Р. Рагимовой принадлежит целый ряд публикаций, отражающих в той или иной степени положение женщины в Дагестане [16].

Научный интерес представляют историко-этнографическое исследование М. К. Мусатовой «Хваршины» (1995), а также ее монография «Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана,

связанные с рождением и воспитанием детей» [18]. В монографии на основе полевого этнографического материала, фольклорных данных и литературных источников рассматриваются вопросы этнографии детства народов нагорного Дагестана (аварцев, даргинцев, лакцев). Особое внимание уделено традиционным обычаям и обрядам, сопровождающим детей от рождения до совершеннолетия. В ней автор рассматривает и вопрос о положении женщин. Монография содержит весьма ценный материал, касающийся положения женщины в семье, ее взаимоотношений с мужем, воспитания детей, взаимоотношение родителей и детей.

Немалый вклад в изучение положения кавказской женщины внес Ю. Ю. Карпов. Его книга «Женское пространство в культуре народов Кавказа» представляет особый интерес и касается вопросов положения женщины в обществе, в семье. Автор дает возможность по-новому взглянуть на культурно-бытовые традиции населения региона, прямо или опосредованно связанные с женщиной [19]. В книге рассматриваются такие вопросы, как имущественное положение женщин, права и обязанности женщин в обществе, которые показывают нам исключительную роль женщин в хозяйственной и общественной жизни народов Кавказа.

Несмотря на перечисленные труды, жизнь кавказской женщины во всех ее проявлениях является еще мало исследованной. Изучение положения женщины, ее места и роли в различных общественных системах, и особенно в традиционных обществах Дагестана, нуждается в дальнейшем исследовании. Необходимы труды, которые давали бы целостную картину положения дагестанской женщины в семье и обществе.

Примечания

1. Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики/Сост. Е. Б. Мезенцева. М., 2002.
2. Гендерная история. http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_p/term.html?act=list&term=919
3. <http://pushkareva.narod.ru/books/zengendkult.htm>
4. Пушкарева Н. Л. «Женщина. Гендер. Культура». М.: МЦГИ, 1999.
5. Абдуллаев М. А. Из истории общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М.: Наука, 1968. 336 с.
6. Бунькова Ю. В. Проблемы изучения и просвещения народов северного Кавказа во взглядах и деятельности П. К. Услара и Н. И. Во-

ронова // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук www.dissercat.ru

7. Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. 1868. Вып. 1.

8. Комаров А. В. Адааты и судопроизводство по ним: (материалы для статистики Дагестанской области) // ССКГ. 1868. Вып. 1.

9. Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // ССКГ. 1873. Вып. 7.

10. Рагимова Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX-начала XX века (роль и место в семейной и общественной жизни) // Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестан. науч. центра РАН. Махачкала, 2001.

11. Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. Спб., 1895.

12. Путерброт А. По дороге русских сестер. Дагестанское книжное издательство, Махачкала: 1960.

13. Гасанова А. И. Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920-1940 гг.). Махачкала, 1963.

14. Эльдарова Р. А. Женщины гор. М., 1963.

15. Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX — начале XX в. Махачкала, 1986.

16. Рагимова Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX века (К вопросу о роли и месте в семье и обществе) // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские чтения) 2000-2001 г. Краткое содержание докладов. Спб., 2002; ее же. Имущественное положение женщины в Дагестане (XIX — начало XX вв.) // ЭО. 2001. №5.

17. Рагимова Б. Р. Общинная организация хозяйственных работ у лезгин (XIX — начало XX вв.) // Сельская община Дагестана и Северного Кавказа: материалы региональной научной конференции. Махачкала, 2003.

18. Мусаева М. К. Традиционные обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей у народов Нагорного Дагестана. Махачкала, 2006.

19. Карпов Ю. Ю. «Женское пространство в культуре народов Кавказа». Спб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

**А.А. ЖУРТОВА,
студентка КБГУ, г. Нальчик**

ПРОБЛЕМА ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАБАРДЫ К РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В отечественной историографии проблеме формирования Российского многонационального государства отведено значительное место. В центре внимания исследователей стоят вопросы «собира- ния» различных народов и территорий под единой державной рукой российских правителей. Историографический анализ взаимоотно- шений России и народов Северного Кавказа дает возможность вы- строить новую концепцию русско-кавказских отношений в XXI веке.

Концептуальное осмысление истории Северного Кавказа, его вза- имоотношений с Российской Империей за последние двести лет не раз менялось. Кавказ рассматривали то как полусказочную страну на краю света, то как край диких первобытных горцев под боком у цивилизованной Европы, который предстояло усмирить и цивили- зовать [1, 18].

Цель нашей работы заключается в том, чтобы изучить концепции дореволюционной отечественной историографии по проблеме при- соединения Кабарды к России.

Исследуемая проблематика затрагивалась уже в XVIII веке в ра- боте А. И. Манкиева [2]. Это одна из первых работ, в которой имеют- ся материалы, характеризующие русско-кабардинские отношения. В частности, здесь упоминается об адыгских посольствах в Москву в середине XVI в. [2, 232-233].

В. Н. Татищев в своём многотомном труде [3] приводит материа- лы о посольстве адыгов в 1557 г., прибывшем с целью «служити го- сударю» [3, 478-479]. В период своего губернаторства в Астрахани (1741–1745) В. Н. Татищев собрал различные материалы о кабардин- цах, которые вошли впоследствии в его работы [4, 128].

В труде М. М. Щербатова [5] особое внимание уделено предпосылкам сближения кабардинцев с Россией в XVI веке. Автор полагает, что основная причина установления тесных взаимоотношений с Российским государством заключалась в стремлении Кабарды добиться у него защиты от «внешних врагов», т.е. от Турции и Крыма. По мнению М. М. Щербатова, с 1552 года, когда в Москву прибыло посольство от «народов Черкесских и Кабардинских» с просьбой принять их в подданство, Россия стремилась установить свою власть над всеми «горскими черкесскими народами» [5, 429-430]. В работе он неоднократно подчеркивает важность установления взаимоотношений с Московским государством для Кабарды, поскольку её народ благодаря этому взаимодействию приучается к «порядочной жизни» [6, 60].

Во многом аналогичные взгляды выражены в работе Н. М. Карамзина [7]. Тесное взаимодействие между Кабардой и Россией наблюдается, по мнению автора, с 1557 года, когда «князья Черкесские, присягнув Государю в верности, требовали, чтобы он помог им воевать Султанские владения и Тавриду» [7, 67]. Благодаря работам Н. М. Карамзина и М. М. Щербатова в научный оборот были введены важные источники и летописные материалы.

Кавказская война вызвала резкий поворот в подходах к региону. Военное противостояние в Кабарде оказало огромное влияние на дальнейшее развитие кавказоведения. С этого времени военный нарратив возобладал в большинстве научных исследований. В дореволюционных работах характер исторических связей России и Кабарды в XVI-XVIII вв. трактуется через призму геополитических интересов России в регионе. Авторы подчеркивали приоритет политических целей в действиях России, ее заинтересованность в регионе. В частности, Р. А. Фадеев считал насильственное присоединение Кабарды, как и всех кавказских территорий, «первой государственной необходимостью», поскольку ближайшие соседи — Турция и Иран — агрессивны, а в XIX веке вполне определились и колониальные устремления европейских держав на Кавказе [8, 15].

К наиболее важным трудам начала XIX века по истории Кавказа относятся работы С. М. Броневского [9]. Начало тесного сближения Кабарды и России автор относит к 1552 году, когда «Терские, Пятигорские и другие Черкасы прислали послов к царю Ивану Васильевичу, подвергая себя и землю свою под власть Российскую, лишь бы дана была им защита от Крымских татар» [9, 79-80]. В период Смуты,

по словам автора, связи с Российским государством прерываются и возобновляются только в XVIII веке. А в 1774 году благодаря Кючук-Кайнарджийскому договору «кабардинцы возвратились под российское подданство» [9, 84].

Привлекает внимание работа П. П. Зубова [10], в которой, говоря о статусе Кабарды в XVI в. на Северном Кавказе, автор подчеркивает, что «кабардинцы имеют преимущество над всеми горскими народами, кроме одних дагестанцев; все прочие роды... не только им подражают в нравах и во всех обычаях, но частью от них зависели и платили дань» [10, 92]. Безусловно, это было важно для Российского государства, стремящегося включить в сферу своего влияния весь Кавказ.

Интересный материал по истории присоединения Кабарды содержится в труде крупного российского историка середины XIX века С. М. Соловьева [11]. Затрагивая отношения с адыгскими народами, С. М. Соловьев отметил, что в XVI в. среди местных князей шла междоусобная борьба, они часто «терпели от крымцев и потому, как скоро увидали у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему ... с предложением подданства и, таким образом, незаметно, волею-неволею затягивали Московское государство все далее и далее на восток, к Кавказу и за него» [11, 707]. Подобный подход отвергает существование у России какой-либо политики в отношении Кавказа.

Ценнейшими трудами, не потерявшими своего научного значения и для современного кавказоведения, являются работы Р. А. Фадеева [8]. Одну из них он посвятил Кавказской войне, начало которой автор связывает с 1801 годом, когда к России была присоединена Грузия. «Это событие, — пишет Р. А. Фадеев, — определило новое отношение государства к полудиким племенам Кавказа» [8, 4]. По мнению автора, занятие Кавказа стало с этого времени «первой государственной необходимостью», поскольку «для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское» [8, 15]. Но покорить регион можно было, как утверждает Р. А. Фадеев, только силою оружия. Аргументы при этом приводят следующие: «Разбой был главным ремеслом горцев. Какие договоры были возможны с подобными людьми, разделенными вдобавок на сотни независимых обществ?» [8, 25]. Здесь, считает автор, нуж-

на «методическая война», предполагающая, что завоевание должно происходить «клочек по клочку, прочно утверждаясь в занятой местности» [8, 48]. Кавказская война завершилась полным завладением регионом, в первую очередь Кабардой.

Во второй половине XIX в. произошла окончательная интеграция кавказских народов в состав Российской Империи, которая стремилась теперь упрочить здесь свои позиции. В этот период произошло обогащение документальной базы российского кавказоведения, связанного, в первую очередь, с деятельностью созданной в 1864 году Кавказской археографической комиссии [12].

С. А. Белокуров опубликовал большое количество документов Посольского приказа, опираясь на которые написал исторический очерк по истории русско-кавказских связей со времен Святослава до начала XVII века [13]. Автор пишет, что в середине XVI века Московское государство «приобрело себе новых подданных, союзников, от которых в нужное время оно могло получить помощь против Крыма» [13, 45]. Таким образом, Кабарда с этого времени оказывается включенной в сферу влияния Российского государства.

Обширные сведения по проблеме присоединения Кавказа к России, этнографическим и культурным особенностям региона приводятся в многотомной работе Н. Ф. Дубровина [14]. Понимая стратегическое значение Кавказского региона для России и всю сложность, с которой этот край завоевывается, автор главное предназначение своего исследования видит в том, чтобы изложить все события «так, как они происходили на самом деле». Поскольку, по мнению автора, «войскам необходимо знать, храбр ли его противник или трус, а администрации — каковы его силы, и в чем заключается источник могущества неприятеля. Ей необходимо знать характер и быт того народа, с которым она приходит в столкновение, и среди которого проявляется её власть и значение» [14, 14]. Дубровин считает, что «всё существование черкеса сложилось так, что без хищничества не было для него жизни, не было удовольствий в настоящем, не было блаженства и в будущем мире» [14, 64]. В данной работе содержатся небольшие очерки по истории и этнографии каждого народа, заселявшего Кавказский регион, что придает ему особую ценность как историческому и историографическому источнику.

Важнейшим трудом дореволюционной историографии по проблеме присоединения Кабарды к России является исследование

Н. Ф. Грабовского [15]. Главной предпосылкой сближения Кабарды и России в середине XVI века он видит в потребности адыгов в военной защите. В последующем, как пишет автор, они выступали в качестве союзников в войнах с Крымом. Но несмотря на это, замечает автор, «отношения были чисто фиктивного свойства; общей и прочной связи не существовало между этими народами.... К тому же и слишком отдаленное место обитания кабардинцев от тогдашних центра и границ России не могло связать, в силу естественных причин, общих интересов какими-нибудь прочными узами.... Нередко мнимые приятели наши — кабардинцы и вредили нам, вторгаясь в ближайшие к ним наши провинции для грабежей и разбоев» [15, 116]. Но Российская Империя нуждалась, согласно Грабовскому, в полном подчинении Кабарды, и если кабардинцы, по мнению автора, начнут бороться за свою независимость, то их необходимо будет завоевывать, поскольку «дикая и хищническая натура кабардинцев, воспитанная веками в правилах боевой жизни, не признавала деликатных способов обращения» [15, 126]. В итоге, согласно Грабовскому, 7 июня 1772 г. «в силу заключенного в Карасу трактата с крымцами, кабардинцы были признаны подданными Российского государства» [15, 144]. Таким образом, на разных исторических этапах, в зависимости от интересов России и изменений в международной обстановке, политика по отношению к Кабарде периодически менялась от дружественной к колониационной, завершившейся во второй половине XIX века окончательным вхождением в состав империи.

Стратегически важное значение Кавказа для России осветил В. А. Потто [16]. В своей работе, посвященной Кавказской войне, он замечает, что «покорение воинственного и природой защищенного края, — покорение исторически необходимое, вынужденное настоятельными государственными потребностями России.... Кавказ был ключом, без которого невозможно было овладеть обширными равнинами и запереть их от вторжений всё новых и новых племен и народов» [16, 13-14]. Но завоевание региона затянулось на десятилетия. Говоря о сопротивлении Кабарды, Потто пишет: «Русское казачество, приведенное историческим предопределением на берега Кубани, встретило здесь в черкесах необыкновенных противников, и границы двух земель скоро стали аренной, которая вся от края до края залилась кровью, усеялась костями.... Черкес весь был поэтическое создание войны, и вместе творец её»

[17, 375]. И победу над этим сильным и дерзким врагом, по мнению автора, было дано одержать только «непоколебимому русскому духу», способному «сломить железное упорство этих врагов, обладавших рядом с наивностью детей природы — и мужеством львов» [17, 390]. Таким образом, присоединение Кабарды стало одной из первостепенных задач Российской внешней политики ещё со времен Петра I, и поэтому судьба её, согласно Потто, была уже predetermined.

Особого внимания заслуживают труды адыгских просветителей. Проблема присоединения Кабарды к России так или иначе затрагивалась в работах Измаила Атажукина, Шоры Ногмова, Хан-Гирея и Владимира Кудашева [18]. Их исторические взгляды сформировались под воздействием русской науки и культуры. Указанные авторы отмечают важность политической ориентации адыгов на Москву в середине XVI в., являвшейся следствием военной опасности со стороны турок и крымских татар, и видят возможность дальнейшего развития своего народа только в дружбе и сотрудничестве с Российским государством. «Только опираясь на помощь и поддержку Москвы, — пишет В. Н. Кудашев, — кабардинцы могут сохранить свою независимость, самостоятельность и самобытность от притязаний крымских ханов и других соседей» [19, 46]. В XIX веке, в период полного утверждения России как в Кабарде, так и на Северном Кавказе, и окончательного внедрения её административно-политической системы в регионе, И. Атажукин, Хан-Гирей и В. Н. Кудашев в своих работах обосновывали предпочтительность сотрудничества завоевательной политике российских властей [4, 133].

Таким образом, дореволюционные авторы подчеркивали необходимость присоединения Кабарды к России как для одной, так и для другой стороны, и обосновывали это на различных исторических примерах. Историю взаимоотношений Кабарды с Московским государством характеризуют как сочетание добровольного «подданства» на начальном этапе и принудительной «колонизации» со второй половины XVIII века. Понятие «подданство», на наш взгляд, содержит в себе, во-первых, обязанность подданного нести своему государству повинность, преимущественно воинскую, во-вторых, право быть им защищенным в случае агрессии со стороны других государств. В дореволюционных исследованиях история взаимоотношений Кабарды с Российским государст-

вом предстает как бесконечная борьба российской «цивилизации» против горского «хищничества», либо ответное сопротивление горцев колониальной политике России, либо, наконец, как война за веру между мусульманами и христианами [1, 21]. Утверждалось, что Россия несла с собой исключительно цивилизаторскую миссию и прогресс [20, 172].

Несмотря на некоторые спорные моменты относительно истории присоединения Кабарды к Российскому государству, работы дореволюционных авторов являются ценными историческими и историографическими источниками, не потерявшими свою научную значимость и для современной науки.

Примечания

1. Северный Кавказ в составе Российской Империи. М., 2007.
2. Манкиев А. И. Ядро Российской истории. М., 1799.
3. Татищев В. Н. История Российская. М., 1768-1847. Кн. 5.
4. Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008.
5. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1770-1791. Т. 5, Ч. 1.
6. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1770-1791. Т. 5, Ч. 2.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского. Калуга, 1993.
8. Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.
9. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. Т. 2.
10. Зубов П. П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. СПб., 1834-1835. Ч. 3.
11. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3, Т. 6.
12. Археографические комиссии // URL: http://www.vseslova.com/brokgauz_efron4/page/arheograficheskie_komissii.9251/ (дата обращения: 20.06.2012).
13. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889.
14. Дубровин Н. Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871-1888 гг. Т. 1.
15. Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба её за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9.

16. Потто В. А. Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). СПб., 1887. Т. 1.

17. Потто В. А. Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). СПб., 1887. Т. 2.

18. Атажукин Из. Краткое описание жителей горских Черкес; Записка о жителях Кавказа Большой и Малой Кабарды // К. Ф. Дзамихов. Адыги: вехи истории. Нальчик, 1994; Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Тифлис, 1861; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978; Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991.

19. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991.

20. Воропаев В. В. Из истории колонизации Северного Кавказа (вопросы историографии) // Власть: Общонациональный научно-политический журнал. М., 2010. № 8.

**И. В. БУЗАРОВА,
аспирант СОИГСИ**

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Газета — первое, старейшее средство массовой информации, созданное для информационного обслуживания общества или какой-то его части. «Под именем газеты разумеется периодически выходящее произведение печати, в котором сообщаются и обобщаются текущие события и новости из области политической, общественной, религиозной, экономической, научной и художественной и т.д. Основным признаком, отличающим газету от других видов печатных произведений, является регулярная периодичность их появления, колеблющаяся между одним днём... и одной неделей. Периодические издания, выходящие в более редкие промежутки времени, обыкновенно обозначаются терминами журнал, обозрение, сборник» [1, 791]. С изменением условий ее существования она сама изменилась, показывая гибкость и способность приспособления. В XXI в. значение ее роли и места в жизни общества остается важным и актуальным. Изучая историю периодической печати, мы изучаем исторический опыт прошлого человечества. На протяжении всего периода существования дореволюционной периодики была велика роль издателя и редактора (часто совмещавшаяся в одном лице). Поэтому изучение того или иного периодического издания следует начинать с изучения личности издателя, понимания целей, которые он преследовал. Иногда с приходом нового издателя кардинально менялось направление периодического издания [2, 465].

Видами периодической печати являются: газеты, журналы, периодические (повременные) издания научных обществ и учреждений. Данный вид источников позволяет реконструировать историю во всем ее многообразии и исследовать историю городов и сел Терской области. В течение всего дооктябрьского времени в Терской области издавалось до 120 газет, журналов и ежегодников — 120 голосов, разных по звучанию и охвату жизни, разных по правдивости и чистоте.

Одни из них продержались годы и даже десятилетия, другие — едва успели заявить о своем появлении на свет, третьим — вообще было отказано властями. «При всей разности судеб каждое издание имеет определенную историческую ценность. Все эти издания для нас, несомненно, ценны, т.к. это наша история. Это основа, фундамент того, на котором выросла наша печатная пресса, хотя в 1917 году строй и порядки в стране изменились. Остались люди (кто остался жив), их менталитет, опыт», — писал исследователь истории дореволюционной публицистики Ю. В. Хоруев [3, 2].

История развития печати на Терекe, и в частности периодической, есть история развития общественной мысли, культуры и формирования национальной интеллигенции горских народов. Это развитие проходило непосредственно под влиянием русской передовой мысли, в тесном сотрудничестве горских народов с великим русским народом и его передовыми деятелями [4, 188].

В начале второй половины XIX века Терская область вышла из состава Ставропольской губернии и стала самостоятельной военно-административной единицей с центром в г. Владикавказе. Выделение Терской области в самостоятельную административную единицу способствовало оживлению здесь политической, экономической и культурной жизни [3, 4].

Периодическая печать повсеместно начинает развиваться с издания газет, но происходит это по-разному. «Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод» — первая газета Терской области. Она является родоначальницей терской периодической печати, издавалась только в лечебный сезон, с мая по сентябрь. В год выходило 14-15 номеров. Первый ее номер вышел в свет около 150 лет назад, 18 мая 1863 года, в Пятигорске [5].

Газеты в провинции издавались в трудных условиях, но настоятельная потребность общества в них увеличивалась с каждым годом.

Начальник Терской области генерал М. Т. Лорис-Меликов приложил немало усилий для выхода в свет в январе 1868 года органа местного управления — газеты «Терские ведомости». Для этого в 1867 году была основана типография. Газете надлежало стать связующим звеном между русскоязычным населением и коренными жителями. Предметом публикаций газеты, помимо правительственных распоряжений, должны были быть обычаи, традиции и нужды «управляемых». Годовая подписка на «Терские ведомости» в 1892 году составляла всего 6 рублей [6, 60].

Широкие просветительские задачи ставила газета «Терские ведомости», отмечавшая в редакционной статье первого номера, что «местные племена, проникнутые энергией и свежестью неиспорченных натур», есть в высшей степени «восприимчивые натуры, способные возрастить всякое семя, брошенное в них искусною, заботливою рукою». Помимо официального, в газете был выделен специальный отдел, где публиковались «статьи по истории, этнографии, географии, статистике, филологии племен и народов, населяющих область». Постоянные краеведческие отделы и рубрики вели и другие кавказские газеты, привлекая к публикациям краеведов, ученых [7, 16].

Первому редактору Терских ведомостей Адиль-Гирей Кешеву удалось сгруппировать вокруг газеты горскую интеллигенцию: среди них помимо адыгов К. Атажукина и Д. Кодзокова были осетины И. Тхостов, Г. Шанаев, А. Гассиев, Б. Гатиев, М. Баев, ингуши Ч. Ахриев и А.-Г. Долгиев, осетинские просветители-публицисты Г. М. Цаголов, Х. Уруймагов, историк-этнограф Туккаев, поэт К. Л. Хетагуров и многие другие. Их статьи ценны и с научной, и с политической точки зрения.

Стали появляться и частные периодические издания. Первой частной газетой был «Владикавказский листок объявлений» (1881 г.), позднее переименованный в «Терек» (1882-1884). До конца 80-х годов «Терек» оставался единственным частным изданием в Терской области.

Четверть века, начиная с 1890 года, выходили во Владикавказе газеты: «Казбек» (1895), «Терский календарь» (1890-1915). «Терский сборник» (1890-1910) фактически являлся второй частью «Терского календаря» и содержал большой справочный материал по Терской области, преимущественно по Владикавказу, а также литературные и научные статьи и заметки о жизни и быте народов Северного Кавказа. Последнее десятилетие века охарактеризовалось значительным расширением географии населенных пунктов, где издавались периодические издания. Газеты и журналы стали появляться во всех городах области [3, 7-8].

«Число читателей увеличилось... до такой степени, что не только в библиотеках, но буквально на каждом шагу вы встречаетесь с какой-нибудь газетой. Всякий лавочник и приказчик, пользуясь минутой досуга, хватается за газету. В мясных лавках и даже на улицах постоянно встречаются их листы, где-нибудь на скамейке при-

сядет с газетным листом какой-нибудь грамотей, и вокруг собирается толпа слушателей. Иной с трудом разбирает текст по складам, а все-таки читает, и притом вслух» [8, 36].

Однако из-за цензурных ограничений и преследования властей многие издания, особенно газеты этого периода, просуществовали недолго. После первых номеров были закрыты «Искра», «Ирон газет», а такие как «Аркан», «Терек и Сунжа», «Свободное слово» совсем не увидели света. Короткой оказалась судьба газеты «Отклики Кавказа» (Владикавказ). Первый номер газеты вышел 25 июля 1906 года, последний (10-й) — 4 августа того же года. Газета придерживалась прогрессивных настроений и откликалась на волнующие темы дня. Первый номер газеты «Правда» (Владикавказ) вышел 1 января 1906 года, последний (254-й) — 23 ноября того же года. Научный интерес представляли статьи из данной газеты «Ингуши и грамотность» Васан-Гирея-Джабаги, «К вопросу об улучшении экономического положения туземного населения Терской области» Н. Тульчинского, «Смертность во Владикавказе в 1905 году» Рункевича и другие.

19 декабря 1911 г. в Грозном в коммерческой типографии Н. С. Тюкова вышел в свет первый номер газеты «Терек». Задумана она была как ежедневное литературно-общественное издание. Но газете суждено было просуществовать меньше 8 месяцев [9, 79-80]. «Терек», руководимый Д. Шериповым, неоднократно высказывался в защиту прав местного населения, например, в статье «Круговая ответственность горцев», которая встретила недовольство местных властей. В конце концов, цензурирование «Терека» было переведено в Тифлис, что и привело к прекращению его выхода [10, 83-86].

Газета «Терек» (Владикавказ) выходила с 1906 года по 1918 годы. Интересно отметить, что в газете сотрудничал С. М. Киров. С его приходом в редакцию газета приняла особенно демократический характер. В ней все чаще поднимались вопросы равноправия, наделения горцев землей, просвещения, здравоохранения, дружбы с простым русским народом.

За антиправительственные выступления некоторых корреспондентов, главным образом С. М. Кирова, А. Солодова, Г. Цаголова, «Терек» неоднократно подвергался штрафам и даже приостанавливался. В Терской области «Терек» был самой влиятельной газетой [5].

Все, что делалось в Осетии и в области, всегда предварительно обсуждалось в газете. Немало идей и планов, осуществленных впо-

следствии, получили свой первый импульс от газетных публикаций.

Особенно ценно, что сотрудников газеты интересовало не только историческое прошлое Терской области, но и насущные современные вопросы. Газета поддерживала любую инициативу общества в популяризации знаний; ее позиция консолидировала усилия ученых как среди русских, так и местных интеллигентов, стремившихся пробудить в среде коренного населения интерес к жизни и культуре всей России [11, 32-34].

Специальные труды и сборники, такие как: «Терский календарь» (1890-1915 гг.), «Терский сборник» (1890-1910 гг.), «Труды Терского общества любителей казачьей старины» (1911 г.), «Сборник трудов Терского отделения русского технического общества» (1900-1912 гг.), «Вестник бальнеологии, климатологии и физиотерапии» (1910-1911 гг.), «Записки русского бальнеологического общества в Пятигорске» (1898-1914 гг.) и т.д., сыграли огромную роль в собирании и распространении научных знаний, в развитии курортной жизни [3, 7-8].

Значителен вклад периодической печати в дело развития моральных и нравственных качеств подрастающего поколения. Публикуя на своих страницах материалы о народных традициях, о нравах горцев, об обычаях аталычества, куначества, о гостеприимстве, пресса оказывала большое воспитательное воздействие на молодежь. Особая роль в освещении вопросов образования, школы и просвещения принадлежит газетам «Терек», «Казбек», «Терские ведомости» и другим изданиям, которые пытались донести до народа пагубность вредных обычаев: кровной мести, похищения девушек, уплаты калыма и др.

Периодическая печать во многом способствовала разработке и развитию письменности среди горцев Кавказа. Освещение в печати научной и просветительско-педагогической деятельности передовой части интеллигенции способствовало дальнейшему укреплению и развитию народного образования.

Вскоре в Осетии и за ее пределами, вплоть до столичного Санкт-Петербурга, широко развернулось национальное печатное дело. В 1906 году было образовано издательское общество «Ир». Для осетинского читателя одновременно одна за другой стали выходить во Владикавказе: газеты «Ирон газет» («Осетинская газета») — 1906 г., «Ног цард» («Новая жизнь») — 1907 г., «Хабар» («Известие») — 1909 г.,

«Осетинский отрывной календарь» (на осет.яз.) — 1911 г., «Чырыстон цард» («Христианская жизнь») с перерывами в 1911, 1915, 1916 гг. и вновь «Ирон газет» в 1917-1918 гг., журналы «Зонд» («Знание») — 1907 г., «Афсир» («Колос») — 1910 г. в Тифлисе и «Хуры тын» («Луч солнца») — 1912 г. в Санкт-Петербурге.

Газеты и журналы, выходившие как на родном, так и на русском языках, знакомили осетинское общество с передовой русской культурой и общественной мыслью, развивали самобытную национальную культуру, воспитывали горцев в духе интернациональной дружбы и братства [3, 8].

С 1863 по 1917 годы во Владикавказе выходило более 120 журналов, трудов, ежегодников. В Грозном же в течение указанного периода выходили газеты: «Грозненский листок», «Грозненские новости», «Грозненский торгово-промышленный бюллетень», «Известия Совета рабочих и военных депутатов Грозненского района», «Север Кавказа», «Терек и Сунжа», «Терец», «Терский край» (две разные газеты), «Терский вестник», «Терское эхо», «Товарищ» и журнал «Сборник трудов Терского отделения русского технического общества». Надо отметить, что основное содержание журнала составляли материалы о развитии нефтяной промышленности в Грозном, разработке нефтяных промыслов, о вопросе их технической оснащённости и т.д.

Терская область, несмотря на свою отдаленность от центра, успешно соперничала с наиболее печатноразвитыми губерниями и городами России. До конца 1917 года в ней выходило около 120 периодических изданий. Это был могучий разноголосый хор, способный достучаться до каждого сердца, достичь самых глухих глубин края. Он пробудил наши народы, сподвигнул их к борьбе за светлые идеалы человечества, родил не одну плеяду просветителей, мыслителей и писателей, настоящих патриотов, положивших всего себя на алтарь своего малого отечества [3, 9].

Сейчас эти пожелтевшие, покрытые вековой пылью страницы дают нам живое представление о той среде, в которой происходили те или иные события, передают волнения, мысли давно ушедших поколений. Это ценнейший источник для изучения местной истории и для поиска биографических материалов о военных и государственных деятелях, деятелях науки и культуры. Стоит лишь на мгновение раскрыть любую из этих газет, и время отодвигается назад. Ты окунаешься в сложный газетный мир, сохранивший от-

печаток своего времени и по мере сил служивший интересам родного края.

Вот краткая история о том, как столетия назад выходили в Терской области периодические печатные издания.

Примечания

1. Газета // Энци. словарь/Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1891. Т. 7а. СПб., 1914.
2. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие/И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998.
3. Хоруев Ю. В. История в печатной строке. Владикавказ, 2003.
4. Хоруев Ю. В. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971.
5. Гайтукаев. А. Гудермесская районная газета «Гумс».
6. Статистический ежегодник // Терский календарь на 1892 год. Кн. 1.-Владикавказ, 1891.
7. Айларова С. А. В поисках национальной идентичности // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2008. № 3.
8. Такахаси К. К переосмыслению судебной реформы 1864 года // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М., 2001.
9. Лобова Г. В. Литература народов Северного Кавказа: Монография. Славянск-на-Кубани, 2008.
10. Станько А. И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (До-пролетарский период). Р-н-Д., 1990.
11. Таказов В. Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (2 половина XIX — начало XX). СПб.: Издательство СПбГУ, 1998.

Петар ВОДЕНИЧАРОВ
Юго-Западный университет «Неофит Рильски», Болгария
Petar VODENICHAROV, South-Western University «Neophyte
Rilsky», Blagoevgrad, Bulgaria

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В БАЛКАНИСТИКЕ

ANTHROPOLOGICAL APPROACHES TO THE BALKAN STUDIES

В статье речь идет о деятельности Международного университетского семинара по балканистике и специальным дисциплинам, созданного в 1990 г. по решению Ученого совета Юго-Западного университета «Неофит Рильски» (Благоевград, Болгария) как центр междисциплинарных исследований на Балканах. Назначение Семинара — обеспечить специалистам балканских стран и Европы свободный обмен темами, идеями и подходами. Наряду с традиционными описательными методами в изучении политической истории Балкан Семинар поддерживает междисциплинарные направления в исследовании прошлого, ориентированные на комплексное антропологическое изучение человеческих сообществ с точки зрения политических, психологических, социальных, коммуникативных и культурных условий их существования и развития. Соответственно, возрастает роль новых источников — устной истории, автобиографических и мемуарных материалов, «case study», позволяющих изучать объекты и процессы «изнутри», обогащая тем самым традиционные методы новыми интерпретациями конфликтных исторических ситуаций и событий. Последний проект участников Семинара «Политика памяти по отношению к русско-турецкой войне (1877-1878) — от дивергенции к диалогу», финансируемый Европейским Союзом, касается важного исторического события, которое рассматривается не только как политическое, но также как социальное и индивидуальное. Русско-турецкая война интересует исследователей как в сугубо

историческом, так и в социокультурном планах, для чего используется широкий ряд источников — архивные документы, исторические исследования, школьные учебники, художественная литература и фильмы, произведения искусства, дневники, мемуары, фольклор. Участники проекта, объединившего исследователей из России, Турции, Болгарии, Греции, Македонии, Грузии, Армении и Австрии, надеются достичь более сбалансированного и целостного видения войны как важного исторического события.

«The International University Seminar for Balkan Studies and Specialization» was founded in 1990 by a decision of the Academic Council of the South-West University «Neophyte Rilsky», Blagoevgrad as University center for interdisciplinary researches on the Balkans. Young scholars from the Philology Faculty and the Faculty of History and Law were elected as members of the Managing Board of the Seminar, led by the prominent specialist in Balkan literatures and cultures prof. Ilija Konev. To contribute for the democratization and innovation of the Balkan Studies the Seminar was designed as an independent institution. The freedom of research was secured from the influence of the University structures by a financial independence of the Seminar — it was financed only by projects and grants from international organizations — initially from UNESCO and then from «Open Society» Fund, «Conrad Adenauer» Foundation, «Austrian Science and Research Liaison Office», CEEPUS program of the European Union etc. Since 2000 the Seminar applied twice to the Bulgarian Ministry of Education and got the support for publishing of its periodical «Balkanistic Forum» Journal, issued three times per year in the Balkan languages and English language. In 1998 the electronic versions of the Journal were included in the German Library CEEOL (Central and East European On-line Library) which provides a paid access to the most influential periodicals of the Central and East Europe to the world wide audience.

Apart from the publishing of the «Balkanistic forum» Journal the Seminar organized each year:

- International Round Table Conference on innovative Balkan topics
- 20 days Course in Bulgarian language for beginners, intermediate and advanced learners with lecture course in Balkan studies and individual consultations in the Balkan languages.

- 14 days Course in Historical Anthropology and Social History for young Balkan and Austrian scholars and students led by prof. Michael Mitterauer from the Institute of Social History of Vienna University and prof. Karl Kazer from the Institute of History of South-East Europe of Graz Uni-

versity. Lecturers in the Course were also prominent anthropologists and social historians from Austria, Germany, France, Serbia and Bulgaria.

The main task of the Seminar was to provide a free Forum of exchange of new topics, ideas and approaches for specialists in Balkan studies from the Balkans and Europe. Unlike the dominant traditional disciplinary approaches to the Balkans by political history, archeology, linguistics, ethnography and folklore, orientated to the restoration of separated facts and events of the distant and recent past, the Seminar encouraged interdisciplinary applied researches exploring the past only in regard to solving of pressing problems of the present Balkan societies. Placing in the center of our research interest not so much the «objective» description of important events, figures and institutions of the Balkan past but also the «subjectivity» of the common Humans who lived the history, we tried to explore the complexity and historical dynamic of the human conditions — political, psychological, social, communicative and cultural by anthropologizing the history.

The book of Gert Dressel, participant in the Anthropology Seminar, «Historische Anthropologie» was translated and published into Bulgarian. According to the author the historical anthropology is interested mainly of the small live worlds of individuals and groups, everyday life and common mentalities. Their dramatic change in the past decades placed the anthropology scholars in a difficult situation, they tried to contribute for solving them by using the micro-analysis of case studies, macro-analysis of whole époques or by a comparative research of histories and cultures. In this endeavor often the traditional historical periodization and interpretation did not account since the varied roots of some of the current problems of the Balkans could be traced back in the most distant past — to Medieval or even Ancient age — so called «long duration» phenomena of common mentality (Дресел 2000).

Our Historical Anthropology approach to the Balkan past led to the introduction of new topics usually considered as essential and a-historic — the history of childhood, youth, birth, death, faith, gender, love, sexuality, work, education, leisure, freedom, supervision, terrorism, memory, minority, etc. The Seminar united the efforts of historians, sociologists, psychologists, philologists in their joint endeavor to write new histories with common people also as actors of History.

By many authors the Historical Anthropology was seen not only as an alternative of the traditional political history but a developing of the social history as well. If in the social history «social situations, social construc-

tions and processes attract the interest of the researcher, the Human who lives in these situations, constructions and processes stays in back stage. By the same manner the «outside» social conditions are described without seeing the live world from «inside», without asking the question how people are marked by the social world. How do they construct their behavior and action. The «objective» static description of a condition or process is valued much more than the «subjective» action as a specific reaction to this condition or process» (Nipperday 1976.: 48).

The new anthropological approaches and topics required interest to new sources — oral history, autobiography and memoirs, case studies. The more traditional political topics were also approached in a new manner by using a comparative research to reach a more balanced interpretation of conflict historical situations and events.

The topics of our Conferences speak about the development of our interests. Some of the proceedings of the Conferences were published in separate volumes, the later proceedings were published in the «Balkanistic Form» Journal:

- 1992: «Ideas about Europe in the Balkan Literatures»
- 1993: «The Reflection of the Balkans in Literatures and Cultures»
- 1994: «Human Being on the Balkans — Historical and Artistic Existence»
- 1995: «Holy Places on the Balkans»
- 1996: «Ancestors and Predecessors. Myths and Utopias on the Balkans»
- 1997: «Gifts and Treasures. Spiritual Continuity on the Balkans»
- 1998: «The Balkan and the Sea. Messages towards Epochs and Generations»
- 1999: «University and Youth on the Balkans»
- 2000: «She on the Balkans»
- 2001: «Knights and Peace makers on the Balkans. Conquests, Pilgrimage, and Migrations»
- 2002: «Custom and Law on the Balkans»
- 2003: «Neighborhood and Borders. Experiencing the Nearness»
- 2004: «Intimate and Public Worlds on the Balkans»
- 2005: «Terrorism, Intellectualism, Balkan Troubles»
- 2006: «Balkans, United Europe and Balkan Studies in the Beginning of the 21st Century»
- 2007: «Autobiographical Trajectories on the Balkans»
- 2008: «Memory and Forgetfulness»

- 2009: «Freedom and Supervision»
- 2010: «The Worlds of the Balkan street»
- 2011: «The Balkans and their Peripheries»
- 2012: «Balkans by Nights»

From the Anthropology we learned that every interpretation of history is to a certain degree a subjective construction depending on existing power relations that is why we did not search for universal and eternal truths, for the «key of human existence» but instead paid attention to the social and cultural variety of the interpretations of history and to the different possibilities of voicing the «own truth» by individuals and groups in society.

At the same time we avoided the temptation of the postmodern playful constructivism considering every historical knowledge just as a power construction which could easily be deconstructed as a «myth» or «stereotype». We kept in mind the difference between the expert and popular history knowledge and nevertheless we were interested mostly of the popular one we paid attention to the interrelation and dialectic of the both visions on history. On one side, there is an elite historical knowledge as preserved in archives, libraries and museums, and researched by historians, on the other side, there is a popular cultural knowledge of history as an «orientation knowledge» presented in the school books in history and literature, media and folk believes with commemorative function providing solidarity and identity in each society.

If the dominant popular history narrative suddenly disintegrates the relations between people in the society risk uncertainty and isolation since this narrative provides orientation points and an order of emotional, spiritual and cultural connections to sustain the society. The orientation knowledge does not need scientific approbation since people believe it is true, and often is represented in religious and quasi-religious terms. This is the reason any scientific critics to the cultural knowledge to be opposed by the society fearing disintegration and lost of identity. Deconstructing the «myths» of the past we have to be cautious to provide new perspectives of commemoration and identity (Meusburger 2011).

Our last project «Memory Policies to the Russian-Ottoman War (1877-1878) — from Divergence to Dialogue», financed by the European Union, concerns an important historical event which we consider not only as political but also as social and individual. We are interested in both the historical and cultural knowledge about the War and this is the reason to use a wide range of sources — archives, history research, school textbooks, nov-

els and films, paintings, letters, diaries, memoirs, folklore. Scholars from all the countries involved in the War joined the project — Russia, Turkey, Bulgaria, Greece, Macedonia, Georgia, Armenia and Austria— to research not only their own national sources but the sources of the other nations opposed in the War. We hope that the exchange of scholars, the comparative approach and the interest not only in political history but in social history and historical anthropology would allow a more balanced and shared vision of the War to be achieved.

Bibliography

1. Дресел 2000: Г. Дресел, Историческа антропология. Въведение, София
Nipperday, 1976: T. Nipperday, Die anthropologische Dimention der Geschichtswissenschaft, Gottingen.
2. Meusburger 2011: P. Meusburger, M. Heffernan, E. Wunder, Cultural Memories, Springer.

Х. Р. НИКАЕВ,
маг., КБГУ, г. Нальчик

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

Одной из приоритетных тем истории Северной Осетии является развитие социальных отношений и общественного строя в XV-XIX вв. Журналисты, чиновники, краеведы, освещая в газетах и журналах социальную повседневность, донесли до нас огромное количество информации, позволяющей реконструировать наиболее характерные черты общественных отношений.

На основе этих материалов можно обозначить ряд взаимосвязанных проблем, получивших широкий резонанс в осетинском обществе. Началом, вызвавшим бурю на страницах периодики, стала дискуссия об общественном строе осетин, инициированная спорами по сословному вопросу.

Этот спор воспроизводил усилившийся антагонизм внутри осетинских обществ, социальной агрессией ранее зависимых сословий. В 1901 г. Тульчинский весьма образно писал по этому поводу: «В Осетии этот вопрос горячо дебатруется на все лады: одни на стену лезут, чтоб доказать, что в Осетии не было алдаров и баделят, а другие доказывают противное» [1].

Сложность вопроса заключалась в том, что некоторые фамилии, считавшие себя потомками древних привилегированных родов, стали добиваться признания за ними прав российского дворянства, со всеми вытекавшими из этого преимуществами. Вызвано это было земельной реформой, проведённой в Северной Осетии царским правительством в 60-х годах XIX века. В соответствии с утвержденным проектом размежевания земли, на плоскостной части восточной половины Северной Осетии — Тагаурии, Куртатии и Алагире — все земли были переданы в аульное землепользование. То есть высшее сословие (алдары и куртаты), а также фарсаглаги и кавдасарды были

интегрированы в одну социальную общность, а значит, имели одинаковые права на пользование общинными наделами. На западе Осетии в Дигории в 1853 г. из земель, которыми владели баделята, были выделены участки для передачи в собственность «подвластным» или адамихатам, также на праве общинного владения, помимо этого правительство освободило их от повинностей и всякого рода личной зависимости по отношению к баделятам.

Крестьянская реформа 1867 г. нанесла второй удар по привилегированным сословиям: все рабы (касаги) и близкие к ним кумаяги (в Дигории), или кавдасарды (в Тагаурии) были освобождены и юридически уравнены со своими бывшими владельцами в гражданских правах. Потеряв свои социальные права, феодалы Осетии, как и России, жаждали известных вознаграждений. Для этого они стали добиваться признания за ними бывшего привилегированного положения и на основании этого уравнивания их в правах с российским дворянством. Тут сказалось не только сословное тщеславие или стремление освободиться от несения вместе с общинниками общественных тягот. Главной причиной являлось стремление привилегированных фамилий признать отобранные земли своими родовыми владениями, что влекло за собой право на ренту со стороны простого народа, для которого эти участки составляли главную базу существования.

Требование представителей знатных фамилий признать за ними бывшее привилегированное положение, было вызвано вполне определенными интересами. Естественно, подобные притязания вызывали протест со стороны освобождённых сословий, которые видели в этом попытки сохранения крепостничества и аннексии земли, полученной от кавказских властей. В то же время, в среде уже бывших подвластных формировались новые общественные группы, которые в материальном, служебном и культурном отношении стали даже выше своих бывших господ. Ими и была организована борьба против удовлетворения претензий знати на дворянское достоинство. Типичными методами этой войны были различного рода протесты от имени сельских обществ, подача прошений администрации, выступления в печати и так далее. Вопрос дебатировался на страницах местных и центральных газет, в исторической литературе, а также в местных областных и центральных правительственных учреждениях.

В газетах «Терек», «Казбек», «Новое обозрение», «Терские ведомости» и др. было опубликовано много статей, очерков, протестов, посвященных сословному вопросу в Осетии. Газеты «Терек»

и «Казбек» стали трибуной для противников признания алдарства, в то время как редакция газеты «Новое обозрение» в большей мере публиковала материалы сторонников дворянских привилегий алдар. Фактически нейтральную позицию заняла редакция «Терских ведомостей», которая была официальным органом администрации Терской области и давала возможность полемизировать представителям двух лагерей (противников и сторонников наличия сословных отношений в Осетии) на основании фактов и доказательств, а не голословных заявлений.

В 1889 г. на страницах «Терских ведомостей» выступил Б. З. Тулатов с обоснованием сословных различий в истории осетинского народа. Он привёл факты зависимости фарсаглагов от алдар в прошлом, привилегии последних в отношении сбора пошлины с проезжавших по Военно-Грузинской дороге, неравенства их в отношении уплаты калыма и платы за кровь и т.д. и т.п. В заключение автор выразил надежду на успешное решение сословного вопроса. Надо отметить, что редакция газеты сопровождала эту статью характерным примечанием, что «этот вопрос, разумеется, будет решен, если только алдары могут представить достаточно убедительные доказательства своих сословных прав» [2, 92]. Очевидно, что редакция не разделяла взгляды автора, что в Осетии в прошлом было сословное деление, либо же сочло недостаточными доказательства, приведённые в статье.

С обстоятельным возражением против концепции Тулатова выступил ротмистр М. Газданов, который в ряде номеров «Терских ведомостей» доказывал ложность знатного происхождения тагаурских алдар [3, 330-332]. Напомним, что он был автором «всепопданнейшего» прошения, поданного в 1888 г. Александру III во время его пребывания во Владикавказе. В нём говорилось, что «в период присоединения Осетии к России люди, которые первыми из осетин вошли в сношение с русскими властями, стали разыгрывать перед начальством ложную роль каких-то влиятельных посредников, проводников русского влияния в среде осетин. В связи с этим многие из них получили чины, ордена, на праве частной собственности участки земли, титулы с полуофициально признанными сословными привилегиями, о которых никогда не могли подозревать их отцы и деды, бедные горцы — осетины, ещё недавно платившие дань кабардинцам» [2, 90]. Статья стала «программным документом» антиалдарской направленности и впоследствии служила арсеналом доводов всех протестующих против алдарства, многие заявления которых текстуально сов-

падали с его статьей, а иногда статью М. Газданова прикладывали к своим прошениям администрации.

«Нет надобности, — писал Газданов, — вдаваться в рассуждения об исторической достоверности существования у нас в Осетии феодальной системы, потому что сведения об осетинах, которые встречаются в истории Армении и Грузии, смутны, неточны и не определены. Следовательно, с точки зрения исторической достоверности нет основания для установления истинного взгляда на сословное деление Осетии; нет и каких бы то ни было других юридических доказательств существования сословного различия в Осетии, кроме как разве произвольных названий «алдар», «фарсаглаг» и «кавдасард», будто бы означавших высшее, среднее и низшее сословия. Но нужно знать, что никто собственно из осетин не назывался алдаром, а алдарами у нас называли только кабардинских князей» [3, 331].

Виновником новой социальной ситуации он назвал генерала Муссу Кундухова, «первого образованного из осетин офицера, при котором организовалась партия лиц, стремившихся к получению привилегий в Осетии» [3, 330]. Полемизируя с Тулатовым, Газданов доказывал, что его оппонент без всякого фактического основания утверждает, «будто бы фарсаглаги давали алдарам во время сенокоса косарей, во время жатвы — жнецов. Если верхом ехал шестнадцатилетний алдар, то восьмидесятилетний фарсаглаг должен был ехать с левой стороны и т.п. Все перечисленные Тулатовым порядки существовали в Кабарде».

В подтверждение своей мысли, что алдары не имели преимуществ над фарсаглагами, автор утверждал, что «в горах лучшие пахотные, сенокосные участки земли до выселения осетин на плоскость принадлежали прозванным «фарсаглагами», а не именующими себя «алдарами». «Многие кавдасардские фамилии до водворения в Осетии русского правительства стояли выше алдарских фамилий». Фарсаглаги никаких «услуг» алдарам не оказывали» [3, 332].

Не удовлетворившись отрицанием былых преимуществ алдар, автор статьи подчеркивал политическую их неблагонадежность, стараясь этим повлиять на правительство, чтобы оно не признало их привилегированного положения. В заключение автор высказывал надежду, что утверждение прав российского дворянства за мнимыми алдарами никогда не состоится.

Ответом на эту публикацию стала статья неизвестного «Алдара», который пытался опровергнуть все приведённые доказатель-

ства Газданова об отсутствии привилегированного сословия в Осетии. В частности, он привёл народное предание, согласно которому «родоначальником алдарских фамилий был некто Тага или Тагаур, армянский царевич» [4,156]. При этом он отметил, что в результате работы комиссии по разбору сословных прав горцев Терской области «все члены алдарских фамилий и бадилаты получили протоколы от комиссии». Вследствие чего «не могут возникать сомнения... кого считать принадлежащим к тагаурским фамилиям и кого исключать» [4,157].

В качестве доказательства привилегированности алдар, как высшего сословия в Осетии, автор привёл мысль, что они «издавна, при поступлении на службу, пользуются, впредь до разрешения сословного вопроса в законодательном порядке, правами личных дворян; избавлены законом от отбывания повинностей, несовместимых с их происхождением» [4,157].

Это заявление вызвало возражение и критику со стороны Г. Цаголова, опубликовавшего в газете «Казбек» рецензию на анонимную статью. В ней публицист указывал на «то обстоятельство, что при русском владычестве до 1859 года, т.е. до усиления Муссы Кундухова, о сословности в Осетии не было и речи, это подтверждается тем, что все осетины одинаково и равномерно отбывали подводную повинность» [5,172]. Для подтверждения идеи он привел следующие аргументы: «Двоюродный брат генерала Мусса Кундухова — Увужуко Кундухов не успел из табуна пригнать вовремя своего быка для исполнения подводной повинности и за это его самого, вместо быка, запрягли в ярмо. Кроме того, Алхаст Кундухов — отец генерала Мусса Кундухова — сряду несколько лет состоял пастухом у жителей Гизельского аула, Дзыбирт Тхостов — пастухом у жителей Владикавказского осетинского аула» [5,172].

Широкое хождение в Осетии получила брошюра, изданная в Москве в 1891 г. А. Ардасеновым и А. Есиевым [6], в которой приведены доказательства ранее существовавшего в Куртатинском обществе такого же привилегированного сословия, как в Тагаурии и Дигории. Они ссылались на запись «Адатов кавказских горцев» (1844 г.), где не отмечается какая-либо разница в общественном строе между Тагаурией и Куртатией. Они приводили депутатские показания в сословно-поземельной комиссии в 1858 г., из коих следовало, что по общему признанию самих куртатинцев и их соседей в Куртатии было высшее сословие. Авторы ссылались на постановление комиссии 1866 г.,

которая полагала отнести к потомственному дворянству следующие сословия: баделят, алдар, царгасат и «куртат», а также на одну из докладных записок сословной комиссии, в которой высказывалась мысль о возможности приравнять «куртат» в отношении срока выслуги (2 года) из унтер-офицера в офицеры, как баделят, алдар, царгасат «по вполне выясненным отношениям всех сословий туземцев Северного Кавказа» (доклад комиссии 1870 г.). В качестве примера приводили предписание (1871 г.) начальника Терской области об освобождении от натуральных повинностей «высшего куртатинского сословия, известного под именем «куртат». В силу этого авторы удивлялись, почему эта же комиссия в 1872 г. признала общественный строй в Куртатии «демократическим».

Для большей убедительности авторы в доказательство своей мысли приводили факты привлечения в 1789 г. в свиту князя Г. Потемкина в качестве заложников от «горских владельцев» куртатинцев Гуриева, Арисхакова, Цаликова и факты обучения детей знатных куртатинских фамилий в кадетских корпусах и Нальчикской горской школе. В заключение они привели приказ по Кавказской армии 1860 г., по которому дозволялось «допустить на службу в регулярные войска лиц, принадлежащих во всех покоренных племенах к сословию князей, и в осетинском племени к дворянским сословиям: в Дигорском — баделят, в Тагаурском — алдар, в Куртатинском — таубиям» [7,51-52].

Ввиду всего этого авторы считали, что нужно признать право дворянства за представителями высших сословий трех осетинских обществ: Тагаурии, Куртатии и Дигории.

После выхода в свет этой брошюры заинтересованные лица завалили начальство заявлениями. Куртатинские таубии в 1873 году подали коллективное заявление о «даровании им прав, привилегированным фамилиям присвоенных»; они приводили все те данные, которые потом были сформулированы в работе Ардасенова и Есиева. В 1880 г. подполковник Цаликов подал жалобу на сословную комиссию о непризнании его высоких сословных прав [2,94].

Таким образом, полемика в печати отражала социальную борьбу в осетинском обществе, которая продолжалась до 1917 г. Изучение сословного вопроса и хода его разрешения в Осетии, а также указанная полемика в обществе показывают, что это не отдельная страница в истории Осетии, а скорее ключ к пониманию исторического прошлого осетинского народа. Идеологическая установка о социальном равенстве являлась, на наш взгляд, не просто ошибочной, а приме-

ром исторического мифотворчества подчинённого политической конъюнктуре и осознанным материальным интересам. В развязанной по сути информационной войне столкнулись два противоположных направления — либерально-демократическое и консервативное. Таким образом, одной из составляющих конфликта явилась попытка отдельных общественных деятелей, искажая истину, переписать историю на выгодный им лад.

Примечания

1. Тульчинский Н. П. К сословному вопросу туземцев Северного Кавказа // Терские ведомости. 1901. № 36.

2. Скитский Б. В. Сословный вопрос в Северной Осетии во второй половине XIX в. и в начале XX в. // Известия СОНИИ. Оржоникидзе, 1954. Т. 16.

3. Газданов М. К вопросу о происхождении тагаурских алдар // Терские ведомости. 1891. №39-41 // Цит. по книге: Чибиров Л. А. Периодическая печать Кавказа об Осетии и Осетинах. Цхинвал, 1989. Т. 4.

4. Алдар. О сословных правах горцев // Новое обозрение. 1893. № 3230 // Цит. по книге: Чибиров Л. А. Указ. соч. Цхинвал, 1982. Т. 2.

5. Цаголов Г. Еще об алдарах // Казбек. 1898. № 384 // Цит. по книге: Чибиров Л. А. Указ. соч. Т. 2.

6. Ардасенов А., Есиев А. Высшее сословие у осетин Куртатинского общества. М., 1891.

7. Рецензия на брошюру Ардасенов А., Есиев А. Высшее сословие у осетин Куртатинского общества // Новое обозрение. 1891. № 2756 // Цит. по книге: Л. А. Чибиров. Указ. соч. Т. 2.

Л. Б. САЛИХОВА,
м.н.с. ИИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала

ТЕМИР-ХАН-ШУРИНСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

В конце XIX — начале XX века в Дагестанской области было три города — Дербент, Петровск и Темир-Хан-Шура. Дербент имел многовековую историю, в то время как Петровск и Темир-Хан-Шура были молодыми городами, возникшими на месте военных укреплений. Они были переведены в статус городов во второй половине XIX века (Петровск — 24 октября 1857 г. [1, 32], Темир-Хан-Шура — 29 ноября 1866 г. [2, 44]).

Городское самоуправление как таковое отсутствовало в городах Дагестанской области, а управление городом осуществлялось подразделением Кавказского командования.

В 1870 г. в России было принято Городовое Положение, которое характеризовалось предоставлением права попечения за городским хозяйством и благоустройством городскому общественному управлению, а надзор за исполнением — губернатору [3, 113]. Городовое Положение 1870 г. не было распространено ни в одном городе Дагестанской области. Здесь продолжали существовать управления, являющиеся составной частью «военно-народного» управления [4].

11 июня 1892 г. было принято новое Городовое Положение, которое вводилось в действие во многих городах Российской Империи [5, 326]. Согласно ему устанавливались две формы общественного управления: в полном объеме и упрощенном виде. Определение той или другой формы зависело от социально-экономических характеристик, таких как численность населения, состояние городских средств, преимущественный характер занятий горожан, степень развития торговли и промышленности [6, 286-287].

29 мая 1895 г. было принято Высочайшее утверждение Государственного совета о применении Городового Положения 1892 г. к горо-

дам Закавказья и Ставропольской губернии, в которых не было введено Положение 16 июня 1870 г. [7]. Так, согласно ему, в Темир-Хан-Шуре, Петровске и Дербенте было введено городское управление в упрощенном виде, в первом из них в 1895 г., а в двух последних, в 1896 г. [8].

Согласно Городовому Положению 1892 г. в состав собрания городских уполномоченных входило от 12 до 15 человек, их избирал сход местных домохозяев из числа лиц, владевших недвижимым имуществом (не ниже 100 руб.). В дальнейшем собрание уполномоченных избирало городского старосту с одним или двумя помощниками по усмотрению губернатора. Срок их деятельности ограничивался 4 годами [9, 18].

Новые выборы в городские уполномоченные обычно начинались по окончании выборного срока предшествовавшего состава. Так, в г. Темир-Хан-Шуре вторые по счету выборы прошли в ноябре 1899 года. В соответствии с имущественным цензом, существующим для избирателей, в выборах участвовало всего 143 человека, в то время как население города составляло 9 тысяч. Обычно избиратели не проявляли интереса к выборам, так, из 143 человек только 39 воспользовались своим правом. Среди них были выдвинуты уполномоченные в составе 12 человек, девять из которых были малограмотными и лишь «трое обладали образовательным цензом» [10, 52].

Для выборов была характерна одна и та же картина, повторявшаяся из года в год. Здесь всегда присутствовало малое количество избирателей, все остальные относились к ним «индифферентно; обыкновенно на выборы являлись 50 много 60 домохозяев, которые и распоряжались выборным делом» [11, 2].

Итог выборов зависел от голосов меньшинства. И это несмотря на то, что согласно повторно составленным и окончательно исправленным спискам избирателей, в которых право голоса в избирательном собрании по выбору уполномоченных городского общественного управления, к примеру, на четырехлетие с 1912 г. в г. Темир-Хан-Шуре имело 231 человек, среди них 20 евреев-домохозяев [12, 5].

Что касается выборов, то здесь был оговорен порядок избрания представителей из не христиан (мусульман) в состав уполномоченных города. Их количество не должно было превышать $\frac{1}{5}$ части от общего числа уполномоченных [13]. Права евреев также были урезаны. Они были допущены к исполнению обязанностей городских

гласных и уполномоченных только в тех городах, где им разрешалось постоянное жительство, кроме Киева [14, 130-131]. Так, в состав городского управления Темир-Хан-Шуры входило два или три представителя от мусульман.

Что касается круга полномочий городского общественного управления, то, согласно Городовому Положению 1892 г., он охватывал широкий спектр хозяйственных вопросов: заведование установленными в пользу городских поселений сборами и повинностями, налогами и другими имуществами гражданского поселения; содержание в исправности и устройства состоящих в ведении общественного управления улиц, площадей, мостовых, набережных, общественных садов, бульваров, водопроводов, канав, мостов, освещения городского поселения и многое другое [15].

Рассмотрение деятельности Темир-Хан-Шурина городского общественного управления невозможно без анализа бюджета городов, в частности, соотношения их доходных и расходных статей, отражающих социально-экономический уровень развития городов Дагестанской области.

Вследствие реформирования городского самоуправления второй половины XIX века российским городам была предоставлена финансовая независимость. Органы городского самоуправления, а не правительственная администрация, имели возможность формировать городской бюджет за счет сборов и других доходов. Что же касается собрания уполномоченных городов Дагестанской области, то они были лишены полной свободы в составлении сметы доходов и расходов. Если в доходной части бюджета устанавливался максимальный предел разрешенных налогов, то расходная часть была связана с необходимостью первоочередного удовлетворения «обязательных расходов» [16, 100].

Годовая смета бюджета городов Дагестанской области составлялась собранием уполномоченных заранее. Она представлялась на утверждение Министерства внутренних дел [17], а также на утверждение военного губернатора, после чего администрация не имела права вносить изменения в смету. Для проверки исполнения сметы ежегодно создавались ревизионные комиссии из числа уполномоченных (3 члена и 1 кандидат), получавшие вознаграждение за свою работу [18, 453].

До введения Городового Положения 1892 г. доходы городов Дагестанской области были незначительны, возможности в отношении

улучшения городского благоустройства были скудны, так как основная часть расходов предназначалась на погашение обязательных расходов, таких как содержание полиции и тому подобные расходы. С введением Городового Положения 1892 г. первой заботой городского управления явилось «изыскание новых, но необременительных для жителей источников доходов» [19], необходимых для улучшения благоустройства города, увеличения расходов на образование, медицинскую и ветеринарную части и др.

Ощутимым источником для пополнения городских средств, по мнению Темир-Хан-Шурина городского общественного упрощенного управления, могло бы стать освобождение города от расходов на содержание полиции. В марте 1896 г. собрание уполномоченных г. Темир-Хан-Шуры просило исполняющего должность военного губернатора Дагестанской области сократить штат Темир-Хан-Шуринской городской полиции и соответственно затраты на нее [20].

В целом период с 1896 по 1909 гг. был благоприятен для финансовой деятельности городского общественного управления, доходы городов постепенно росли. Основными источниками пополнения бюджета в это время были сборы с недвижимых и городских имуществ, оброчных статей, сборы с городских сооружений, а также разные поступления.

В Темир-Хан-Шуре в период с 1898 по 1909 гг. наибольшие поступления в бюджете города наблюдались со сбора с недвижимых имуществ, доход которых колебался от 25% до 34% в разные годы. На втором месте стоял сбор с городских имуществ и оброчных статей, дававший городу от 18% до 22% со всех доходов [21; 22; 23, 63].

Второй частью городского бюджета была расходная часть, которая планировалась в зависимости от доходов.

Если в 1898 г. основная часть доходов использовалась на погашение обязательных расходов, таких как содержание городской полиции — около 35%, содержание городского общественного управления — 14% и др., а расходы на благоустройство города, народное образование, врачебно-санитарную часть были незначительны, то впоследствии прослеживалось постепенное увеличение затрат на данные статьи. В период с 1898 по 1909 гг. в процентном соотношении затраты на благоустройство города возросли с 6% до 13%, на народное образование — с 5% до 10%, медицину и санитарию — с 5% до 10%. Основное бремя расходов Темир-Хан-Шурина городского самоуправления несло по содержанию обязательных расходов, прибли-

зительно от 30% до 55%. Следует отметить, что рост расходов города Темир-Хан-Шуры проходил умеренно. За период с 1898 по 1909 гг. он вырос с 30773 руб. 47 коп. до 43255 руб. 32 коп. [21; 22; 23, 63].

В целом для городов Дагестанской области было характерно преобладание в большинстве случаев расходной части бюджета над доходной. Городской бюджет являлся основой хозяйственно-финансовой жизни города. По показателям доходно-расходной части, по принципу его формирования можно судить об уровне развития городского хозяйства.

Рассмотрим несколько вопросов, имевших непосредственное отношение к деятельности Темир-Хан-Шурина городского общественного управления. Среди них можно выделить вопрос освещения города. Так, в 1903 г. улицы города освещались 171 керосиновым фонарями, освещение производилось по подряду по 11 руб. за фонарь в год [24, 91].

В 1909 г. встал вопрос о проведении электричества в город. Это было связано с тем, что военный губернатор Дагестанской области Г. Вольский собирался перевести казенные учреждения в Петровск, в связи с тем, что он был связан с Россией железной дорогой и стоял на берегу моря. Однако местные домовладельцы не желали с этим мириться, на их просьбу оставить столицу в Темир-Хан-Шуре военный губернатор выдвинул требование о введении на главных улицах города электрического освещения. Для содержания казенных учреждений города просители сделали самообложение в виде $1\frac{1}{2}\%$ со стоимости имущества.

В том же году городское управление решило ввести электрическое освещение в городе. Работы по оборудованию были сданы с торгов подрядчику Шаферу. Согласно договору в августе 1910 г. станция должна была дать ток, но срок прошел, а работы не были полностью завершены, «по городу были расставлены только 200 кривых и полугнилых столбов и построено здание станции. Ни машин, ни проводов, ни иного оборудования не было» [10, 84].

Жители города были недовольны подобным положением дел, 140 горожан, закупивших акции будущей электростанции, в жалобе на имя военного губернатора вину во всем городского старосту Темир-Хан-Шуры Какаева. Они полагали, что он был замешан в какой-то махинации с деньгами, собранными на строительство. Это дело удалось замять, и уже в 1911 г. станция стала давать ток. В итоге Темир-Хан-Шура осталась столицей [10, 84-85].

Благодаря деятельности Темир-Хан-Шурина городского общественного управления столица Дагестанской области постепенно стала освещаться электричеством, которое вначале служило для обслуживания в основном казенных зданий и центра города.

Представители самоуправления г. Темир-Хан-Шуры также занимались вопросом устройства скотобойни. «Дагестанский сборник» сообщал, что в 1903 г. городская скотобойня была уже построена, однако не открыта, убой скота при этом совершали на трех частных бойнях [24, 94]. По другим сведениям постройка скотобойни в Темир-Хан-Шуре была завершена во второй половине октября 1904 г. Стоимость шуринской скотобойни первоначально была определена в 7 тыс. руб., в действительности же было затрачено 13346 руб. Такое повышение расхода объяснялось плохим надзором за работами. Увеличение стоимости скотобойни было связано с ее плохим сооружением. Так, при приеме скотобойни ее крыша оказалась покрыта тонким слоем бетона, а под ним был насыпан песок с булыгами. В первый же дождь обнаружился дефект, крыша дала течь, намоченный песок своей тяжестью, раздвинув стены, грозил обрушением всего здания. Эту ситуацию удалось обойти, была сброшена нагрузка, в итоге стоимость работ увеличилась, хотя здание скотобойни Темир-Хан-Шуры было меньше и хуже Петровской и Дербентской, в то время как постройка ее обошлась вдвое дороже.

Чистый доход со скотобойни в 1905 г. составил 4209 руб. 47 коп., в 1906 г. — 4444 руб. 22 коп., в 1907 г. — 4935 руб. 17 коп., в 1908 г. — 5028 руб. 5 коп. и в 1909 г. — 4674 руб. 56 коп. Таким образом, за 5 лет и 2¹/₂ месяца скотобойня, несмотря на дефекты и дополнительные затраты, связанные с ее постройкой, не только окупилась, но и дала чистой прибыли более 10 тыс. руб. [25].

Кроме этого, власти города Темир-Хан-Шуры собирались построить зеленые и мясные ряды. Для этих целей были заняты деньги из больничного капитала за проценты — 4% в год. Однако вместо рядов было построено здание для местного полицейского управления, затем оно было отдано под помещение городского училища и заложен фундамент для здания городского общественного управления. Должный надзор со стороны города явно отсутствовал, о чем свидетельствовало падение одной из стен здания для городских. Занятых средств хватило только на окончание здания полиции. Все это обошлось городу в сумму около 18000 руб. [26]. Таким образом, это предприятие города оказалось неудачным.

Можно говорить о том, что, пытаясь решить те или иные вопросы, городские власти не всегда показывали себя с лучшей стороны, несмотря на то, что были достигнуты некоторые успехи в решении городских дел. Однако нельзя не учитывать того, что введение городского общественного управления в Темир-Хан-Шуре благотворно сказывалось на жизни города.

Примечания

1. Махачкала. 1844-1998 г. Сб. документов. Махачкала, 1999.
2. Козубский Е. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1894.
3. История СССР с древнейших времен до наших дней: Т. V. М., 1968.
4. Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (далее — Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН). «Материалы для истории управления Дагестанской областью». Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 136-138.
5. Энциклопедический словарь/Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 9 (17). СПб., 1893.
6. Свод законов Российской Империи. Т. 2. Свод губернских учреждений. СПб., 1892.
7. Полное собрание законов Российской Империи (далее — ПСЗ). Собрание третье. Т. XV. № 11734.
8. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее — ЦГА РД). Ф. 23. Предисловие.
9. Нардова В. А. Самодержавие и городские Думы в России в конце XIX — начале XX века. СПб., 1994.
10. Гаджиев Б. Темир-Хан-Шура. Буйнакс, 1992.
11. Дагестанские областные ведомости. № 28. 10 июля 1911.
12. Дагестанские областные ведомости. № 45. 6 ноября 1911.
13. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
14. Махмудова З. У. Дербент в XIX — начале XX века: этнич. мозаичность города на «вечном перекрестке». М., 2006.
15. ПСЗ. Собрание третье. Т. XII. № 8708.
16. Галлямова З. В. Городское самоуправление второй половины XIX — начала XX веков (По материалам г. Вятки): Автореферат канд. ист. наук. Киров, 2005.

17. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
18. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
19. ЦГА РД. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
20. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 195. Л. 27.
21. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 5. Д. 1. Л. 8-8об.
22. ЦГА РД. Ф. 6. Оп. 3. Д. 4. Л. 24-33.
23. Обзор Дагестанской области за 1909 г. Темир-Хан-Шура, 1910.
24. Дагестанский сборник. Вып. 2/Сост.Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1904.
25. ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 21. Л. 25-25 об.
26. ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 16. Л. 27.

**Б.А. СИНАНОВ,
к.и.н., нс СОИГСИ**

**ДУХОВЕНСТВО
ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ НАКАНУНЕ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.**

22 марта 2011 г. в истории христианства на Северном Кавказе была открыта новая страница. В этот день решением Священного Синода Русской Православной Церкви была образована Владикавказская и Махачкалинская епархия, включающая в свой состав приходы республик Северной Осетии — Алания, Дагестана, Ингушетии и Чечни. Новая епархия в своих границах во многом повторяет исчезнувшую в трагические первые десятилетия советской власти Владикавказскую и Моздокскую епархию.

В этой связи видится актуальным изучение состояния православного духовенства Владикавказской епархии накануне трагических событий октября 1917 г., фактически явившихся началом конца существования епархии. Осмысление исторического опыта положения и деятельности православного духовенства накануне радикальных изменений Российской государственности поможет лучше ориентироваться в условиях современного трансформирующегося общества.

Следует отметить, что 2000-е годы ознаменовали собой настоящий прорыв в изучении истории Российской Православной Церкви на Северном Кавказе в период трагических потрясений 1917 г. [12]. Объективно этому способствовало крушение идеологических барьеров и процесс либерализации архивного дела, начавшийся в постсоветской России в 1990-е гг. Интерес к указанным вопросам проявили не только советские исследователи, но и священнослужители [1].

В настоящей статье, опираясь на опыт предшествующих исследований и используя архивные документы, мы попытаемся выделить некоторые особенности православного духовенства Владикавказской епархии накануне Октябрьской революции 1917 г., а также про-

анализировать деятельность духовенства в условиях общественно-политических и социально-экономических трансформаций.

Возрождение христианства на Северном Кавказе, начавшееся в конце XVIII в., было прервано переломными событиями 1917 г. Владикавказской епархии предстояло разделить все испытания, выпавшие на долю Церкви в годы революционной ломки и хаоса, а затем и новых социальных порядков, где религия считалась «опиумом для народа», а верующие люди подвергались стеснению в правах и репрессиям.

К началу XX в. в состав Владикавказской и Моздокской епархий входили Терская и Дагестанская области и один осетинский поселок Кубанской области. Население епархии состояло из 1532477 человек обоего пола (918596 чел. — Терская область и 613881 чел. — Дагестанская область). Но следует учитывать, что епархию в полном смысле этого слова составляло в основном население Терской области и лишь двух городов Дагестанской области — Дербента и Петровска. Всего населения православного вероисповедания в епархии насчитывалось 405089 чел. обоего пола (387741 чел. — Терская область и 17348 чел. — Дагестанская область), что составляет меньше трети всего населения двух областей [3, 288-289].

В это же время в пределах епархии насчитывалось 132 прихода с численностью от 400 до 4 тыс. человек обоего пола в каждом. При всех храмах состояло 364 священно- и церковнослужителей, из них: протоиереев — 10, священников — 160, диаконов — 53, псаломщиков — 141. Что касается образовательного ценза, то с академическим образованием числилось — 7 священников и протоиереев, с семинарским образованием — 89, остальные ниже среднего, до домашнего включительно [3, 290]. Из приведенных данных видно, что образовательный уровень духовенства Владикавказской епархии к началу века оставлял желать лучшего. То же самое можно сказать и о духовном сословии в целом. Если в Российской Империи по итогам переписи 1897 г. самым грамотным сословием считалось духовенство — 72,2% (на фоне грамотности дворян и чиновников — 71,2%) [7, 58], то в пределах Терской области грамотность духовного сословия составляла 66,36%, а грамотность дворян и чиновников — 74,31% [8, 34-35]. Также и грамотность населения Терской области была весьма не высока: грамотных обоего пола во всей области было 12,7% [8, с. X], тогда как в целом по стране она составляла 21%.

Исследователи подчеркивают, что на начало XX в. наибольшая часть духовенства с высшим образованием была сосредоточена в столицах и губернских городах центральных епархий. В сельских приходах Европейской России преобладало духовенство со средним образованием, в окраинных епархиях европейской части страны и Сибири была значительная доля духовенства с образованием ниже среднего [7, 58].

Но даже несмотря на общий невысокий уровень образованности духовенства Владикавказской епархии и частое предпочтение семинаристами светской карьеры церковному служению, именно представители церковной среды внесли весомый вклад в развитие образования и культуры на Северном Кавказе, а в Осетии стали первым поколением национальной интеллигенции. Навеки вписаны в историю христианства на Кавказе имена выдающихся представителей церковной интеллигенции: переводчика, миссионера «апостола Осетии» — епископа Иосифа (Чепиговского), основоположника женского образования в Осетии — протоиерея Алексея Колиева, историка и просветителя — протоиерея Алексея Гатуева, просветителя и первого ректора Ардонской духовной семинарии — архимандрита (впоследствии епископа Пермского) Иоанна (Алексеева), одного из основоположников осетинской художественной прозы — церковно-служителя Сека Гадиева и многих других.

Что касается национального состава, то в нашем распоряжении имеются данные на 1900 г. Из общего количества священно- и церковнослужителей — 364 чел.: русских — 305 чел., осетин — 59 чел. [3, 290]. Однако приведенные данные можно считать достаточно условными, так как они не учитывают значительное количество духовенства представителей других национальностей. Вплоть до октября 1917 г., при общем доминировании русского духовенства и увеличивающемся числе выходцев из осетин, можно говорить также и о нескольких десятках священно- и церковнослужителей, которые были представителями других православных народов епархии, прежде всего: грузины, греки, армяне.

К 1900 г. во Владикавказской епархии насчитывалось три монастыря, из которых два женских (Покровский во Владикавказе и Георгиевский на реке Куре) и один мужской (Крестовоздвиженский в Кизляре) с общим количеством монашествующих 68 чел. и послушников — 259 чел. [3, 290]. В дальнейшем, к 1917 г. число монастырей в епархии увеличилось более чем вдвое [4, 24]. С увеличением количе-

ства монастырей увеличивалось и количество черного духовенства.

Таким образом, численность духовенства, как и жителей области православного вероисповедания, постоянно увеличивалась. К 1914 г. православных в Терской области уже насчитывалось 608951 чел. [11, 15] (368711 чел. — в 1897 г. [8, 56]; 387741 чел. — в 1900 г.) при общем количестве населения 1272354 [11, 8].

Несмотря на все приведенные выше количественные показатели, без преувеличения можно отметить, что Церковь оказалась в весьма неблагоприятном для нее внешнем и внутреннем положении. Широко распространенные среди правящих кругов царской России представления о непоколебимости Церкви и о народе как ее прочной опоре оказались иллюзией [6, 66].

Авторитет официальной Церкви в последние предреволюционные годы таял на глазах. Семена нигилистической пропаганды, рассеиваемые радикальной интеллигенцией, в частности через народные школы, давали свои плоды. Уже, по крайней мере, с 1906 г. в Синод шли тревожные докладные записки из епархий о массовом отходе рабочего люда от Церкви [9, 34].

В Северной Осетии антицерковные выступления начала XX в. были тесно взаимосвязаны с аграрными и административными проблемами региона. В условиях малоземелья и материального неблагополучия поборы отдельными священнослужителями, часто действовавшими заодно со старшинами, у своих же прихожан вызывали нескрываемое раздражение и вели к широкому распространению антирелигиозных настроений. Отчуждение церковных причтовых земель и запрет на взимание вознаграждения за требы — эти требования популяризировались в антирелигиозных листовках и на сельских сходах [5, 13].

Но все же решающим фактором падения авторитета Церкви накануне революции, по мнению большинства исследователей, явились государственно-церковные отношения, присущие Синодальному периоду.

Передовая часть духовенства осознавала всю неадекватность бюрократизированной Церкви задачам наступающего времени и встретила Февральскую революцию и падение монархии с надеждой на улучшение церковного и общественного устройства. Следовательно, внутри самой Церкви воздействие революционных событий сказалось, прежде всего, в том, что среди духовенства произошло своеобразное расслоение. Выявились и начали организационно оформляться раз-

личные общественно-политические тенденции — от консервативно-охранительных до призывавших к всестороннему обновлению общественного строя и церковной жизни. Несмотря на такое многообразие и поляризацию мнений, преобладающими оказались настроения в сторону коренной реорганизации внутрицерковной жизни и существенных корректив в области церковно-государственных отношений.

Вслед за отречением Николая II от престола Святейший Синод опубликовал обращение «Ко всем верным чадам Православной Российской Церкви», начинавшееся словами: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на новый путь государственной жизни» [10, 202]. По сути дела, именно в этих начальных словах «Обращения» Церковь через высший орган ее управления дала нравственную оценку событиям, свершившимся 2 марта 1917 г.

В свою очередь и рядовые священнослужители начали обсуждать итоги Февральской революции уже через несколько дней после ее завершения. Приоритет в этом принадлежит собраниям духовенства столичных и губернских городов. Несколько позже, начиная со второй половины марта, по всей стране начали созываться многочисленные епархиальные, викариатские, городские и благочиннические собрания и съезды духовенства.

Так, 29 марта 1917 г. преосвященный Макарий (Павлов), епископ Владикавказский и Моздокский, отвечая на желания священнослужителей высказаться на общепархиальном съезде, предложил им «выразить свои чаяния и нужды на местных съездах по районам благочиний». Правящий архиерей рекомендовал «на этих поместных, пастырских с пасомыми, собраниях» обсудить текущие вопросы и выразить их в письменных постановлениях, которые затем следовало выслать епархиальному начальству. Спектр обсуждаемых проблем не был ограничен ничем, хотя предлагалось сосредоточиться на следующих вопросах: избрания кандидатов на будущий общепархиальный съезд; участия духовенства в местных исполнительных комитетах по городам, станицам и селениям; выбора благочинных, членов благочиннических советов и председателей Епархиального Училищного Совета и Окружных Отделений; устройства на лучших началах приходской жизни и широком участии в ней мирян; учреждения института церковниц; миссионерской деятельности и т.д. [13, д. 431, л. 63].

Исследователи отмечают, что на формирование мнения приходского духовенства о революционных событиях влияло несколько

факторов. Один из них — позиция Синода, распоряжениям которого православные священнослужители подчинялись согласно внутри-церковной дисциплине (например, вышеупомянутое «Обращение», а также изменения в церковном богослужении, в связи с прекращением поминовения царственного дома и возношении моления «о Богохранимой державе Российской и о Благоверном Временном Правительстве ея.» [13, д. 431, л. 41–41об.]).

Вторым фактором являлся массовый революционный настрой, охвативший с первых чисел марта 1917 г. население страны. В те дни монархические идеи были крайне непопулярны. Соответственно, государственный переворот воспринимался как насущная необходимость для спасения страны.

Третьим фактором, определявшим позицию духовенства, являлось отношение к революционным событиям местных правящих архиереев. Однако мнения последних, как правило, влияли на позицию рядовых священнослужителей, если епископы пользовались авторитетом у своей паствы. В противном случае духовенством, зачастую при участии местных органов новой власти, предпринимались меры для увольнения своих архиереев с их кафедр: иногда за излишнюю строгость и взыскательность, за деспотический нрав, за имеющуюся у них в прошлом репутацию черносотенцев, за связь с Г. Распутиным и т.п. [2, 59–60].

Всего за весну 1917 г. было уволено на покой около полутора десятков правящих архиереев [10, 203], причем большинство из них было отправлено Синодом в отставку по ходатайствам местных епархиальных съездов. Такие факты позволяют говорить историкам об имевшей место в этот период «церковной революции» — явления достаточно уникального для России. Она заключалась в том, что рядовое духовенство пыталось достаточно радикальными мерами, как правило, против воли своих архиереев, провести назревшие реформы во внутреннем строе Церкви и добиться установления социальной справедливости в церковной жизни (выборность епископата, участие приходских священнослужителей в управлении епархиями, уравнивание в правах белого и черного духовенства, справедливое распределение между членами причта церковных доходов) [2, 60].

Владикавказский епархиальный съезд духовенства и мирян проходил с 25 апреля по 3 мая 1917 г. Еще до его созыва активно действовал «Временный комитет владикавказского городского духовенства по разработке материалов для будущего Епархиального съезда» под

председательством авторитетного священника Александра Богоявленского. Именно Временному комитету принадлежит инициатива максимально широкого представительства духовенства и мирян на съезде, как подчеркивалось, «ввиду важности его» [13, д. 431, л. 64].

Действительно, в кафедральный город Владикавказ для участия в епархиальном съезде прибыло большое количество духовенства и мирян, как делегатов с правом голоса, так и «без полномочий, по личному желанию». Почти половина делегатов съезда являлась мирянами различного социального происхождения и статуса: дворяне, казаки, церковные старосты, преподаватели духовных учебных заведений и т.д. Столь демократичный состав делегатов можно объяснить с учетом всесословного, всеобщего характера самой Февральской революции. Стремление внести свой вклад в преобразование бюрократического строя церковного управления охватило самые широкие слои общества.

В первую очередь съезд, на заседаниях которого не присутствовал правящий епископ, принял ряд политических заявлений. Важнейшими среди них были отношения к свершившейся революции, Временному правительству, войне и предстоящему Учредительному собранию. Духовенство епархии, «радуясь дарованной Проведением свободой Народу Русскому», обещало употребить все силы к тому, «чтобы упрочить в народном сознании блага этой свободы с полной верой и надеждой, что свобода Государства принесет Свободу и Церкви». Также в первой своей резолюции духовенство заявляло, что будет всемерно содействовать тому, «чтобы обновление и возрождение свободного народа совершилось в возможной степени безболезненно». В свою очередь, в адрес Временного правительства направлялась приветственная телеграмма на имя Председателя Совета Министров князя Львова. Относительно войны съезд принял резолюцию о необходимости «доведения войны до победного конца». Что же касается Учредительного собрания, то отмечалось, что участие духовенства в подготовке к нему паствы «желательно и необходимо путем собеседований, разъяснений, работой в культурно-просветительских комиссиях, распространением соответствующей литературы и проч.» [13, д. 341, л. 1-4].

Анализируя первые резолюции съезда, можно сделать вывод о том, что приходское духовенство сыграло важную роль в фактической отмене державного церковно-монархического лозунга, положенного в основу исторически сложившейся в России государственной идеоло-

гии — «за Веру, Царя и Отечество» [2, 64]. Кроме того, одной из концептуальных точек зрения владикавказского епархиального съезда было признание народовластия как новой формы государственного правления и всецелое подчинение ему.

Последующие резолюции съезда были посвящены внутрицерковному управлению, миссионерской деятельности и решению частных вопросов. Прежде всего вводился выборный порядок замещения духовных и особенно духовно-административных должностей, начиная с епископской кафедры, продолжая членами епархиальных управлений, благочинными и завершая приходским духовенством [13, д. 341, л. 4 об. — 7]. Владикавказский съезд, по существу, стремился утвердить коллегиально-представительное начало на всех ступенях церковного управления: по благочиниям были учреждены благочиннические советы из выборных представителей духовенства и мирян, по приходам — приходские советы, куда входили «все лица обоего пола, христиане православного вероисповедания, руководимые имеющим законное рукоположение пастырем» [13, д. 341, л. 5]. Эти реформы осуществляли то, чего в продолжение более чем десяти лет передовые церковные деятели в самой скромной форме добивались от царского самодержавия: ограничение черного духовенства, и прежде всего епископского всевластия и введения принципа выборности церковных должностей.

Тем не менее, постановления владикавказского епархиального съезда, согласно резолюции епископа Макария, вводились «в церковную жизнь епархии временно, до окончательного решения поднятых вопросов на будущем всероссийском Съезде духовенства и мирян и поместном Соборе Русской Церкви». Резолюций, относящихся к области общецерковных законоположений, в том числе об упразднении института церковных старост, о всецелой замене благочинных окружными советами, о выборе епископов, об образовании особой Осетинской епархии, благословлялось принять, как пожелания для внесения их на решения Всероссийского Съезда духовенства и мирян и поместного Собора Русской Церкви [13, д. 341, л. 14].

Революционные иллюзии духовенства стали рассеиваться вместе с наступлением общего разочарования граждан России в политике Временного правительства. Социальная активность священно- и церковнослужителей заметно пошла на спад с июля 1917 г. К этому времени стала очевидна неспособность Временного правительства проводить необходимые реформы и удерживать страну от нарастаю-

щей анархии и хаоса. Вместе с тем в стране углублялся экономический кризис, разваливалась армия, в обществе обострялась борьба между различными партиями. Народ устал от продолжавшейся больше трех лет войны, на фоне которой все кризисные явления резко усиливались и грозили самому существованию Российского государства.

Духовенство Владикавказской епархии в 1917 г. во многом оказалось заложником своих же собственных слишком революционных решений, некоторые из которых, на фоне все возрастающего безвластия и социально-экономического кризиса, явно не способствовали укреплению внутрицерковного порядка. Так, в своей 10 резолюции съезд признавал за приходом «безусловное право избирать на вакантные места кандидатов к замещению священнических, диаконских и псаломнических мест в своих приходах» [13, д. 341, л. 5]. В сочетании с определением Синода от 5 мая 1917 г. «О привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении», в котором особо подчеркивалось, что «выборные начала могут получить свое осуществление в церковно-общественной жизни», приводили к случаям самовольного захвата приходов с принудительным отстранением паствой неугодных священников.

Характерный эпизод произошел в конце лета 1917 г., когда в станицу Слепцовскую во время отсутствия местного духовенства прибыл священник села Тушиловки и явился на общественный сход в правлении станицы. Здесь он предложил принять его священником в местную церковь, «обещая со своей стороны принимать от прихожан самое минимальное подаяние за требоисправление и даже при желании общества он готов требы исполнять и безвозмездно». Ранее этот священник предпринял нечто подобное и «в станице Тарской, и в Ассинской и пытался также и в Михайловской, чем приводил в смущение умы прихожан в названных станицах, по единогласному свидетельству тамошних священников». В результате конфликтов в станицах Тарской и Ассинской «пастырям грозят увольнением, а приходы — на положении остаться без пастыря» [13, д. 372, л. 52].

Резко обозначившийся во внутрицерковной жизни кризис власти осложнялся ухудшением экономического положения духовенства. В это же время получают широкое распространение отказы приходов от выплат взносов на епархиальные нужды [13, д. 430, л. 18 об. — 19 об.].

Таким образом, к 1917 г. духовенство Владикавказской епархии превратилось в значительную социальную силу, влияющую как на

духовную, так и на культурно-образовательную жизнь региона. Большая часть духовенства епархии, осознавая стремительное снижение авторитета Церкви в глазах общества и всю неадекватность бюрократической Церкви задачам наступающего времени, встретила Февральскую революцию и падение монархии с надеждой на улучшение церковного и общественного устройства. Столь долгожданные выборы начала во внутрицерковной жизни в условиях тотального кризиса власти, продолжающейся войны, экономического упадка и антиклерикальной пропаганды нередко приводили к насильственному изгнанию пастырей с приходов и игнорированию пастырьских решений вышестоящей церковной власти. Все эти факты заставляли многих священнослужителей пересмотреть свои революционные взгляды и направить силы на укрепление внутрицерковной дисциплины.

Примечания

1. Андрей (Мороз), игумен. История Владикавказской епархии. Элиста: АО «НПП Джангар», 2006.

2. Бабкин М. А. Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. 2003. № 6.

3. Беляев Иоанн, протоиерей. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. (Исторический очерк распространения и восстановления христианства среди осетин). Преосвященный Иосиф, епископ Владикавказский (1821-1890). Историко-биографический очерк жизни и деятельности «апостола Осетии» и первого архипастыря Владикавказской епархии. (Составил священник Иоанн Попов)/Сост., ред.: А. А. Горобец. Владикавказ: Олимп, 2008.

4. Бороденко В. Е. К вопросу о периодизации монастырей Северного Кавказа (конец XVIII — начало XX века) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 49.

5. Гюева И. А. Русская Православная Церковь в истории Северной Осетии (XX — нач. XXI в.). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Владикавказ, 2005.

6. Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917-1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005.

7. Конюченко А. И. Православное белое духовенство России в социально-демографических измерениях (вторая половина XIX — на-

чало XX вв.) // Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. 2005. № 7.

8. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. LXVII Терская область/Под ред. Н. А. Троицкого. 1905.

9. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.

10. Регельсон Л. Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2007.

11. Терский календарь. 1915.

12. Хубулова С. А. Весь мир мой храм: поликонфессиональный Владикавказ в XX веке. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2005; Канукова З. В., Хубулова С. А. Религия в истории и культуре полиэтнического города (Владикавказ в XIX — нач. XXI вв.): Учебное пособие. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2006; Горобец А. А. История Русской Православной Церкви в Северной Осетии (1917-1924 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2004; Гиоева И. А. Русская Православная Церковь в истории Северной Осетии (XX — нач. XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2005.

13. Центральный государственный архив РСО — Алания. Ф. 143. Оп. 2.

С. С. ЭСЕДОВА,
аспирант ДНЦ РАН ИИАЭ, г. Махачкала

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ДАГЕСТАНСКОГО АУЛА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

НЭП — период, когда была предпринята первая попытка либерализации советской экономики. Осуществление социально-экономических мероприятий в Дагестане в новых условиях столкнулось с рядом сложностей, которые вытекали из самой природы многоукладной экономики Дагестана.

Таких укладов было пять:

1. патриархальный, в значительной степени, полунатуральное крестьянское хозяйство;
2. мелкое товарное производство;
3. частновладельческий капитализм;
4. социалистический сектор.

Социалистический уклад в Дагестане образовался после того, как в результате национализации средств производства появилась общенародная социалистическая собственность. Но этот уклад в Дагестане не был преобладающим ни в смысле доли его в валовой продукции народного хозяйства, ни в отношении численности занятости в нем трудящихся.

Частнокапиталистический уклад в Дагестане был представлен несколькими разновидностями:

1. кулацкими хозяйствами;
2. торговым капиталом;
3. частным капиталом в промышленности.

Мелкотоварный уклад, представленный середняцкими хозяйствами, играл значительную роль в Дагестане как по численности занятого в нем населения, так и по удельному весу в валовой продукции народного хозяйства.

Полунатуральное хозяйство мало, связанное с рынком и имевшее низкую товарность, было представлено в основном в высокогорных округах.

Но, стоит отметить, что ни один из укладов не осуществлялся изолированно. Они переплетались, были связаны друг с другом, в них происходили процессы дифференциации и поляризации социальных сил [1].

Важную роль в деле общего подъема экономики крестьянских хозяйств сыграло решение о переходе от натуральных налогов к денежным. В соответствии с решением X съезда РКП (б) ВЦИК 21 марта 1921 года принят Декрет «О замене продразверстки продналогом». Введение продналога было одним из главных мероприятий, обеспечивающих переход к новой экономической политике.

Основываясь на решениях, принятых X съездом РКП (б) и ВЦИК, Дагестанский областной комитет партии и правительства республики принял решение о переходе к НЭПу как политике, способной обеспечить восстановление народного хозяйства. Правда, соответствующие партийные документы о замене продразверстки в Дагестане были приняты гораздо позже, чем в центральных областях. Декрет правительства ДАССР о натуральном налоге был принят только 27 июля 1921 года.

При введении в республике продовольственного налога крестьяне Дагестана получили больше льгот, чем крестьяне центральных районов страны. Продналог устанавливался и взыскивался строго дифференцированно, от него в Дагестане была полностью или частично освобождена горская беднота. С середняцких хозяйств продналог взимался в меньших размерах, чем с кулацких: «совершенно освободить от налога голодающие районы Дагестана, если урожай будет ниже среднего. Лишь при среднем урожае (35-40 пудов с десятины) и выше, будет взиматься только часть налога» [2].

Недостатком новой налоговой системы явилось то, что она не учитывала своеобразие некоторых смешанных хозяйств в горных округах. Животноводческое хозяйство, имевшее небольшой посев, облагалось как земледельческое и уплачивало налог зерном.

С 1925 по 1926 гг. в систему обложения по единому сельхозналогу были внесены важные изменения, учитывающие особенности Дагестана. «В целях улучшения материального положения бедноты освободить от единого сельхозналога, сверх освобожденных от него 25% крестьянских хозяйств дополнительно еще 10%. Сложить задолжен-

ность крестьянских хозяйств по ссудам, полученным от государства по случаю неурожая 1924 г. Снять недоимки с крестьянской бедноты и предоставить льготы середнякам» [3]. Такая политика сдерживала рост крупных товарных хозяйств.

Проводившаяся налоговая и кредитная политика оказала заметную роль и на развитие кустарной промышленности в Дагестане. Она имела особое значение, так как являлась «важнейшим источником снабжения крестьян орудиями их хозяйства и предметами домашнего обихода» [4].

С введением НЭПа кустарям был предоставлен ряд льгот. В частности, по декрету ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 года было расширено понятие «мелкая промышленность» — в нее были включены предприятия, имеющие до 20 работников. Этим самым увеличивалось число предприятий, не подлежащих национализации. В Дагестане для того, чтобы приступить к производству кустарных изделий, требовалось лишь одно условие — зарегистрировать предприятие в совнархозе и указать свою фамилию. Кустарям разрешалось из своих материалов и своими средствами производить самые различные изделия, им предоставлялись кредиты, оказывалась другая помощь «для оказания помощи безработным кустарям Кази-Кумухского округа, среди которых есть мастера, художники своего дела, предложено отпустить из ЦК Последгола 10 пудов серебра» [5].

Постепенно государство стало снабжать крестьян Дагестана и сложными сельскохозяйственными машинами — тракторами, зерноочистилками. В 1921-1922 гг. были доставлены в Дагестанскую республику следующие орудия: плугов — 1000, борон — 300, веялок — 45, предоставлена беспроцентная ссуда от ЦК Последгола на приобретение сельхозинвентаря в количестве 200 плугов и 10 сеялок» [6], но, несмотря на принимаемые меры, крайне остро чувствовалась в Дагестане слабость материально-технического оснащения сельского хозяйства. Особенно в горных округах «сельхозинвентарь бедняцкого хозяйства состоит из одной деревянной сохи, двух деревянных лопат и одной вилы, земля имеется всего 7/12 десятин в 3-х кусках, расположенных на склонах гор террасами» [7]. Существовала большая разница в обеспеченности инвентарем по районам: в плоскостном 410,9 руб., а в горном 47,63 р. на хозяйство [8], но постепенно количество сельхозинвентаря в Дагестане увеличивалось. Если в 1925 году в Дагестан было завезено на 196, 35 тыс. руб., то в 1926/27 гг. на 286 тыс.р., а в 1928/29 гг. на

1,137 тыс. руб. [9]. В 1925 году в Дагестан были завезены первые тракторы.

Увеличение количества сельхозинвентаря, организация прокатных пунктов, кредитная политика государства позволила крестьянам распоряжаться излишками сельскохозяйственных продуктов.

28 марта 1921 года постановлением СНК в губерниях и областях, выполнивших задание по продразверстке, крестьянам были разрешены свободный обмен и продажа хлеба, хлебофуражных продуктов, картофеля и сена. Действие этого постановления распространялось и на предметы кустарного производства и мелкой промышленности [10].

Переход к НЭПу внес свои коррективы в сложившуюся свободу торговли в национальных республиках. Товарообмен был призван дать дополнительно к продналогу необходимое количество продуктов сельского хозяйства путем прямого обмена на промышленные товары.

Проводилась работа по организации товарообмена как внутри республики, так и за ее пределами. В июле 1923 года Дагсоюз заключил договор с горским союзом на поставку кукурузы, пшеницы, картофеля и др. товаров, подобные союзы были заключены с Крайсоюзом, Азербайджаном и Москвой [11].

Однако товарообмен не решал тех задач, которые на него возлагались, он стихийно обращался к деньгам, становился не товарообменом, а торговлей через деньги.

В марте 1924 года постановлением ЦИК СНК Экономсовета ДАССР была образована комиссия с правом установления предельных розничных цен на товары для оптовой и розничной торговли. В 1924-1925 гг. прочные позиции занимал частник в розничной торговле Дагестана. Однако государство постепенно ограничивало предпринимательскую деятельность, а также частный капитал в торговле.

Видное место в товарообороте занимали ярмарки. В Дагестане в 1925 году было проведено 5 ярмарок. Ярмарки приближали советскую торговлю к потребителю, экономически воздействовали на рынок, снижая цены.

Постепенно происходило сокращение и вытеснение частника из торговли. Было отменено кредитование частной торговли, частник лишался государственных источников товарного снабжения, для него устанавливались повышенные тарифы на перевозку грузов железнодорожным транспортом, повышалась ставка арендной платы.

И частный сектор, на долю которого приходилось 52,7% розничного товарооборота, постепенно терял свои позиции. В 1926 году началось снижение размеров частного оборота. За последующие 4 года роль частного на рынке была сведена к нулю [12].

Для развития экономики республики необходимо было иметь развернутый товарооборот. Широкое распространение получила государственная и кооперативная торговля. Наиболее доступным для населения Дагестана видом кооперации в начале 20-х годов была ее простейшая потребительская форма.

Дагсоюз в 1921 году в своем составе имел Хасавюртовское, Дербентское и Буйнакское отделения: 3 городских фабрично-заводских ЕПО (единые потребительские общества) и 15 сельских многолавочных и 16 однолавочных потребительских обществ [13].

Большое место в хозяйственной жизни аула занимала сельскохозяйственная кооперация. Она представляла собой сложную по составу, функциям и ценам кооперирования систему хозяйственных организаций. Сельскохозяйственная кооперация была широко представлена производственными объединениями с различным уровнем обобществления средств производства. Это — и простейшие кооперативы, и товарищества, и сельскохозяйственные коммуны, и артели. В 1922 году было организовано 4 сельскохозяйственных кооператива, в 1923 г. — 18, в 1924 г. — 41, в 1925 г. — 129 [14].

В 1925 году в Дагестане был создан филиал сельскохозяйственного банка СССР. Кредитование населения проводилось строго по классовой линии. «При распределении производственных кредитов, как в денежной форме, так и в натуральной строго придерживаться классового принципа, кредитую исключительно колхозно-бедняцкое, середняцкое крестьянство» [15].

Для определения характера производственных отношений большое значение имеет изучение наемного труда. В 1927 году в найме рабочей силы участвовало 69,3% всех крестьянских дворов. Из них 44,3% продавали рабочую силу, а 25% нанимали. К продаже рабочей силы прибегало 70% дворов, не имевших средства производства, это были в основном бедняцкие слои. Из середняков к работе по найму прибегало 29,5%, а из кулаков — 5,6%. Использование найма в бедняцко-середняцкой группе было не связано с расширением хозяйства, поэтому здесь нет постоянных рабочих. В 1926 году в Дагестане было 18,5 тыс. сроковых рабочих, 15,3 тыс. из них батрачили в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Удельный вес рабочих, имев-

ший в составе заработной платы деньги, составлял в Дагестане 37%, продукты сельского хозяйства — 56,3%, отработки — 6,3%, таким образом, в Дагестане преобладала натуральная форма оплаты наемного труда.

Наряду с индивидуальными дворами к найму рабочей силы прибегали и сельские общества. У них в 1926 году было занято 17,3% всех постоянных сельскохозяйственных рабочих. В большинстве это были пастухи.

В мае 1925 года III съезд Советов Союза ССР одобрил правила, обеспечивающие применение наемного труда, в том числе и на арендованной земле, по новым правилам использовать наемный труд можно было только в том случае, если наравне с наемными рабочими работали и все трудоспособные члены семьи нанимателя. Двор, систематически прибегавший к эксплуатации чужого наемного труда, лишался политических прав и подвергался индивидуальному усиленному налоговому обложению [16], что приводило к разрушению крупных крестьянских хозяйств. К концу 20-х годов центральной фигурой в деревне постепенно становится середняк.

Проводимые социально-экономические мероприятия: налоговый прессинг на крупные, индивидуальные хозяйства, вытеснение частника с рынка, направление государственных капиталовложений (после XV съезда, декабрь 1927 г.) главным образом на поддержку коллективных форм хозяйствования, оказывали заметное влияние на развитие народного хозяйства. Крестьянский рынок постепенно разрушался, ситуация обострялась коллективизацией, осложнением социально-экономической обстановки в стране, что в конечном итоге привело к свертыванию НЭПа.

Примечания

1. Даниялов Г.Д. Строительство социализма в Дагестане 1918-1937 гг. М., 1988.
2. ЦГА РД. Ф П-1. Оп. 1. Д. 322
3. Постановление ЦИК СССР. Сб. документов и материалов по истории СССР 1917-1957 гг. М., 1966.
4. ЦГА РД. Ф П-1. Оп. 1. Д. 55.
5. Красный Дагестан. 1923. 17 февраля. № 42.
6. ЦГА РД. Ф 37-р. Оп. 19. Д. 18.

7. Современный Дагестан по материалам народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции ДАССР. Махачкала. 1925.
8. Третьяков В. Крестьянское сельскохозяйственное производство Дагестана. Махачкала, 1927.
9. 10 лет автономии ДАССР. Махачкала, 1931.
10. Бехтерева Л. Н. Потребительская кооперация в период НЭПа (1912-1929) гг. // Отечественная история. 2008. № 3.
11. ЦГА РД. Ф 32-р. Оп. 2. Д. 2.
12. Осипцов Я. А. Осуществление ленинской политики советского государства в области торговли в национальных районах Северного Кавказа в первый период НЭПа (1921-1925) гг.// Вопросы истории Дагестана и Северного Кавказа. Махачкала, 1973. Выпуск 1.
13. ЦГА РД. Ф 127-р. Оп. 3. Д. 26.
14. Булатов Б. Б. Из истории социально-экономического развития Дагестана в конце XIX середине XX вв. Махачкала, 2003.
15. Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР 1927-1940 гг. В 2-х частях. Часть 1. Махачкала, 1976.
16. Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие Дагестанского доколхозного аула. М., 1965.

II. КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Т. Т. ДАУЕВА,
аспирант СОИГСИ

СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ БЫТОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В нормах обычного права осетин предусмотрены способы разрешения бытовых конфликтов, направленных на сохранение стабильной жизнедеятельности социума. Часть из них связана с урегулированием вопросов, связанных с воровством и грабежами.

Отношение к воровству и грабежам сложилось неоднозначное. Оценка в народе таких пороков не всегда была осуждающей. В сборнике адатов кавказских горцев имеется следующий отзыв о воззрениях горцев: «Горец старается счастливым и удачным исполнением грабежа обратить на себя внимание своих сородичей и приобрести имя джигита или наездника. Воровство поэтому во всеобщем употреблении горцев, гордящихся своим хищничеством у разноплеменников» [1, 201].

Ф. И. Леонтович высказывал следующую точку зрения: «Кавказские горцы по врожденной страсти часто совершают воровство и между своими, и уличенный в краже на месте не только подвергался

штрафованию, но и делается презренным не потому, что он решился на воровство, а от того, что он не сумел совершить оное в тайне, как неискусный вор» [3, 136].

Если воровать на земле у соседей, в отношении которых не было никаких обязательств, то на это занятие смотрели, как на способ показать свою ловкость и удалство. Покушение на чужое добро признавалось воровством, если совершено на своей территории.

В случае воровства на стороне, у чужих, по изобличении вора отбиралось краденое; а за кражу у своих и ближних взыскивалось в пользу хозяина в 5 раз больше стоимости украденного; шестая же часть — для угощения общества.

Воровство не приравнивалось к самым тяжким преступлениям, и кровная месть имела место только в тех случаях, когда вор «найденный на преступлении будет убит хозяином, чье имущество намеревался воровать, то родственники вора преследуют убийцу и стараются отомстить за кровь убитого» [1, 213].

Важное значение при кражах и грабежах придавалось опознанию вора, для чего у осетин традиционно сложилась целая система мер, предусматривающих безошибочное определение личности вора. Методы опознания бытовали самые разнообразные, в зависимости от обстоятельств и размера краденого. Первым делом это были свидетельские показания очевидцев, опровергнуть которые было невозможно. Поэтому таким показаниям уделялось основное внимание при рассмотрении конфликтов по кражам и грабежам.

Каждый, у кого что-нибудь украдено, имеет право подозреваемых им лиц привлечь в суд для разбора дела. Ф. И. Леонтович описывает суд по адату следующим образом: обиженный и обидчик, если желают решить свой спор по адату, собирают своих родственников и садятся каждый со своими родственниками на таком расстоянии друг от друга, чтобы разговор не был слышен противной стороне... для передания предложения обидчика обиженному и ответов сего последнего первому выбираются общие между ними посредники — *минавар лагта* из посторонних почетных людей. Самое большое число судей бывает в случае смертоубийства, в менее важных делах, в таких, например, как воровство, родственники обиженного посылают от двух до четырех, а родственники обиденного от одного до трех судей [3, 183].

Если подозреваемый в воровстве не сознавался, то суд назначал очистительную присягу, в случае принятия которой хозяин украден-

ного имущества терял право иска на очистивших себя лиц, которые в свою очередь не имели права претендовать на компенсацию за напрасное привлечение их к суду [5,1].

На суде, помимо *минавар лагта*, существовали доказчики — *комдзог*, которые за доказательство получали от хозяина при двух свидетелях от 10 до 20 рублей, а иногда и более, в зависимости от ценности украденного имущества. На суде он должен был доказать совершение преступления субъектом, указать последовательно на все обстоятельства, при которых совершено преступление. Если доказчик уличил подозреваемого в совершении преступления, и у судей не оставалось никакого сомнения, то задача судей состояла в определении меры наказания и размера выкупа. Если доказательство доказчика подлежало сомнению, то ему с авторитетным родственником назначалась присяга в том, что по его доказательству украли именно такие-то лица. По выполнении доказчиком означенной присяги доказательства его принимались, в противном же случае с ним, как с ложным доказчиком, поступали как с вором [3,136].

В случаях воровства, где нет ясного доказательства, а только сильное подозрение, прибегали к духовному суду и приводили подозреваемого к присяге [3,185].

Дж. Шанаев говоря о сущности и процедуре присяг — *ард*, разделял ее на 2 вида: 1) положительные присяги, т.е. произнесение клятвы именем народных божеств и святостей; 2) соизволение посвящать покойникам гадов и падаль — *фыдканд* [5,5].

К присягам первого рода относится присяга *дзуарами*. Она считалась всегда присягой первостепенной важности, поэтому к ней прибегали чаще всего. В такой присяге находили залог открытия истины.

В газете «Терские ведомости» описан случай, когда жителя сел. Даргавс заподозрили в воровстве [4]. Старшина предложил ему принять присягу на высокой горе, где обитает св. Уацилла. По дороге к святому месту подозреваемый раздумал давать клятву и уплатил уволованному сумму денег.

К другому виду присяги первого рода относится присяга Богом — *ард хуцауай*, по правилам религий христианской и магометанской. С 1831 г. правительственные суды требовали присяги по христианским и мусульманским обрядам. Однако народ предпочитал свою присягу, и потому большинство присягали *дзуарам*. Как мусульмане, так и христиане, с легкостью принимали эту присягу, в отличие от собственно осетинской народной. Оправдывая лжеприсяжничество, они

считали: «что это за присяга, вот наша присяга, так это настоящая, ее трудно принять!» [5,7]. Христианская и мусульманская присяги получили окончательно постоянное действие и применение в правовой практике осетин только с организацией правительственных судов, т.е. с 1858 г. с устройством горского словесного суда.

Второй вид присяги — *фыдканд*, т.е. соизволение посвящать покойникам подозреваемого лица «грязных» в народным осмыслении животных, таких как собака и кошка [5, 8]. Посвящение животных покойникам считалось поруганием над ними, которое всякий осетин обязан был отводить от своих умерших предков. Ввиду этого, обычай давал право потерпевшему от кражи пользоваться этой святостью памяти покойников в пользу открытия похитителей.

Это происходило следующим образом: потерпевший на публичном месте на вколоченной в землю вехе вешал кошек или собак и расстреливал их, произнося следующую фразу: «Эти кошки и собаки да будут посвящены покойникам того, кто украл у меня лошадь, или кто, зная вора, скрывает его» [5, 8].

С ложной клятвой осетины связывают представление о гибели целой фамилии, о муках предков в загробной жизни и о ряде несчастий, которые неизбежно должны постигнуть как присягнувшего, так и его близких.

Присягу на судебном процессе мог дать один из авторитетных лиц рода, который для начала заставлял клясться лицо.

У жителей поселка Харисджин существовал своеобразный способ определения вора. Потерпевший, не имеющий никакого подозрения, заявляет на общественном сходе, что вором должен быть один из жителей отселка (в том случае, конечно, когда по обстоятельствам воровства заметно, что незнакомый человек не мог быть осведомлен так подробно относительно местности, откуда совершена кража), Жители тогда должны принять обычную присягу там, где захочет потерпевший. Обыкновенно присягают в дзуарах. Присягу принимает старший фамилии, принося на место присяги кинжал, пистолет, топор или нож. При принятии присяги вещи возвращаются обратно, причем тот глава семейства, который подозревает кого-нибудь из своей фамилии, не берет своей вещи, которая остается на месте присяги. По ней-то потерпевший и узнает вора и заставляет его уплатить добровольно стоимость украденной вещи, не доводя дело до суда. Почти ни одно воровство не остается не раскрытым, если оно совершено жителями отселка [2].

Каждое общество по-разному оценивало плату за краденое имущество. Например, в случае кражи скота тагаурскими алдарами между собой платили за каждую лошадь, быка, корову, а в случае воровства у кавдасардов плата была за лошадь, быка и корову втрое, а за барана — всемеро. В случае же воровства у алдар кавдасардами и фарсаглагами они платили алдарам за лошадь, быка, корову вшестеро, а за барана — 20 голов. В куртатинском обществе за каждую украденную скотину или вещь вор платит в 7-кратном размере...

У алагирцев за воровство лошади, быка или вещи изобличенный должен уплатить всемеро, за скотину — скотиной, за вещь — еньгами.

По адатам Дигорского общества «из дворовых людей кто учинит воровство, штрафуется старшиной наравне с фарсалеками и тумакками. А если кто ворует у фарсалека лошадей, скот или баранов, то подвергается наказанию по 3 штуки за каждую им украденную» [1, 214-218].

Способы разрешения конфликтов в осетинских традиционных общинах определялись ментальными установками, сформированными под влиянием таких факторов, как отголоски практики «грабежа как промысла», своеобразными представлениями о «молодецкой удали», религиозными убеждениями, родственной солидарностью, сословной принадлежностью и хозяйственными ресурсами отдельного общества.

Функциями любого способа разрешения конфликтов были избегание кровной мести, примирение враждующих сторон, недопущение безнаказанности вора, а также сохранение общественного порядка.

Примечания

1. Кавказ: Адаты горских народов. Нальчик, 2010.
2. Казбек. 1903. № 1718.
3. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Вып. 1. Одесса, 1882.
4. Терские ведомости. 1902. № 110.
5. Шанаев Дж. Присяга по обычному праву осетин. ССКГ // Вып. 7. 1873.

**Э. П. ДЗАГОЕВА,
аспирант СОИГСИ**

ГЕНДЕРНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРУДОВЫХ ФУНКЦИЙ В ТРАДИЦИОННОЙ ОСЕТИНСКОЙ СЕМЬЕ

В настоящей статье предпринимается попытка определения гендерного взаимодействия в организации трудовой деятельности осетинской традиционной семьи.

Исследователи Осетии XIX в. отмечали бытование больших семей, численностью до 40 и более человек [12, 58]. М. М. Ковалевский так же писал: «Осетинский двор в разных местностях Осетии представляет собой группу лиц в 20, 40 и даже 100 или около того» [11, т. 2, 100]. Такая многочисленность осетинской семьи была обусловлена хозяйственно-экономическими и социально-культурными причинами. Скучное индивидуальное хозяйство в горной местности не смогло бы прокормить семью, состоящую даже из 10 человек, что обрекало этих людей на гибель.

Только к концу XIX в. распространенной формой семьи в Осетии становится малая семья, а затем и индивидуальная. Такой переход был обусловлен изменениями в хозяйственной жизни народа. Отдельные члены семьи, как правило, братья стремились к семейному разделу имущества, самостоятельному ведению хозяйства. Однако, как отмечает А. Х. Магомедов, этот процесс распада большой семьи входил в противоречие с традицией: «пока были живы старые родители, сыновьям было стыдно делиться» [13, 157]. Более того, считалось постыдным, но если возникала такая необходимость, то на собрании членов семьи, а при спорных вопросах — на сельском сходе, выделялась его законная часть от имущества семьи. Для этой цели назначали на сходе группу лиц «уарджыта».

Тяжелые условия жизни способствовали сплочению членов семьи, большое количество людей в одном доме предполагало регулирование хозяйственной деятельности и семейного быта. На характер отношений в семье и в обществе накладывали отпечаток конкретные условия жизни, в которых они находились.

Традиционным хозяйственным занятием в Осетии были земледелие и скотоводство, вся семья была занята в этих отраслях. Рассмотрим степень участия женщины в этих работах. «Горский пахарь с ранней весны до поздней осени должен быть у нивы с лопатой в руке в одной рубашке, босиком. Эту тяжелую работу исполняет вся семья осетина без различия пола и возраста, не исключая подростков восьмилетнего возраста, стариков 70-ти лет и женщин в положении беременности или имеющих грудных детей» [5,35]. Примечательно участие осетинских женщин в тяжелых физических работах: «Тяжелые полевые работы исполняются мужчинами, сбыт продуктов в соседних городах производится ими же, на долю же женщины остается домашнее хозяйство» [8, 220]. «Женщина в Осетии есть образец трудолюбия. Она в сем отношении заменяет собой одна нескольких мужчин» [14, т.1, 41]. Семейный быт и трудовые обязанности в доме полностью ложились на плечи женщин, круг ее хозяйственных работ был довольно широк. В зависимости от материального положения семьи, от ее достатка, обязанности женщины могли расширяться до сельскохозяйственных работ и заботе о домашнем скоте или же наоборот сужаться до только домашних дел. Традиционными женскими работами в осетинской семье были стирка, шитье и починка одежды, приготовление еды, ношение воды для нужд семьи и присмотр за детьми. Штедер в своих записках об осетинах отмечал: «Они склонны к работе, в особенности женщины постоянно заняты. Они заботятся обо всей одежде, о домашнем хозяйстве, о жатве, сборе плодов, дровах и тому подобных работах. Мужчины, напротив, занимаются седельной сбруей, обработкой земли, пахотой, ремеслом кузнеца, каменщика, строителя, приготовлением пороха, выделкой из кожи ремней и обуви, охотой и войной» [21, 137].

Положение осетинской женщины в обществе и отношение мужчины нашло противоречивое отражение в источниках. «Женщина у осетин заменяет рабочую скотину для домашнего обихода, — до того жалка их участь» [14, т.1, 131]. В этот же период времени другой источник сообщает: «При первом знакомстве с осетинами, как и с другими туземцами Кавказа, положение женщины в семье кажется крайне зависимым и даже, пожалуй, рабским; но, присматриваясь ... ближе, невольно приходится несколько изменить свой взгляд. С одной стороны, внешняя рабская покорность и приниженность женщины пред мужем позволяют говорить наблюдателю о женщине — рабыне. С другой стороны, то уважение и то покровительство, с каким мужчи-

ны относятся к женщине, сильно противоречат подобному взгляду. Несмотря на внешнюю зависимость, «хорошая» женщина пользуется большим уважением и почтением».

Статус женщины изменялся с возрастом. Чем старше она становилась, тем почтительнее к ней относились. Проходящей или входящей в дом женщине в годах, с сединой, вставали и мужчины, и женщины, в семье прислушивались к ее словам. Подобное отношение к женщине связано с общим культом предков у осетин, с особым почтением старших и уважением к преклонному возрасту.

Регулированием хозяйственной деятельности женской половины в семье занималась старшая женщина, именуемая æфсин. Она разделяла обязанности среди девушек и женщин, следила за их выполнением, решала возникающие конфликты женской половины семьи. Символом ее особого положения были ключи от кладовой «къæбиц», висевшие на поясе. Это было помещение, где хранились все запасы продуктов и одежды, домашней утвари, входить туда могла лишь æфсин. Считалось, что если другая женщина без дозволения æфсин войдет в «къæбиц», то она осквернит и обидит духа, обитающего там, называемого «бынаты хицау». Мужчины не имели права входа туда. Она следила за выполнением всех хозяйственных работ, за имуществом семьи, за поведением в доме и за его пределами, за взаимоотношениями всех членов семьи, за исполнением ритуальной обрядности во время праздников или похорон. Она не была занята в хозяйственных работах и домашних делах, основной ее задачей было пополнение и выдача припасов на нужды семьи.

Одним из основных занятий молодых девушек в доме было шитье и починка одежды. С разрешения своей æфсин невестки могли брать одежду на починку у соседей, если те ее приносили. В трудовой иерархии этот вид деятельности стоял на низшем уровне и считался непрестижным. Нитки, иголку, а позже и различные пуговицы молодая невестка приносила с приданым, отсутствие этих вещей считалось неприличным. Сукно (т. е. материал) выдавалось каждому члену семьи из кладовой по мере необходимости свекровью. Вещей у человека было немного, тяжелый труд и условия жизни приводили к тому, что вещи быстро изнашивались, поэтому навыки шитья у девушки ценились. Это умение прививалось ей с малолетства. Наличие иголок и ниток, различных тканей в приданом говорило об умелости и трудолюбии девушки, также они были дефицитным товаром и ценились высоко.

Женщины не только чинили одежду членов семьи, но и создавали новую. Каждая женщина шила одежду своему мужу, детям и себе. В первую очередь обшивался мужчина, так как он являлся лицом семьи и чаще появлялся в обществе, выезжал за пределы своего села. Каждая из жен старалась получше приодеть своего мужа и своих сыновей. Следующими шли девушки, достигшие брачного возраста, затем младшие дети и сама женщина. «Матери обучают своих дочерей различным рукоделиям, шитью всякого рода мужских и женских платьев» [14, т.1, 41].

Осетин мог ходить в залатанных вещах, и это бы не вызвало у окружающих насмешки, но появиться в грязной одежде считалось постыдным. Стиркой в осетинской семье также занимались молодые невестки. Они обстирывали всю семью, не дифференцируя ее членов ни по половому, ни по возрастному признаку. М. М. Ковалевский писал: «Мытье белья, починка одежды, как и приготовление пищи, падает на младших женщин двора, которые и распределяют эти занятия между собой и при исполнении их соблюдают известную очередность» [11, т.1,102]. Подчеркнем то, что очередность выполнения этих обязанностей назначала æфсин, самостоятельно ни одна из женщин не начинала работу по дому.

«...В те времена в осетинском доме можно было сделать лишь то, что разрешали старший и старшая» [16, 43]. Такая строгая подчиненность была обусловлена иерархией возрастного соподчинения, соблюдения общих правил в поведении.

Уборкой жилых помещений занимались молодые невестки и урожденные девушки семьи. В женской половине дома девушки могли без стеснения убирать, мыть кухонную утварь, были более раскованы, с дозволения старшей женщины девушки заходили и на мужскую половину, чтобы убраться в ней. Присутствие же невесток при других ситуациях на мужской (правой) половине дома было строго воспрещено. Женщины, принадлежавшие к данной фамилии, могли не следовать жестким предписаниям: «На правой стороне женщины на скамью не садятся, за исключением матери и сестер хозяина, да и те в прочем редко пользуются своим правом» [12, 81].

Высшей ступенью в хозяйственной иерархии стояло приготовление пищи, до которого æфсин допускала только старших женщин. В семье старшинство определялось не столько возрастом самих женщин, сколько возрастом их мужей, а также временем, которое они жили в семье. Как правило, это были женщины средних лет или стар-

ше, жены старших сыновей или же братьев главы семьи. Эти невестки пекли пироги или хлеб, в будние дни варили мясо или готовили мясные блюда. В праздничные дни, при закалывании жертвенных животных, женщин не допускали до приготовления мяса, это была обязанность мужчины. Получение разрешения на приготовление пирогов от æфсин считалось очень почетным. Это, скорее всего, было во время больших праздников, или же если в семье кто-нибудь заболел, и пироги готовили для молитвы божеству Аларды, то известно, что æфсин замешивала тесто, произносила молитвословие, а невестки выпекали пироги.

Не менее значимым было приготовление молочных продуктов. Традиционно в Осетии изготавливали из молока сыр, масло, сметану (сливки) и сыворотку. Последнюю нередко использовали в гигиенических целях. Уходом за скотиной занимались в основном молодые мужчины, коров или овец доили молодые женщины, приготовлением из молока молочных продуктов занимались чаще всего невестки средних лет. Нередко и сама æфсин участвовала в приготовлении молочных продуктов.

Женщины в семье были ответственны не только за приготовление пищи и выполнение хозяйственных работ, на них также лежала обязанность исполнения праздничной ритуальной обрядности. Если æфсин была старше хозяина дома, являясь его матерью, она исполняла жреческие функции, произносила молитвы, руководила приготовлением ритуальной пищи и следила за исполнением всех предписанных традиций.

Существовали мужские и женские праздники. «Отличие их состояло в том, что первые праздновались исключительно мужчинами, и часто сопровождалось принесением кровных жертв, а вторые праздновались исключительно женщинами, и кровные жертвы уже не имели места, их заменяли молочные... у женщин они заменяются сыром и молоком». Одним из примеров этих бескровных жертв был ритуал праздника Доныскъæфæн (на крещение). «В этот день рано утром младшая невестка или девушка брали с собой фигурные печенья «дедтаæ», кусок сыра или жира, зерна злаков, или лепешки «задын — тыппырон» произнося молитву водному источнику бросали части этих фигурных лепешек, сыра, жира в воду» [15, 66]. Это обеспечивало благополучие в доме на грядущий год. Также молодая невестка приносила воду в Пасху. По словам Б.Т. Гатиева, «невестки засветло шли за водой и молча с поспешностью возвращались домой. Счита-

лось, что в первой почерпнутой в пасхальную ночь воде заключается божья милость. Крестообразно вливая воду в муку для праздничного теста, хозяйка шептала молитву» [15,109]. Обряды приношения воды были связаны с приобщением молодой невестки к семейному укладу.

Во время празднеств за хозяйкой дома было закреплено право произношения молитвы. Существовали отличия женской молитвы от мужской. Женщина не называла святых по имени, заменяя их имена на произвольные, они были табуированы для произношения. Исключения касались только лишь божеств, связанных с женщиной и семьей: Аларды, Бынатыхицау и Хуыцауы-Дзуар, Мадымайрам. Аларды — покровителю женщин и детей — молились, прося защиты от болезней. Все эти божества имели ярко выраженный характер вмешательства в сферу жизни женщины, ее круга обязанностей и забот — семью, детей, здоровья членов семьи, их благополучия. Во время других праздников женщины также участвовали не только в приготовлении ритуальных пирогов, но и исполняли некоторые обряды. В праздник святого Аларды замужние женщины и молодые девушки отправлялись в святое место, посвященное Аларды, чтобы помолиться и попросить милости и благословения для себя и своих детей настоящих или будущих. При этом в дар ему приносили серебряную монету с шелковыми нитками с куском ваты.

Таким образом, в женскую сферу деятельности относилось ведение домашнего хозяйства, шитье и изготовление одежды, стирка, уборка, воспитание детей, уход за мужской половиной семьи. Нередко к обязанностям ведения домашнего хозяйства добавлялись и сельскохозяйственные работы. Часто это зависело от экономического положения семьи и количества мужчин в доме. Почти всегда женщина участвовала в жатве и сборе сельскохозяйственных продуктов, сбытом излишек которых занимался мужчина.

В круг обязанностей мужчин входили тяжелые работы, обработка земли, пахота, изготовление орудий труда, кузнечное дело, строительство, охота и скотоводство. Подобное распределение трудовых функций и сфер деятельности было оптимальным для ведения хозяйства в горной местности.

Примечания

1. Айларов И. Х. Ирон Фарн. Владикавказ, 1996.
2. Бабич И. Л. Правовая культура осетин и судебные реформы в 19-20 вв. // Этнографическое образование. 2001. №5.

3. Ванеев З. Н. Из истории родового быта Юго-Осетии. Тбилиси, 1955.
4. Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии Осетии. Тбилиси. 1974.
5. Гарданти М. К. Социально-экономический очерк. Современная Северная Осетия. Владикавказ.
6. Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999.
7. Казиев Ш. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в 19 вв. М., 2003.
8. Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.
9. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т 1. М., 1890.
10. Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939.
11. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т.1-2. Владикавказ, 1995.
12. Кокиев С. В. Записки о быте осетин. М., 1885.
13. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт Осетии в 17-19 вв. Орджоникидзе, 1974.
14. Чибиров Л. А. Периодическая печать Кавказа об Осетии и Осетинах // Цхинвали, Т.1-6. 1981.
15. Уарзиати В. Избранные труды: этнология, культурология, семиотика. Владикавказ, 2007.
16. Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003.
17. Цаллаев Х. К. Традиции и обычаи осетин. Владикавказ, 1993.
18. Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвал, 1976.
19. Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984.
20. Шегрен А. М. Религиозные обряды осетин, ингушей, и их соплеменников при разных случаях// Кавказ. 1849. №29.
21. Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
22. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. Л., 1991.

А. М. МАРГУШЕВА,
аспирант КБГУ, г. Нальчик

РЕФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В последнее десятилетие наше государство находится в активном поиске приоритетов развития во всех сферах жизни общества — в экономической, социальной, политической и духовной. Государственные умы на протяжении длительного времени пытаются реформировать наше государство, однако в силу исторических, политических, культурных и других факторов сегодня Россия все еще далека от образа развитого, социального, как провозглашено в Конституции, государства [1,27]. Осознание того, что основополагающие проблемы лежат в самой государственной системе, в самом механизме и элементах администрирования, заставляет реформаторов постоянно возвращаться к теме реформ государственного аппарата. В истории России сегодня, как и два столетия назад, работу этого аппарата с трудом можно назвать эффективной, что сохраняет актуальность изучения учеными комплекса проблем, связанных с административными преобразованиями.

Образование Российского многонационального государства сопровождалось учреждением на окраинах империи государственно-административного аппарата. Отвечая идее централизации власти и унификации управления в различных районах империи, процесс этот не был однозначным, имея свою региональную специфику. Проникновение империи на Северный Кавказ растянулось более чем на столетие, и все это время он продолжал оставаться самостоятельным объектом политико-административного подчинения. Исторически сложившиеся особенности в социально-политическом, экономическом, правовом, культурном развитии разных географических областей Кавказа предопределили разработку и использование Российской Империей различных административно-управленческих стратегий. Дифференцированный

подход к управлению кавказскими провинциями объяснялся прежде всего неравномерным экономическим развитием Закавказья и различных областей Центрального Кавказа [2,38]. Государственно-административная политика российского правительства на Северном Кавказе с самого начала проводилась с использованием особого арсенала средств и методов управления, серьезно отличавшихся от применявшихся в Закавказье. Специфика края (полиэтничность, многоукладность, неравномерность заселения и пр.), с одной стороны, и происходившие политические изменения в самой метрополии — с другой, требовали постоянного обновления, оптимизации способов управления, активного поиска таких институциональных форм, которые способствовали бы упрочению влияния империи в новоприсоединенной окраине [3, 3].

Генеральная линия российской политики на Кавказе в целом подразумевала включение региона в экономическое и геополитическое пространство империи. Процесс утверждения государственно-административной системы управления на Северном Кавказе протекал в рамках административно-политической интеграции России и Центрального Кавказа. Выгодное для империи геополитическое положение Кавказа и наличие богатых природно-сырьевых ресурсов привлекли к ней особо пристальное внимание российского правительства и предопределили темпы и характер проводившихся здесь государственно-административных мероприятий. Местные особенности социально-политического и экономического развития также наложили отпечаток на конкретные проявления этого процесса, во многом определяя формы и методы российского управления, варьировавшиеся на разных этапах государственно-административного строительства в регионе [3, 4].

Ж. А. Калмыков отмечает, что административно-территориальные и управленческие преобразования на Северном Кавказе осуществлялись в течение длительного времени — с 60-х гг. XVIII века до 80-х гг. XIX в. включительно. В рамках этого периода становления российской администрации на Северном Кавказе проходило в несколько этапов, особенности которых зависели от характера и активности политики царизма в этом регионе [4, 272].

Первый этап приходится на период Кавказской войны (1763-1864) — время, когда царизм переходит от военно-союзнических отношений с Кабардой к политическому доминированию в регионе. В этот период правительство Екатерины II предпринимает активные меры по огра-

ничению политической независимости народов Северного Кавказа. Первым шагом осуществления этой политики являлось начало строительства так называемой «Кавказской линии» [5,7]. Исходя из экономических и политико-стратегических соображений, российское правительство в 1777 году развернуло широкомасштабную градостроительную деятельность. Укрепление и расширение старых и возведение новых укреплений Азово-Моздокской линии, протянувшихся от Екатеринодара до Азова (Кизляр, Моздок, Св. Дмитрия, Екатериноградское, Ставропольское, Владикавказ), с одновременным насаждением вдоль всей линии казачьих станиц положили начало российской колонизации на Северном Кавказе [6,24]. Эти военно-административные центры России на Кавказе, служившие стратегической базой империи для освоения всей территории Северного Кавказа [5,8] и ставшие впоследствии ключевыми пунктами так называемой Кавказской линии, с начала своего возникновения являлись форпостами российской административной политики в регионе, интересуя правительство как крепостные пункты, административные центры, где размещался судебный и административный аппарат, штаб-квартиры воинских частей, склады военных и продовольственных запасов [7,91].

Российское правительство для управления делами всего Кавказского края учредило 5 мая 1785 г. Кавказское наместничество с центром сначала в Екатеринограде, затем в Георгиевске. Кавказская линия, таким образом, стала частью наместничества [5,8], ознаменовавшее окончательное утверждение России на Северном Кавказе.

Кавказское наместничество конца XVIII в. представляло собой одну из специфических форм государственно-административного управления на окраинах империи и включало Астраханскую губернию, вошедшую в него в качестве области и вновь образованную Кавказскую губернию.

Руководителя этих военно-административных образований сначала называли главнокомандующим войсками на Кавказе, а потом губернатором (начальником) Кавказской губернии (области) [4,273].

Уездами, на которые было разделено наместничество, стали Екатериноградский, Георгиевский, Александровский, Ставропольский, Моздокский и Кизлярский. Бывшие русские крепости, к которым тяготели жившие вокруг народности, превращались в уездные города, и на них распространялось общероссийское городское положение 1785 г. Во всех уездных городах Кавказского наместничества (кроме Кизляра) открывались присутственные места, уездные и земские

суды, казначейства, на что российской казной были отпущены специальные средства [7,21-22].

На командующего Кавказской линией генерал-поручика Н.С. Потемкина были возложены обязанности генерал-губернатора Саратовского и Кавказского. У кавказского наместника оказались сосредоточены весьма широкие полномочия, обеспечивавшие ему независимость от высших государственных учреждений и возможность прямого подчинения императрице. В руках наместника концентрировалась вся полнота военной и гражданской власти в регионе. Внешнеполитические обстоятельства, обусловленные постоянной военной угрозой со стороны Турции и Ирана, диктовали необходимость подчинения гражданской формы управления военной [2, 38].

Командующий войсками линии, в лице которого была совмещена гражданская власть с военной, осуществлял контроль над общественно-политической жизнью горского общества, через назначаемых приставов из числа строевых офицеров действующей армии [5, 8]. Приставские управления вводились у присоединенных к России народов «для присмотра за поведением» местного населения и исполнением им «распоряжений правительства» [5, 8].

Таким образом, этот период связан с присоединением к России Кабарды, Балкарии, Северной Осетии, Дагестана, Чечни, ногайцев и введением у них «частных» приставских управлений [4,273]. Обозначенный этап имеет свою внутреннюю периодизацию (1769-1858 г.), который охватывает период функционирования приставского управления, введенного в 1769 г. Первым приставом был назначен секунд-майор Дмитрий Тоганов, который осуществлял посреднические функции во взаимоотношениях российского командования на Кавказе с местными народами [8,100]. На данном этапе предпринимаются попытки ограничения политического суверенитета кабардинских князей. Однако ни приставы, ни учрежденные в 1793 г. родовые суды и расправы не добились в этом деле существенных результатов. Только карательные экспедиции генерала А. П. Ермолова в 1821-1822 г. и учреждение Временного кабардинского суда как высшего административно-судебного органа Кабарды завершили ее административно-политическое включение в состав Российской Империи [9,270].

Последующие действия царского правительства по дальнейшему распространению административного влияния, направленные на укрепление российских позиций на Северном Кавказе, проводились уже без участия А. П. Ермолова. Несомненно, генерал А. П. Ермолов

являлся заметной фигурой в ряду правителей Кавказа и, будучи облечен широкими властными полномочиями, претендовал на самостоятельную политику. Однако царское правительство категорически запретило генералу, самостоятельно предпринимать какие-либо шаги, ведущие к изменению существующей на Кавказе административной системы. Это вовсе не означало, что правительство не видело необходимости в административном переустройстве края. Богатый и разносторонний опыт управления А. П. Ермолова был учтен при разработке программы реорганизации административно-управленческой системы на Кавказе [10,128]. Для выяснения местных особенностей на Кавказ была отправлена сенаторская ревизионная комиссия.

Итогом инспекционной поездки сенаторов стал проект административного переустройства Кавказской губернии. Согласно указу Правительствующему Сенату от 24 июля 1822 г. об изменении кавказской административной системы, Кавказская губерния преобразовывалась в область. Количество уездов в области сокращалось до четырех (Александровский уезд упразднялся), а статус областного города был придан Ставрополю [10, 129].

Утверждение нового положения об управлении Северным Кавказом, последовавшее вслед за указом 1822 г., произошло после отставки А. П. Ермолова, когда главноуправляющим стал граф. И. Ф. Паскевич. В феврале 1827 г. Николай I утвердил «Учреждение для управления Кавказской областью». Это было первое положение, детально регламентировавшее все уровни административного управления в области, не потерявшей своей стратегической значимости для империи. Утверждая документ, правительство отдавало себе отчет в том, что предлагаемая положением административная модель может корректироваться под воздействием реальных социально-политических обстоятельств. Поэтому «Учреждение» рекомендовало «привести в действие для трехгодичного испытания удобства оно, с тем, чтобы, по окончании сего срока, представлены были замечания, кои опыт укажет, для нужных по оным их правлений» [11, 75].

Специальные правила по управлению Кавказской областью устанавливали четырехступенчатую иерархическую систему управления, которая включала «... 1) Управление Главное, 2) Управление Областное, 3) Управление Окружное, 4) Управление волостное...» [7, 44] и в которой реализовывался принцип строгой соподчиненности всех управленческих уровней. Административное управление Кавказской областью осуществлялось из Тифлиса — места расположения глав-

ного управления Кавказской областью. Областное управление поручалось командующему войсками Кавказской линии, который подчинялся непосредственно главноуправляющему.

Основная обязанность областного начальника состояла в обеспечении «внешней безопасности» Кавказской области. Часть «залинейных инородцев» («по усмотрению главноуправляющего»), в числе которых оказались народы Центрального Кавказа: кабардинцы, карачаевцы, осетины, урусбиевцы ингуши и чеченцы, — были переданы под его управление, поскольку на них не распространялись административные порядки, введенные с учреждением областного и окружного управлений [7, 44]. В связи с этим исполняющий обязанности начальника Центра Кавказской линии полковник В.С. Голицын предлагал создать для балкарцев отдельное представительство, «которое внушало» бы им «уважение... к чиновнику, назначенному от Российского государя для суда и расправы между ними и для доведения через начальство нужд их до подножия престола» [12, 198]. Командующий на линии получал право назначать для управления кавказцами «специальных начальников» [7, 45].

Уезды преобразовывались в округа, а во главе окружной администрации был поставлен окружной начальник — военный чиновник, являющийся комендантом окружного города и подчиняющийся командующему на Кавказской линии [7, 45].

«Учреждением» были предусмотрены особые меры, направленные на дальнейшее закрепление российских административных порядков среди народов, населяющих Центральный Кавказ. «Внешние инородцы» (кабардинцы, осетины, ингуши и чеченцы) оставались в ведении линейных воинских командиров безотносительно к административно-управленческому аппарату, созданному в области и округах. Более эффективное управление горцами, проживающими в «их крепких местах» [10,131], по мнению правительства, было возможно посредством полицейского надзора, который должен был осуществляться воинской стражей. Это административное «нововведение» рассматривалось как мера, более или менее адаптированная к местным условиям, но не гарантировавшая полного и окончательного утверждения российской администрации в горах.

Е.Г. Битова отмечает, что 11 января 1827 г. представители урусбиевских, чегемских, хуламских и собственно балкарских таубиев, к которым присоединились также представители от дигорских бадеят, подали прошение о принятии их в русское подданство и выразили готовность

принести присягу и поступить на военную службу. Большинство отечественных кавказоведов именно с этого времени ведут отсчет включению территории Балкарии в политико-административную систему Российской империи. Однако вовлечение Балкарии в орбиту политического влияния России осуществлялось без особого институционального оформления административных прав империи [13,145]. Ж.А. Калмыков, соглашаясь с таким мнением, отмечает, что принятие балкарцами в 1827 г. присяги на «верноподданство» России не изменило правовой статус и систему управления [8;103]. В записке генерала штаба И.В. Шаховского от 24 ноября 1834 г. в разделе «О горских нам покорных племенах» говорится: «Горские племена, называющие себя осетинами и говорящие карачаевским языком, как то: карачаевцы или аланы, урусбиевцы или кумыки, чеченцы, хуламцы, безенгиевцы и малкарцы, должны входить в описание кабардинцев Большой Кабарды» [8, 103-104]. Отсюда видно, что и в 30-х гг. XIX в. царская администрация не считала возможным нарушить исторически сложившиеся традиции во взаимоотношениях Кабарды с соседними горскими обществами.

Сочетание военного администрирования с формами местного самоуправления, обращение к традициям, подключение существовавших ранее институтов должно было обеспечить более гладкий переход к новой власти и признание ее легитимности [13,145].

Поэтому ведущим направлением российской политики по отношению к горцам было переселение всех желающих на внутреннюю сторону Кавказской линии, в пределы области. Важность этого направления российской политики на Центральном Кавказе подчеркивалась тем обстоятельством, что регулирование процесса переселения горцев находилось в компетенции самого главнокомандующего [7,45]. Активное заселение приграничных территорий вело к тому, что Кавказская линия перестала играть роль барьера между административной единицей Российской Империи — Кавказской областью — и территориями, занятыми горским населением [7,47].

Таким образом, предпринятые в конце XVIII — первой половине XIX в. административные шаги России в области были направлены на то, чтобы устранить различия между системами управления «внешними» и «внутренними» «инородцами» [3,4]. Одним из таких мероприятий явилось «Учреждение для управления Кавказской областью», утвержденное Николаем I в феврале 1827 года. Однако в последующем система управления Северным Кавказом вплоть до конца XIX века претерпевала значительные изменения. Политику «невме-

шательства» во внутренние дела коренных северокавказских народов сменил жесткий курс на «покорение диких племен», проводившийся в жизнь под лозунгом распространения в крае «начал цивилизации» и «русской гражданственности».

Примечания

1. Вольф В. С. Цели и результаты административной реформы в России: формальность или шаг вперед // Экономика. Государство. Общество. ЭКО. № 2 (6). Июнь. 2011.
2. Кипянина Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. 1983. № 4.
3. Кобахидзе Е. И. Взаимодействие традиционной и государственно-административной систем управления в истории Осетии (конец XVIII-XIX вв.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Владикавказ, 2002.
4. Калмыков Ж. А. Установление российской администрации на Северном Кавказе (вторая половина XIX века) // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 4.
5. Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995.
6. Эсадзе С. С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. СПб., 1913.
7. Блиева З. М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII — первой трети XIX века. Владикавказ, 1992.
8. Калмыков Ж. А. Размышления историка в поисках истины. Нальчик, 2009.
9. Кажаров В. Х. Кабарда в период духовного правления (1807-1822 гг.) // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 4.
10. Кобахидзе Е. И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской Империи (последняя четверть XVIII — конец XIX в.): историко-этнологический анализ. Владикавказ, 2003.
11. Цит. по: Блиева З. М. Некоторые черты административного развития Северного Кавказа в 20-х гг. XIX века // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990.
12. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т.1.
13. Битова Е. Г. Балкарская знать в условиях включения в административно-политическую систему Российской Империи // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 2.

**И.А. БЕДОЕВА,
аспирант СОИГСИ**

РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ ЧАШИ В ОСЕТИНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Пивная чаша использовалась в праздничной обрядности только в особых ритуальных действиях, выбранных почетными представителями общества. Она воспроизводила священные функции эпической чаши Амонга (Уацамонга, Нартамонга), зафиксированной в осетинском героическом эпосе «Нарты».

Получавший ритуальную чашу участник застолья творил молитву, совершая как бы ритуальное жертвоприношение, во время которого соединялся с небом и землей.

Ритуальное пиво является достойным наполнителем ритуальной чаши, поскольку выступает символом ее жизненных энергий (соков), посредником в мифологически организованном пространстве, т.к. и «в культуре восточноиранских народов этот ритуально-престижный напиток был своего рода медиатором между гармонией освоенного и хаосом неосвоенного, между культурой и природой, между верхней и нижней космическими сферами» [1, 335].

Выпивая божественный напиток, участник ритуальной трапезы включался в культовый космогонический процесс перерождения, перевоплощения, жертвенной смерти, происходившей в пределах ритуального пространства. Он или поднимался наверх к небожителям, или как бы спускался по Мировому древу в Преисподнюю, обретая там энергию жизни. Его возвращение в среднюю зону, к трапезникам, трактовалось как его возрождение после ритуальной смерти, но вместе с собой он возрождал и жизнь ритуальной трапезы, символизировавшей весь социум, все мироздание. О ее ритуальном значении свидетельствует и то, что она хранится у рода Алагата, отличающихся от Ахсартагката и Бората тем, что они являются в Нартиаде носителями духовной силы. Только в большом доме Алагата справляли общенартовские пиршества по разным случаям.

Непременным условием ритуальных возлияний всегда было постоянное наполнение сосуда. Полная чаша представляла собой символ всех обрядов и идей, связанных с плодородием, богатством, изобилием. В осетинском языке понятие «полный» выражало идею благополучия, полного завершения. В полноте чаши всегда и по-своему присутствуют смертные и божества, земля и небо. Все они связаны между собой единством ритуала. Человек не мог обеспечить достижение своих целей с пустой или незаполненной чашей в руках [2, 174]. Возможно, отсюда и берет свое начало выражение «пусть твоя жизнь будет полной чашей», т.е. жизнью, полной порядка, закона, находящейся под охраной мироздания.

Подношение чаши, как жертвенного возлияния, возносит на высоту торжественности застолья. Содержимое чаши — напиток, жертвуемый бессмертным богам (пиво).

Являясь центром ритуального застолья, чаша находилась в ведении у возглавлявшего его, молитвотворящего старца. Как в мифологической, нартовской, так и в исторической скифской, алано-осетинской традиции выпить из чаши, принять почетный бокал (кады нуазæн) мог только герой, уважаемый и ценимый обществом участник сакральной трапезы. За его заслуги и добытую славу общество передавало ему чашу как почетный жезл. Чаша определяла собой как достойного, так и недостойного. Именно об этом и говорит Мессия: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды» [3, 23-25].

Священная ритуальная чаша — символ мироздания, центр мужского ритуального застолья. Чаша соединяет в себе мир материальный и мир духовный, позволяя обществу общаться в своем пространстве с «верхом» (Богом-отцом) и «низом» (Матерью-землей). Участник ритуальной трапезы включен в мистерию мироздания и как бы проходит в ней свою последнюю черту, но пока только в процессе ритуального возлияния.

Связанная с ритуалом сакральная чаша соединяла в себе тексты человеческого мира и мира Божьего, являясь медиатором в этом разговоре. Через этот священный предмет общество совершало ритуальное жертвоприношение (вспомним символику жертвы, крови в ритуальных напитках), согласуя, таким образом, обмен энергиями мироздания — жертва Богу возвращалась благодатью обществу.

Один из самых волнующих сюжетов в алано-осетинском этнокультурном пространстве, связанных с ритуальной чашей, записал в

1846 году академик А. М. Шегрен на празднике Уацилла (св. Ильи) у осетин Тагаурского ущелья (селение Какадур). В контексте совершаемого во время праздника обряда жрец-дзуарылаг, взяв с собой пиво, поднимается на расположенную невдалеке священную гору. «Придя к жертвеннику, дзуарылаг наливает пиво в священную чашу и, поставя (ее) на самой вершине горы, ложится около чаши спать на целую ночь. По мнению горцев, в эту ночь Уацилла спускается с неба и опрокидывает чашу: дзуарылаг поутру в день праздника смотрит, в какую сторону пролито пиво, и, соображаясь с этим, делает свои предсказания об урожае и благополучии текущего года» [4, 120]. В других вариантах этого же обряда чаша наполняется новым пивом, устойчиво стоит весь год на вершине горы до нового праздничного прихода жреца.

Подобный образ чаши-охранительницы был отмечен и академиком В. С. Миллером в 1888 году в святилище, возвышающемся на невысоком пригорке над осетинским селением Лац. Внутри святилища на престольном камне стояли чаши с медом и пивом. Эти чаши наполнялись в день праздника и хранились весь год. Если кто заболел, то мед и пиво, хранившиеся в святилище, давали больному как лекарство [4, 234]. По всей видимости, этот обряд имел широкое распространение в Осетии, а значит, содержал в себе древний, возможно, индоевропейский ритуальный текст.

Священная чаша была дана Богом скифам, алано-осетинам (эпическим нартам) как эталон их мира. Чаша — это книга духовной мудрости предков, оставленная потомкам, подобно тому, как оставлена была Христом чаша Грааль, наполнявшая праведников силой и мудростью. Испивший из чаши Грааля получал прощение грехов, вечную жизнь и т. д.

Обычай подношения чаши происходит из бытовых ритуалов предков осетин: скифов, сарматов и алан.

Золотую чашу скифы почитали как божественный дар и использовали ее в различных ритуалах. При погребении царя или прославленного скифа с ним в могилу, вместе с другими вещами, «необходимыми ему в царстве мертвых», клали золотую чашу. Чаша имела и эмблемное значение, она изображалась на многих культовых памятниках и вещах скифов.

Почетная чаша у скифов являлась высшей моральной и воспитательной наградой за отвагу в бою.

Об этом пишет отец истории Геродот: «Раз в год каждый прави-

тель в своем округе prepares сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом» [5, 203].

Культ чаши нашел свое отображение также в легендах и сказаниях скифов.

Ж. Дюмезиль в своем фундаментальном труде «Осетинский эпос и мифология» [3, 38-48] сравнил ряд обычаев нарттов с обычаями осетин и с научной точностью подтвердил их идентичность.

Специально этой теме В. А. Кузнецов посвятил свой труд «Нартский эпос и некоторые вопросы истории Осетии», в котором подытожены взгляды ученых и исследователей многих мифов и сказаний в связи с историей Осетии. В Нартском эпосе выражены нравственные нормы нарттов: мужество, воздержанность в застолье и глубокое уважение к женщине. Достойным по этим мерам нравственности преподносилась почетная божественная чаша.

В Нартском эпосе божественная чаша упоминается во многих сказаниях и называется то «Нартамонга», то «Уацамонга».

Ж. Дюмезиль пишет: «Ей (Уацамонга) приписываются различные достоинства, эта чаша ибо неиссякаема, постоянно наполнена вкуснейшими напитками, или же она собственно то, что и означает ее название «указующая героя»: на своих пирах, когда Нарты хвастают ратными подвигами и рассказывают, сколько каждый убил врагов, чаша поднимается к губам самого отважного [3, 45].

Однажды на «ныхасе» (совещании старейшин) нартские старейшины обсуждали: за какие услуги положено подносить почетную чашу. Урузмаг взял три старинные серебряные чаши и сказал: «Первую чашу предки нарттов подносили тому, кто отличался умом и отвагой. Вторую чашу — самому воздержанному в застолье, кто пользовался уважением, был честен и правдив. Третью чашу тому, кто уважительно относится к женщине» [6, 446-461].

Старейшины все три чаши преподнесли Батрадзу. Батрадз отвечал всем лучшим нравственным требованиям нарттов. Он был смелым, выносливым, мужественным и разумно-дерзким в бою, противником насилия и несправедливости, беззаветно защищал нарттов и всегда побеждал врагов. Мирное время нартты проводили в труде, состязаниях и пиршествах. И здесь отличался Батрадз, а во время

пиршества мог несколько дней не есть и не пить, но петь веселее других и танцевать красивее всех.

Нартский эпос создавался со времен скифского могущества, но основное ядро его сформировалось в период могущества алан. Если скифы почетную чашу преподносили отличившимся в бою, то нарты преподносят ее не только за ратные подвиги, но и за другие нравственные заслуги. Следовательно, скифо-аланские обычаи прогрессируют, повышаются нравственные требования общества, расширяются функции почетной чаши.

В нартском эпосе монументальная и популярная фигура женщины воплощена в Сатане — мудрой женщине. Нарты обращались к ней за советом в трудные моменты, и она всегда их выручала, находила выход.

Образ Сатаны перевоплощен у осетин в хозяйку дома — «æфсин». Она пользуется большим уважением, ее приглашают на торжества и иногда слово к первому тосту предоставляют ей. При всем при том, даже старше ее мужчины встают и стоя выслушивают ее.

Право на подношение чаши самому уважаемому в застолье мужчине принадлежит «æфсин». Удостоенный такого почета, произносит благодарственную заздравную речь в адрес семьи и лично «æфсин» и стоя выпивает бокал. Не выпить преподнесенный женщиной бокал считалось и считается недостойным мужчины поведением и оскорблением для женщины. Женщина с уважительным поклоном и благодарственными словами за выпитый бокал удаляется [7, 20].

Уважительное отношение к женщине подтверждается еще и тем, что старший стола во время торжественного пиршества посылает через молодых людей чашу «æфсин» в знак благодарности за труды и хлопоты в организации пира. «Æфсин» принимает бокал, благодарит за оказанную ей честь и передает бокал старшему из посыльных, принесших бокал, который его и выпивает. Затем молодые люди возвращаются к пирующим и докладывают старшему о выполнении его поручения.

В Нартском эпосе победителям состязаний, как и отличившимся в бою, подносили почетную чашу.

Самый ловкий нарт должен был сплясать на носках по краям треногого стола — фынга, не задев ни яств, ни сосудов на столе и не сбив ни крохи со стола [7, 25].

В осетинском застолье гостя усаживают справа от старшего.

Остальные садятся ниже гостя по возрасту. Хозяин и сидящие рядом с гостем, стараясь угодить гостю, подают ему лучшие куски мяса и другие яства.

После третьего тоста старший стола или «æфсин» (хозяйка дома) в знак особого уважения и почитания преподносят гостю почетный бокал.

Спаивать гостя считалось недостойным хозяина поступком, однако отказаться от чаши гость не имел права, хотя ему разрешалось пропустить некоторые другие тосты.

Если гостей было несколько, то почетная чаша преподносилась не всем гостям, а старшему из них, наиболее почитаемому. В современном застолье хозяин может подать его всем гостям [7, 31].

Всякий гость считал за оскорбление, если ему хозяева не преподносили чашу.

Когда в осетинском доме собиралась молодёжь, то хозяин благословлял их, желал им здоровья и успехов в жизни. Им преподносили также чашу. Обслуживающий (лæггадгæнæг) объявлял, от кого она и кому предназначается. Девушки преподносили ее старшему по возрасту из молодых людей.

Почетная чаша со временем стала почетным бокалом. При алахах уже стали применять роги. При этом использовались рога как крупнорогатых животных, так и туры, бараньи и даже козлиные. Рог как питьевая посуда становится у алан походной принадлежностью. Его носили на поясе или пристегивали к седлу. Со временем появились и стеклянные бокалы. В наши дни в каждом доме найдется рог, но он редко используется по назначению. В современном застолье пьют из современных рюмок, стаканов, бокалов и фужеров.

Когда осетин преподносит почетную чашу, то это он делает от всей души. И на сегодняшний день она считается символом здоровья, счастья, богатства.

Почетная чаша играет и значительную роль в деле воспитания подрастающего поколения на лучших традициях наших предков.

Большая ответственность ложится на старших. Они должны провозглашать не только тосты, но и следить за поведением сидящих за столом, не позволять никаких нарушений застольных обычаев.

Нам, осетинам, следует бережно относиться к лучшим традиционным нормам прошлых эпох и хранить их. От того, насколько сохранены и соблюдаются обычаи и традиции народа, зависит уровень

его общественного развития, материальной и духовной культуры. К их числу относится и почетный бокал.

Примечания

1. Уарзиати В. С. Избранные труды. Владикавказ, 2007.
2. Уарзиати В. С. Из истории скифо-сакского наследия // Дарьял. 1995. № 4.
3. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1990.
4. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 4. Цхинвали, 1989.
5. Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
6. Сказания о нартах. Орджоникидзе, 1989.
7. Хабалати И. В. Нузан: этнографический очерк. Владикавказ, 1996.

Доминик ГУТМАЙЕР
Университет Граца, Австрия
Dominik GUTMEYR,
University of Graz/Austria

**ВОПРОС АВСТРО-ЧЕРНОГОРСКОЙ ДЕЛИМИТАЦИИ:
ПРИМЕР ДИПЛОМАТИИ МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И ГОРНЫМ
НАРОДОМ**

**THE CASE OF THE AUSTRO-MONTENEGRIN DELIMITATION
— AN EXAMPLE OF DIPLOMACY BETWEEN AN EMPIRE AND
A HIGHLAND PEOPLE**

В статье рассматриваются обстоятельства продолжительной дипломатической борьбы, сопровождавшей процесс делимитации границы между Габсбургской монархией и Черногорией после завершения Наполеоновских войн. История владычества Габсбургов в Которском заливе в течение первой половины XIX века дает прекрасный пример специфики соседства крупной державы и небольшого горного народа. От Вены потребовалась немалая дипломатическая мудрость для выработки адекватных дипломатических подходов, однако в результате она все же оказалась неспособна решить проблему австро-черногорского разграничения без признания черногорцев официальным партнером. Ввиду автономного статуса Черногории в составе Османской империи развитие событий на черногорском побережье и особая позиция Черногории не могли рассматриваться в отрыве от обычных двусторонних отношений между империями. Несмотря на тот факт, что Черногория была расположена на самой периферии как Габсбургской, так и Османской империи, обе они вынуждены были проявлять чрезвычайную осторожность в данном вопросе, в то время как черногорцы в конечном счете сумели извлечь

выгоду из этой ситуации и укрепили свои позиции посредством официального договора с Австрией.

In the aftermath of the Napoleonic Wars and the related end of the Republic of Venice, the Habsburg Monarchy was able to expand its territory along the coastal regions of the Adriatic Sea, meaning that the Habsburg Empire had its southernmost part in the Bay of Kotor. As Austria was able to consolidate its reign in the Kingdom of Dalmatia and to maintain control over the region until the outbreak of World War I, it meant that the administration in Vienna had to deal with new neighbors throughout the 19th century — the tribes of Montenegro.

As the latter are concerned, the successfully fought battles of Krusi and Martinići in 1796 allowed the Montenegrins to obtain a higher degree of autonomy within the Ottoman Empire, while drawing some attention to Montenegro on the stage of international politics and diplomacy. Although Montenegro would be a part of the Ottoman Empire until the Congress of Berlin in 1878, the more or less simultaneous processes of consolidation of Austrian reign in the Bay of Kotor and of the beginnings of Montenegrin foreign policy, made it necessary to establish diplomatic relations between the two parties. The relations between the Habsburg Monarchy and the Montenegrin tribes are of special interest because of the fact that Montenegro was formally a part of the Ottoman Empire until 1878 but its population had high ambitions to shake off the Ottoman rule and to become independent. The wish for Montenegrin independence at the same time implied the claim of the mountainous region to expand its territory to the coastal line of the Adriatic Sea — an ambition the Habsburg Monarchy stood in its way now. Therefore the Austrian administration had every reason not to negotiate directly with the leaders of the Montenegrin society, as such negotiations or even an official treaty would have meant acknowledging the Montenegrins as an adequate diplomatic partner — a circumstance that would have angered the Ottoman Empire, which couldn't have accepted such developments at its own periphery, even if the region was not of primary interest to Istanbul.

The complexity of that matter can be illustrated best by elaborating on the difficulty to come to a consensus concerning the border between the Habsburg Monarchy and Montenegro, a confrontation that took more than 25 years to come to an end, when in 1841 the two parties could finally agree on common terms. After the first Austrian acquisition of the Bay of Kotor in 1797, one of the main conflicts within the struggle for a bilateral agreement was the latent question of official representation for the popula-

tion of the Boka Kotorska, as it recognized the Metropolitan of Cetinje as their spiritual and political leader, thereby strengthening the ties between the coastal region and the mountaineers. It came to a first escalation when the commanding Austrian officer of Kotor, General Brady, tried to convert the empty monastery of Podmaine, located a few kilometers north of Budva, into barracks for Habsburg troops and thereby into an example of Austrian functionality [1]. Similar tensions can be noticed concerning an, in 1800 newly built, church in Budva. When Vladika Petar I. intended to dedicate it, General Brady let the Montenegrin Metropolitan know, that he wasn't welcome in the Bay of Kotor without a special permission by Vienna [2]. The Austrian general referred to the status quo within the Republic of Venice, where the spiritual leaders of the Montenegrin society in religious questions had to ask for permission in Venice as well and he stated furthermore that Vienna wasn't willing to change that now [3].

In the Austrian unwillingness to accept the influence of the Montenegrin Metropolitan on the population of the Bay of Kotor and in the Austrian attempt to refunctionalize the monastery roots the conflict between the Vladika in Cetinje and the Habsburg administration about the orthodox sites of Podmaine and Stanjevići that caused complicated negotiations lasting for more than two decades. Furthermore it was the Montenegrin reception of the Habsburg Monarchy, being the foreign power preventing Montenegrin ambitions to expand, that made it impossible to relieve tension between the two parties [4]. The persistency of the Habsburg Empire within the territorial dispute can be argued with the fear of growing influence on the Orthodox population in its Dalmatian provinces. Furthermore the Habsburg Monarchy was not able to deal with the Montenegrins and to simultaneously ignore the international relations, but had to accept the role of the Ottoman Empire and Russia, as the latter had established good ties with the Metropolitan in Cetinje. The Austrian foreign policy therefore struggled with two different aspects, the first being the dispute over the border that had not been drawn yet and the second being the difficulties not being able to negotiate with the Montenegrins openly without risking to displease Istanbul or St. Petersburg.

In order to counteract the potential durability of the conflict, the Austrian intended to install a bishop in Kotor, who should have been independent from the Metropolitan in Cetinje and who should have taken influence on the orthodox population in the region. But the structure of the Montenegrin society in the 19th century contained a unification of secular and religious leadership in personal union of the Vladika and Metropoli-

tan of Cetinje, meaning that every religious conflict at the same time got political implications as well [5]. Therefore the Habsburg Monarchy did not want to restructure the ecclesiastical jurisdiction in the Bay of Kotor, at least not as long the open question concerning Podmaine and Stanjevići wasn't resolved. The orthodox population could have been dealt with the Metropolitan in Sremski Karlovci, but the main difficulties with the monasteries came from their significance to Montenegrin expansion, as they had already been used as centers for agitation in the previous centuries and were the basis of influence on the population of the Boka Kotorska [6]. A Montenegrin control of Podmaine and Stanjevići could have had the consequence of a strengthened role of the Metropolitan of Cetinje in the coastal communities, which would have hindered the Austrian administration to gain influence on the population in the Bay of Kotor.

The importance of the two monasteries for the Montenegrins made it important for the Habsburg Monarchy not to cede them to the Vladika of Cetinje as well, since it did not only want the Montenegrins to not have access to the coastal regions but also feared that the traditionally good ties between the mountaineers and St. Petersburg could at some point mean a Russian presence in Kotor and thereby in the Adriatic Sea [7]. A first solution for the monasteries was found in connection to another crisis, when the Habsburg Monarchy was willing to cede Podmaine and Stanjevići to Petar I. in order to gain control of the area of Lozica, which proved to be more important to Vienna to stabilize its control over the Boka Kotorska. The two orthodox sites were given to the Metropolitan only for private use and under the condition that Austrian sovereignty was guaranteed at any time [8]. The Montenegrins on the other hand did not have much to win in a confrontation with the Habsburg Monarchy after the Congress of Vienna in 1815, as it felt it had lost the Russian support in their ambitions and were struggling with a crisis in their domestic policy. Therefore the Montenegrin efforts for a consensus with the Austrian administration have to be seen as an understanding of the actual political and territorial status quo and not as a developed sympathy towards the Habsburg Empire.

This understanding eased the relations between the Habsburg Monarchy and the Montenegrins, as the former had already considered to intervene militarily and already had established an economic blockade, which was at last short-lived as it hurt the Austrian local economy in the Boka Kotorska more than it hurt the Montenegrins, who could rely on the Ottoman markets on whom they were dependent stronger anyway [9]. The blockade also meant higher expenses for strengthening the frontiers and wasn't of

any benefit in return. A military intervention wasn't very promising either, as the terrain of the highlands and the necessary warfare in it would have highly favored the Montenegrins and therefore needed a strenuous effort by the Habsburg Monarchy only to overcome the dispute about the area of Lozica — costs they were not keen to take [10].

At the beginning of the 1820s some tensions could be released in the relations between the Montenegrins and Austria, as both parties came to the insight that they would not profit from an intense conflict. In June 1820 the two sides were able to come to an agreement concerning the border that had to be drawn and although a final solution wasn't found for another 20 years to come, the Austro-Montenegrin relations visibly got better in the upcoming decade [11]. The easing tensions came along with several approaches by the Vladika of Cetinje to convince Vienna to incorporate Montenegro into the Habsburg Monarchy; an idea the Austrian administration was not willing to give serious thoughts. A territorial expansion in the highlands would have been a risk in terms of foreign policy as the Ottoman Empire was still formally in control of Montenegro and it couldn't have been expected it would let go of its periphery in favor of the Habsburg Empire [12]. Furthermore it was not clear to Vienna where these Montenegrin intentions came from and therefore rather preferred loose relations with Cetinje. This proved to be a good idea, as already in September 1820 revolts broke out in Montenegro against the Ottoman authority and the Habsburg Monarchy could stay out of the confrontations and wasn't involved in any diplomatic confrontation.

The Austro-Montenegrin conflict concerning their mutual border was not revived until 1830, when Petar I. had died and his nephew Radivoje, who was only 17 years old, took over control in the Montenegrin society, calling himself Petar II. Petrović-Njegoš. Due to his inexperience it came to an internal struggle of power, which at last was won by Petar II., but also evoked the Habsburg Monarchy to become active again in questions of their frontiers along the Bay of Kotor and as well concerning Podmaine and Stanjevići [13]. On the one hand the Austrian administration expected to acquire the two monasteries easily and on the other hand feared an Ottoman intervention, which made it advisable to clarify contested claims in advance. At last Vienna advised to forbear from occupying the monasteries, as the decisive attitude of the Montenegrins let it assume counter-measures by Vladika Petar II., that would again imply bigger costs than advantages. The Habsburg Monarchy therefore decided not to force any actions but the wish for an accurate frontier agreement and a long-term

solution for Podmaine and Stanjevići were still on its agenda.

The first visit to Vienna by Petar II. in 1833 as well contained talks about the future of the monasteries but didn't lead to an agreement, whereas the talks became more concrete a year after, when the Montenegrin Vladika offered Austria to purchase the two sites [14]. Vienna hesitated to accept such an offer, but not because of the price Petar II. had defined, which according to Austrian evaluations was five times higher than its actual value [15], but rather because of the complexity how to avoid any official treaty with the Montenegrins, as a such would have put the focus on the status of Montenegro as an adequate diplomatic partner for the Habsburg Empire. Vienna favored a deal involving private citizens rather than official diplomacy, but at that time an agreement was far from realistic. At last it was the Montenegrin policy of a higher activity in the monasteries and the already accomplished expensive restoration of Podmaine that convinced Austria that a solution had to be found in order to solve the question of the two enclaves hindering a definite frontier between the Habsburg Monarchy and Montenegro [16]. The initiative was therefore taken by Vienna and lead to first serious talks in 1837, when Petar II. visited the capital of the Habsburg Monarchy on his way to Russia [17]. The intensification between Vienna and Cetinje immediately angered the Ottoman Empire, which still considered Montenegro a part of its empire and therefore did not agree with Petar II being invited to several official meetings. The Ottoman ambassador in Vienna formally put down his protest against Petar II. being considered an official statesman, but the political consequences were marginal. Before the Montenegrin Vladika finally left for Russia, the Governor of Dalmatia was able to agree on the terms of sale with him and that chapter could finally be closed once and for all.

As Austria's interests can be understood with a wish for stabilizing the outer regions of its empire, the twist in the Montenegrin attitude towards the monasteries and the aim to reach the coast can be explained by looking at the Austro-Montenegrin relations themselves. As the Austrian reign over the Boka Kotorska wasn't unstable as it had been shortly after 1815 anymore, the strategic value of the monasteries for the Vladika's claim to expand the Montenegrin territory to the coastal lines, had diminished. Therefore it was an advantage to better the relations to the powerful neighbor and seemed more advisable to Petar II than hoping for unrealistic developments. The biggest advantage was though that the found solution included an official treaty between the Habsburg Monarchy and the Montenegrins and an Austrian acknowledgement of Montenegro as an adequate

partner in international relations, as the necessary documents were not only signed by the most important members of the Montenegrin society, but as well by officials of the Austrian administration, making the treaty an official one. In addition Petar II. was able to strengthen his position within the Montenegrin society, as he demonstrated leadership by signing the treaty with Austria [18].

As the monasteries didn't have any further influence on Austro-Montenegrin relations, it wasn't unrealistic anymore to solve the open question of a definite border. Vienna's priority was a strategic security for the important harbor in Kotor, wanting the border to be drawn in the highest regions of the mountainous hinterland. As the Montenegrins had territorial claims just in the surrounding areas of the Bay of Kotor, a compromise was not easy to find and a committee was founded in order to deal with the aim to draw a border. The committee began to work in 1837 and it took another four years with several setbacks to finally come to a solution both parties would agree with and which would last until the outbreak of World War I. Again the main aspect of the final treaty was the question of the Montenegrin status and again it favored the Montenegrins as the Austrian negotiations with Petar II. Petrović-Njegoš were of official character. Still the Ottoman Empire was not able to express a strong protest, as the developments in Egypt were of bigger importance than the Montenegrin periphery. The stabilization of the relations between the Montenegrins and Austria had the consequence that the relations between the two parties significantly bettered and first and foremost that the official treaty, defining the exact border between them, gave Montenegro a boost in international relations as it had demonstrated it would be an adequate partner in diplomacy although it was still an autonomous part of the Ottoman Empire.

The history of reign of the Habsburg Monarchy over the Bay of Kotor during the first half of the 19th century is an excellent example of the specialities of the neighborhood of a great power and a mountain people. The adequate diplomatic approaches had to be considered wisely by Vienna and at last it was still not able to deal with the Austro-Montenegrin delimitation without acknowledging the Montenegrins as an official partner. Due to Montenegro's status of autonomy within the Ottoman Empire, the developments at the Montenegrin coast could never be considered without taking Montenegro's special position aside from usual bilateral relations into consideration. Although situated at the very periphery of both the Habsburg and the Ottoman Empire, both parties had to be very careful in

that matter, while the Montenegrins were able to take advantage from that situation at last and strengthened their position with an official treaty with Austria.

References

1. See Silvić, Miroslav (1928): *Montenegro unter dem Vladika Peter I. Petrović-Njegoš*. Wien; 51-2.
2. See *ibid.*: 53.
3. See Đorđević, Vladan (1913): *Ispisi iz bečkih arhiva. Dokumenti za delo: «Crna Gora i Austrija»*. Beograd; 265.
4. See Tischler, Ulrike (2000): *Die habsburgische Politik gegenüber den Serben und Montenegrinern 1791-1822. Förderung oder Vereinnahmung?* München; 193.
5. See Heer, Caspar (1981): *Territorialentwicklung und Grenzfragen von Montenegro in der Zeit seiner Staatswerdung (1830-1887)*. Bern, Frankfurt/Main, Las Vegas; 34 and Tischler (2000): 195.
6. See Kaser, Karl (2010): «Austro-Hungary and the Independence of Montenegro», in: *Istorijski zapisi*, 83/2; 74.
7. See Tischler (2000): 195.
8. See Vuksan (1951): *Petar I. Petrović Njegoš i njegovo doba*. Cetinje; 306-307.
9. See Tischler (2000): 199.
10. See Buchmann, Betrand Michael (1991): *Militär — Diplomatie — Politik. Österreich und Europa von 1815-1835*. Frankfurt/Main et al.; 378.
11. See Heer (1981): 37.
12. See Tischler (2000): 203-204.
13. See Milović, Jevto (1963): «Prodaja manastira Maina Austriji», in: *Istorijski zapisi*, 20/3; 403.
14. See Heer (1981): 39.
15. See Milović (1963): 407-9.
16. See Heer (1981): 39f.
17. See Pavičević, Branko (1968): «Čevkinova uloga u radu na razgraničenju Crne Gore i Austrije 1839-1841. Godine», in: *Istorijski zapisi*, 25/2; 178.
18. See Milović (1963): 423.

З.Х. КУМАХОВА,
студентка КБГУ, г. Нальчик

ОБРАЗ ЧЕРКЕШЕНКИ У ЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

Кто только не писал о дивной красоте черкешенок: путешественники и ученые, географы и историки, этнографы и языковеды, военные и гражданские, писатели и поэты, художники и скульпторы, дипломаты и разведчики, отечественные и зарубежные исследователи.

Характерным для эстетических идеалов адыгских (черкесских) народов является то, что в них подлинная красота, понятие красивого подразумевает не только внешнюю форму, внешний облик предметов, явлений, человека, но и их внутреннюю сущность, их содержание, их значение для человека, для общества [1, 12].

Образ жизни адыгов, их занятия влияли на их внешний вид, красоту, которой восхищались авторы всех времен. Они все пишут о ставшей всемирно известной красоте адыгских женщин-черкешенок [2, 205].

Внимание европейцев к Кавказу было связано в первую очередь с развитием торговли и началом накопления торгового капитала в Европе, послужившими толчком к тому, что европейцы стали все более настойчиво стремиться проникнуть в Индию и Китай, откуда в Европу издавна шли наиболее дорогие товары. Ближайшие же дороги из Европы на Восток проходили через Кавказ.

Среди европейских и азиатских стран было широко распространено мнение, что женщины Черкесии самые красивые в мире. Это еще больше усиливало интерес ученых и путешественников к их нравам и общественному положению, но в то же время порождало весьма противоречивые суждения на этот счет. В одних источниках они представляются целомудренными и стыдливými, в других, наоборот, — нескромными и своенравными, а иногда — целомудренными и нескромными одновременно. Сообщения второго и третьего типов особенно характерны для авторов XVII-XVIII вв., и в значительно меньшей степени это касалось авторов XIX в., что наводит на

мысль о постепенном изменении отношений между полами в условиях сословного деления общества и появления все большего числа правил, предписывающих женщине быть более сдержанной в поведении [1,12].

Судя по высказываниям авторов XVII-XVIII вв., адыгские женщины располагали большой свободой в обращении с мужчинами.

В начале XVII в. в описании Черного моря и Татарии, принадлежащем наблюдательному ученому, доминиканцу Эмиддио Дортелли Д'Асколли, присутствовало описание внешности черкешенок: «У них кровь алая, благородная, глаза черные, брови дугой, особенно у женщин, которым, я думаю, можно отдать предпочтение перед всеми другими женщинами в мире» [4, 64].

Жан Батист Тавернье — крупный французский коммерсант, получивший известность своим видным участием в развитии французской торговли с Индией, описывал не только внешний облик черкесских женщин и девушек, а значительное внимание уделил их обязанностям: «Эти народы обладают здоровой кровью, в особенности женщины, которые чрезвычайно красивы, очень хорошо сложены и имеют свежий вид до 45 или 50 лет. Они все настолько трудолюбивы, что сами добывают железную руду, которую затем расплавляют и из которой изготавливают различную домашнюю утварь». Также он писал о мастерстве черкешенок: «Они делают много вышивок золотом и серебром, для украшения лошадиных седел, колчанов, луков, стрел, своих легких башмаков и полотна, из которого они делают платки.

Что же касается знатных женщин и их дочерей, то они проводят время за вышиванием, работами иглой и занимаются другими всевозможными пустяками» [5, 85].

Адам Олеарий, известный немецкий путешественник, географ, ориенталист, историк, математик и физик, отмечал не только внешнюю красоту, но и поведение черкешенок, указывая на свободу, которой они могли пользоваться: «Женщины у них обыкновенно хорошо сложены, миловидны лицом, белотелы и краснощеки; волосы черные как смоль, в двух длинных крученых локонах свисают с обеих сторон; ходят они с открытыми лицами». Олеарий подробно описал одежду женщин: «На голове у них двойные черные подушки, на которые они кладут нежный бумажный платок или платок пестро вышитый, и затем все это связывают под подбородком. У вдов же сзади у головы большие надутые бычачьи пузыри, обвитые пестрым флером или белой бумажной материей: издали получалось впечатление, точно у

них по две головы... Они были общительны и любезны. В первые дни нашего приезда они по четыре и более стояли по дороге на улицах, шли нам навстречу с нахальным выражением лица, которое приписывается древним амазонкам (ведь граница этих последних будто простиралась и сюда и еще дальше) и не отпускали нас раньше, как хорошенько осмотрев спереди и сзади. Когда они сидели в домах, то кивали нам, чтобы мы подошли» [6, 98].

Н. Витсен, голландский путешественник и купец, также подробно останавливался на красоте черкешенок: «Женщины трудолюбивы и много работают; очень хорошо вышивают платья, седла, колчаны и т. п.

Женщины белы лицом, с румяными щеками; свои черные волосы они выпускают двумя локонами на плечи; летом ходят в полотняных рубашках красного, зеленого или желтого цвета, открытых до пупка...

Черкесские женщины носят на голове сзади надутый пузырь, круглый, как голова, так что кажется, словно у них две головы; это имеет у них особое значение. Девушки ходят с распущенными волосами, спереди подстриженными, и носят большие шапки» [1, 134].

Голландский путешественник Я.Я. Стрейс писал: «У женщин, чему весьма удивляешься, белоснежная кожа и красные, как бы накрашенные щеки, приветливые, красивые и милые лица, так что в них можно влюбиться. Они большей частью хорошо сложены. Они весьма общительны и приветливы и с большой охотой позволяют, чтобы их целовали и любезничали с ними, не считаясь с тем, чужой ли это человек, черный или белый, и даже тут же присутствующий муж не выражает недовольства». Не осталась без внимания путешественника известная увлеченность черкешенок модой и украшениями: «Мне они часто кивали и проявляли особый интерес к моим платьям, усиленно стараясь пощупать то или иное. Они обвешиваются цепочками, браслетами и ожерельями из агата, рогов, пестрых камешков, оловянных и серебряных колечек и содержат себя в чистоте и порядке...».

Возвращаясь к началу данной работы, где приводились различные мнения о свободе поведения черкесских женщин, уместно будет привести следующее высказывание Стрейса: «Я видел много женщин, но нигде не видел таких приветливых, любезных и услужливых в отношении чужеземцев, как здесь. Некоторые из наших принялись играть и шутить с ними, а иногда и вступать с ними в более

близкие отношения, что они охотно допускали, смеясь; но тот, кто хотел добиться большего, должен был отступить...» [185]. Приводим отрывок из «Воспоминаний» Петра Генри Бруса, русского офицера: «Женщины удивительно хорошо сложены, с чрезвычайно тонкими чертами, гладкой светлой кожей и прекрасными черными глазами..., все это вместе взятое с их красивыми всегда открытыми лицами (в противоположность обычаю большинства других мест этих краев), их хорошее расположение духа и приятная непринужденность в разговоре делает их очень желанными; несмотря на все это, они слывут очень целомудренными, хотя редко когда не имеют благоприятного случая. У них считается установленным признаком хорошего поведения, что как только кто-нибудь приходит поговорить с женой, муж уходит из дому» [1, 216].

Французский консул в Крыму Ксаверио Главани в 1724 году отмечал, что в Черкесии «женщины гордятся своим стройным станом и носят особый род корсета» [3, 504].

Об этом писал и академик Петр Симон Паллас в своих «Заметках о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг». «Черкешенки известны своей красотой по всему свету, имеют продолговатую голову, правильные и выразительные черты лица, красиво прорезанные, огневые, большей частью черные глаза, которые считают они самым сильным своим оружием, длинные ресницы и немного желто-бурый цвет лица. Девушки еще с 10-летнего возраста носят плотно сидящий на теле корсет, который до того крепко сдавливает тело, что нигде нельзя видеть таких стройных и тонких женских фигур». Также Паллас говорит не только о корсете, но и о других мерах, предпринимаемых для сохранения красоты юных девушек: «Для сохранения этой стройности, без которой для черкеса красота не полна, молодых девушек кормят очень плохо и дают им только молоко, пироги и другие кушанья, приготовленные из проса. Одежда их состоит в рубашке, подвязанной шнурком у шеи, и в широких шальварах, не закрываемых верхним платьем, которое стягивается поясом; волосы девушек спускаются длинными косичками; замужние обвивают голову белым сукном; на лбу оно сидит гладко и подвязывается под подбородком. Они отличаются умом, живым воображением, восприимчивы к сильным страстям, любовью к славе и особенно гордятся военной известностью своих мужей» [3, 576].

Поэтому справедливы слова молдавского ученого Д. К. Кантемира XVII-XVIII, который замечал, что «то, чего добиваются француженки

с помощью китового уса и других хитростей без малейшей боли, здесь приобретает без малейшего волнения о нежном возрасте, и затем наслаждаются достигнутым результатом всю жизнь». По словам автора, достоинство, которое здесь ценят в женщинах, заключается также в изящных пальцах рук и коротких ступнях, и корпулентная девушка с большими ногами или пальцами, будь она самого блистательного происхождения, рискует навсегда остаться в девах, если ей не улыбнется фортуна. Девушек очень плохо кормят, чтобы сделать их более худыми, так как княгиня должна иметь всегда нежный стройный стан. Их учат вязать, плести позументы, шить платья, плести корзины и циновки и другим занятиям, подходящим для их пола. Воспитатель обязан также выдать замуж свою воспитанницу и выбрать ей жениха, равного ей по происхождению, если он хочет сохранить свою голову» [4, 139].

Адыгские женщины все же имели свои представления о способах и средствах достижения красоты, в связи с чем можно добавить сообщение С. Хан-Гирея: «Черкешенки лишены ухищренных искусств, которыми вопреки природе женщины других наций украшаются. Если бы черкешенка употребляла сурьму, белила или румяна, то сделалась бы предметом насмешек» [5, 75]. Не менее живописен автор второй половины XVIII века Карл Пейсонель, составивший двухтомный «Трактат о торговле на Черном море». В частности, он констатировал: «Женщины этой страны (то есть Черкесии) самые красивые и обаятельные, может быть, во всем мире» [3, 187].

Таким образом, в описаниях европейских авторов черкешенки в большинстве своем предстают пред нами в образе красивейших женщин, которые, несмотря на относительную свободу, которой они могли пользоваться, оставались целомудренными и верными своим традициям.

Примечания

1. Сукунов Х. Х., Сукунова И. Х. Черкешенка. Майкоп, 1992.
2. Бетров Р. Ж. Об адыгском корсете // Исторический вестник. Вып. III. Нальчик, 2006.
3. *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.* Нальчик, 1974.
4. Аталиков В. М. Страницы истории. Нальчик, 1987.
5. Хан-Гирей С. Черкесские предания/Адыгские просветители XIX века. Краснодар, 1986.

Э. И. ТАВАСИЕВА,
стажёр-исследователь СОИГСИ

ОБРАЗ ВДОВЫ В ОСЕТИНСКИХ ЛЕГЕНДАХ И СКАЗАНИЯХ

Статус осетинской вдовы определялся несколькими факторами: сословной принадлежностью, достатком ее семьи, возрастом самой вдовы. Но самым важным являлось поведение вдовы в рамках осетинского этикета. Чем сложнее ей было в быту и семье покойного, и чем больше она себя ограничивала, тем почетнее было ее положение в обществе.

Когда умирал глава семьи, его супруга-æфсин приобретала статус вдовы. Имевшая большой опыт, она становилась советчиком в хозяйственных и общественных делах своим сыновьям, даже если они были совершеннолетними или довольно взрослыми. В фольклоре часто встречаются разные варианты сказания «Об Одиноком». В сюжетах этих текстов мать — вдова выступает как единственный друг и советчик своему сыну. Например, «Нарт Одинокий» из отдельных сказаний Нартовского эпоса. В один день к нему пришел выборный из нартов и звал его пасти скот, гонец от побратимого, который звал его на семейный раздел имущества, и в этот же день его оповестили о приезде врага — убийцы отца, который решил украсть его невесту. И каждый раз Одинокий приходил к своей матери — вдове из рода Ахсартаггата (Ахсартаггата, Ахсарта и Бората являются тремя родами Нартовского эпоса), чтобы получить совет и поддержку [1, 537]. И каждый раз мудрая вдова успокаивала и помогла сыну в решении проблемы. Есть также героическая песня об Одиноком — «Кадæнгæ». В которой также говорится о вдове из рода Ахсарта. Ее мужа погубили æрвадæлтæ (родственные фамилии, имевшие в древности единого родоначальника) Ахсартаггата. Беременная вдова убежала в лес с горя, в надежде, что ее съедят волки. Но освоившись в лесу, молодая вдова родила мальчика сироту — еунæг (одинокий). Вскоре к ним пожаловали убийцы отца и, проявив мудрость, она не позволила про-

литься крови и помирила враждующих [2].

В сказаниях часто рассказывают о сословной принадлежности вдовы, как в предыдущих сказаниях, упоминая ее род и отношение к ней знатных мужчин. В сказании «Карадзаути хъал Мисирбийи кадæнгæ» говорится о том, как убили в походе Каражаева Мисирби, а друзья его, представители фамилий Тугановых, Баделята, Царгасата, похоронили его. Думали, как сообщить его вдове, и решили оказать честь и поехали сами, выразили соболезнование. Это говорит о возможно высоком социальном положении фамилии самой вдовы. Смерть в бою считалась лучшей участью, а трусость — наибольшим позором. Поэтому вдова произнесла проклятье: «Если он умер с честью, то пусть на его могиле вырастит фруктовое дерево, а если же нет, то пусть могила превратится в пепел!» [3].

Несчастье женщины, потерявшей мужа, в полной мере описывается в причитаниях. Это отдельный жанр в осетинском фольклоре, на сегодняшний день достаточно изученный. Но наше внимание привлекла одна песнь-причитание «О вдове, оставившей сирот». В ней говорится о том, что она и на том свете будет думать о своих сиротах, и как тяжело жить без кормильца вдове с детьми: «ты вперед будешь идти. Но назад на своих сирот будешь оглядываться,... ты, бывало, собранные куски своим сиротам за пазухой приносила» и т.д. [4,303]. Часто в плачах от имени вдов (т. к. им самим нельзя было плакать, особенно причитать) говорится о разрушенном очаге, о черной туче, нависшей над вдовой и детьми. Эта метафора встречается в сказании об одиноком — «Марой» (дословно — надгробная надпись). И вновь главного героя убивают (разбойники расчленили и отправили в мешке на коне обратно домой). Когда конь вернулся без всадника домой, жена Одинокого воскликнула: «Нæ хæдзар фехæлди, нæ бæх тугæй дзаг æрцыди, нана!» — «Очаг наш разрушен, наш конь вернулся окровавленный, нана!». Так появилась надгробная надпись: «Поехал за платьями девушке (сестре) на выданье, а приехал расчлененный» [5].

Выше упоминалось о том, что вдова могла и сама заслужить уважение и почет в обществе своим достойным поведением в рамках осетинского этикета.

О вдове, чье поведение оставляло желать лучшего, существует сказка «Дууæ лæги фудæбæнттæ ма сæ лæгъус мадæ» — «Тяжелое время двоих мужчин и их плохая мать». Оно стоит особняком, и уникальность его в том, что оно повествует не о горькой утрате в

виде смерти единственного кормильца, которая повлекла за собой тяжелое материальное положение, а о том, что по истечении определенного времени (год после смерти мужа) вдова привела в дом мужчину. Проявив неуважение к памяти покойного мужа, вдова поставила его интересы выше семейных. Боясь, что мужчина больше не придет из-за сыновей, она приказала служанке их убить. Но в конце справедливость восторжествовала, а вдова и ее мужчина были наказаны [6].

Всем известно существование у осетин в традиционном обществе обычая посвящение жены умершему, а так же брак по левирату. Существует сказание «Пастух и женщины из кладбища», которое, возможно, объясняет появление этих обычаев у осетин. Раньше женщины по пятницам ходили на кладбище. Собрались в очередную пятницу на кладбище, и вдруг из могил вылезли два черепа, которые ругались и били друг друга. Женщины испугались и убежали. По дороге встретили пастуха, который посоветовал им знающую женщину на окраине села. Посоветовавшись с ней, женщины опять пришли на кладбище спросить, почему черепа ругаются, на что они ответили, что скажут это только мудрому старику. Нашли такого и привели им женщины его. Черепа попросили рассудить их. Причиной их раздора являлась женщина. А черепа эти были при жизни двумя братьями. Когда умер старший брат, осталась у него засватанная невеста, на которой женился младший брат. Потом эта пара тоже умерла, и теперь на том свете они ругаются, чья же это жена. Старик, недолго думая, ответил, что это жена старшего брата [7]. Т.е. оставил право за старшим. Возможно, это объясняет и тот обычай, когда при вторичном браке (по левирату) женщина наживала детей с деверем, и эти дети считались детьми от ее первого мужа. Даже при дележе имущества им оставалась часть, которая должна была остаться первому мужу вдовы.

Что касается пословиц и поговорок касательно именно вдовы, нам известны пока две: «Сидзæр хæссæг — тугдзых, хъыбыл хæссæг — сойдзых» (имеется в виду, что вдова, воспитывающая сирот, как хищница в постоянной нужде, а кто содержит свиней — в изобилии и достатке) и «Сидзæргæсæн йæ лæппу дæр лæг» — «У вдовы и мальчик как мужчина», которые говорят о тяжелой ноше вдовы [8].

Подводя итог, можно сказать, что каждое сказание уникальное и особенное, в каждом из них образ вдовы описывается с разных сторон. Где-то ее происхождение, где-то ее мудрость, горе, ее поведение.

Что же касается ее статуса, он был высоким, вдову уважали как в семье (уважали и советовались сыновья), так и в обществе.

Примечания

1. Сказания о Нартах. Владикавказ, 2000.
2. НА СОИГСИ. Фольклор. Д.13. П.6. Л.16
3. НА СОИГСИ. Фольклор. Д.17. П.9.
4. Хамицаева Т. А. Памятники народного творчества. Трудовая и обрядовая поэзия осетин. Владикавказ: Ир, 1992.
5. НА СОИГСИ. Фольклор. Д.32. П. 76. Л. 18.
6. НА СОИГСИ. Фольклор. Оп.1. Д.15. П.8. Л. 6-7.
7. НА СОИГСИ. Фольклор. Д.17. П.9. Л. 49.
8. НА СОИГСИ. Фольклор. Д.178. П.63. Л. 54.

**С. Р. ГИБИЗОВА,
аспирант СОИГСИ**

ПРАЗДНИК ПАСХИ У ГОРОДСКИХ ОСЕТИН

Праздник занимает особое место в структуре социального времени, поскольку каждая новая эпоха оставляет в нем свой след, свой культурный пласт, присоединяющийся к первооснове — древней традиции. Городской праздник является открытой системой, в которой взаимодействует множество обычаев, ритуалов, символов, поверий, развлечений. Одной из функций праздника является коммуникация той или иной общности людей.

Праздничная жизнь полиэтнического и поликонфессионального Владикавказа отличалась необычайным разнообразием. Каждая этническая группа, конфессиональная община имели свою специфичную праздничную культуру. Перемещение традиционных осетинских народных праздников в городскую среду не оставило их неизменными. Под влиянием городской жизни происходит трансформация некоторых элементов обрядности, строгости правил, забывается и теряет свою значимость исконная мотивировка праздничных действий.

Традиционные праздники похожи по своей форме и структуре на городские народные гуляния, где сталкиваются представители разных сословий, национальностей. Праздник следует рассматривать и как форму общения между людьми. В праздничной структуре принято выделять торжественно-официальный, массово-развлекательный и домашне-бытовой компоненты [1, 222].

Главным христианским праздником для многих жителей Владикавказа была Пасха — праздник в честь чудесного воскрешения распятого на кресте Иисуса Христа.

Самому главному празднику предшествует сорокадневный Великий пост — время покаяния и духовного очищения. В церквях и монастырях в страстную и пасхальную недели совершались опреде-

ленные богослужения. Владикавказские периодические издания на своих страницах помещали расписания богослужений, которые совершались во Владикавказских храмах в начале XX века [2]. Светская жизнь города Владикавказа на время поста замирала, прерывался театральный сезон и другие культурные мероприятия [3].

Рассмотрим *торжественно-официальный* компонент праздника Пасхи. Дни празднования проходили не только в беззаботном веселье. Пасха для христиан была временем благотворительности, посещения богаделен, больниц и тюрем, куда люди с приветствием «Христос воскрес!» приносили пожертвования. В Доме Трудолюбия и ночлежном приюте для бездомных и бесприютных рабочих проходили благотворительные пасхальные обеды [4].

В 1903 году в «Терских ведомостях» было опубликовано благодарственное письмо смотрительницы Владикавказского Дома Трудолюбия с ночлежным приютом А. Коронской: «Настал последний день великой субботы, и в каждом доме, богатом и бедном приготавливаются торжественно встретить божественные слова: Христос Воскрес! В день великой субботы все стараются покончить домашние дела. Так и я со своими тружениками, находящимися при Доме Трудолюбия, были заняты приготовлением стола для разговения. Общее наше настроение было исполнено религиозного чувства. Ночью вдруг неожиданно к нам входит священник о. Иоанн с крестом в руке, подобно тому, как божественный учитель к своим ученикам. Я и живущие бедняки при Доме Трудолюбия встретили о. Иоанна с великой радостью.

Прочитав нам молитву, о. Иоанн допустил нас ко кресту, затем, уходя, осенил всех крестным знаменiem и пожертвовал на нужды бедных деньгами 2 рубля. Посещение о. Иоанна никогда не изгладится из моей памяти» [5].

В 1903 году в помещении межевого управления был устроен утренник для бедных детей. В течение многих лет попечитель ночлежного дома Яворский организовывал пасхальный стол и кормил обедами бедняков. Общество попечения о сиротах и бедных детях проводило разные благотворительные мероприятия, в их числе спектакли, лотереи-аллегри. Общество попечения о трудовой помощи открыло в магазине фотографа Джанаева-Хетагурова в 1910 году благотворительный базар изделий мастерских общества, где торговали декоративными яйцами, игрушками, вербами. Некоторые городские семьи вместо пасхальных визитов передавали деньги «на усиление пищи сиротам Владикавказского приюта». Пасхальные обеды для

бедных устраивались и за счет города. Число посетителей городского ночлежного дома в праздничные дни доходило до двух тысяч человек [1, 237].

Накануне Великой Субботы, в полночь, во всех церквях города по пушечному выстрелу начиналась пасхальная заутреня. Прихожане шли в церкви на праздничную литургию, несли в руках зажженные свечи и окрашенные яйца. Совершался крестный ход вокруг церкви. После совершения которого горожане с радостными восклицаниями «Христос воскрес» — «Воистину воскрес» приветствовали друг друга, и все возвращались в храм, где продолжалось торжественное богослужение. В праздничном обряде Церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Осетинской слободке есть одно отличие: церковь обходят не один раз, а три раза, и при этом крестятся [1, 234].

В 1889 г. в «Терских ведомостях» писали о том, что в городском соборе на утрени присутствовали начальник области и наказной атаман Терского войска генерал-лейтенант Л. М. Смекалов и другие официальные лица, а также дамы местного высшего круга. После заутрени дамы и все официальные лица были приглашены в дом Начальника области на разговенье, которое и продолжалось до 4-х часов утра [6].

Перейдем к *массово-развлекательному* компоненту праздника. С наступлением праздника Пасхи во Владикавказе открывался ряд самых разнообразных развлечений. Общество по устройству народных чтений устраивало народные гулянья, чаще всего это происходило на месте планируемого строительства Народного дома, на спуске Белявского переулка. На площади устанавливались карусели, бесплатные «гигантские шаги», тир. Большим развлечением для гуляющей публики был бег в мешках на призы, силомер. Общество по устройству народных чтений имело свой синемаграф. На месте гуляний располагались чайная, квасная, киоски с различными сладостями. В праздничную программу также входило хоровое пение, музыка, фейерверки. В 1875 году в городе были установлены качели, открылся цирк госпожи Вольф и музей господина Литовского [1, 235-236].

В «Терских ведомостях» 1885 года была опубликована заметка, которая передает нам праздничную атмосферу пасхального Владикавказа. «На всех улицах и переулках езда и движение: прислуга и другие незатейливые обыватели с самого утра усаживаются на крылечках и прилавках своих домов и благодушно поглядывают друг на друга. На Александровском бульваре с утра до глубокой ночи бродят толпы гуляющего народа, разодетого в самые яркие наряды; семеч-

ки истребляются пудами... Больше всего толпится народ у театральной площади, где устроены карусели и играет музыка; тут же и цирк дает свои представления, и панорама манит желающих, а при панораме имеется даже так называемая «фортунка» (вроде лотереи), где за 30 копеек желающий может выигрывать какую-нибудь стеклянную вазу, веер, зубочистку или другую совсем ненужную ему вещь и, кроме того, получить право видеть Иерусалим, Царьград и прочие сокровища панорамы. К вечеру толпа густеет и уже многие из гуляющих заметно пошатываются — слышатся подчас полудикие возгласы подгулявших, раздаются все чаще и чаще нецензурные фразы, а позже начинаются даже и драки» [7].

Во Владикавказском Собрании и Коммерческом клубе назначали семейно-танцевальные и детские костюмированные вечера, в городском театре проходили спектакли, в цирке на театральной площади труппа артистов под управлением госпожи Гамильтон давала ежедневные спектакли. На площади устраивались качели и балаган с представлением; играли два хора музыки, ходили разносчики с разными угощениями, была открыта «художественная панорама», это было место сосредоточения главного народного праздника. Также в нескольких пунктах города были устроены для народа карусели. На пасхальной же неделе в Николаевском городском училище устраивали детские литературно-музыкальные вечера. Для народа, кроме обычных каруселей, праздничным развлечением служили: представления «королевы огня», глотающей зажженную паклю, и фокусы дрессированных собак. Интеллигентная публика наслаждалась начавшимися в городском театре представлениями гастрوليрующей здесь опереточной труппы [8]. Со временем программа «народного» праздника становится гораздо разнообразнее, пополняясь массовыми зрелищными мероприятиями, среди которых представления цирка Милюгина с «чемпионатом» борцов, фокусы, «театр Калиостро» [1, 235].

Городская интеллигенция праздновала Пасху иначе. «Салонная» публика была очень разборчива, порой скучала и проводила праздники дома, считая, что «в клубах нет ничего выдающегося, а в театре хоть и бывают концерты нашей театральной труппы, но они, надо правду сказать, далеко не заманчивы». Владикавказская публика знала толк в высокой культуре. В 1889 году она восхищалась представлением гастрوليрующей в городе во время Пасхи опереточной труппы, поставившей «Цыганского барона» и «Муш-

кетеров»; в 1890 году рукоплескала знаменитому Главачу; Владикавказское отделение Русского императорского общества устраивало пасхальные вечера с лотереей-аллегри. Общество любителей казачьей старины организовало вечера-концерты с участием оркестра Терского войска, казачьим хором и танцами в национальных костюмах. Как правило, такие вечера отличались многолюдностью. Интеллигенция заботилась о простых горожанах, стараясь приобщить их к городским формам праздничности. Комитет попечительства о народной трезвости устраивал вечера в аудиториях при народных чайных. Программа включала беседы по общественно-экономическим проблемам, музыкально-вокальные отделения и чтение со «световыми картинами» [1, 236].

В 20-30-х гг. борьба с религиозными предрассудками приобретает формы «борьбы за новый быт». О церкви начинают говорить не как о контрреволюционной организации, а как о пережитке прошлого. В 30-х гг. храмов осталось так мало, что верующие ходили в ближайшую церковь, какого бы толка она ни была. Так постепенно церковная жизнь уходила в подполье [9, 180].

Фактически праздник Пасхи наряду с другими церковными праздниками утрачивает два основных компонента — торжественно-официальный и массово-развлекательный.

Основная масса жителей города сохраняла домашний праздник как средоточие традиций, обычаев, свободного общения, танцев, веселья. Праздничное веселье ушло в домашне-бытовую сферу, т. к. в официальном празднике оно становилось неуместным.

Вот яркий пример. На заседании Бюро Владикавказского окружного комитета ВКП (б) слушали доклад о проведении антипасхального месячника [9, 205]. Торгующим лавкам и магазинам запрещали продажу спиртных напитков, население специально привлекалось к общественным работам в городе, доходило до того, что в пасхальные дни организовывались массовые сожжения икон. Эти и другие «общественно-полезные» мероприятия пришли на смену народным гуляниям, которые с таким размахом проходили в городе Владикавказе до 1917 г. В 30-е гг. даже запретили пасхальный обычай христоваться. Таким образом, церковь переживала тяжелые времена.

В годы Великой Отечественной войны на смену воинствующему атеизму пришел период некоторых послаблений в отношении государства к церкви. Эта смена была обусловлена тем, что в годы войны среди населения усилились религиозные настроения. Кроме того,

большое значение еще имела и активная патриотическая деятельность духовенства.

Церковь помогала укреплять веру в победу, и даже убежденные атеисты молились за близких, за солдат, которые воевали на фронтах. Несмотря на это, достигнутое в годы войны перемирие продлилось лишь до конца 50-х гг.

В 60-х гг. в праздник Пасхи на богослужение собирались прихожане. Однако торжества не выходили за пределы церкви.

В 70-е гг. во многих городских семьях на Пасху окрашивали яйца, готовили куличи, пасху и другие праздничные блюда.

Конец 1980-х гг. ознаменовался для Владикавказа возрождением религиозной жизни. Возобновились богослужения в храмах и молитвенных домах. Храм Рождества Пресвятой Богородицы (Осетинская церковь) стал доступен для прихожан в 1989 году. В 1993 году было решено восстановить Осетинскую церковь [9, 245].

Рассветом христианского возрождения для страны в целом и для г. Владикавказа в частности стали 1990-е годы. В последние годы во Владикавказе строятся новые и реставрируются старые храмы. И постепенно праздник Пасхи обретает свою значимость среди населения, которая была утрачена в годы Советской власти.

Так, 10 апреля 2007 г. в Доме искусств открылась художественная выставка под названием «Светлая пасха». Свои работы представили Ахсар Есенов, Юрий Побережный, Людмила Байцаева и другие художники Северной Осетии. Наряду с известными мастерами свои картины выставили и воспитанники Дворца пионеров, а также студенты СОГУ и Института цивилизации. На выставке представлено более сорока работ, причем все полотна посвящены светлому празднику — Пасхе. На протяжении недели каждый желающий мог заглянуть в выставочный зал Дома искусств и получить заряд духовного праздничного настроения.

В рамках IX Московского Пасхального фестиваля, посвященного 65-летию Великой Победы, 9 апреля 2010 года во Владикавказе на сцене Государственного театра оперы и балета состоялся концерт брасс-ансамбля Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева. В программе концерта прозвучали произведения М. Мусоргского — оркестровая картина «Рассвет на Москва-реке», симфоническая картина «Ночь на Лысой горе» и музыкальный цикл «Картинки с выставки». Приятным и неожиданным сюрпризом для владикавказской публики, переполнившей до отказа зал театра, стало выступление в

концерте выдающегося пианиста современности Дениса Мацуева.

Во Владикавказе в 2012 году прошел первый Пасхальный фестиваль духовной музыки, посвященный памяти архимандрита Матфея (Мормыля), уроженца станицы Архонской, долгие годы руководившего хором Троице-Сергиевой Лавры. Владикавказские зрители Пасхального фестиваля смогли насладиться лучшими образцами хоровой музыки, православными песнопениями, в том числе и произведениями самого архимандрита Матфея. Участниками фестиваля стали: знаменитые хоры Троице-Сергиевой Лавры и Сретенского монастыря, а также коллективы православных храмов со всего Юга России и Южной Осетии. Музыкальное событие обещает стать традиционным.

Далее рассмотрим *домашне-бытовой* компонент праздника Пасхи. После торжественных богослужений праздничные действия перемещались в домашне-бытовую сферу. Именно здесь сохранялись древняя основа праздника и национальные варианты обрядовой жизни. Главным символом Пасхи было яйцо, традиционно окрашенное в красный цвет. У осетин были популярны игры с пасхальными яйцами — тулаэнтæ (катания) и къуырцытæ (стуканья). Осетины начинали разговенье с традиционного пирога с сыром продолговатой формы «гуыл» и вареных яиц. Съесть яйцо на Пасху означало конец поста. Праздничной пищей было вареное мясо жертвенного животного (быка, барана), пиво, традиционный напиток арака и, конечно, пироги с начинкой из сыра и мяса жертвенных животных, которые рассматриваются как пищевое воплощение комплексного развития земледельческо-скотоводческих традиций. Все остальные начинки из картофеля, капусты, листьев свеклы, тыквы, фасоли являются новацией, результатом межэтнического взаимодействия и квалифицируются специалистами как суперстратный пласт традиционной пищи [10, 128-129]. А также фрукты, овощи и сладости, все больше входившие в пищевой рацион. Осетинское название праздника Пасхи — Куадзæн (букв. «отпускание рта», т. е. конец поста). Горожане-осетины часто устраивали совместные застолья, покупали быка в складчину [1, 234-35]. Пасха у осетин является еще и днем поминовения (Мæрдты Куадзæн). В пасхальную неделю обязательно шли в семьи, которые в течение года потеряли кого-то из близких, чтобы поддержать, ободрить их.

Горожане-осетины веселились, пели, устраивали танцы. Особенно радовались дети, которым обязательно шили или покупали какую-ли-

бо обновку. Они ходили по домам, и им давали крашеные яйца, сладости. Нововведением городской жизни стала возможность изготовления ритуальной пищи на праздники вне дома. Венский магазин Гейтена принимал заказы на выпечку куличей, баб, тортов и предлагал пасхальные яйца, большой выбор украшений на бабы, сахарные цветы и разные фигуры, краски для яиц. В магазине Пералова продавали к праздничным дням высококачественную «пасхальную» муку [11].

В XX в. столы на Пасху не отличались изобилием. Традиция устраивать совместные застолья, бытовавшая у городских осетин, ушла в прошлое, и если осетины и праздновали Пасху, то тихо и по-семейному, стараясь не афишировать. Несмотря на то, что VIII съезд партии принял резолюцию о том, что большевизм «признает полную свободу вероисповедания за всеми гражданами», на практике же происходило по-другому. Для членов партии большевиков были предусмотрены суровые меры: «Не принимать в партию, даже в кандидаты, тех, кто выполняет какие-либо обязанности священнослужителей любого из культов, как бы незначительны ни были эти обязанности» [9, 131]. Подтверждением этому служит рассказ Клары Григорьевны Бираговой, чей отец был работником партии: «У нас дома на Пасху ничего не готовили, так как это противоречило новым партийным догмам. Но моя бабушка каждый раз в канун праздника присылала из села угощения к празднику — традиционные три пирога, курицу и, конечно же, крашеные яйца» [12].

После того как хозяйка готовила стол к празднику, вся семья собиралась за пасхальным столом, и глава семьи произносил молитву Богу и торжественно провозглашал: «Чырысти Райгас!» — «Христос воскрес!».

Следует обратить внимание на то, что в советские времена редко кто соблюдал пост. Трудно было достать и пищевые краски, поэтому хозяйки в основном красили яйца в луковой шелухе. Самые же изобретательные из них использовали в качестве украшения веточку зелени: после того как яйцо сварили и окрасили, с него убрали веточку, и на нем отпечатывался рисунок. Этот способ окрашивания яиц используется хозяйками и по сей день [13].

В наши дни все больше людей, особенно молодых, возвращается к церковным традициям. Многие стараются соблюдать и Великий пост, если и не весь, то хотя бы первую и последнюю недели.

У осетин издревле принято дарить подарки тем, кто соблюдает пост. Подарком могли быть отрез ткани, либо же готовая одежда (для

женщин: ночная сорочка, косынка, платочек, полотенце, тапочки; для мужчин: рубашка, платок, полотенце). Современный же подарок может носить чисто символический характер, им может быть какой-либо сувенир, возможно даже с пасхальной символикой [14].

Пасха у православных осетин сегодня – это все больше семейный праздник. В отдельных осетинских семьях к празднику готовят угощения, заимствованные из русской кухни: пасху из творога, куличи с изюмом, яйца красят во всевозможные цвета, украшают их специальными наклейками с религиозной символикой и даже одевают их в «рубашки». Также на праздничном столе бывают традиционные осетинские пироги и другие разнообразные угощения.

В полночь в городских церквях начинается Пасхальная литургия. Прихожане приходят в церкви с пасхами, куличами, крашеными яйцами, овощами и фруктами для освящения. Служба заканчивается под утро, и верующие расходятся по домам для разговения. Те же, кто по каким-то причинам не смог отстоять ночную службу, приходят в церковь в течение дня, чтобы освятить пасхальные угощения.

На Пасхальные праздники принято ходить друг к другу в гости с угощением (куличами и яйцами). Старая осетинская игра с пасхальными яйцами къуырцытæ (стуканья) не утратила своей актуальности, особенно она нравится детям.

Городская среда оказала серьезное воздействие на традиционную праздничную жизнь осетин в г. Владикавказе. В праздниках появилось много нового, связанного с ростом форм профессионального искусства, со светским подходом к организации культурно-зрелищных мероприятий на праздники. Политика государственного вмешательства в духовную жизнь общества на долгие годы приостановила развитие культурно-массовых мероприятий в городе по случаю не угодных государству религиозных праздников. В последние годы во Владикавказе создается благодатная основа для возрождения культурных и духовных ценностей общества.

Примечания

1. Канукова З. В. Старый Владикавказ. Владикавказ, 2008.
2. ТВ. 1903. № 73.
3. ТВ. 1885. № 28.
4. ТВ. 1903. № 73.
5. ТВ. 1903. № 79.

6. ТВ. 1889. № 30.
7. ТВ. 1885. № 26.
8. ТВ. 1884. № 29; 1885. № 26; 1889. № 30.
9. Канукова З. В., Хубулова С. А. Религия в истории и культуре полиэтнического города Владикавказ в XIX — нач. XXI вв. Владикавказ, 2006.
10. Уарзиати В. С. Этнические процессы в структуре питания осетин // Этнические проблемы развития национальных отношений: Сборник научных трудов. Владикавказ, 1992.
11. ТВ. 1889. № 30; 1890. № 29.
12. Полевой материал автора. 2012 год. Записано со слов Клары Григорьевны Бираговой 1938 г.р., г. Владикавказ.
13. Полевой материал автора. 2012 год. Записано со слов Земы Елекреевны Гелиевой 1964 г.р., г. Владикавказ.
14. Полевой материал автора. 2012 год. Записано со слов Джульетты Борисовны Габуевой 1956 г.р., г. Владикавказ.

III. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ЯЗЫКЕ, ФОЛЬКЛОРЕ, МИФОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ф. О. АБАЕВА,
соискатель СОИГСИ

КОНЬ БАХ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ОСЕТИН

В статье предпринята попытка раскрыть семантику и символику коня *бах*, реалии, относящейся к **предметному** коду свадебного ритуала и участвующей в его предсвадебном, собственно-свадебном и послесвадебном циклах. Символические функции рассматриваемой нами реалии проанализированы с учётом возможности анализа обряда как текста, состоящего из акционального, вербального, персонажного и др. кодов.

Основные семантические характеристики коня *бах* как **посредника-медиатора** в обрядовом свадебном тексте осетин выражены в его водной, хтонической природе, также в его связи с культом *солнца* и *огня*, объединяющим и противопоставляющим его водную и солнечную сущности. Немаловажна также символическая функция коня, воплощённая в его **повышенной плодовитости**.

Главным образом конь *бах* входит в **предметный** (реальный) код свадебного обрядового текста осетин.

Это комплекс обряда получения (взятия) калыма *ирад исыны фатк*, который, в свою очередь, включает в себя: подарок коня матери невесты *мады лавары бәх/мады бәх*, подарок коня родному брату матери невесты *мадырвады бәх*.

К предсвадебному предметному коду относится также понятие *фаты бәх*, дословно переводимое как «конь стрелы/конь для стрелы», которое подробно мы рассмотрим дальше.

Итак, число принесённых в жертву животных кратно трём. Возможно, это не случайно и связано с числовой символикой, поскольку «три — являлось священным числом при ашвамедхе, ритуале жертвоприношения коня, и было связано с символикой мирового дерева» [5, 112].

И. Х. Айларов среди остальных выделяет также подарок коня кормилице невесты (если таковая имела) *әмцеччы бәх* [2, 309]. Такой подарок, по нашему мнению, имел локальные рамки распространения.

Свою трактовку понятия *фаты бәх* даёт Ш. Ф. Джикаев: «*Бәхы лавард уыди фидыды нысан. Хәмыц куры Донбеттырты чызджы әмә сын йә бәх ныуагъта фаты бәхән — уый уыди фидыды мысайнаг. Ирады хыгъдмә цыди мады бәх — сияхсы лавар каистән чызджы мады номыл.* — Подарок коня означал свадебный стговор. Хамыц посватал дочь Донбеттыра и оставил им коня стрелы *фаты бәх* — это был **залог** в качестве **знака брачного стговора**. В счёт калыма шёл подарок коня матери невесты — подарок зятя родственникам невесты именем её матери» [3, 24]. Так, *фаты бах*, согласно Ш. Ф. Джикаеву, — это залог, который шёл в счёт калыма, а сама реалья относилась к моменту *стговора фидыд* в предсвадебном цикле осетин.

Другой этнограф, Б. М. Каргиев, даёт следующее объяснение понятию *фаты бәх*: «*Цәмәй сияхс әргом цәуын райдайа йә каистәм, уый тыххәй суынаффә кәны сияхсдзид бакәнын. Чызджы мадән балхәны бәх (фаты бәх), ...* Чтобы зять мог открыто ходить к родственникам невесты, для этого он решается нанести **визит зятя** в дом невесты. Матери невесты он покупает коня (*фаты бах*), ...» [4, 72]. Здесь *фаты бах* интерпретируется как некая условность или условие и относится к актуальному коду предсвадебного цикла, а конкретнее — официальный обрядовый *визит зятя* в дом невесты *сияхсдзид*.

Дз. Т. Шанаев, подробно описавший свадебный обряд осетин, пишет, что *фаты бах* преподносился женихом в период после обряда сватовства «**не в зачёт выкупа**» [8, 13]. Он расшифровывает эту иди-

ому, ссылаясь на народную этимологию и не отрицая его «иносказательного значения»: «Это выражение дословно значит конь стрелы, конь для стрелы, — от слов: *фат* — стрела, и *бах* — конь, лошадь..... Осетины часто говорят: «*Нае хъуыддаг фæраст, фаты хуызæн*» — дело наше сделалось прямым, подобно стреле, т.е. нужно понимать, что дело приняло весьма благополучный оборот. Поэтому, говорят осетины, фаты-бах отдавался как бы в знак совершения благополучного (**прямого, как стрела**) направления дела. Так истолковывают сами осетины смысл **фаты-бах**» [8, 13]. Дз.Т. Шанаев использовал именно это написание слова — через дефис.

По А.Р. Чочиеву, «смысл иносказания совершенно определённо выступает из условностей свадебной же обрядности: среди главных обрядов свадебного цикла один связан с вождением невесты к святилищу *Мады Майраем* — божеству женского чадородия. При этом мальчики, сопровождавшие процессию, осыпали святилище **наконечниками стрел** (позже — пуль), требуя для невесты семерых (девятирех) по числу этих наконечников или пуль, мальчиков, и одну синеокою девочку. После рождения ребёнка, если это бывал мальчик, женщины несли к святилищу стрелы. При введении невесты в дом жениха в косяк двери втыкалась стрела, а введение в *хæдзар* сопровождалось песней «На рождение мальчика». В ней испрашивалось благословение Отца-Бога и Матери Марии для плодovitости невесты, и песня заканчивалась словесной формулой: «У них над порогом стрела имеется — Стрелоподобным да будет (мальчик)» [7, 41-42].

Понятие **фаты бах** также, возможно, восходит к **предметному** коду обрядности осетин, связанному с инициацией мальчика, который воспитывался в воинском духе дядей, *родным братом своей матери мады хæрзæфсымаер*.

Известно, что в честь совершеннолетия мальчик получал — шапку *худ*, пояс *рон*, оружие *хæцæнгарз* и лошадь *бах*, причём подарки непременно должен был приготовить и вручить дядя со стороны матери, *мады' фсымаер*.

Исходя из этого, во время брачного сговора осетин дарили и **фаты бах**: он символически предназначался будущему сыну сестры, племяннику. *Родной брат невесты чындзы хæрзæфсымаер*, который в будущем становился дядей сыну сестры, «возвращал» коня.

На наш взгляд, предположительно термин **фаты бах** восходит к родинному обрядовому тексту осетин. По словам наших информаторов, во время ритуала по случаю рождения мальчика (*афæдзы куывд*)

по выявлению его наклонностей считалось счастливым предзнаменованием, если мальчик потянется к острым и железным предметам (*стрела фат*). На празднике по случаю исполнения года мальчику дарились также *игрушечные кони хъазæн бæх* и железные предметы (*наконечник стрелы фаты бырынкъ* и т.д.).

При рассмотрении реалии **коня-подарка фаты бæх** реализовывается, по нашему мнению, символика двух атрибутов: *стрелы фат* и *коня бæх*. Стрела как символ плодородия, а конь выступает символом того, что обеспечивает это плодородие. Союз символов «**стрела — конь**» образует усиление мифологемы движения/пути/дороги, которые они обозначают, олицетворяет комплекс концептов «жизнь — путь (здесь — свадьба)». В мифологеме дороги/пути значительное место занимает образ коня, который символизирует мифологему дороги, актуализирующей символику жизненного пути, а стрела — это мифологема «прямого пути». Таким образом, конь и стрела восходят к мифологеме «**прямой (жизненный) путь**». Стрела также — солярный символ, обозначающий стремительные **лучи** солнца, а конь, как нам известно, — символ самого **солнца**.

Известно, что главным для ариев в боевом промысле был **конь** (др. инд. *aśva-*, *авест. aspa-*), который также являлся признаком могущества, а оружием — стрелы (др. инд. *iṣu-*, *авест. iṣu-*).

Этот факт даёт нам основание для предположения, что обрядовый комплекс **фаты бæх** имеет непосредственное отношение к **завоевательному** коду свадебного обрядового текста осетин.

Мужская оплодотворяющая символика стрелы в свадебном обрядовом тексте осетин проявляется и в ритуале поднятия фаты с лица невесты *хызисæны фæтк* с помощью символической «стрелы» (*свадебный флажок для поднятия фаты невесты сæрызæд/сæрызæды хæцгил*) и её втыкания в косяк двери *уæлкъæсæр фат* при вводе невесты в дом жениха. В этих ритуальных актах мы видим охранительную магию — действия по отпугиванию нечистой силы от невесты, которая продолжит род, или от жилища, куда она придёт. Сама стрела — это символ соединения мужского и женского начала: наконечник — **женское**, а древко стрелы — **мужское**. Для обозначения лексемы *наконечник* в осетинском языке (помимо *бырынкъ*) при рассмотрении данного символа в контексте свадебной обрядности нам удобнее взять слово *æрттигъ*. У В.И. Абаева мы находим: «*rttiğ/ærtteğ* так называются в эпосе **наконечники стрел**.....буквально «трёхгранник» [1, 426].

По словам информантов, на шею коню (особенно даримому) вешали кусок железа (железный *наконечник бырынкъ*), чтобы сохранить его от сглаза и наведения на него порчи. Так, выявляются и апотропейные функции реалии **фаты бæх**.

Принимая во внимание походно-военное прошлое осетин, мы можем обозначить термин **фаты бæх** как *боевой конь, или конь для боя*.

Сберегательные свойства образа коня заключены в его **медиа-тивных** и **жертвенных** функциях в контексте свадебного церемониала. Подарок коня родным невесты читается как жертва Богине-Матери, воплощённой в образе невесты. То, что «священное» (и тем более **жертва**) институализируется именно в ритуале, составляет, несомненно, очень важную особенность ритуала» [6, 39]. Наиболее важным и главным является *подарок коня матери невесты мады лæвары бæх* и подарок коня *родному брату матери невесты мадырвады бæх*. Такой подарок считался *подарком чести цыты лæвар*: «Цыты хъуыд-даг уыди бæх лæвар кæнын.....Ирон адæммаæ хæрæфырт кадджын у. Лæвар ын кодтой байраг кæнæ æвзаргæ бæх. Хуыдтой йæ мадырвады бæх. — Почётным делом было дарить коня.....У осетин племянник уважаем. Дарили ему жеребёнка или отборного коня. Назывался такой подарок **мадырвады бæх** конь дяди со стороны матери» [3, 24]. По нашему мнению, дарение коня, в первую очередь, матери невесты и её родным (*мады æрвадæлтæ*, термин, обозначающий родственников со стороны невесты для жениха, в осетинском языке отличается: ср. *каистæ*) является проявлением матриархального прошлого осетин. Это подтверждается и тем фактом, что коня дарили дяде именно по материнской линии. Так, в свадебном обрядовом тексте осетин ярко прослеживается главенство родных матери невесты, что показывает важность **женщины-матери** у осетин. Такой **подарок-жертва** семантически отражает две важнейшие фазы жертвоприношения — вознесение снизу вверх жертвенного посланника (молитвословия) и возвращение сверху вниз божественной благодати.

Семантика образа коня неоднозначна. Явные **воинские** черты в его образе проявляются в **акциональном** коде обряда. По приезду за невестой *поезжане жениха чындзхæсджытæ/чындзхонтæ* на конях должны были **ворваться** в дом, **захватить** свадебное знамя, за которым охотились. Акт **въезд-вторжение** всадников в дом невесты на коне можно отнести к **военному** (завоевательному коду) свадебного обрядового текста.

Причём и за *сватами* (*минаввартта*) родные жениха обязательно должны были отправиться на конях, чтобы **попросить** их засватать им девушку.

Примечания

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.: Наука, 1979. 360 с.
2. Айларов И.Х. Ирон фарн. Владикавказ: Ир, 1996. 552 с.
3. Джыккайты Шамил. Рагон ирон цард æмæ адæмы зондахаст. Миф. Фольклор. Æгъдау. Дзæуджыхъæу: ЦИПУ-йы рауагъдад, 2010 аз. 264 ф./Джикаев Ш.Ф. Древний быт и мировоззрение осетинского народа. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. 264 с.
4. Каргиев Б.М. Старинные и современные осетинские обычаи. Владикавказ: Аланыстон, 2008. 240 с.
5. Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 96-119.
6. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 496 с.
7. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин (традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин). Цхинвали: Ирыстон, 1985. 290 с.
8. Шанаев Дз.Т. Свадьба у северных осетин // СССР. Вып. 4. Тифлис, 1870.

**З.М. ГАБОЕВА,
аспирант КБГУ, г. Нальчик**

КОНЦЕПТ «ТРУД» КАК НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ В ПОСЛОВИЦАХ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Предмет лингвокультурологии довольно-таки многоаспектен: языковая и национальная картины мира, языковое сознание, языковая личность, менталитет, культурный код и пр. Основной же единицей лингвокультурологии является концепт. Совокупность концептов составляет национальную картину мира, представляет языковое сознание, формирует этнический менталитет, определяет тип языковой личности.

Исследование концептов в последнее время проводится на самом разнообразном материале. Весьма результативным является применение концептуального анализа для реконструкции пословичной картины мира разных языков. Пословичная картина мира представляет собой особый лингвокультурный феномен, который проникает в глубину языковой символики и отражает правила человеческого поведения в разных реалиях окружающего мира. Вслед за Е. В. Ивановой, под пословичным концептом в работе понимается «всё знание об объекте, которое можно получить на основе анализа содержательного плана пословиц» [1,106].

Целью данной статьи является выявление содержания концепта «труд» и описание языковых способов выражения данного концепта в карачаево-балкарской пословичной картине мира. Данному концепту уделяется достаточное внимание в разных лингвокультурах, однако следует отметить, что концепт «труд», несмотря на свое универсальное значение, отражает «национальную специфику, зафиксированную в национальной картине мира» [2,127].

Стоит отметить, что трудовая деятельность является специфическим устойчивым, присущим только человеку признаком. Труд не-

обходим человеку, с одной стороны, для того, чтобы существовать, с другой, — чтобы реализовать свой духовный потенциал. Осмысление труда в образе человека связано также и с тем, что успех работы зависит только от ее исполнителя.

В большинстве карачаево-балкарских паремий концепт «труд» предстает как общечеловеческая утилитарно-практическая ценность. Отношение к труду определяет значимость человека в обществе. Значимым оказывается наличие в пословицах слов, обозначающих положительные чувства и эмоции людей. В паремиях неработающий человек характеризуется как «пустышка»; подчеркивается, что красота и сила человека в труде, что только в труде формируется и проявляется талант и вдохновение человека. Все это говорит о том, что труд, несомненно, является необходимой нравственной ценностью.

В карачаево-балкарском языке концепт «труд» выражается разными ключевыми словами в зависимости от вида труда: 1) земледелие — сабан агъач (соха), мигидау (корзина с семенами для посева, которая висит на шее сеяльщика), чага (тыпка), жугар (лопата), оракъ (серп); 2) заготовка леса — быхчы (пила), билеу (точило), балта (топор), арба (арба); 3) прядение, ткачество, шитье, вязание, изготовление войлока — жюн таракъ (расческа для шерсти), жюн (шерсть), кийиз (войлочный ковер); 4) кузнечное, ювелирное дело, резьба — салта (молот), тѣш (наковальня), чѣгюч (молоток), ылыхтын (лом), алтын-кюмюш (ювелир по серебру, золоту и другим драгоценным металлам), садрач (резчик по дереву); косъба — чалгъы (коса), сенек (вилы); 5) изготовление посуды — агъач чѣмюш (деревянная чашка), чара (ковш), сай табакъ (поднос) и др.

В карачаево-балкарском языковом сознании основной смысл концепта «труд» положителен, понятийные составляющие: *польза, результат, качество, здоровье, благополучие, благосостояние, мастерство*. Приведѐм несколько примеров:

Польза: *Иши барны ашы бар. — Кто работает, тот ест; Иш къара — ахчасы — акъ. — Работа черная, да деньги белые.*

Результат: *Ишни башын чыгъанакъ бла эшсенг, арты мамукъ болур. — Если начало дела колючее, то конец будет ватным; Ишлеген тѣппедегин эндирир, ишлемеген тѣбедегин ълтюрюр. — Работающий спустит то, что на вершине, а бездельник погубит то, что на холме.*

Качество: *Ишни аллы къалай баишанса, арты алай болур. — Какое будет начало работы, таков будет и конец.*

Здоровье: *Эринчек ауру табар, ишлеген саулукъ табар. — Ленивец работает болезнь, а трудолюбивый — здоровье.*

Благополучие: *Иши джокъну, сыйы джокъ. — У кого нет дела, у того нет и почета; Ишден къоркъакъны насыбы аз болур. — Кто боится работы, тот счастлив не будет; Ишлемеген арымаз, арымагъан джарымаз. — Кто не работает, не устанет, кто не устанет, тот не воспрянет.*

Благосостояние: *Ишлеген озар, ишлемеген тозар. — Кто работает, тот преуспевает, кто не работает, тот обнищает; Иш алда болса, ауузунг балда болур. — Если работа в ладу, то рот в меду; Ишлеген ач къалмаз. — Кто работает, тот голодным не останется.*

Мастерство: *Ишге юйренир ючюн джыл да аз, ишни унутур ючюн ай да кёб. — Чтобы научиться делу и года мало, чтобы разучиться — и месяца много.*

В карачаево-балкарском фольклоре труд осознается как одна из высших ценностей. Под трудом карачаевцы и балкарцы подразумевали именно физический труд, хотя придавали большое значение и умственному труду, тем не менее, умственный труд не выступал как самостоятельное занятие, он существовал в единстве с физическим трудом. Так, в этическом кодексе («Тау адет») четко указано:

Къарнынг тойгъунчу аша,

белинг талгъынчы ишле

(Ешь, пока желудок не насытится,

работай, пока поясница не занает).

Это высказывание применимо и к мужчинам, и к женщинам. Следует отметить, что для карачаевцев и балкарцев, как и для всех горских народов, характерна четкая половозрастная организация труда. Выполнение мужчиной «женской» работы считается зазорным, тогда как женщины, по мере необходимости, легко берутся за «мужскую» работу.

В этическом кодексе карачаевцев и балкарцев указано гендерное разграничение труда:

Когда в доме есть женщины, мужчина:

— Не готовит еду.

— Не подметает полы и двор.

— Не обмазывает дом глиной и не белит его.

— Не доит коров.

— Не берет еду сам (должны подать).

— Не чинит одежду.

- Не разводит огонь и не выносит золу.
- Не носит воду.
- Не моет посуду.
- Не стирает и не гладит белье.
- Не стелит постель.
- Не присматривает за стариками и детьми (может брить бороду, головы).

(В кошарах все это мужчины делают сами.)

Когда в доме есть мужчины, женщина:

- Не косит сено и не возит его (если нужно, идет на уборку).
- Не поднимает ничего тяжелого.
- Не заготавливает дрова и не рубит их.
- Не режет и не разделявает скот.
- Не смотрит за скотом.
- Не вывозит навоз на поле.
- Не седлает коня.
- Не запрягает волов или лошадей.
- Не притрагивается к оружию.
- Не пасет скот.
- Не орошает поле.

Следует отметить, что карачаевцы и балкарцы до сих пор стараются придерживаться вышеприведенного разделения трудовых обязанностей.

Одним из важных женских занятий было и остается по сей день воспитание детей. Необходимым является обучение ребенка стихам (назму), скороговоркам (теркайтыула), загадкам (элберле) — они носят поучительный характер, развивают у детей память, эрудицию и эстетический вкус к творениям народной словесности, раньше обязательным было и пение колыбельных песен (пение колыбельных песен было одной из главных обязанностей женщины, сегодня эта традиция сохранилась лишь у старшего поколения). Даже детский фольклор содержал в себе элементы трудового воспитания, — возьмем в качестве примера самую популярную песенку для самых маленьких детей:

Чуу, чуу, чуу ала, эки чычхан суу ала,
Ынна боза бишире, аппа отдан тюшюре,
Къанкъылдагъан чыпчыкъла, макъырдагъан къозула.
(Из речки, из речки, из речки,

*Два мышонка воду набирают.
Бабушка варит бузу, дед снимает ее с огня,
Поющие птицы, блеющие ягнята).*

Суть песенки была в трудовом воспитании детей. Согласно содержанию текста, все персонажи в чем-то задействованы.

В обязанности женщин также входило убаюкивание пожилых людей в специальных колыбелях (ёмюрлюк бешик), при этом пели шуточные колыбельные песни, если пожилой человек был в здравом уме, то отшучивался в ответ [3,48].

В 1950-1970-х гг. не было четкого разделения труда между мужчинами и женщинами, женщины могли быть трактористами, комбайнерами, заведующими на фермах, пастухами, чабанами, садоводами, овощеводами, скотницами, конюхами и т.д. [4,152].

Первичное разделение труда между мужчиной и женщиной — один из проблематичных фактов истории. Почему это разделение труда поставило женщину в неравное, зависимое от мужчины положение? Ведь именно женщина обладает самым ценным качеством — способностью воспроизводить жизнь, продолжать род. По мнению многих ученых, именно эта способность и была причиной, предопределившей характер неравнозначного распределения ролей между мужчиной и женщиной, когда за мужчиной было закреплено право на «внешнюю» деятельность, на освоение мира и господство над ним, а за женщиной — право на рождение и воспитание детей, на обустройство дома, быта, т.е. право на жизнь в сфере «частной»: *тиширыусуз юй иесиз мал кибикди* (дом без хозяйки, что скот без хозяина), *тиширыу юнню чырайды* (хозяйка — лицо дома) — эти и др. поговорки показывают власть женщины в царстве быта.

На протяжении всей истории человечества существовали альтернативные взгляды на гендерную проблему. Можно выделить два основных взгляда: 1. мужчина и женщина — противоположные, но взаимодополняющие существа; 2. женщины Богом или природой приговорены к своей вторичности, зависимости от мужчины, мужа, рода, общества.

О трудолюбии карачаевцев и балкарцев писали многие путешественники, посещавшие Карачай и Балкарию. Так, русский этнограф Н. Ф. Грабовский в 1870 году писал: «Несмотря на все препятствия, которые были поставлены в жизни горцу-простолюдину и самую природу, и условиями общественной жизни, он все-таки сумел вый-

ти победителем... Самое главное — горец усвоил себе непреложное убеждение, что его кропотливый труд принесет несомненную пользу, и это, в конечном результате, оказалось совершенно верным». Этнограф говорит, что балкарцы заняты в течение всего года, что трудолюбие сказалось и на самой нравственности народа, и воровство в горах «составляет редкое явление» [5, 208].

Существуют и легенды о трудолюбии карачаевцев и балкарцев. Согласно одной из них, они так сильно трудились и днем, и ночью, что Аллах, пожалев их, послал ангела, который взял часть света луны и добавил солнцу. С тех пор люди днем трудятся, а ночью спят.

Таким образом, в пословицах четко отражается необходимость труда в жизни человека и обязательное включение ценности труда в шкалу ценностей каждого человека, а также стереотипы: чтобы добиться успеха в жизни, реализовать себя, необходимо трудиться; мастерства в любой области человеческой деятельности можно добиться только многолетним упорным трудом, преодолевая трудности.

Примечания

1. Джуртубаев М. Ч. Къарачай-малкъар нарт сёзле. Нальчик, 2002.
2. Джуртубаев М. Ч. *Душа Балкарии*. Электр. библ. фонда elbrusoid, 2005.
3. Ёзден адет/Сост. М. Ч. Джуртубаев, 2005.
4. Иванова Е. В. Мир в английских и русских пословицах. Учебное пособие/Е. В. Иванова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006.
5. Къарачай-малкъар-орус сёзлюк / Под ред. Э. Тенишева, Х. Суюнчева, М., 1989.
6. Малкондуев Х. Х. Этническая культура карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1990.
7. Маркелова Е. В. Концепты «Труд» и «Лень» в русских пословицах // Материалы Международ. науч-метод. конф. Новосибирск, 2001.
8. Молова Ф. Х. Некоторые особенности использования женских трудовых ресурсов села Кабардино-Балкарии // *Ученые записки КБНИ*. Нальчик, 1974.

**Э.А. ИКЪАТЫ,
ЦИГСИИ аспирант**

ИУÆЙ-ИУ ИРОН НÆМТТЫ РАВЗÆРДЫ ТЫХХÆЙ: ÆЛДАТТАТЫ МЫГГАДЖЫ БÆЛАСМÆ ГÆСГÆ

Сæрмагонд нæмтты равзæрд бæлвырд кæнын у ирон æвзагзонынады актуалон фæрстытæй иу. Бирæ сусæгдзинæдтæ базониккам мах, нæ фыдæлтæ кæцы дуджы цавæр нæмттæ хастой, уый бæлвырд куы уайд, уæд. Уымæн æмæ адæмы нæмтты кæддæриддæр вæййы хицæн фæтк.

Сæрмагонд номимæ баст сты адæмы историйы, æвзаджы историйы бирæ сусæгдзинæдтæ. Уыдон сбæрæг кæнæн ис, нæ фыдæлтæм алы заманты цавæр нæмттæ уыдис, нæмттæ-иу кæд, куыдæй æмæ цæмæн фæзындысты, уыцы фæтк бамбаргæйæ.

Ирон сæрмагонд нæмтты равзæрдыл фыццагдæр кусын райдыдта В. Ф. Миллер 80-æм азты XIX-æм æнусы ирон этногенезыл куы куыста, уæд. Миллеры фæдыл, Абайты Васо историон хуызы равзæрста алайнаг æмæ ирайнаг сæрмагонд нæмттæ, ирон адæммæ кæцытæ æрхæццæ сты махы онг.

Номæвæрæны актуалон фарстатыл ирон антропонимистикайы корифейты фæдыл зæрдиаг куыст бакодтой ахæм зындгонд лингвистæ, куыд Гагкаты К.Е., Алборты Б.А., Исаты М.И., Исаты З. Г. æмæ æндæртæ.

Г. Моррисон ирон номхуынды фæтк амонæ ахæм хуызы: раздæр загъд æрцæуы мыггаг, йæ фæдыл фыды ном, уый фæстæ та йæхи ном, зæгъæм: Дзагурти Дзабойы фырт Гуыбыди [8].

Рагæй дæр ирон адæмы уырны, ном ахсджиаг бынат кæй ахсы адæймагæн йæ хъысмæты, ома йæ удикондыл, йæ миддунейыл бæлвырд хуызы кæй фæзыны. Ном у адæмыхатты æмæ дины бæрæггæнæг дæр.

Сæйраг, æцæг номæй уæлдай ма арæх æмбæлдысты фæсномыг нæмттæ, уыдон æвдыстой адæймагæн куыд йæ хорз, афтæ йе'взæр миниуджытæ дæр, йе'ддаг бакасты хъæндзинæдтæ, ныхасы хъæды

къуылымпыдзинадтæ, ныййарджыты цæстæнгас ноггуырды фæзындмæ æмæ афтæ дарддæр. Фæсномыг-иу хатгай аивта йæ статус æмæ-иу ссис æцæг ном. Афтæ фæзындысты ирон нæмттæ: Налхъуыдтæ, Цæмæнхъуыдтæ, Æхсар æмæ æндæртæ.

Номæн уыдис æндæр функци дæр — уый хъуамæ адæймаджы хъахъхъæдтаид æвзæр цæстæй, хъуамæ сайдтаид, кæнæ тæрсын кодтаид, адæймагæн знаг чи у, уыцы тыхы. Ахæм функци уыдис, зæгъæм, нæмттæн: Бирæгъ, Саукуыдз, Куыдзæг. Сывæллонæн цæмæй йæ дарддæры цард, йæ хъысмæтамондджын уа, уый тыххæй ныййарджытæ агуырды, стыр тых æмæ хъæбатырдзинады нысаниуæг кæмæн ис, ахæм нæмттæ: Æхсар, Фидар, Болат æмæ æндæртæ.

Нæмттæ дæттыны фарстамæ иу боны цæстæй кæсын кæй нæ хъæуы, уый бæлвырд у. Абон ирон адæмæн сæ зондахаст тынг фæивта, æмæ уымæн æнæфæзынгæ нæй нæмттæ æвæрыны хъуыддаджы дæр.

Адæмы æхсæнадон зондахаст куыд ивта, афтæ ивгæ цыдис нæмттæ дæттыны фæтк дæр. Тынг цымыдисаг фарст у, иу дугæй иннæмæ уыцы иу адæмыхатты нæмттæ куыд ивынц, æмæ уыцы ивддзинадтæ зондахасты ивдимæ куыд баст сты, уый раиртасын [3].

Нæ цыбыр уацы мидис баст у Æлдаттаты мыггаджы бæласимæ. Ис дзы нæлгоймæгты æмæ сылгоймæгты нæмттæ дæр. Мах уæлдай лæмбынæг æркастыстæм нæлгоймæгты нæмттæм.

Æлдаттаты мыггагæн сæ ратæдзæн у æлдары фырт Тагайæ. Мыггаджы хистæр, Алдат, Ос-Бæгъатыры байзæддаг, уымæ гæсгæ хаудис таурæгъон Сидамонты къабазмæ æмæ цард цыппарсæдæ азы размæ. Мах бафæлвардтам уыдонæй иу-къорды равзæрд раиртасын. Ныронг уынаем, Алдаттæй рацæугæ дыууадæс къабазы.

Фыццаг æртæ фæлтæры мыггаджы бæлас æвдисы æрмæст рагон ирон нæмттæ. Уыдоны 'хсæн ис Алдатты цыппар фырты нæмттæ: Кас-сох, Дзор, Халцыра, Ипана.

Незамантæй баззайгæ «сыгъдæг» ирон нæмттæ кæй хонæм, уыдонæй иуæй-иутæ разындысты æндæр æвзæгтæй æрбайсгæ. Стæй иннæрдæм дæр афтæ: мах сæ мидформæ кæмæн нæ иртасæм, æцæгæлоныл кæй нымайæм, уыцы нæмттæй бирæтæ разындысты сыгъдæг ирон [4].

А. В. Суперанская фыста: «Каждое имя имеет свою историю, «биографию», географическое распространение и национальную принадлежность. Оно может заимствоваться в другие языки, видоизменяясь в них» [10, 125].

Æвзаджы рæзт ахæм хуызы цæуы, æмæ иуæй-иу дзырдтæ адæмæй фæрох вæййынц, фæлæ ма уæддæр баззайынц вазыгджын дзырдты, мыггагон нæмтты.

Æлдаттаты мыггаг арæх пайда кодта бындурон ирон нæмттæй. Дыккаг фæлтæры дæр та фæзынд Халцыра, уымæй уæлдай ма Хабыз, Чысыл. Миниуæг æвдисæг нæмтты æхсæн ацы мыггаджы ма уына æм ахæм сыгъдæг ирон нæмттæ: Рувас, Хъæвдын кæнæ Кæвдын, кæцы амон «куыдзы къæбыла». Суанг иуæндæсæм фæлтæры дæр ссардтой бынат ацы сæрысуангон — «ирон-дзургæ» нæмттæ.

Уыдис Æлдаттатам уæлдай рагондæр нæмттыл нымайын кæй хъæуы, ахæм нæмттæ, кæцытæ нысан кæнынц алыхуызон кусæнгæрзтæ æмæ сæ миниуджытæ: Дзагур, Цæрай.

Нæхæдæг дæр æмæ нæ фыдæлтæ дæр арæх æвзарæм номæн стугхт, фæзминаг адæймагты нæмттæй. Фæлæ сын сæ динмæ кæсæг нæ вæййы. Уымæ гæсгæ Æлдаттатам дæр цалдæр хæрз æфсымæрæй иу хастайд чырыстон ном, иннæ пысылмон ном, æртыккаг — рагон ирайнаг æмæ афтæ дарддæр. Зæгъæм: æвдæм фæлтæры Æлдаттаты Темыр-Болатæн уыди цыппар фырты: Саукуыдз, Ибрагим, Хъырым-Султан æмæ Данел.

В. А. Никонов фыста: «В именниках народов Кавказа возрастает доля имен, употребительных у русских»[9,58].

Фæлæ Æлдаттатам ацы миниуæг характерон нæу. Сæ бæласмæ гæсгæ нæ бон у зæгъын, ацы бинонтæ уæлдай нæ пайда кодтой уырыссаг æвзагæй æрбайсгæ нæмттæй, нæдæр раджы заманты, нæдæр абон. Уына æрмæст иу цалдæр дæнцæгтæ: Сергей, Валерий æмæ Альберт, уыдон дæр фæстаг фæлтæрты астæу.

Цæгат Ирыстоны цы нæмттæ æмбæлы, уыдонæй тынг бирæ ист æрцыдысты нæмттæ сыхаг цæгат кавказаг адæмы хæттытæй — цæцæнæй, мæхъæлæй æмæ кæсæгæй, уыдонимæ ма араппаг æмæ туркаг-монголаг сæрмагонд нæмттæ дæр.

Ацы къорды ис ахæм нæмттæ, кæцытæ лæвæрдтой цавæрдæр хæрзиуджытæй хайджын чи уыд, ахæм кадджын нæлгоймагтæн: Солтанбег — «Султан» + «Бек», Хадзымуссæ — «Хаджи» + «Муссæ», Хаджумар — «Хаджи» + «Умар» æмæ æндæртæ.

Ирон антропонимийы туркаг нæмттæ тынг бирæ кæй ис, уый Абайты Васо нымайы, нæ рагфыдæлтæ — Алантæ сыхагиуæг кæй кодтой фидар туркаг адæмыхæттытимæ, уый фæстиуæгыл.

Фæндзæм фæлтæрæй фæстæмæ Æлдаттаты мыггаджы нæмттæн сæ фылдæр хай у тюркаг.

1) «хан» (тюркаг-монгойлаг титул) — Темеьрхан (6 ф.)

Тюркаг æвзæгты «хан» нысан кæны кæмæдæр схаст лæппу. Ирон адæммæ дæр æрваддзинады æмæ хæлардзинады сæраппонд искæй лæппуйы схъомыл кæныны æгъдау уыд, æмæ уырдыгæй баззад загъдау: «хъаны цард кæны», зæгъгæ [2,92].

2) «бег» (ис ын алыхуызон фонетикон варианттæ):

2 ф. — Хъауырбег,

6 ф. — Зауырбег, Мырзабег,

7 ф. — Махарбег,

9 ф. — Мырзабег, Асланбег,

10 ф. — Алымбег, Асланбег.

3) «болат», «булат» у тюркаг дзырд, æмбæлы куыд ахæм сæрмагонд нæмтты хай:

5 ф. — Бимбулат, Джамбулат, Темеьр-Болат.

7 ф. — Хъасболат, Хъамбулат

8 ф. — Темеьр-Болат, Хъасболат, Дзамболат, Бимболат

9 ф. — Хъамболат, Хъасболат

4) кæсгон æвзаджы дзырд «хъо» нысан кæны фырт. Ацы компонент æмбæлы бирæ ирон нæмтты:

4 ф. — Долотухъо,

6 ф. — Биазырыхъо, Хатахцихъо (3 хатты) — Хадахцы фырт.

5) «гирей»

6 ф. — Адиль-Гирей (2 хатты), Хан-Гирей,

7 ф. — Магомет-Гирей,

8 ф. — Аслан-Гирей

6) «бий» — хъуымыхъ, балхъар æмæ хъæрæсемæ афтæ хуыдтой æлдары æмæ цагъардары. Уыцы терминтæй дæр спайдачындæуыд лæджы сæрмагонд нæмттæ аразына:

2 ф. — Хъамбий

6 ф. — Биазырыхъо

7 ф. — Биазыр (2 х.), Хазбий, Хамбий, Уырысбий

8 ф. — Бимболат

Куыд уынаем, афтæмæй бындурон ирон нæмттæ Æлдаттаты мыггаджы уыдысты тынг кадджын суанг фыццаг фæлтæртæй райдайгæ. Бирæтæ æвæрд цæуынц абон дæр. Æрбайсгæ нæмтты нымæц дæр къаддæр нæу, уæлдайдæр та пысылмон динимæ чи æрбацыд, ахæмтæ. Чырыстон дины тæваг Æлдаттаты мыггаджы сæрмагонд нæмттыл мах нæ раиртæстам мыггаджы бæласимæ кусгæйæ. Уымæй уæлдай ма нæ бон у зæгъын Æлдаттаты нæмттæн

сæ фылдæр хай æрбацыд сыхагиуæг кæимæ кодтой нæ фыдæлтæ, уыцы адæмтæй.

Фиппаинагтæ

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
2. Бязырты А. Ирон мыггагон нæмтты историон раивд // Фидиуæг. Дзæуджыхъæу. 1969. № 4.
3. Гуыриаты Т. Ирон нæмтты тыххæй // Рæстдзинад. Дзæуджыхъæу, 1980.
4. Гуыриаты Т. Нæмтты равзæрды тыххæй // Рæстдзинад. Дзæуджыхъæу. 1972.
5. Гуыриаты Т. Нæмтæ æмæ мыггæгтæ // Рæстдзинад. Дзæуджыхъæу. 1974.
6. Гуыриаты Т. Ирон антропонимийы ахсджиаг фарста // Проблема осетинского языкознания. Вып. 2.
7. Исаева З. Г. Языковые контакты и проблемы ономастических исследований // Проблемы осетинского языкознания. Вып. 1. Орджоникидзе, 1984.
8. Моррисон Г. Осетинские фамилии и личные имена // Институт языкознания Римского университета. 1951.
9. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука. 1974.
10. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
11. Суперанская А. В. Структура имени собственного. М., 1969.
12. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

**А. Б. БРИТАЕВА,
к.ф.н., с.н.с СОИГСИ**

ОБРАЗ ДОЧЕРИ СОЛНЦА В НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ

Мир нарттов — это, несомненно, сообщество мужчин-героев. Женские персонажи уступают им своей численностью. Это жены и матери отдельных героев и красавицы, покорявшие их. Большинство героинь появляется в эпосе лишь эпизодично. Однако нельзя не заметить, что роль женщины в эпосе исключительно велика. Именно женщины побуждают героев к совершению подвигов, а подчас именно они становятся косвенной причиной их гибели.

Попробуем рассмотреть один из женских образов нарттовского эпоса — образ дочери Солнца. В Мифологической энциклопедии мы находим: Ацырухс (Уацирохс — букв. «сверхъестественный свет») — лучезарная дочь Солнца.

Т. А. Гуриев в статье «Геродотова Гестия/Табити и Сафа в осетинской нартиаде» отмечает, что «в осетинской мифологии традиционно дочерью Солнца считается Ацырухс. Он разделяет мнение Ж. Дюмезиля о том, что образы индийской Тапаты, скифской Табити и осетинской Ацырухс весьма схожи. Оба ученых едины во мнении, что «варианты легенды о женитьбе нарттовского героя на дочери Солнца фактически повторяют древнеиндийскую версию о замужестве дочери Солнца» [1, 244].

Действительно, в большинстве вариантов сказаний дочь Солнца зовут Ацырухс (Уацирохс) или же она безымянна и сказители называют ее просто Хуры чызг (Дочь солнца), но в эпосе она встречается и под другими именами: Агуындæ (Агунда), Акула-рæсугъд (красавица Акулá), Хуры чызг Фатъимæт (Дочь Солнца Фатимат), Хори кизгæ Хорческæ (Дочь Солнца Хорческа), Азаухан.

Описание внешности героини дается в эпосе весьма скудно: «Кæсы, æмæ халагъуды бады иу рæсугъд чызг, ахæм рæсугъд чызг, æмæ дзы хур æмæ мæй каст» — «Смотрит, сидит в шалаше краси-

вая девушка, да такая красивая, что солнце и луна смотрят с ее лица» (сказание «Нæртон сидзæр лæппу Уæхтæнг»). Лишь в одном варианте мы нашли более подробное описание — это сказание «Как Батраз женился на дочери Солнца»: «Æрхуы мæсыджы бады, сызгъæрин хуыссæны хуыссы, дзыккутæ фæсте сызгъæрин тасы ленк кæнынц...» — «Находится она в Медной башне, лежит на золотой кровати, и волосы ее переливаются в золотом тазу». В отдельных сказаниях о красоте Ацырухс говорит реакция окружающих ее нартов. Например в сказании «Сослан æмæ Ацырухс» мы находим такие строки: «Сослан æрфынæй. Уæд чидæр æрбадзырдта: — Сослан, æддæмæ-ма ракæс! Ацырухс рудзынгæй ракасти, æмæ цы лæппу æрбацыд, уый хæлиудзыхæй аззад, Ацырухс йæ зæрдæмæ афтæ тынг фæцыди. Уыйфæстæ лæппу радзырдта нартæн: — Ахæм ус æрхаста Сослан, æмæ йæм хъæрæй дзураен нæй, фæлмаен ныхас дарддæр». — «Кто-то постучался, Сослан уже спал. Ацырухс выглянула в окно, и парень, который пришел, разинул от восхищения рот, так она ему понравилась. А нортам он рассказал, что Сослан такую жену привел в дом, что на нее голос повышать нельзя, только ласково с ней можно разговаривать». Из того же сказания мы узнаем, что Ацырухс была не просто красавицей но и мастерицей-рукодельницей. За одну ночь она сумела сшить столько вещей, что одела всех мужчин-нартов, затем всю женскую половину. А после сшила Сослану такое одеяние, что от их сияния глазам было больно.

Однако, в большинстве сказаний описания красоты дочери Солнца вообще нет, о ней говорит лишь имя героини: *Ададзей-рæсугъд*, *Акула-рæсугъд*, *Уацирохс-Зæрдирохс*.

Дочь Солнца обладает даром перевоплощения. В перевоплощении с точки зрения мифа нет ничего удивительного. А. А. Тахо-Годи пишет по этому поводу следующее: «Если человек и животное, и растение, и водная стихия мыслятся единой природной материей, тонет никакой разницы между формами, которые принимает то или иное существо. В архаических мифах человек с легкостью превращается в серого волка, оборачивается сизой птицей, течет быстрой речкой, не единой со всем миром сущности» [2, 25].

В большинстве вариантов она предстает перед героем в облике оленя с ветвистыми рогами и золотистой шкуре или лани.

А. Л. Баркова в статье, где она анализирует мифологический образ пишет: «перед нами отражение общеваразийского мифа об олене как посреднике между мирами. В мифологической структуре миро-

здания олень может означать не только средний мир, но также верхний и нижний. В европейской мифологии погоня за оленем приводит героя либо в сказочный мир, либо губит его. В азиатской мифологии самый яркий пример видим в «Рамаяне», где погоня за золотым оленем становится косвенной причиной переправы всех героев в потусторонний мир» [3].

Наш случай аналогичен — встреча с оленем косвенным образом стала причиной сначала женитьбы, а затем его путешествия в Страну Мертвых для того чтобы достать листья Аза дерева, а затем и смерти героя.

Но тут надо отметить, что в мировой мифологии различают подземного оленя и небесного — в данном случае речь идет уже не об олене, а о рогатой оленихе. Рога небесного оленя уподобляются солнечным лучам. Например, в эвенкийских сказаниях женщины-оленихи являются хозяйками солнечных лучей. В древнем и архаичном искусстве многих народов образ рогатой богини сливается с универсальным изображением женщины с поднятыми руками»

В сказании «*Хуры чызг Ацырухс амаэ Бораеты Сослан*» Солнце является не отцом, а матерью Ацырухс. В мифологии многих народов Солнце считается символом женского пола. Солнце считалось женщиной в древней Индии (богиня солнца Сурия, богиня восходящего солнца Ушас), а также ухеттов, грузин, тралийцев, малайзийцев, эскимосов и у некоторых русских, иранских племен, в монгольском и индийскому фольклоре говорится о девушке по имени Солнечный свет, прибалтийский фольклор богат песнями, в которых солнце представляется девушкой-невестой. Солнце представлялось в образе женщины на олене.

Наравне с оленем в мифологии кельтов и других народов важную роль играет лань. В родовом древе Чингисхана, например, праматерью является мать-олениха, лань, а праотцом — волк. Очень часто в эпосе дочь Солнца перевоплощается именно в это красивое животное (хъуаз) («Нарты Созырыхъо»). Олень в подсознании наших предков отображался в качестве солнечного божества, символа вечного возрождения из глубин первозданного небытия. Отождествление с солнцем естественным образом делало оленя тотемом многих первобытных народов, например, индо-ариев. М. Е. Килуновская пишет: «В индоевропейских языках существует единый корень в слове «олень». Самоназвание одного из скифских племен — «saka» соотносится в осетинском языке со словом «саг», в иранском «Saka», в персидском

«Sax» — [«сакс»], в бурятском «Sagaa», в русском «сохатый» и буквально значит «олень-самец» [4, 103]. Этот же автор отмечает и сугубо сакральную семантику понятия «олень» у индоевропейцев. Олень именуется не иначе как «золотой». К слову сказать, почти все народы и цивилизации древности с ярко выраженным солнечным культом (инки, египтяне, майя, арии) наделяли золото атрибутами солнечного божественного света. В нарттовском эпосе, в сказании «Сосланы балц Мæрдты бæстæм» читаем: «Лучи солнца падали на восемнадцатитигового оленя... олень же был такой, шерсть его была золотая». 18 здесь число не случайное, не произвольное. Именно 18 месяцев было в священном солнечном календаре майя.

В отдельных сказаниях дочь Солнца перевоплощается в черную лисицу. Этот образ весьма неоднозначен в осетинском фольклоре, мифологии. Подробно он рассмотрен Ш. Ф. Джикаевым [5], поэтому не будем на нем подробно останавливаться. Лишь заметим, что этот сюжет архаичен и возник в те мифологические времена, когда лису почитали как некое зооморфное божество.

Ш. Ф. Джикаев пишет, что, согласно мифам, все существующее во Вселенной взаимосвязано. В мифологических сюжетах часто взаимосвязаны отец и сын, мать и дочь; они заменяют друг друга, потому что у них одна природа, они обладают одними и теми же свойствами. Естественно, что у Бога-Солнца появились в мифах дети, и они обладают силой и свойствами своего родителя. Далее следователь отмечает, что для предков осетин Солнце было Богом. А если это так, то и его дочь — лань — тоже почитается как богиня [5, 31].

Но в эпосе наблюдаются и весьма противоречивые эпизоды. В сказаниях о смерти Сослана мы наблюдаем не почитание, а пренебрежительное отношение к Дочери Солнца — Сослан оскорбляет ее, унижает: Дочь Солнца, а в некоторых вариантах дочери Солнца купаются в молочном озере. Сослан проходит, а она его зазывает, говоря о том, что она дочь Солнца и сама спустилась к нему с неба, она напрашивается к нему в жены. На свое предложение она получает оскорбительный ответ: «Æз цадæ бадæг хуылыдз дзæргъмæ не здæхын» («Созырыхтойы мæлæт») В сказании «Нарти Сослан» мы читаем: «Дæу хузæн дзæгъæл будурти ка хæтуй, уæхæнттæ ку хонинæ, уæд афонмæ берæ æрхудтайнæ».

С чем связано подобное двойное отношение к дочери Солнца? Возможно, здесь имеет место более позднее социально-общественное наложение эпохи патриархата, когда считалось недопустимым, чтобы

женщина проявляла инициативу в плане выбора спутника жизни, что морально-нравственные устои того периода уже не позволяли женщине говорить о своих чувствах, не позволяли самой предлагать себя мужчине в качестве жены.

В.И. Абаев в работе «Нартовский эпос осетин» подчеркивал, что сочетание мифологического и исторического в эпосе закономерно и неизбежно. «Оно является следствием того, что народные певцы и сказители — создатели эпоса — располагают, с одной стороны, известным инвентарем традиционных мифологических, фольклорных мотивов; с другой стороны, они — дети своего века и своей национальной и социальной среды с ее конкретным историческим опытом, с ее конкретным историческим опытом, с ее конкретными событиями, конфликтами, бытовыми и психологическими реалиями» [6, 80]. Народный эпос по утверждению ученого — это «открытая система, способная к адаптации и абсорбции элементов той исторической действительности, в которой она бытует в данный момент».

Рассматриваемые нами сюжеты имеют параллели в Даредзановских сказаниях. Ю. Дзиццойты соотносит образ Ацырухс с образом даредзановской богини Дал, которая в облике оленя (а превращалась она в оленя, косулю или птицу) заманила охотника в пещеру, где она превратилась в девушку неописанной красоты [7, 65-72].

В работе Ж. Дюмезиль мы находим сведения о том, что «Сюжет о женитьбе Сослана на Ацырухс имеет точную аналогию в древнеиндийском эпосе, где герой Самварана подобно Сослану был завлечен дочерью Солнца Тапати в труднодоступную местность, а дело закончилось их женитьбой».

Дюмезиль отметил, что между осетинским и древнеиндийским сказаниями существует не только сюжетное тождество, но и совпадение в функциях основных персонажей [8, 98-116]. Этот мотив имеет параллели и в персидском фольклоре, близкий сюжет есть и в адыгской сказке.

Общепартовским является и мотив светящейся руки Ацырухс. Ж. Дюмезиль отмечал, что образ Ацырухс заимствованный черкесами и абхазцами у осетин претерпел некоторые изменения. Она уже не называется дочерью Солнца. Она просто девушка со светящейся рукой [87, 117].

В адыгских версиях Нартиады героиню со светящейся рукой зовут Адиюх, у абхазцев она — сестра айргов Гунда. В.И. Абаев считал этот мотив абхазо-адыгским, но он встречается и у осетин, и у балкарцев.

Красота излучает свет. Поэтому излучение света становится постоянным атрибутом описания не только Ацырухс, но и других нартовских красавиц. Все они не только сравниваются с солнцем, но они подобно солнцу освещают все вокруг себя. «Сравнение красоты с солнцем и луной старо как мир. Но благодаря емкости и яркости образа это сравнение пережило века, и мы встретим его не только в фольклоре самых разных народов, но и в письменной литературе самых поздних периодов вплоть до наших дней [9, 132]».

Примечания

1. Гуриев Т. А. Геродотова Гестия/Табити и Сафа в осетинской нартиаде // Эпический текст: проблемы и перспективы изучения: Материалы Международной научной конференции. Пятигорск, 2006.
2. Тахо-Годи А. А. Греческая мифология.: Искусство, 1989.
3. Баркова А. Л. Роль оленя в мифологическом универсуме // <http://mith.ru/alb/mith/>
4. Килуновская М. Е. Интерпретация образа оленя в скифо-сибирском искусстве // Скифо-сибирский мир, искусство и идеология М.: Наука, 1987.
5. Джикаев Ш. Ф. Древний быт и мировоззрение осетинского народа: Миф. Фольклор. Обычай. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010.
6. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин. Цхинвал: Иристон, 1982.
7. Дзиццойты Ю. А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003.
8. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1996.
9. Абаева З. В. Этюды по нарттовскому эпосу. Цхинвал: Иристон, 1978.

**Н. Е. КОВЫЛЯЕВА,
аспирант КБГУ, г. Нальчик**

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Термин «языковая личность» был впервые употреблен в 1930 году академиком В. Виноградовым. Однако детально проблема языковой личности была рассмотрена лишь в 1987 году, когда вышла в свет книга Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность». Определение, данное ученым, стало классическим. Итак, языковая личность, по Ю. Н. Караулову, — это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [1, 3]. Как отмечает Е. Я. Шмелева, языковой личностью можно назвать «индивидуума и автора текстов со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками» [2, 804]. Действительно, нельзя не заметить: каждый человек обладает своими индивидуальными (как физическими, так и психическими) особенностями, что не может не отразиться на способе построения и репрезентации им мысли. Такие авторские особенности позволяют говорить о сформировавшемся стиле языковой личности (т.е. любого человека, кто создает «речевые произведения»), по этим особенностям языковая личность и становится узнаваемой.

Говоря же в целом о языковой личности, например, ученого, человека, который занимается наукой (языковая личность — это также некое общее понятие, «совокупный или усредненный носитель данного языка», «типовой представитель данной языковой общности» [2, 805]), в первую очередь, следует отметить такие качества создаваемых ею текстов, как сухость, отсутствие эпитетов и метафор, одноз-

начность. Данные правила поведения для языковой личности регламентированы стандартами написания научных текстов, и эти стандарты утверждены глубоко в сознании носителей языка, что видно из социологического опроса:

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ (его характерные особенности, по мнению респондента)	ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ (его особенности)
правильный — 25%	красочный — 20%
сухой — 23%	интересный — 19%
неинтересный — 18%	живой — 18%
сложный — 17%	понятный — 16%
скучный — 10%	увлекательный — 16%
лаконичный — 7%	жизненный — 11%
Всего опрошенных — 54 человека (возраст от 17 до 60 лет)	

Такими особенностями характеризуется научный стиль, причем все опрошенные считают, что по-другому не может быть, и никакое из определений, присущих художественному тексту, не станет характерным для научного. Действительно, если рассмотреть подобный текст, увидим, что он сух, точен и ставит языковую личность в очень тесные жанровые рамки. Например:

1. Выдержка (англ. *retention*, нем. *Haltung, Stellung*) — вторая фраза, или средняя часть, артикуляции звука, во время которой органы установлены именно для данной артикуляции, т.е. промежуток между приступом (экскурсией) и отступом (рекурсией) [3, 89].

2. Назализация (франц. *nasal* — носовой) — артикуляция звуков речи (главным образом гласных), заключающаяся в опускании нёбной занавески и одновременном выходе воздушной струи через рот и нос [4, 320].

3. Ареал (от лат. *area* — площадь) — часть земной поверхности (территории или акватории), в пределах которой распространен и проходит полный цикл своего развития данный таксон [5, 35].

Как видим из таблицы, нет ни экспрессивных средств, ни самой экспрессии, текст выверен и не допускает каких-либо включений — этого требует унифицированный стандарт научного дискурса. И именно данный дискурс накладывает на языковую личность такие строгие ограничения, каких, естественно, нет ни в художественном стиле, ни в разговорной речи.

Однако, несмотря на строгие правила и запреты, языковая личность стремится реализовать себя, раскрыть свой творческий потен-

циал, обратить внимание на то, о чем повествуется, заинтересовать читателя и привлечь его к работе. Чтобы добиться этого, нужно использовать нетривиальные способы, т.е. выходить за рамки конвенций и правил. Так, например, читая работы всемирно известного филолога Ю.Е. Прохорова, не сразу можно догадаться, что имеешь дело с научным стилем, — настолько необычно и нестандартно ученый репрезентирует свои мысли. Он творит в рамках именно научного стиля, но его языковая личность не подчиняется существующим предписаниям и создает свое бытийно-текстовое пространство:

1. Не будем начинать *ab ovo!* Это не диссертационное исследование, где главная цель — не обидеть предшественников, один из которых может оказаться оппонентом [6, 9].

2. Так что автор также смело может позволять себе использовать в работе некоторые подозрительно русские слова типа «дискурс», «вербальный» и, извините, «когнитивность»... Ну не может он устоять перед желанием прислониться к высокому, пусть и в мокроступах!.. [6, 4].

3. Если кто-то хочет уточнить эту классификацию или поспорить с ней — к авторам; но аккуратнее, они — доктора филологических наук... [6, 5].

4. Если внимательно рассмотреть хотя бы основные определения и текста, и дискурса, а к ним еще добавить и описание точек зрения на их взаимосвязь, то на собственную точку зрения не останется или сил, или полиграфических мощностей [6, 10].

5. Среди концептов есть еще и константы, а сам он может состоять из лингвокультурем... И все это вместе может помещаться куда-то «в район» ментальности... Очевидно, там ему и место, так как понятие ментальности — еще более расплывчатое, вплотную приближающееся к истории мидян, которая, как известно из классики, «была темна и непонятна...» [7, 9].

Тексты насыщены экспрессией, полны сарказма, иронии, языковой игры (нарушение дискурса научного стиля изложения внедрением сарказма и нескрываемой иронии также является языковой игрой), которые практически не встречаются в текстах научной литературы. Языковая игра (ЯИ) выглядит совершенно необычной в контексте научного изложения, т.к. ее важные функции — развлечение, снижение серьезности — являются более характерным для художественного или разговорного стилей. Но таков автор, такова данная языковая личность, такова ее установка, которая реализует-

ся за счет определенным образом подобранных языковых средств. Мы видим, что цель и мотив, интенция автора (прагматический уровень), формируясь в более или менее упорядоченную «картину» (когнитивный уровень), в итоге выражаются языковыми знаками, имеющими определенное значение (вербально-семантический уровень). Так полностью реализует себя языковая личность (трехчастная, по мысли Ю. Н. Караулова), причем прагматическая ее составляющая выходит на первый план, т.е. доминирующее положение занимает намерение языковой личности проявить себя как можно ярче (насколько позволяют границы повествования). Именно через желание выявить собственное «я», через интенцию привлечения читателя к работе языковая личность ученого и выбирает конкретные вербально-семантические единицы, т.е. выстраивает текст, сообразный прагматическим целям и задачам. Таким образом, мы видим, что прагматический уровень влияет на когнитивный, а также вербально-семантический, ведь именно определенная цель, мотив, интенция диктуют языковой личности, какие средства использовать для достижения максимального воздействия на читателя, для раскрытия всех глубинных смыслов.

Упомянутая выше языковая личность (Ю. Е. Прохоров) весьма нетривиальна, как видно из рассмотренных примеров, она использует такие языковые средства, которые не соответствуют строгим стандартам. Неординарная языковая личность выбирает неординарные же способы репрезентации своей мысли, в числе прочих и ЯИ.

Говоря о неординарных языковых личностях (в рамках научного дискурса), нельзя не упомянуть С. Г. Тер-Минасову, автора многочисленных пособий, ученого, внесшего огромный вклад в изучение взаимосвязи языка и культуры. Данная языковая личность расширяет рамки строгого научного стиля, внося элементы, не присущие ему как по лексике, так и по стилистике. Она, подобно Ю. Е. Прохорову, нередко органично вплетает в ткань повествования и ЯИ, а это, в свою очередь, помогает раскрыть авторские намерения и семантику наиболее объемно:

1. Эта глава предназначена студентам и всем желающим. Все нежелающие могут ее пропустить [8, 12].
2. И в 1917 году с красным флагом прямо в точку попали с точки зрения культуры [8, 23].
3. Он решил все проблемы, у него все о'кей... [8, 35].
4. Языковые ошибки прощаются главным образом иностранцам,

ошибки культурные не прощаются никому, особенно иностранцам [8, 43].

5. В это самое, тоже рекордно короткое, мгновение жаркого мира после «холодной войны...» [8, 56].

Как видим, намерения языковой личности (привлечение к материалу, репрезентация собственного «я») полностью реализуются благодаря особым языковым единицам. Использовать (или не использовать) те или иные лексические, синтаксические, стилистические средства — это выбор каждой конкретной языковой личности, и именно ее цели, намерения, ее концептуальная картина мира в конечном итоге определяют, каким будет текст и какие средства будут в нем использованы для достижения максимального прагматического эффекта.

Примечания

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1989.
2. Шмелева Е. Я. Культура русской речи / Под ред. Л. Ю. Иванова. М., 2003.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
4. Грязнова Н. А. Лингвистический энциклопедический словарь // Гл. редактор В. Н. Ярцева. М., 1990.
5. Гиляров М. С. Биологический энциклопедический словарь. М., 1986.
6. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2006.
7. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М., 2008.
8. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М., 2008.

М. В. ДАРЧИЕВА
к.ф.н., н.с. СОИГСИ

ТИПОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (на материале ираноязычного и тюркоязычного эпосов)

Типология концептов — один из первых теоретических вопросов, поставленный когнитивной лингвистикой в процессе её становления. Проблема классификации концептов выступала наравне с поиском определения концепта, его ментальной специфики. Со временем учёные пришли к выводу, что типология концептов возможна и необходима в силу того, что различаются типы знания, представляемые концептами.

В данной работе для нас особый интерес представляют национальные концепты.

Как отмечает С.Г. Воркачёв, концепт является «концептом» в силу того, что не находит «однословных эквивалентов при переводе на другие языки и не соответствует содержанию своей производящей основы» [1]. Национальные же концепты — это своего рода ментальные сущности, отражающие «дух народа», что и определяет их антропоцентричность — ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителя этнического сознания. Для наглядности мы не исключаем из состава рассматриваемых концептов образную составляющую.

Жанровую сущность эпоса верно определил ещё Г.В. Ф. Гегель. По мнению философа, эпос «... получает в качестве своего объекта совершение действия, которое должно предстать созерцанию как многообразное событие во всей широте своих обстоятельств и отношений и во взаимосвязи с целостным внутри себя миром нации и эпохи. Поэтому содержание и форму эпического в собственном смысле слова составляют мирозозерцание и объективность духа народа во всей их полноте: представленные в их объективируемом облике как реальное событие» [2, 426]. Мы разделяем точку зрения В. М. Га-

цака, который считает, что «эпос — это повествование об этносе и его бытии в мире» [3, 38].

Среди национальных концептов, представленных в эпосах, для нас особый интерес представляют следующие.

Концепты-образы, обозначения пространства в сопоставляемых эпосах *Нарты Бæстæ* — *Ченлибель*

Нарты Бæстæ — мифологическая страна Нартов, представленная тремя селениями, посреди которых был сад Бора с плодоносящей золотой яблоней — ярким символом мирового древа. Картина сказочного сада примечательна тем, что для древнего сознания образ сада представлялся огражденным, укрытым от бедствий, упорядоченным, дружелюбным человеку пространством. Согласно В. А. Цагараеву, трудно отделаться от впечатления, что структура нартовского сада напоминает собой древнеиранскую квадратную вару (защищенное от Хаоса пространство), центром которой в отличие от круглого древнеиранского очага, выступает круг волшебной яблони [4, 28].

Заур Гасанов объясняет семантику топонима «Ченлибель» следующим образом: «...спорное разграничение, спорная граница, спорный перекоп, спорный водораздел, спорный ров», отдавая предпочтение версиям «спорная граница» и «спорный ров» на основании их соответствия оборонительному сооружению. Учёный приходит к выводу, что топоним Ченлибель означает: «спорная территория на туманных склонах горы, которая была помечена, разделена, загорожена, прокопана широким рвом, залита водой и стала божественной» [5, 368]. Как видим, для концептов обозначения пространства основными чертами здесь являются *защищенность* и *божественность*.

Концепт-образ *богатыря* в нартовском эпосе представлен номинациями *нæртон*, (*нæртон*) *лæг*, *нарт*, *æхсарджын*, *сиахъ* и др. В. И. Абаев приводит наиболее употребительный образ великолепного витязя из нартовских сказаний: «Приближается чудный всадник, от него исходит сияние солнца и луны, перед ним клубится туман, над ним кружатся вороны, за ним тянется глубокая борозда» — «сияние солнца — это блеск его шлема, сияние луны — блеск рукояти меча, туман перед ним — это пар из ноздрей коня, вороны, которые над ним кружатся, — это комья земли, вылетающие из-под копыт, глубокая борозда — это царапина от кончика меча» [6, 235].

В эпосе «Кёроглу» чаще всего встречаем следующие номинации — *игид*, *пехлеван* (богатырь): «...стоит перед ним такой пехлеван, такой богатырь, что не каждый решится заглянуть ему в глаза. Рост, осанка,

плечи, руки. Чёрные усы торчат, словно рога у быка, так и говорят — заколю, заколю! Глаза соколиные так и горят, так и играют. А у пояса такой меч, что не приведи аллах!» [7, 317]. Или описание Эй-ваза: «Арабат под ним пляшет, в руках у юноши египетский меч, на руке сокол... Словно вслед врагу он мчится, как стрела из лука летит, точно птица в воздухе парит На шапке у него журавлиное перо, — ну просто сын кесаря, украсивший голову золотом и драгоценными камнями» [7, 317]. Следует заметить, что в эпосе много наименований сословно-иерархического характера: *сэдр-эзам, ашыг, сардар, визирь, паша, хан, султан, бек*.

Конь нарта Уырызмага *Æрфæн* — конь Кёроглы *Гырат*

В нарттовском эпосе, «как и в сказаниях других народов («Манас», «Кёр-Оглы» и др.), — правомерно считает С. Ш. Аутлева, — огромную роль играет конь героя, который, как правило, рождается в один день с героем и умирает вместе с ним. Ни один из нарттов не добивается победы без помощи коня. Сказочный конь у нарттов — это верный кудесник, умный советчик, добрый помощник и преданный друг» [8, 458]. В сюжете о рождении Сатаны, после пребывания в склепе её матери Дзерассы небесного покровителя Уастырджы, его коня и пса, находят вместе с новорожденной девочкой жеребца и щенка. Жеребца забрал себе нарт *Уырызмаг* и дал ему имя *Æрфæн*. Согласно сказаниям, *Æрфæн* считается родоначальником коней на земле. В тяжелых походах *Æрфæн* — опора для своего хозяина, в трудных делах — хороший советчик, в битве — боевой товарищ. *Æрфæн* говорит по-человечески, знает переходы между мирами, летает как птица, он сильный и выносливый. Млечный путь у осетин зовется *Æрфæны фæд* — след Арфана.

Наиболее ярко данный концепт раскрывается в дастане «Похищение Гырата Хамзой». Богатырь и его конь — единое целое: «Кто хочет погубить Кёроглу, должен лишить его этого коня!» — решают враги [7, 315]. Сам Кёроглу знает: «Скакун — игиду брат» [7, 325]. О Гырате проявляют особую заботу, для Кёроглы он бесценен:

Постой, я Гырату сейчас тебе цену скажу:
За семьдесят тысяч бойцов, за добро — не отдай!
За семьдесят тысяч серебрярунных отар,
За семьдесят тысяч, за серебро — не отдай!
За семьдесят тысяч коней, табунов, скакунов,
За семьдесят тысяч даней со всех краев,
За семьдесят тысяч сох, и быков, и плугов,

Отточенных, в солнце горящих остро, — не отдай! [7, 324-325].

Моя опора Гырат.

Без него — и жизни не рад [7, 323].

Мой конь, ты скачешь, прыгаешь, летишь.

Остры и чутки уши, как камыш.

Ты — непродан, ты, как солнце, рыж.

С горящим глазом, мой Гырат, приходи! [7, 342].

В другом дастане, когда сын Кёроглы Эйваз с двумя удальцами оказались в плену, конь притворился хромым, опустил уши, поджал хвост и прикрыл один глаз. Паша решил, что это конь слуги и отдал сторожу заповедника.

В сказании «Как нарт Созырыко пошел на охоту» встречается покрытый паршой жеребёнок, принадлежащий кумскому мужу, который отправляет на нём своего младшего сына проводить Созырыко. С виду непримечательный жеребёнок «проходит лесной чащей, грудью сваливая огромные деревья», а юноша-седок объясняет Созырыко, если пойдут они более редким лесом, «тогда он слишком опередит [твоего коня], и твой [конь] даже ветра его не догонит» [9, 104].

Необыкновенный конь другого нарта Тотраза возвращен подземными духами, и чтобы одолеть Тотраза, Сослан по совету Сатаны прибегает к хитрости — облачается в волчью шубу, а на своего коня вешает колокольчики.

Ещё один интересный концепт в эпосах — *меч*. В осетинском народном эпосе он связан, прежде всего, с образом нарта Батраза. В. И. Абаев развивает идеи Ж. Дюмезиля о чертах грозного божества в образе Батраза. Жоэль Грисвар, также опираясь на исследования Ж. Дюмезиля, приходит к выводу, что Батраз — «стальной герой от рождения или вследствие работы небесного кузнеца, одновременно и герой, и оружие — мог быть богом-мечом» [10]. О значительной роли меча говорит и следующий факт: у нартов был обычай молиться с остриём кинжала [9, 51].

В туркменской версии Кёроглу, вождь народного восстания, «сын слепца», получает с неба священный меч, который называется мисри, т.е. медный. В азербайджанских дастанах наравне с номинацией «меч» употребительна номинация «египетский меч». Меч неразрывно связан с образом игида: «...руках у юноши *египетский меч*» [7, 317].

Концепт *меч* употребляется при описании боевых действий, при рассказах одних героев о подвигах других и о своих:

Скорей, скорей проснитесь, удальцы.

Эйваз мой схвачен, он в руках врага.

Пусть кровью обгаются *мечи*... [7, 295].

Коль *меч* опущу — упадут во мглу:

Тело — с одой стороны, голова — с другой! [7, 299].

Таким образом, при любом понимании концепт как операционная единица мысли — это способ и результат квантификации и категоризации знания, он не только описывает свой объект, но и создает его. Остаётся заметить, что концептосфера данных эпосов не ограничивается рассмотренным кругом концептов.

Примечания

1. Воркачёв С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. С. 5-12. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://kubstu.ru/docs/lingvoconcept/umbrella.htm>. Дата обращения — 31.08.2010 г.

2. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В четырех томах. Т. 3. М.: Искусство, 1971.

3. Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989.

4. Цагараев В. А. Золотая яблоня нартов: История, мифология, искусство, семантика. Владикавказ, 2000. 300 с.

5. Гасанов Заур. Царские скифы. Этноязыковая идентификация царских скифов» и древних огузов. New York: Liberty. Publishing House, 2000. 486 pp.

6. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. 640 с.

7. Кёроглу // Народная поэзия Азербайджана. Л.: Советский писатель, 1978. С. 287-350.

8. Аутлева С. Ш. Сходное и различное в сказаниях о нартах и историко-героических песнях адыгских народов // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 456-468.

9. Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. 492 с.

10. Жоэль Грисвар. Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батраза. Электронный ресурс. Режим доступа: http://biblio.darial-online.ru/text/Grisvar/index_rus.shtml. Дата обращения — 02.08.2010 г.

**М. И. ХАЖБИКАРОВА,
соискатель СОИГСИ**

**ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ КАК ИДЕЙНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОМПОНЕНТ В ИСТОРИЧЕСКОМ
РОМАНЕ С.-Б. АРСАНОВА
«КОГДА ПОЗНАЕТСЯ ДРУЖБА»**

Становление любой национальной литературы тесно связано с развитием ее жанрового содержания и прежде всего выражается именно в жанровом разнообразии [1, 42]. Так, преждевременно было бы говорить о полном развитии той или иной литературы до того, как создан прецедент в жанре романа, ибо эпический роман — это, с точки зрения исторической поэтики, — высший литературный жанр: наиболее сложный, идейно и художественно емкий и эстетически выразительный.

Тем более это относится к историческому роману: это явление значительное не только в контексте творческой биографии того или иного автора, не только в литературном процессе, но и в национальной истории в строгом смысле этого слова. Исторический роман можно считать органом национальной самоидентификации всего народа, исторического и литературного самосознания. Законы диалектики и литературного процесса не допускают того, чтобы писатель создал художественно-исторический роман прежде, чем его народ поднимется до поэтического осознания своих корней, своих задач, своей судьбы и своих идеалов. Поскольку сам писатель есть явление или «продукт» этнической культуры, он есть плоть и кровь своего народа.

Роман С. Б. Арсанова «Когда познается дружба», как первый роман в чеченской литературе, ознаменовал собой момент достижения литературой идейной и эстетической зрелости. Этим, в первую очередь, определяется место и значение данного романа в истории чеченской литературы.

Однако это очевидное положение актуализирует важный вопрос, относящийся к судьбе устного народного творчества в условиях

письменной культуры, письменной литературной традиции. Казалось бы, раз и навсегда утвердившаяся письменная традиция должна упразднить фольклор как насущно необходимый концепт культуры, но, на поверку, это вовсе не так. Более того, опыт показывает, что, чем значительней произведение индивидуального профессионального художественного творчества, тем более важное место занимает в нем аутентичный текст устного народного творчества.

В наибольшей степени это относится к горским литературам Северного Кавказа как к *младописьменным* литературам. Младописьменность в известном смысле гарантирует сохранность фольклора: здесь его активно собирали, исследовали, классифицировали, публиковали в самых разных изданиях и периодической печати. Кроме того, первые горские писатели и поэты активно использовали фольклор в художественном творчестве.

Исторический роман немыслим без фольклорного текста как жанрового идейно-художественного концепта. Именно через текст устной народной поэзии оживает в эпосе образ народа в самом широком и филологически актуальном смысле этого понятия. Достаточно вспомнить такие романы, как «Навстречу жизни» осетинской писательницы Езетхан Уруймаговой, «Из тьмы веков» ингушского писателя Идриса Базоркина и ряд других эпических произведений северокавказских авторов.

Роман С.-Б. Арсанова «Когда познается дружба» представляет собой в этом отношении типичное и в то же время яркое, самобытное явление. В целом, для романа «Когда познается дружба» характерно эпическое повествование, построенное на основе реалистического рассказа с ограниченным включением фольклорных песенно-эпических и лирических мотивов, которые не нарушают реалистического восприятия описываемых событий» [2, 33].

Что стоит за этой квалификацией, даже при том, что здесь сказано об «ограниченном включении» в текст мотивов устного народного творчества? Если попытаться умозрительно «вынуть» из этого произведения его фольклорную составляющую, то он перестанет существовать как роман, как художественный текст — настолько сюжеты, герои, сам язык устного народного предания и песни укоренены в ткани романной панорамы и эпического повествования.

Профессиональная литература вышла из народной поэзии, но, естественно, каждый писатель по-своему использует устное народное творчество в своих произведениях, — соответственно собственным

художественным целям и идейным задачам. В данном случае можно констатировать тот факт, что фольклорный текст используется прежде всего для придания особой, — лирико-драматической, окраски положительным и отрицательным событиям, героям. То есть, в значительной степени он представляет собой одно из важнейших средств художественной типизации в романе «Когда познается дружба».

Фольклорный текст, его идейно-композиционное соотношение с тем или иным героем есть своего рода знаменатель и важнейший критерий оценки персонажа. Так, например, певцу-сказителю Джабраилу характерны черты мудрого, выносливого и терпеливого человека. Редко без него проходят танцы, скачки, где он исполняет народные песни и сказания, причем, исполняет их соответственно возникающей в повествовании Арсанова сюжетной и смысловой ситуации, как, скажем, «Песнь о Турпале»: текст старинной героической песни вскрывает ситуативный подтекст и объясняет дальнейшее поведение героев.

Слушая народные песни в исполнении Джабраила, его добрые (именно положительные в идейно-эмоциональной авторской оценке) друзья и соплеменники острее чувствуют свою кровную связь с народом и родной землей, с почившими доблестными предками. Героические деяния, описанные в народных преданиях, вдохновляют их на подвиг, на самоотверженные, благородные, красивые поступки. «Зазвенел пондар. Товарищи тесным кольцом обступили Джабраила и подхватили за ним скорбную песнь о храбром наезднике, погибшем в бою.

И-и-и... Я-ля ляй-и-и....
 Белый ястреб добычу догнал в небесах
 И живую терзает, и рвет, и клюет
 Переправился смелый наездник Турпал
 Через Терек бурливый на землю врагов
 И угнал он табун чистокровных коней,
 Тех, что раньше у них же враги увели.
 Вдруг погоня за ним: вражье войско спешит,
 Впереди на коне скачет князь Кагерман.
 И друзьям своим молвил бесстрашный Турпал:
 — То не туча, гонимая ветром летит —
 То в погоню за нами помчались враги, —
 Как голодные барсы мы вцепимся в них!
 — Кто ваш князь? — подскавав, их спросил Кагерман.
 — Что изменнику надо от нас? — был ответ... [3, 26].

«Велика сила песни народной! — замечает, прерывая песню Джабраила, автор романа. — Юношам казалось, что они сами участвуют в этом кровавом бою: никто из них не окажется трусом или предателем! Все умрут друг за друга!...» [3, 26].

То же относится к народной лирической песне, выражающей душевные переживания героя (героини-горянки), и далекой от героики. Так, например, во время очередных скачек молодая девушка, которая очень нравилась главному герою Арсби, «взяла гармонь, еще раз взглянула на Арсби и нежно-нежно запела:

Сшиты мной в часы ненастья
И черкеска и бешмет.
Их носи, герой, на счастье —
Лучшей доли в свете нет» [3, 53].

То есть, очень важно заметить, что композиционно фольклорный текст в романе зачастую возникает как бы сам собой, а не по произволу автора. Наблюдая за поведением молодых людей, являющихся главными действующими лицами романа, мы видим, что в большинстве случаев народно-песенные цитаты и аллюзии возникают и создаются в конфликтных столкновениях или диалогических сценах, в речи самих персонажей. Прежде всего это касается *пословиц, поговорок, загадок* и т.д.:

«— И-и-и... Подальше от чужой милости: нехорошо, когда нуждаешься в лекарстве, еще хуже, когда нуждаешься в чужой милости. Правда, Джо? — «Правда, — кивнул тот головой. — В чужом теле стрела как в дереве: не больно» [3,23].

При всем разнообразии используемых в романе фольклорных жанров и выполняемых в нем идейно-композиционных функций фольклорного текста следует подчеркнуть, что у Арсанова мы обнаруживаем чаще скорбные и героические мотивы фольклора, нежели праздничные, мажорные. Этим автор указывает на специфику национальной истории и, отчасти, на особенность народной психологии и эстетики. В самом деле, в чеченском народном творчестве скорбная песня несколько «опережает» веселую, драма и трагедия преобладают в фольклоре над праздничной песней. Это объясняется тем, что скорбь оставляет в сердце народа более глубокий след, нежели радость, и чеченский народ всегда был более склонен описывать жизнь мужественных и героических мужчин, свободно идущих на бой с врагом. Безусловно, в описываемых *илли, притче, были* кто — то должен быть героем, а кто — то антигероем.

Вчитываясь в произведение С.-Б. Арсанова, вникая в его текст, становясь наблюдателем событий и переживая за его героев, мы тем самым приближаемся и чеченскому фольклору. Безусловно, в романе неисчерпаемое количество интересных, захватывающих моментов, так или иначе связанных с народным творчеством и относящихся к нему путем специальных реминисценций.

Арсанову как писателю присуще самое тонкое, внимательно-бережное и творческое отношение к текстам устного народного творчества. Если помнить о том, что фольклор — это едва ли не душа народа, то, очевидно, в «пристрастии» и верности народному творчеству выражается гуманизм автора романа «Когда познается дружба». Не в последнюю очередь благодаря фольклору автор передает читателю все самое сокровенное и красивое, которое может быть в душе человека.

Если же говорить о литературных традициях, которым следовал автор, то они являются общими для большинства деятелей литературы братских народов нашей страны и тесно связаны с категориями демократизма и народности. Ибо «фольклор — искусство подлинно самодеятельное, существующее прежде всего для самих его творцов и исполнителей, для самих масс» [4,269] Именно использование богатств устного народного творчества, в данном случае — чеченского и ингушского народов. «Эпичность народных героических песен, неповторимые национальные мотивы, черты и качества, запечатленные с такой большой силой в фольклорных произведениях, помогли ему в реализации творческого замысла» [5, 111-123].

Мы знаем, что Арсанов жил за пределами своей малой родины, когда писал роман «Когда познается дружба», и, тем не менее, очевидно, что автору совершенно чужда тенденциозная идеализация и эстетизация национальной истории. Роман Арсанова есть образец реалистического мировоззрения и искусства.

Кроме того, надо специально указать на *интернациональный* аспект рассматриваемой здесь проблемы. В романе мы обнаруживаем не только человеческую, но и писательскую этику автора: среди героев романа мы встречаем представителей самых разных народов — русских, ингушей, осетин и других. Арсанов не только не обходит фольклор дружественных народов, но даже ставит его в самом начале романа (казачья песня «За Аргуном за рекой» [3, 11]).

Особую ценность представляет для нас одно лирическое отступление в романе Арсанова, в котором автор дает удивительно точ-

ную характеристику устного народного предания и народной песни, а также указывает на творческие алгоритмы, которым должен подчиняться не только художник, но и филолог-исследователь (им мы и завершим данное исследование): «Трудно рождается песня, нелегко ощутить ее в своей душе, для новой песни нужны новые слова, подсказанные сердцем. А эти слова не падают на язык с неба и не рождаются ни с того ни с сего. Они рассеяны всюду в мире и рассеяны по-разному. Красиво и уродливо, правдиво и обманчиво. Их надо искать, отбирать и собирать, как пчела собирает мед на цветах» [3, 50].

Примечания

1. Хугаев И. С. Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Владикавказ, 2010.
2. Мунаев И. Б. Песенно-эпические и лирические мотивы в романе С.-Б. Арсанова «Когда познается дружба». Грозный, 1986.
3. Арсанов С.-Б. Когда познается дружба. Грозный, 1979.
4. Гусев В. Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967.
5. Корзун В. Б. С.-А. Арсанов. Грозный, 1963.

**Е. Б. ДЗАПАРОВА,
к.ф.н., н.с. СОИГСИ**

**ОСЕТИНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ОЧЕРКА
К. Л. ХЕТАГУРОВА «ОСОБА»: К ПРОБЛЕМЕ
АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ**

В осетинской литературе «Особа» К. Л. Хетагурова занимает особое место. Очерк писателя, опубликованный им в 1902 году в журнале «Кавказский вестник»^{**}, дает большой этнографический материал по быту осетинского народа. Произведение переиздавалось неоднократно. В 1939 году в Южной Осетии этнографический очерк К. Хетагурова вышел с небольшими изменениями под названием «Быт горных осетин» [1]. Об этом пишет Ю. Дзицойты: «В советское время в Южной Осетии было наложено табу на всякие упоминания об этом (о грузино-осетинском конфликте. — Д. Е.). Показательно, что даже этнографический очерк К. Хетагурова (1859-1906 гг.), озаглавленный автором словом «Особа», и переизданный после его смерти в Южной Осетии, по воле издателей был переименован в «Быт горных осетин» (Сталинири, 1939 г.)» [2]. Издатель убрал из текста мельчайшие упоминания о периоде в истории осетинского народа, именуемом грузинским словом «особа» («осетинщина»).

На осетинский язык очерк переводился Г. Джатиевым (1936) [3] и Н. Доевым (1956) [4, 199-251]. Каждый из них в ходе работы руководствовался своими индивидуальными принципами перевода, своим умением находить адекватные варианты переводимым единицам и, наконец, своим виденьем оригинала. Прежде чем говорить о качестве двух переводов, необходимо сравнить их с исходным текстом, оценить адекватную передачу переводчиками особенностей подлинника. Значительно облегчил задачу переводчиков сам автор. В оригинале К. Хетагуров большинство осетинских реалий дает в их исконном написании. Вопрос об адекватной передаче слов

^{*} Впервые очерк К. Л. Хетагурова «Особа» в недоработанном варианте опубликован в 1894 году в газете «Северный Кавказ».

с ярко выраженной национальной спецификой важен, но качество полученных в результате перевода текстов приходится судить и по другим критериям.

Художественный перевод очерка ставит перед переводчиком определенные трудности. Отличительным признаком очерка от других литературных жанров — писание с натуры, писание от первого лица. В очерке, как правило, меньше вымысла, фантазии. Язык произведения включает элементы публицистического и научного стиля, что тоже ограничивает переводческие возможности. Облегчает работу переводчиков отсутствие необходимости в очерке в образной форме показывать развитие действия. Очерк чаще всего посвящен фактам, событиям, очерченным самой жизнью.

Во вводной части очерка «Особа» автор обосновывает острую необходимость объективного и всестороннего изучения прошлого своего народа. К. Хетагуров берет на себя миссию изложения сурового горского быта. На примере одной осетинской общины автор попытался показать типическую картину жизни горцев в патриархально-феодальной Осетии.

Следует отметить передачу переводчиками на осетинский язык слова «особа». Как отмечает сам автор, «особа» по словопроизводству грузинского происхождения и означает «осетинщина». Осетинские переводчики хетагуровского текста каждый по-своему передал это выражение. Г. Джатиев переводит как «ирондзинад» и в скобках дает его русский вариант — «осетинщина». Н. Доев не стал, подобно Джатиеву, калькировать исходное слово, а передает его значение как «иры заман».

Тематически «Особа» разделен на части, каждая из которых раскрывает определенные стороны патриархального быта горцев. Так, К. Хетагуров показывает социальное положение осетин, дает богатый этнографический материал о культурной, общественной, семейной, правовой жизни горцев. Главы имеют соответствующие названия: Нарская котловина; Поселения; Сословная рознь; Стыр мыггаг; Фарсаг; Кавдасард; Алхад, саулаг или цагъайраг; Жилище и утварь; Одежда; Пища; Хозяйство; Покос и доставка сена; Детство; Ирад (калым); Жених и невеста; Свадьба; Семейная и общественная жизнь; Поверия; Отношение к больному; Похороны; Обычное право; Примирение кровников. Повествование в очерке плавно переходит из одной части в другую.

Переводчики очерка К.Л. Хетагурова сохранили форму исход-

ного текста. Все части «Особа» отражены в осетинских переводах в установленном автором порядке.

Топографические и почвенные особенности Нарской котловины, военно-торговые отношения ее жителей с соседними народами, описанные К. Л. Хетагуровым в первой части очерка, отражены в переводах Г. Джатиева и Н. Доева. Поселения (у Г. Джатиева — «*цæрæн бынæттæ*», у Н. Доева — «*хъæутæ*») нарцев отличались своими своеобразными постройками: «*Каменные постройки в один и несколько этажей с плоскими крышами, живописно гнездящиеся на скалистой или амфитеатром сгруппированные на гребне утеса, образуют в Нарской котловине то множество мелких поселений, которое составляет выдающуюся особенность горной Осетии...*» [5, 231]. Особенности построения жилища в нарском обществе мы увидим и в переводных текстах. И Джатиев, и Доев старались воспроизвести все сюжетные линии отрывка. Перевод Джатиевым указанного абзаца близок не только содержательно. В некоторых местах он буквально воспроизводит форму подлинника: «*Иу æмæ цалдæр уæладзыг дурын хæдзæрттæ тъæпæнсæр уæлхæдзæрттæ цъиуахстæттау аив кæсыныц иу иннæуыл ныхæстæй къæдзæхы айнагæй, кæнæ амфитеатрау къордæй лæууыныц къæдзæхы тæккæ тигъыл, æмæ афтæмæй Нары комы аразыныц бирæ нымæц хъæугæнттæ æмæ уый у хæххон ирыстонны зынгæ миниуæг*» [3,5].

В вышеуказанном отрывке автор в качестве сравнения использует слово «амфитеатр». У Г. Джатиева оно транслитерируется, а для ясного понимания смысла, представления переводчик дает соответствующий оригиналу контекст: «*хæдзæрттæ... амфитеатрау къордæй лæууыныц къæдзæхы тæккæ тигъыл*». Описательный перевод данного сравнения у Н. Доева более доступен для воображения читателя — «*дурæй амад иу кæнæ цалдæруæладзыгон тъæпæнсæр агъуысты, къæдзæхы риуыл рæсугъд дзыгуырагæй кæнæ та къæдзæхы рагъыл зиллаккау æвæрд къордæй, — ахæм чысыл хъæутæ Нары комы ис тынг бирæ...*» [4, 202].

Неизбежной составляющей осетинского, в частности, нарского общества была сословная рознь. Деление на богатых/бедных, сильных/слабых давало привилегии одним и, наоборот, неизбежные страдания другим. В подчинении у влиятельных фамилий были менее обеспеченные землей, оружием. Подробно останавливается на сословном разделении осетин К. Л. Хетагуров. В «Особа» дается краткая характеристика каждого сословия: стыр, или тыхджын мыггаг —

большая или сильная фамилия → фарсаги (от фарс — бок, сторона) — находящиеся с боку, живущий около, действующий заодно → кавдасард — рожденный в яслях → алхад, саулаг, цагъайраг — купленный, черный мужчина, сахарец [5,234-235]. Автор описывает особенности поселения, имущественное положение и положение в обществе представителей этих сословий. Интересен перевод рассматриваемых мест у Г. Джатиева и Н. Доева. Прежде всего, бросается в глаза не совсем адекватная передача Джатиевым на осетинский язык подзаголовок «Сословная рознь». Описательный перевод «*Уæздæттæ æмæ иннæ адæмты хсæн хæрамдзинад*» получился, на наш взгляд, слишком «громоздким», неудачным в содержательном плане. Доев в переводе старался избежать подобных натяжек и передает подзаголовок как «*Сословион хицæндзинадтæ*» (с осет. «сословие» — «номдарад»).

Сопоставительный анализ данной части очерка позволил обнаружить и ряд других особенностей перекодировки компонентов переводческого кода и выявить основные закономерности передачи информации оригинала на переводящий язык. Так, в осетинском переводе Н. Доев старался находить лексические эквиваленты словам исходного языка, чье смысловое поле вполне понято осетиноговорящему читателю: «влиятельные осетины» — «*дзырddæугæ* (влиятельные, авторитетные) *ирон лæгтæ*», «поручительство» — «*армдарын-дзинад*», «надежно» — «*æвæсайгæ*», «башни «литые»» — «*мæсгуытæ уыдысты чъырынтæ*», «обижен судьбой» — «*уыдис ноджы тъайлагдæр уавæры*» и т.д.

У Г. Джатиева перевод в некоторых местах получился буквальным. Переводчик старался перевести каждое слово оригинала, даже в том случае, когда его можно было дать в транскрипции: «*грамота*» — «*кады чиныг*» (адекв. «кады гæххæт»). И, наоборот, переводимую единицу оригинала дает в исконном написании: «*гиганттæ*», «*легендатæ*». В некоторых местах перевода Джатиева можно наблюдать пословное отражение на осетинском языке слов оригинала. Примером может послужить упоминание в тексте предания о Хетаге: «*Приняв христианство, Хетаг бежал от преследования своих братьев в горную Осетию*» [5,232] — «*Хетаг райста чырыстон дин æмæ уый тыххæй йе 'фсымæртæ йæ фæдыл кæй зылдысты, уымæ гæсгæ ралыгъди хæххон Ирыстонмæ*» [3,6-7]. Но, несмотря на столь подробную передачу исходной информации, в тексте Джатиевым проигнорирован эпитет «*легендарный*», примененный автором к личности Хетага. В переводе речь идет не о легендарности самого Хетага,

а о легендах о нем. С искажением объективной информации, на наш взгляд, мы сталкиваемся в случае замены Джатиевым имени Картийского царя Теймураза на Таймураза. Описания сословных разграничений у Джатиева переданы адекватно.

Большая часть повествования в очерке посвящена описанию уклада жизни, быта осетин: жилище и утварь, одежда, пища, хозяйство, развлечения и т.д. К. Л. Хетагуров останавливает внимание читателя на своеобразии горных поселений, отдельно рассматривает внутреннее устройство сакли. Сословные возможности определяли и эту сторону быта осетин. Горный ландшафт диктовал свои условия постройки жилища. Каменные, с плоскими крышами; стены из плитки без цемента; для большей устойчивости башни строили в форме усеченной пирамиды; внутренние стены помещений смазаны глиной с примесью свежего навоза, двери неуклюжие и т.д. — тип постройки жилища «среднего» осетина в горной местности, в частности, в Наре. Утварь небогатых нарцев составляла перечень мелких вещей: чашки, блюда, ковши, ложки, столик на трех низеньких ножках, медные котлы, глиняные кувшины, ведра, корыта и т.д. Инвентарь «сильных» фамилий ценился дороже, заметно отличались и постройки.

Для адекватного отражения этой части подлинника Джатиеву и Доеву недостаточно было лишь подыскать лексические, семантические, грамматические эквиваленты словам исходного языка, они должны были творчески переосмыслить и передать элементы переводящей культуры. Так, переводчики для передачи сложной системы символов находили свои эквиваленты. Каждый из них трепетно обращался с текстом, старался не упустить ни одну мельчайшую деталь хетагуровского текста. Но, сравнивая оба варианта перевода, нельзя не отметить «тяжеловесность» первого. В переводе Джатиева наблюдается буквальная передача номинативного значения слов подлинника. Например: «чувство самосохранения» — «хибавæрыны æнкъарæнмæ гæсгæ»; «вид усеченной пирамиды» — «тæпæнсæр пирамидæйы хуызæн»; «открытая галерея» — «гом тыргъы хуызæн»; «тлеющий огонь» — «мæрдонсыгъдгæнæг арт» и т.д. Передача на осетинский язык некоторых слов подлинника у Доева совпадает с переводом Джатиева, но текст читается гораздо легче. Мы не увидим у Доева «натянутых» лексических конструкций, сложных для восприятия предложений. И если в отдельных местах переводчик избегает нахождения прямых эквивалентов исходным словам, в общем, перевод получился адекватным.

Немного переусердствовали переводчики, на наш взгляд, при передаче сочетания «дымовой проход». Джатиев переводит как «*фæздæгдзон ердо*», Доев — «*фæздæгдзæуæн ердо*». Здесь переводчики используют равнозначные слова. При достижении адекватной передачи номинативного значения исходного слова в переводе нужно было оставить лишь одно. Этнокультурные компоненты переносятся эквивалентами: «деревянные чашки» — «*хъæдын къустæ*»; «блюда» — «*тæбæгътæ*», «ковши» — «*куыситæ*», «ложки» — «*уидгуытæ*», «волыны рога» — «*галы сыхъатæ*», «столлик о трех низеньких ножках» — «*цыбыр æртыкъахыг фынг*» (у Джатиева) — «*æртыкъахыг ныллæг фынг*» (у Доева) *. В последнем примере, чтобы вызвать у читателя наглядное представление о предмете, можно было ограничиться только «*фынг*» — *ом* без сопровождающего его пояснения.

Очевидно, что некоторые слова в составе осетинского языка звучат естественней, чем в русском. Этнокультурная самобытность лексических значений таких слов обычно отмечается с помощью специальных показателей их особой этнокультурной ориентации. В качестве примера можно привести слова-реалии, в тексте называющие одежду и пищу осетин: «*арчъита*», «*кардзын*», «*бламыхъ*», «*хомыс*», «*къалуа*», «*задын*», «*цакуы*», «*дзарна*», «*цымга*», «*арак*». К. Хетагуров дает слова в их

* Далее примеры из переводов Г. Джатиева и Н. Доева даются в таком же порядке.

исходном написании, авторы переводов механически переносят их в тексты. В оригинале также встречаются реалии, требующие перевода на осетинский язык: «*черкеска*» — «*цухъхъа*» — «*цухъа*»; «*газыри*» — «*бæзцагъуыдтæ*» — «*бæрцытæ*»; «*ноговицы*» — «*зæнгæйттæ*» — «*зæнгæйттæ*»; «*нагрудник*» — «*хъуырдарæн*» — «*риударæн*»; «*бешмет*» — «*куырæт*» — «*куырæт*»; «*бурка*» — «*нымæт*» — «*нымæт*»; «*тулуп*» — «*кæрц*» — «*кæрц*»; «*коленкор*» — «*цикъæ*» — «*цикъæ*», «*лепешки*» — «*луаситæ*» — «*хицæн къуыбæрттæ æртъæпæн кæнынц*» (Доев использует описательный перевод). Как видим, оба переводчика, в основном, одинаково подходили к переводу данных слов.

В состав реалий попали чужие для языка автора «иностранцы», которые переводчики переносят в таком же написании: «*сурма*», «*лаина*», «*сила*». Иногда Г. Джатиев и Н. Доев вовсе отказываются от прямой передачи иноязычной реалии и используют описательный перевод: «*ермолка*» — «*дæрзæг тынæй къонху*д» — «*дæрзæг тынæй конд чысыл худ*».

Приведенные примеры достаточно наглядно свидетельствуют о том, что реалиям найдены вполне адекватные аналоги в денотативном значении.

Переводчики использовали индивидуальные эквиваленты при передаче следующих слов: «мясо» — «фыдызгъæл» — «дзидза»; «яйца» — «карчы равдыуæттæ» — «æйчытæ»; «дикорастущая зелень» — «хъæддаг дзæхæра» — «хъæддаг кæрдæджытæ».

Дальнейшее описание у переводчиков принципа и способов земледелия в горной Осетии, особенностей уборки и хранения урожая, покоса и доставки сена отражено адекватно, если не считать буквально переведенных Г. Джатиевым конструкций типа: «описывали концентрические круги» — «афыстой къонцентрацион зиллаччытæ», «хорошо следил за своей рогатой командой» — «йæ хъус цæрдæг дары йæ хъомвосы командамæ», «мельницы — куырой — горной Осетии поражают своей малостью и простотой конструкции» — «куырайттæ диссаг ысты, хæрз чысыл кæй ысты, уымæй æмæ сæ æвазыг конструкцийæ». А вот как выглядят указанные единицы у Н. Доева: «кодтой концентронтон зиллаччытæ», «йæ цæст цырды дæрдта йæ фосмæ», «куырайттæ адæймаджы дисы бафтауыны сæ чысыл ас æмæ сæ арæзты хуымæтæгдзинадæй». Но необходимо отдать должное Джатиеву за стремление с помощью образных средств показать выразительность и красоту языка перевода: «не остается следа» — «йæ кой дæр нал аззайы», «стремительно мчится» — «топпы нæмыгау тæхы», «импровизированный поезд с быстротой молнии мчится» — «хæдæрæзт поезд топпы нæмыгæй фæтæхы» и т.д.

Большое место в очерке занимает семейно-бытовая сторона жизни осетин Нарской котловины: рождение ребенка, его воспитание, игры и развлечения детей, уплата калыма, порядок первого визита жениха дома невесты (старст), описание осетинской свадьбы, семейной и общественной жизни горцев.

В указанном отрывке очерка писатель сконцентрировал внимание читателя на родильных обычаях. Описание рождения ребенка в осетинской семье и дальнейшее его воспитание одинаково успешно интерпретированы переводчиками. Сопоставив оба перевода указанного отрывка, получаешь достоверное представление о той культуре, представителем которой является не только автор, но и сами переводчики. Они, в основном, правильно поняли авторскую концепцию, и это позволило им добиться адекватности в переводимых фрагментах подлинника. Переводчики находят близкие языковые элементы

для передачи слов оригинала: «величайший акт природы» — «æрдзы стыр хъуыддаг» — «æрдзы иттæг ахсджиаг хъуыддаг»; «дежурят» — «хъус фæдарыны радыгай» — «радыгай йæ разы бадыны»; «опытная бабка» — «фæлтæрд æвгъæдгæс» — «фæлтæрд æвгъæдгæс ус» и т.д. Интересен перевод на осетинский язык выражения «мальчишки-подростки... дрогнут у дверей хлева» — «чысыл лæппутæ... уазалæй фæгæв-гæв кæныны ыскъæты дуармæ» — «æнахъом лæппутæ... баргъæфсыны скъæты дуармæ лæугæйæ». Здесь слова переводящего языка идентичны в смысловом значении, но различны по эстетическому воздействию на читателя.

В сопоставимых отрывках встречаются фразеологизмы. И если переводимый фрагмент небогат на данные образные средства языка, в выходных текстах для передачи слов оригинала Джатиев и Доев активно используют фразеологические единицы. Приведем примеры фразеологизмов рассматриваемого отрывка оригинала: «только в самом интимном кругу (жены и детей), или с глазу на глаз, позволивительно отцу... приласкать детей», «идет не с пустыми руками». Вот как выглядят соответствующие фразеологические единицы в переводах Джатиева и Доева: «...фыдæн йæ сывæллæттæм фæкæсын, барæвдауын йæ бон у, йæ цуры йæ бинойнаг æмæ сывæллæтты еттæмæ куы ничи уа, æрмæст уæд» — «æрмæст бынтон хионты раз..., кæнæ та йæ æппындæр куыд ничи уыдаид, афтæмæй фыдæн йæ бон уыдис... сывæллæттæм фæкæсын»; «нæ ацæуы афтид армæй» — «афтид армæй нæ фæцæуы». В первом случае оба переводчика фразеологическую единицу языка-источника описывают, «объясняют» ее значение. Во втором примере находят в переводящем языке аналоги.

Традиционное описание осетинской свадьбы со всеми сопровождающими ее обрядами переводчики постарались отразить аналогично оригиналу. В переводах также красочно и колоритно показана традиция этого семейного праздника. С первых строк заметно стремление переводчиков не нарушить хронологию повествования, с наибольшей достоверностью сохранить особенности подлинника.

И здесь большинство осетинских реалий К.Л. Хетагуров дает в транскрипции: «арака», «уалибах», «къухылхацаг», «кавдасард». Передача других слов, описывающих наш национальный колорит, не составила труда для переводчиков: «свадебные дружки» — «цыты уазджытæ» — «чындзхæстджытæ»; «прислуживающий» — «уырдыгладууæг» — «уырдыгыстæг»; «тост» — «рæгъ» — «гаджи-

дау», «...шесть пирогов..., которые были принесены от тестя» — «гуыдынтæ» — «чындзы хæдзарæй цы æхсæз уæлибæхы рахастой, уыдон». Осетиноязычные параллели слов исходного языка эквивалентны и отражают особенности осетинского этикета. Местами Доев переводимую единицу переносит в русскоязычном написании: «сена», «факелтæ», «реверанс». На наш взгляд, в этом случае переводчик обязан был найти адекватные словесные средства в родном языке для передачи содержательной стороны оригинала. С подобной задачей вполне справился Джатиев. Вышеуказанным словам исходного текста находит эквиваленты, а там, где это невозможно, просто описывает: «сена» — «тыргъ»; «факелы» — «назы цырагътæ»; «реверанс» — «йæ сæрæй акувы, тынг вæййы артистыты æнгæс».

Один из самых интересных моментов в художественном переводе является передача игры слов, юмора. В значительной степени задачу переводчиков затрудняет то, что эту игру бывает непросто воссоздать. Комический эффект, созданный автором в произведении, должен получить полноценное отражение и в переводе. При этом «переводчик обязан держаться строго в рамках соответствующего «комического жанра», не позволять себе в переводе переходить от безобидной шутки до острой иронии или едкой сатиры» [6,289]. В идеале игра слов переводится буквально. Этим приемом перевода воспользовались переводчики при передаче отрывка: «Сколько трудов и просьб стоит жениху набрать этих дружков. Чуть ли не за год он начинает комплектовать их. Происходит это потому, что, зная, какое «сражение» его ожидает на свадьбе, не всякий надеется на свои силы» [5,259]. Приведем пример перевода Г. Джатиевым последнего предложения фрагмента: «...чындзæхсæвы цы «хæст» уыдзæни, уый рагацау фæзонны æмæ алчи мыййаг йæ ныфс нæ фæхæссы» [3,34]. У Доева — «...чындзæхсæг цы «тохы» бахауы, уымæ алчи йæ ныфс нæ хæссы» [4,228]. Дословная передача трансформированной единицы позволила переводчикам избежать потерь и сохранить комизм оригинала. Или такой пример: «Вся цель хозяев — спойть гостей; последние должны выдержать такую атаку, не проявляя опьянения» [5,260-261]. Перевод Джатиевым соответствующего отрывка выглядит так: «Фысымты сæйраг хæс у уазджыты фæрасыг кæнын, уазджытæ хъуамæ бауромой ахæм хæст, хъуамæ ма фæрасыг уой» [3,35]. Как видим, для отражения юмора в выходном тексте Джатиев опять использовал дословный перевод. Доев передает только содержание соответствующей переводимой единицы, отказавшись от передачи игры

слов: «Фысымтæн сæ нысан у уазджыты фæрасыг кæнын; уазджытæ хъуамæ уыцы гаджидæуттæ æмæ нуазæнтæ æгъдауыл хицæн кæной, срасыг кæнын нæ бакомгæйæ» [4,230].

«Поверия», «Отношения к больному» и «Похороны» составляют ментально-этнологическую часть очерка. Автор заостряет внимание читателя на традиционных для осетин времен особа поверьях. Глубокая вера осетин в загробную жизнь укоренила среди них различные предрассудки: устройство бесконечных поминок, вера в бессмертие души, покорность и т.д. Загробная жизнь, согласно религиозным представлениям осетин, является продолжением земной, и все дела, поступки в нынешней жизни будут учтены на «том свете». По мнению некоторых из них сословные привилегии обеспечивали им место в загробном мире и попадание в рай. «Неужели, — говорит осетин, — и тот, который летом не имел бурки, а зимою — шубы, тоже причислен к загробной жизни?» [5,269], — пишет в своем очерке К. Л. Хетагуров.

Эта часть подлинника в переводах Джатиева и Доева представлена близкими по смыслу конструкциями. Картины ада и рая, обычай погребения покойного (заглавие «Похороны» у Джатиева «Хист» («поминки»), у Доева «Мард ныгæнын» (букв. «погребение покойника») в изображении К. Хетагурова детально описаны переводчиками. Каждый из них старался находить в переводящем языке свои эквиваленты словам исходного языка, адекватные не только в денотативном значении, но и в эмоциональном. Приведем такой пример из текста: «Женичины становятся вереницей около покойника и в такт бьют себя по щекам, приговаривая: «да-дай, да-дай!» Затем одна из женихин нараспев приговаривает, а все другие отвечают ей хныканьем и истерическим плачем» [5,272]. В переводах фрагмент выглядит так: «Устытæ слæууыны марды цур æмæ сæ рустæ нæмгæйæ кæуыны æмæ кæугæйæ фæзæгъыны; дæ-дæ-дæй. Уый фæстæ устытæй иу свæййы хъарæджы хъæргæнæг, иннæтæ йын дзуапп фæдæттыны хæкъуырыцы æмæ зæрдæхалæн куыдæй» [3,46] — «Сылгоймæгтæ марды раз рæнхъ æрлæууыны æмæ, сæ рустæ æмцæф кæнгæ, дзурыны; дæ-дæй, дæ-дæй! Уый фæстæ сылгоймæгтæй иу райдайы хъарæг кæнын, иннæтæ та сеппæт дæр кæугæ кæныны, чи æфсоны куыд, чи та бацъæхы онг» [4,241]. Осетинские аналоги русскоязычного отрывка тождественны, близки по образности и эмоциональности. Лишь при переводе лексем «истерический плач» Доев использует переводящую единицу, которая более экспрессивна и эмоциональна исходной: «кæугæ кæныны... бацъæхы онг» (букв. «плачут до посинения»).

Не менее важными для понимания жизни осетин времен особа является разделы «Обычное право» и «Примирение кровников». Здесь К. Л. Хетагуровым показаны правовые обязанности и нормы поведения осетина в обществе. Наиболее яркой нормой обычного права в Осетии на протяжении нескольких веков являлась кровная месть. Не единожды рассматриваемый Хетагуровым в публицистике, этот вопрос был им затронут и в «Особа»: «Отомстить за кровь, или, как говорят осетины, взять свою кровь вовсе не значит убить самого убийцу, который мог быть хромым, косым, горбатым или старым; нужна жертва если не бóльшая, то по крайней мере равная ее потере» [5,277]. Автор в очерке не стал критиковать или рассматривать пагубность данного обычая. Он занял позицию повествователя, рассказывающего о сущности явления кровомщения в осетинском обществе времен особа: убийство → осадное положение фамилии убийцы → переговоры → уплата штрафа за убийство (зависела от почетности фамилии) → большой фынг в знак примирения кровников.

Не менее яркое свое отражение обычай кровной мести нашел в переводах Джатиева и Доева. Каждый из них старался следовать описанию подлинника. Небольшие ошибки встречаются при передаче заголовка параграфа и отдельно взятых слов. Инвариант названия «Обычное право» в переводах Джатиева и Доева выглядит как «*Лæджы бар*» (букв. «Право человека») и «*Ирон æгъдау*» («Обычай осетин»), которые не совсем адекватны оригинальному. Местами переводчик Н. Доев заменяет исходную информацию своей. Например, в контексте «пока она доила коров, дети не сумели удержать коз...» [5,275] «заменяет» коров на коз: «*цалымæ нæ мад сæгътæ дыгъта, уæдмæ сывæллæттæ сæгъты бауromын нæ бафæрæзтой...*» [4,243]. Значительная сложность возникла у Джатиева при передаче на осетинский язык фразы «врожденная кровожадность». В словаре переводящего языка он находит аналоги, но в целом, на наш взгляд, перевод получился громоздким: «*æрдзæй рахæсгæйæ тугыл зыдкæнынад*».

При переводе следующих единиц оригинала каждый из переводчиков находил свои эквиваленты: «грабить» — «*тæлæт кæнын*» — «*стигъын*»; «череп» — «*сæры стæг*» — «*сæры кæхи*»; «шрам» — «*хъæдгом*» — «нос»; «пашни и сенокосы их оставались невспаханными и нескошенными» — «*сæ хуымтæ задысты зæрæстон, сæ угæрдæнтæ зæридау*» — «*сæ хуымтæ æмæ-иу сæ уыгæрдæнтæ æнаконд æмæ æнакарстæй лæууыдысты*»;

«амбразура башни» — «мæсыджы кæсæнтæ» — «мæсыджы топнуадзæнтæ»; «поручитель» — «быгъдуан райсджытæ» — «фидарныллæуджытæ»; «три поколения» — «æртæ фыды фыртты» — «æртæ фæлтæры». При переводе словосочетания «осадное положение» Джатиев находит эквивалент «æрхъулайы уавæр», Доев при переводе использует прием экспликации: «мыккаг иууылдæр бахаудис стыр фыд ран».

Данная часть осетиноязычных текстов богато представлена фразеологическими единицами. Переводчики воспользовались для перевода слов исходного текста одинаковыми по форме и значению образными фразеологизмами: «ускользает из внимания» — «йæ хъус не 'рдары»; «выместить обиду» — «маст райсын»; «отомстить за кровь» — «туг райсын»; «наблюдали» — «сæ цæст дæрдтой». В ряде случаев лишь один из переводчиков прибегает к фразеологическому переводу исходного слова: «мы просто измучились» — «махæн нæ бон нал уыди» — «нæ сæрæн нал уыдыстæм»; «подозреваемый» — «йæ зæрдæ кæмæ фехсайы» — «гуырысхойаг».

Фразеологизм исходного текста «женщина была якорем спасения» каждый передает по-своему. Джатиев находит свой эквивалент на основе замены фразеологического образа: «ус æнæуи дæр уыди хибахъахъæныны мæсыг» (букв. «женщина и так была башней самозащиты»). Доев отказывается от адекватного перевода и ограничивается простым объяснением значения данного фразеологизма: «сылгоймаг ирвæзынæнæг уыдис».

Сравнительно-сопоставительный анализ исходного текста с выходными выявил некоторые ошибки и, наоборот, преимущества каждого переводчика при переводе слов подлинника. Джатиев и Доев, по мере возможности, старались объективно отразить жизнь и нравы осетин Нарской котловины. И если местами переводчики прибегали к буквальной и дословной передаче исходной информации, в целом, в переводных текстах сохранены основные компоненты содержания подлинника.

Примечания

1. Хетагуров К. Л. Быт горных осетин (Этнографический очерк). Сталинир: ГОСИЗДАТ Ю. О. А. О., 1939. 38 с.
2. Дзицойты Ю. История грузино-осетинского конфликта: короткая и кровопролитная война // www.iratta.com

3. Къоста. Особа. Этнографион очерк / Пер. на осет. яз. Г. Джатиева // НА СОИГСИ. Фонд К.Л. Хетагурова. Опись 1. Дело 150. Папка 2. 55 л.

4. Хетагуров К.Л. Особа / Пер. на осет. яз. Н. Доева // Хетагуров К.Л. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. Публицистика. Письма. Орджоникидзе, 1956.

5. Хетагуров К.Л. Особа (Этнографический очерк) // Хетагуров К.Л. Собр. соч. в 3 т. Т. 2. Поэмы. Драматические произведения. Проза. М.: Художественная литература, 1974.

6. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.

**А.А. СИДАКОВА,
соискатель СОИГСИ**

ОСОЗНАНИЕ НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ДРАМЕ Е. БРИТАЕВА «ХАЗБИ»

Новые веяния революционной атмосферы 1905 года охватили угнетенную Осетию. Росло национальное самосознание. Передовая, прогрессивная часть интеллигенции подняла свой голос в защиту прав народа. Революция дала ей возможность осознания и ясного понимания непримиримого конфликта между народом и самодержавием, веру в возможность и необходимость свержения царского произвола путем революционного восстания. «Именно с таким пониманием вещей и с такой верой вышел Бритаев из стен Назрановской крепости, где он начал работу над трагедией «Хазби», — пишет Н. Г. Джусойты [8, 69]. В этом произведении Е. Бритаев показал образы, для которых жизнь имеет смысл в борьбе за народное счастье и свободу личности.

Произведение Е. Бритаева «Хазби» — это «гимн борьбы, свободы и мужества» [6, 144]. В трагедии для автора важны реальность и историческая правда.

Первая сцена — картина мирной жизни горцев. Жители селения Кобан трудолюбивы, занимаются хозяйственной деятельностью, они ценят жизнь, умеют рассуждать, знают место для юмора и шуток. Однако за внешним спокойствием чувствуется постоянная опасность. Время, в которое происходит действие — период насилия, боев и стычек. Горцы находятся в постоянной боевой готовности. В селе появляется гость, который принес неожиданную весть — жесткий ультиматум от имени генерала Абхазова: выдать абреков, уничтоживших отряд казаков и якобы скрывающихся в селе Кобан; отныне свободным и крепостным платить дань; принимать войска на постой; исполнять волю пристава и других представителей царской власти. Жители села обеспокоены, пошатнулась их мирная жизнь, народ пе-

реположился. Назревает конфликт между свободным народом и царской администрацией на почве экономических и социальных противоречий. С одной стороны, сила оружия и многочисленные войска, с другой, — сила правды и высокая нравственность. Политика царской власти нацелена на покорение горцев, горцы же готовы храбро и отчаянно защищать свою независимость. Абхадз пытается убедить горцев и в том, что идет к ним с миром, но Хазби обличает его в этом села, отстаивающие свою свободу, он предает огню. В поэме «Исмаил-Бей» М. Ю. Лермонтов описывал последствия Кавказской войны. Война несет масштабные разрушения, человеческие страдания и смерть. Горели села, взрывались башни и крепости, уничтожалось мирное население. Генерал А. И. Ермолов писал о Чечне и Дагестане: «Бунтующие селения были разорены и сожжены, сады и виноградники вырублены до корня... Нищета крайняя будет их казнью» [11, 45]. Народы Кавказа вынуждены были защищать свою родину, свою жизнь, свою независимость. В жестоких условиях становились личности и проявлялись характеры, утверждалось мировоззрение, определялся смысл жизни в понимании человека.

Елбасдуко Бритаев воспел в своем произведении рядового свободного горца, который во имя свободы и независимости своего народа погиб в неравном бою. Хазби — сторонник правды и высоких человеческих достоинств. Герой покоряет своей смелостью и отвагой, он раскрывает подлый замысел незваных «гостей». «Я не видел никогда, чтобы ласкали пушками, а штыком учили уму-разуму», — говорит Хазби [5, 73]. На Нихасе, где собралась вся общественность села, несмотря на сложную ситуацию, сохраняется сдержанность горцев, соблюдается уважение младших к старшим, не забывается и уважительное отношение к гостю, хотя и незваному.

Драматург сформировал художественную концепцию человека, во многом исходя из социально-исторического опыта народа и из нравственно-этических представлений о человеке данной эпохи, морали конкретного общества, потому что истинно художественное произведение, по словам В. Белинского, «должно отражать в себе, как в зеркале, жизнь целого народа» [1, 338].

Традиции и обычаи — яркий показатель уровня мировоззрения и художественного мышления народа. Каждый народ своей самобытностью выражает одну сторону жизни целого человечества. Самобытность же народа состоит в его языке, культуре и обычаях. По мнению В. Г. Белинского, обычаи играют самую важную роль в пред-

ставлении образа народа [1, 26-27]. Поэтому в своих произведениях осетинский драматург пытался найти наиболее подходящий способ для точного выражения нравственных качеств, страстей и глубоких душевных побуждений героев в соблюдении обычаев и традиционной культуры.

Бритаев отвергал многие черты патриархального мира, его морали, некоторые высмеивал, при этом он не оскорблял национального достоинства простого народа. Многие нормы этики патриархального горца Елбасдуко Бритаев принимал с гордостью, как положительные черты духовного мира осетин-горцев. Пример тому образ Хазби на Нихасе, где он с выдержанным достоинством отвечает на вопросы гостя, проявляет уважительное отношение к старшим.

Абхадз призывает отказаться горцам от обычая кровной мести, хотя сам грозит за каждую каплю пролитой русской крови мстить жестоко и беспощадно. Для лучшего устройства общественной жизни горцев советует установить посредника между кобанцами и властями, но народ не принимает и этот совет, ибо посредник внесет лишь разлад между властями и горцами. Народ отказывается также платить дань, а насильственное гостеприимство считают нравственным оскорблением: «Додойæ цæмæн фæтæрсæм? Не 'хсæн нын хицау æрæварынмæ хъавынц — цы дзы кæнæм?! Кæрæдзийы цæмæй нал уарзæм, уый тыххæй? Цæмæй нæ, махæй хицауттæм дзырд хæсгæйæ, алы хатт фыдбылызы æфтауа? Нæхæдæг сыдæй куы мæлæм, уæд хъалон цы бафидæм?... Сæ уынаффæ дæр нæ нæ хъæуы æмæ сæхæдæг дæр. Хъалон дæр сын нæ фидæм». (Почему мы страшимся угроз?! Нам не нужен начальник?! Для чего он нам, чтоб посеять между нами ненависть? Нам не нужны каждый раз неприятности от общения с начальством! Нам самим нечем кормить наши семьи, чем же мы должны платить налоги? Не нужны они нам! [5, 68].

Каждый народ свято дорожит своими обычаями, и любое посягательство на изменения расценивается как нарушение прав свободы, разрушение общества и даже уничтожение народа.

Елбасдуко Бритаев в драматических произведениях раскрывает эволюцию мировоззрения своих героев, уверенно и убедительно рассказывая, обо всем сжато и образно. Основной нравственный колорит — человечность и мужество, мудрость и стойкость в сложных обстоятельствах, в повседневных лишениях и даже перед лицом смерти. Автор не сглаживает негативные проявления борьбы и ожесточения.

Однако он ясно видит, что цели борьбы накладывают решающий отпечаток на весь спектр человеческих чувств и стремлений.

Положительные герои трагедии «Хазби» являются носителями лучших черт патриархальной этики. Автор считает критерием оценки нравственных достоинств человека неприятие насилия, несправедливого отношения власти к народу, а также стремление к независимости и единству. Народ предпочитает покорности и рабскому положению свою волю и свободу прежде всего потому, что позорно быть рабом, позорно безропотно платить дань. А для горца «лучше смерть, чем позор». Таким образом, основным пафосом трагедии является столкновение двух типов морали, противоположных типов человеческих характеров. Герои трагедии являются носителями лучших черт патриархальной этики — героизма, мудрости, скромности, благовоспитанности, патриотизма, сдержанности. Отрицательные персонажи также являются представителями патриархального общества, однако они «развращены влиянием власти», оказавшись в рабстве материальных интересов.

В драме представлены и женские образы, которых автор наделил лучшими качествами женщин-горянок патриархального общества. Нана, мать главного героя Хазби, великодушная женщина, полная любви к младшим, ко всем жителям ущелья. Она оплакивала гибель не только своего сына и его друзей, но и смерть русских солдат, сочувствует их матерям: «Уæд та, кæд уырысы мадæлтæ дæр афтæ кæуынц, — хъарæм дæм нæ дыууæты тæригъæд дæр» [5, 85]. В этом эпизоде проявляется гуманизм женщины-горянки, матери. Она хранительница домашнего очага, благодаря её мудрости в доме царит атмосфера благодати. Это видно во взаимоотношениях членов семьи Нана. Несмотря на её строгость, сдержанность, порой, кажется и грубость, ей как любой женщине свойственна материнская слабость. Понимая всю ответственность, которую взял на себя её сын, она гордится им и в тоже время сердцем чувствует трагический финал развернувшегося конфликта между жителями ущелья и властями. Сила духа Нана не имеет границ. Она величественна, несмотря на свою трагическую судьбу.

Нана одинока, Хазби единственный мужчина в доме, её опора, у него нет отца, нет братьев. Проблема одиночества была актуальной проблемой в системе патриархального строя, когда суровые условия гор требовали соблюдения определенных правил. Обычай кровной мести также способствовал гибели, порой невинных, молодых лю-

дей. Этот вопрос имеет существенное отражение и в произведениях устного народного творчества, а также в ряде произведений осетинской литературы. К проблеме «одинокого» не раз обращался Коста Хетагуров. Герои его стихотворений и поэм выросли сиротами и являются одиночками. Это Ибрагим, лирический герой поэмы «Кто ты?», Кубады...

Актуальна проблема «одинокого» и в творчестве Сека Гадиева. «Не было у него ни кола, ни двора: ни отца, ни брата, ни сестры, с детства рос он сиротой, ходил пастухом по найму», — писал он об Ахмате в рассказе «Айсса».

Герой Бритаева Хазби настоящий рыцарь своего времени, гордый и независимый. Он благороден и бесконечно добр к своему народу, в то же время беспощаден к врагам. Уместно будет определение В. Белинского: «Живой человек носит в своем духе, в своем сердце, в своей крови жизнь общества: он болит его недугами, мучится его страданиями, цветет его здоровьем, блаженствует его счастьем» [2, 231].

Истинное благородство Хазби определяется и в отношении к слабому полу. Он не допускает даже мысли о том, что женщины могут стать жертвами насилия и унижений: «Нæ!... Уæд мæлæтæй хуыздæр ницы ис... Цæйнафæлтау æфсæдты нæ хъæуы зæронд устытæй хынджылæг кæнгæйæ фенон... Цæйнафæлтау нанайы салдæттæ раппар-баппар кæной... Госга æмæ Сæниаты хъазахъхъ... — мæлæт, мæлæт тагъддæр!» [5, 80].

Хазби думает о том, что станет с его семьей, если он погибнет. Его не пугает смерть, он не думает о своем благополучии. Хазби знает свою мать, знает ее характер и силу духа, но все же она беззащитная женщина.

Герой своего времени, носитель лучших традиций существующего патриархального строя, Хазби предстает перед нами в общении со своей женой. Горский этикет не позволял раскрывать женщине, так же как и мужчине, свои чувства. Быт патриархальной семьи осетин основывался на целой системе запретов и условий. По утвердившемуся мнению муж и жена должны были избегать друг друга, как в семье, так и вне дома. В.Ф. Миллер писал: «Муж часто любит свою жену, но вместе с тем считает позором, если его застанут с ней наедине» [9, 78].

Ханиффа понимает, что муж не одобрит ее смелость в проявлении чувств. Но женщина понимает, насколько велик риск для ее мужа, и в ее сердце не умещается вся боль страданий. Она, сдерживая сле-

зы, пытается поделиться с ним своими переживаниями: «Нæ дæм уæндын, фæлæ ныр куыд?» (Не смею я, но как же теперь?) [5, 81].

Хазби, как и положено патриархальному горцу, суров и скуп на ласки и нежности. Ханиффа любит Хазби, она мудрая женщина, несмотря на свою молодость, и поддерживает позицию мужа в том, что интересы народа превыше личных проблем. «В гражданской смелости, в любви к Родине наиболее полно проявляется дух человека. Это высокое чувство родины объединяет и возвышает людей» [10, 303]. Эти слова можно в полной мере отнести к герою драмы Хазби. Но Ханиффа женщина, ей нужно внимание и любовь. Мы видим, что мягкость женщины, ее слабость не оставили равнодушным героя. Хазби обнял жену одной рукой и признался ей в своих чувствах впервые в жизни. Он благородный, понимает психологию женщины, ее боль. Герой умеет дать счастье женщине, но он живет в обществе с суровыми традициями и как уважающий себя член общества обязан соблюдать этикет. Трогательная сцена заканчивается тем, что Ханиффа, взяв себя в руки, дает наставления мужу: не опозорить себя в бою, не струсить. Для осетина страшнее смерти позор. «Эта сцена прощания по силе воздействия на зрителя, пожалуй, не уступает знаменитой сцене прощания Отелло», — пишет Н. Джусойты [8, 101]. Этикет горца, где самым важным считается сдержанность во всем, умирляет нахлынувшие эмоции.

Образ Хазби требует более подробного анализа. Его судьба — трагедия, но герой обессмертил свое имя. «Хазби — герой народной песни. Песня сделала его национальным героем, символом свободы и патриотизма», — отмечал Ш. Ф. Джикаев [6, 159].

Е. Бритаев придал Хазби более яркий характер, изобразил титанический образ народного героя. Зритель увидел Хазби во всех жизненных сферах: в походе и на общественном Нихасе, в семье, среди друзей, в идеологической борьбе и в бою с врагами. Большим уважением пользуется он в обществе, его слово имеет значимость и силу. Мысли Хазби правдивы, откровенны и полны мудрости, речь его логически построена правильно и аргументирована. Он также обладает умением внимательно выслушать даже противников.

Пафос жизни Хазби — в борьбе за свободу своего народа. Главной мечтой его была мечта о независимости. Однако идеал свободы у Хазби не лишен социальной конкретности, и стремление к свободе у него не индивидуалистично. Свободу Хазби видит в борьбе, ведущей к разрыву с представителями царской администрации и его сторон-

никами из его же среды. Хазби нравственная личность, потому как человек он мыслит глубже и характер его сложнее. Он свободный и независимый, для него позор страшнее смерти.

Для героя трагедии Бритаева наиболее важно благо человека, справедливость, честь и совесть перед своим народом. «Очевидно, — пишет В. А. Блюмкин, — высшие ценности те, которые соответствуют высшим, наиболее важным человеческим потребностям, без удовлетворения которых невозможно счастье и само существование людей. Самые сущностные характеристики человека выражаются его высшими потребностями в труде, творчестве, в общении, познании, в красоте и добре. Этим высшим потребностям соответствуют и высшие ценности: благо человека и человечества, справедливость, альтруизм, бескорыстие, благодарность, честь, совесть. Все остальные ценности (материальные и духовные блага) могут быть рассмотрены как средства, как условия достижения высших ценностей» [4, 54-57].

Истории известны люди, подчинявшие все свои помыслы, надежды, чувства возвышенным целям: освобождению своей родины от чужеземного ига (Дмитрий Донской, Жанна д'Арк, К. Минин, Д. Пожарский, Б. Хмельницкий, Д. Гарибальди и др.), облегчению страдания больных (Р. Кох, А. Швейцер и др.), воспитанию подрастающего поколения (Я. Корчак, В. Сухомлинский и др.). Целенаправленность всей жизни этих людей отчетливо говорит о тех моральных ценностях, которыми был пронизан их духовный мир. Данную цель можно рассматривать как высшую, подчиняющую волю и чувства этих личностей, ставшей их ценностной ориентацией. К числу этих личностей можно отнести и героя Хазби. Приняв мученическую смерть в борьбе за счастье народа, Хазби в последние минуты своей жизни был счастлив тем, что «мæрдтаæм цæугæйæ хъалондар кæй нæ дæн». В этих словах заключается весь смысл его жизни.

Только свободный человек счастлив. «Свободные берут на себя ответственность. Рабы не могут готовить нового царства, к которому, в сущности, и слово царство неприменимо. Только свободные могут возрастать для этого. Господин же имеет одну участь с рабами. И необходимо проследить, сколько разнообразных и утонченных форм рабства подстерегает человека и прельщает его» [3, 42].

На стороне народа и Хазби сила правды и высокой нравственности. В этом же ключе рассматривал драму Е. Бритаева Шамиль Джикаев: «Писателю удалось создать народную героическую трагедию,

утвердить в ней идеи патриотизма и национального единства, где проявляется его нравственное величие» [7, 54-55].

В том, что осетинский народ в новых исторических условиях без страха и сомнения ступил на путь созидания, немаловажное значение имела драма, в первую очередь трагедия Е. Бритаева «Хазби».

Трагедия пронизана высокими идеями патриотизма и гуманизма, при этом эти идеи взаимосвязаны и определяют пафос творения мощного таланта. Автор в своем произведении высоко поднял идею национального единства, обозначил нравственный императив народа, проблему чести и свободы отдельной личности.

Примечания

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах. Т.1 // Опыт системы нравственной философии // Литературные мечтания. СПб., 1913. 1041 с.
2. Белинский В. Г. Собр. соч. в 9 т. Т.6. М., 1978.
3. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. М.: Республика, 1995. 224 с.
4. Блюмкин В. А. Мир моральных ценностей. М., 1981. 64 с.
5. Бритаев Е. Сочинения. Дзæуджыхъæу: Ир, 2002. 415 с.
6. Джикаев Ш. Разагъды лæгтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1999. 389 ф.
7. Джикаев Ш. Ф. Осетинская литература: учебное пособие. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1980. 112 с.
8. Джусойты Н. Елбасдуко Бритаев. Очерк жизни и творчества. Цхинвали: Госиздат Юго-Осетии, 1958. 223 с.
9. Миллер В. Ф. В горах Осетии // «Русская мысль». 1881. Кн. IX. С.78.
10. Очерк истории осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1967. С. 303.
11. Уманец Ф. М. Проконсул Кавказа. СПб., 1912. 126 с.

З. Т. ЗАЛЁЕВА,
аспирант СОИГСИ

ЗНАХАРСТВО В ОСЕТИНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Традиционная народная целительская практика оздоровления и лечения широко бытовала и по сей день существует у всех народов мира. Отделение сверхъестественных приемов лечения от естественных приемов неотрывно связано с появлением знахарей. При отсутствии врачебной медицины единственным спасением при внезапно возникшем заболевании был собственный целительский опыт человека и обращение к знахарям.

В трудах публицистического характера, авторами которых были образованные люди, представители осетинской интеллигенции конца XIX века, оценка знахарства несет осуждающий оттенок. «Лечебная» деятельность знахарей, мулл, жрецов рассматривается как мошенническая, а все ритуалы, связанные с ними, как предрассудки и суеверия. Однако такая односторонняя оценка не включала анализа традиционных способов сбережения здоровья, врачевания и знахарства, созданных многовековым опытом самого народа.

О работе знахарей подробнее всего писал один из первых бытописателей-осетин Б. Гатиев, лично знакомый с известным знахарем Мисирби [4]. Весьма ценная информация есть в статьях И. Тхостова [10], Д. Шанаева [2], Х. Датиева [6] и во многих других исследованиях.

Знахари (женщины и мужчины) занимались в основном лечением, реже — предсказаниями и уличением воров, а также участвовали в особых общественных обрядах, гарантировавших плодородие [12].

В прошлом у осетин знахари, знахарки, ворожеи объединялись общим термином «*дæсны*», который означал искусный, мастер, знаток. Позднее этот термин стал употребляться и в отношении знахарей, которыми преимущественно были женщины, реже — мужчины. Широко распространенное выражение «*дæсни фарсун*» означает обращение к услугам знахарей и ворожей [1, 359].

В сказании Дж. Шанаева «Идущие за снопом» говорится о «*дæснытæ*» — знахарях, как о необыкновенных людях, способных предвидеть будущее, людей с большим жизненным опытом [2,234]. В своем «Осетино-русско-немецком словаре» Вс. Ф. Миллер приводит толкование слов, которые встречаются в данном сказании. Бурку (дигорский диалект) или Курыс — это неведомая страна, куда ездят колдуны и ведьмы в ночь нового года, и откуда привозят всякое зло (болезни) и благо (урожай) на целый год. А сами знахари здесь именуются «*курысмæдзаутæ*» или «*буркудзаутæ*», что означает «едущие в Бурку», «едущие в Курыс» [8].

Почти в каждом осетинском селении находился прорицатель или знахарь, способный помочь в беде и болезни. Звание знахаря или прорицателя передавалось по наследству от отца к сыну. Знахари и знахарки в Осетии призывались нуждающимися в них за несколько десятков верст. Были известны особо популярные в народе знахари, к которым со всех концов Осетии сходились страждущие с мольбами о помощи.

К концу XIX века модернизирующееся осетинское общество все-речь задумалось об искоренении знахарства. Ведь даже с появлением профессиональных медиков осетины продолжали обращаться за помощью к знахарям, зачастую настороженно воспринимая врачей. По этой причине было решено бороться со знахарством путем введения денежных штрафов. В самом конце 1879 г. представители осетинского народа собрались в г. Владикавказе с целью искоренения вредных обычаев и приняли приговор, предусматривающий наказание лиц, уличённых в мошенничестве, знахарстве и колдовстве: «Излеченные в знахарстве и всякого рода колдовстве, равно пригласившие их к себе для этой цели, а так же обратившиеся к ним — подвергаются денежному штрафу в размере 50 рублей серебром» [13]. Но даже подобное наказание не останавливало потоки людей, обращающихся к знахарям.

Одной из важных причин многочисленных обращений к знахарям, ведуньям и муллам была вера в то, что некоторые болезни врачам неизвестны: сглаз, порча. Опыт народной целительской практики передавался обычно устным путем и существовал параллельно с появившейся профессиональной медициной. Однако к врачебной медицине осетины относились настороженно, более того, существовало недоверие к врачам. Это было связано, скорее всего, с тем, что врач был новым, ранее неизвестным персонажем осетинской по-

вседневности, которого видели только в экстренных ситуациях перед смертью больного, при медицинском вскрытии, то есть в таких случаях, где врач может себя показать только с невыгодной для него стороны [9].

У каждой категории знахарей были свои ритуалы, магические обряды и действия, моления, заклинания, заговоры, внушение. Благотворительный трепет перед происходящим и веру в успех усиливали магии и травы, вода, воск, огонь.

Нужно отметить, болезни и недуги считались у осетин наказанием, ниспосланным каким-нибудь божеством, и судя о нем по страданиям человеческим, полагали, что для умилоствления его достаточно одного дара или угодного ему жертвоприношения. К прорицателям прибегали для того, чтобы выяснить причину заболевания, а при необходимости — откупиться от болезни.

Особой категорией считались служители культа, жрецы — «*дзуары лагта*», предназначенные богом для исцеления людей. «*Дзуары лаг*» считался личностью неприкосновенной, посредником между святыми и людьми. Должность жреца переходила по наследству.

Жрец обычно облачался в белую одежду, бязевый бешмет без кинжала [3,144]. У жрецов были своеобразные способы лечения больных. В рощу, где располагался жрец, стекались больные, привезенные со всей Осетии. Здесь можно было встретить больных с разными заболеваниями — ревматизмом, чахоткой, сифилисом. Лечил он их пивом, оставленным в пещере в прошлом году, в особо опасных случаях — мясом козленка. Для того, чтобы определить окрас жертвенного козленка, жрец стелил на траве бурку, клал на нее стоймя папаху, в которую втыкал четыре расщепленные в концах палочки, держа концы руками. Затем жрец начинал читать молитву, а в конце спрашивал: «По твоей ли вине страдает больной, Уацилла, или по вине демона? Если по твоей вине, то пусть поднимутся палочки в правой моей руке, если по демоновой — в левой». Палочки поднимались во время произнесения имени Уацилла или демона. Сообразуясь этим, *дзуары лаг* советовал резать черного или белого козленка. Мясо принесенного в жертву козленка могла есть только семья больного [5].

Если в доме кто-то был нездоров, то *дзуары лаг* приглашался в дом погадать и открыть причину болезни. Метод гадания был схож с описанным выше. Жрец брал четыре палочки длиной каждая поларшина, сращивал их, делая в двух концах расщепы попарно, и, поло-

жив их на стол, пара от пары на поларшина, покрывал овчиною или кожей. После этого начинал читать молитвы и заклинания, чтобы тайна ему открылась. Окончив чтение, *дзуары лаг* обращался к таинственному покрывалу и спрашивал: «Не сердится ли Тбав-вацила за что-нибудь на больного? Если сердится, то пусть левая пара приподнимется; если Тбав-вацила действительно прогневался без чего и гаданья быть не может, то левая пара начинает приподниматься и станет в виде стропил» [11,68].

Знахари, ведуньи, целители и прорицатели также использовали свои методы выявления причин болезней и излечение от них. Процесс выявления причины болезни был схож среди всех целителей. Знахарь, призванный в дом осетина, все время пребывания в доме нашептывал определенные слова, он не приступал к делу до тех пор, пока хозяева не приготовят три *уалибаха* (пироги) и не подадут ему их на круглом столе. После этого он начинал громко молиться, призывая всех святых и нечистых сил себе на помощь. Поев *уалибахта*, знахарь заводил диалог с хозяевами дома и в то же время с духами на непонятном языке. Отправляясь спать, хозяева клали прорицателю под подушку серебряную монету под тем предлогом, что без нее духи ему ничего не сообщат. Во сне знахарь начинал то спорить, то умолять духов, уверяя их, что страждущий и его родные — самые праведные. Наутро знахарю подавали опять *уалибахта*, он снова произносил заговоры или молитву и затем объявлял, что необходимо делать, чтобы избавиться от болезни. Чаще всего это бывало жертвоприношение в честь того святого, которое причинило семейству зло [10].

Характерным является отрывок из повести Инала Канукова «Из осетинской жизни», где приводятся слова известной знахарки Галазон: «да, видно заболел твой сын неспроста... Нужно церемонить до завтра, чтобы сказать настоящую причину — «*аххос*» болезни; обыкновенно ночью ко мне прилетают разные «*дзуары*» — (святые духи) и я с ними беседую о чем понадобится, но в это время у меня под подушкой должно быть несколько денег от того, за кого я хлопочу и чем больше будет денег, причина выскажется *дзуарами* яснее [7].

Знахари часто прибегали к заговорам. Современная наука определяет заговор как словесную магическую формулу, необходимую и достаточную для оказания воздействия на окружающий мир, его явления и объекты с целью вызвать желаемый результат. Заговоры передавались от поколения к поколению устно, обычно от старшего к младшему, чаще по родственной линии.

Существовал еще один тип знахарства в Осетии: переболев определенной болезнью и попав в госпиталь или больницу, «недавний» пациент возвращался в свое село «доктором», специалистом по болезни, которую сам перенес. После нескольких неудачных случаев лечения в своем селении такой «доктор» — знахарь, сознавая, что он не может быть пророком в своем отечестве, перебирался в соседнее селение и, переезжая из одного селения в другое, добивался того, что создавал себе имя. Практика у такого знахаря росла. Его сын или кто-либо из родственников поступал к нему в ученики и шел уже дальше своего учителя, брался за лечение всяких болезней и становился также знахарем; бывали случаи, когда такой ученик, в конце концов, мог получить диплом из сельского правления [9].

На протяжении многих веков у осетин, как и у других народов, происходило накопление положительного лечебного опыта, которым пользовались знахари, знахарки, жрецы. Это позволяло им успешно лечить заболевания, которые зачастую не поддавались лечению врачей. Порой к знахарям-осетинам обращались не только сами осетины, но и служившие в Осетии русские офицеры и казаки.

Роль знахарей в жизни осетин была очень весома. Осетин обращался к знахарю не только потому, что он ему верил, или из страха послушаться и навлечь на себя еще большее количество болезней, но и по причине отсутствия медицинской помощи.

Действия знахарей не всегда бывали увенчаны успехом. Их примитивные методы лечения часто ухудшали здоровье обратившегося к ним больного. Однако в некоторых случаях знахари, как это не странно, излечивали такие болезни, лечение которых врачами оставалось безрезультатным.

Знахарство было тесно связано с традиционными религиозными верованиями. Затем к этому древнейшему пласту народной культуры присоединялись знахари и целители, представлявшие христианскую и исламскую традиции, со своими представлениями о мироздании, своей атрибутикой и лечебной практикой.

Примечания

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958.

2. Алборов Б. Осетинские ведуны и ведьмы // Дарьял. 2006. №1.
3. Бинкевич Е. Религиозные верования народов СССР. Т. II. М., 1930.
4. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. IX. Тифлис, 1876.
5. Гатуев К. Уацилла // «Терек». 1913. № 4644.
6. Датиев Х. О знахарях Осетии // Тифлисский листок. 1903. № 145.
7. Кануков А. Из осетинской жизни // Кавказ. 1876. № 92.
8. Миллер В. Ф. Осетино-русско-немецкий словарь. М., 1934.
9. Саунамык А. Народная медицина в Терской области // Терские ведомости. 1897. № 118.
10. Тхостов И. Знахари и знахарки Осетии // Кавказ. 1868. № 85.
11. Шегрен А. М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ 1864. № 28.
12. Яценко И. В. О шаманстве у алано-осетин // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2001.
13. НА СОИГСИ. Ф.4. Оп.1. Д.151. Л.27.

К. И. ХЕТАГУРОВА,
ст. преп. каф. осетинской филологии СОГПИ

ХОСТЫХЪОТЫ ЗИНÆЙЫ ИНТИМОН ЛИРИКÆ

Иу пьесæйы персонаж зæгъы, зæгъгæ, сылгоймагæн йæ райгуырæн бæстæ у уарзондзинад. «Хостыхъоты Зинайы поэтикон сфæлдыстады дæр сæрмагонд бынат ахсы уарзондзинады лирика. Æвæццæгæн, дунетыл ахæм фыссæг нæй, уарзондзинадыл чи нæ фæфыссы, уымæн æмæ уый у адæймаджы царды иууыл зынаргъдæр æнкъарæн. Цымыдисаг у иу хабар — ирон поэзийы бирæ ис, бæрзонд аивадон æмвæзадыл фыст чи æрцыдис, ахæм æмдзæвгæтæ, фæлæ уæддæр уыдоны æхсæн бæрæг дарынц, Зинае уарзондзинадыл цы æмдзæвгæтæ фæфыста, уыдон. Поэты уацмыстæ зæрдæмæ хъарынц тынг арф, царвау сты лæгъз, мыдау — адджын. Æвæджиу тынг дзы зыны адæймаджы монц, йæ сыгъдæг удыхъæд, йæ æнæхин удуæлдай уарзт» [1, 4].

Зæгъæм, мæнæ ацы æмдзæвгæ æвзæрын кæны адæймаджы зæрдæйы бирæ æнакæрон рæсугъд хъуыдытæ:

Суадæттæ нын сусæг зарæг зарынц,
 Арв йæхи æвзист уылæны 'хсы.
 Стъалытæ нæ алывæрстæм хауынц,
 Рог уддзæф нæ уæхсчытыл тыхсы.

Рæсугъддæр зæгъын, æвæццæгæн, бирæтæн сæ бон нæ бауыдаид. Аив, хигъæдон æмæ мидисджын сты мæнæ ацы рæнхъытæ дæр:

Посты дын æз арвыстон мæ зæрдæ, —
 Райстай йæ?
 Уый хуылфы ирон фæндыры зæлтæ, —
 Хъуыстай сæм?
 Уый хуылфы — сæуæхсиды фыццаг тын,
 Хъал суадон, нæ Терчы ирд цæссыг,
 А фæззæг нæ фембæлды фыццаг фын,
 Сонт сагъæс, мæ цардвæндаджы рыг...

(«Райстай йæ?»)

Зинайы интимон лирикайы тыххэй Гафез йæ уацы фыссы: «Ацы æмдзæвгæтæ афтæ аив æмæ æнæлаз сты, æмæ сæ адæймаг хаты уалдзæджы комытæф, зæрдæйы цæф, тугдадины змæлд, сыгъдæг, уæздан уды миддуне, уый æнувыд уарзт» [2, 105].

Зинайæ йæ иу æмдзæвгæйы зæгъы: «Æз ацы дунемæ æрра уарзтæн æвзæрд дæн». Æмæ æцæгдæр, Зинайæ йæ 'мдзæвгæты бæлвырд кæны, уарзын кæй хъæуы æнувыдæй, зæрдæбынæй, æнæфæлындæй.

Уарзгæ Ахмæты чызг кодта æххæст зæрдæ æмæ æххæст уæлтæмæнæй. «Æмæ адæймаджы цард уарзондзинадæй барст куы цыдаид, уæд Хостыхъон фæцардаид цалдæр æнусы, — зæгъы Хозиты Барис. — Уарзондзинад кæддæриддæр уыдис йæ 'ппæт чингуытæн дæр æмавтор» [3, 3]:

Мæй ацауындзæг бур гæдыйау бæрзыл,
Цыдæр мæ зæрдæ 'нахуыр æхцон дуды,
Цыма зæххыл цы уарзты муртæ баззад, —
Æрбамбырд ысты ацы 'хсæв мæ уды.

Цавæр у уарзт? Цы у? С. И. Ожеговы дзырдуат æй æмбарын кæны афтæ: «Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство» [4, 336].

Мæнæ цавæр сурæт дæтты уарзондзинадæн Хостыхъоты Зинайæ та:

Вæййыс куы сабийы фæлмæн худтау æнæхин,
Куы та æрбалæууыс нæ разы хъамалвæстæй.
Ысуадзыс чъепыстæ нæ зæрдæйæ гæрз ехсæй, —
Ныллæсыс тугдадинты низты низау арæх.
Æрвгæлæн фестын кæныс хатт нæ рухс бон, не 'хсæв,
Куы та нын фестын кæныс цард дзæнæты таурæгъ...

Уарзондзинад у Зинайы царды зынаргъдæр æнкъарæн. У йæ сфæлдыстады рахацæн. Арæх поэтмæ сæвзæры фарст:

О, уарзт, куыд равзæрдтæ, куыд фæзындтæ нæ зæххыл,
Хуыцауы хорзæхæй æви хæйрæджы 'лгыстæй?..
Цы ныфсæй рацыдтæ уæлæрвтæй уæд, цы 'хсарæй,
Æви дæ бардуагæй кæд ахæм у дæ тæрхон,
Цæмæй нæ уазал удты хъизæмар æвзарай...

(«Уарзт»)

Æмæ кæд арæх ацы æнкъарæнмæ æнхъæлмæ дæр нæ фæкæсæм, куыд загъта зындгонд уырыссаг поэт: «Любовь нечаянно нагрянет, Когда ее совсем не ждешь...», нæ зæрдæты нын кæд бауадзы рухс,

фæлæ арæхдæр вæййы нæ хъизæмæртты аххосæг, уæддæр æй хонæм уарзондзинад, æмæ æнæ уый нæй а зæххыл цард.

Анна Ахматова куыд фыссы, уымæ гæстæ уарзондзинадæн ис бирæ хуызтæ, цæстæмттæ, йæ бон у ракæсын алыранæй дæр:

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,
То в иное ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

(«Любовь»)

Уæлдай рæсугъд загъта Омар Хайям:
Солнце пламенного небосклона — это любовь,
Птица счастья средь чащи зеленой — это любовь.

Цард бирæ рæсугъддæр уайд, уарзты æнкъарæнмæ гадзрахат æмæ фæлынд ахаст куы нукуы дариккам. Æцæг уарзтыл мæнгæрдæй рацæуын, уый царды ныхмæ фыдракæнд у. Зæххыл цал уарзты ахуысса, уал хуры тынæй цух кæны дуне æмæ уæд талынг æмæ уазалдæр у алкæмæн.

Уыцы рæстæг цинцæхæр уыд, рухс уыди,
Зæрдæйы цы ‘рра ‘хæрдзæнтæ зарыди!
Уыцы фæдис, уыцы диссаг уарзт хуынди,
Цард æнæ дæу цæстытыл дæр нал уади.
Ме ‘хсæвы хай бакодтон дыууæ дихы,
Демæ уыд дыууæ дихы мæ боны хай,
Зæрдæ сыгъд сæуæхсиды сырх кæрдихау... —

ахæм хъæздыг æнкъарæнтæй дзаг уыд Зинайы литературон хъайтары миддуне. Æмæ куыд зын уыд уый фæстæ уыцы уарзæг зæрдæйæн, йæ æнæхин уарзтыл ын нæ барвæссыдысты, уый куы базыдта, уæд:

Абон дын мæм хъарæгау куы ‘рбайхъуысид:
«Сау лæппу дæ нымд уарзтыл нæ барвæссыд...»
Æмæ ‘васт нызгъæлæнтæ сырх сæуæхсид.
Хуры тыныл ауындзæг мæ хъарм цæссыг.
Сау лæппу æндæрæн амонд ахаста,

Сау ләппу әндәр цәстыты срухс калдта...
 Ныр куыд уон, кәдәм фәлидзон а мастәй?!
 Бандзыг дә, мә тәригъәд, цәй хъус ныддә?!

(«Чызгон зәрдә»)

Хетәгкаты Къостайы сфәлдыстады, куыд зонәм, афтәмәй зынгә бынат ахсы интимон лирика. Әмдзәвгәтән сә фылдәр фыст сты уырыссаг әвзагыл. Ирон әвзагыл әрмәстдәр ныффыста фондз. Уыдонәй иу у — «Фесәф».

Джусойты Нафи фыссы: «Коста в своих интимно-лирических стихотворениях разработал собственно один мотив — мотив неразделенной любви... Бесконечно гуманное, целомудренное отношение к женщине, глубочайшее уважение к личности любимой — таковы важнейшие черты интимной лирики Коста» [5, 195].

Райсәм Къостайы әмдзәвгә «Фесәф» әмә Хостыхъоты Зинайы «Чызгон зәрдә». Дыууә әмдзәвгәйы дәр фыст әрцыдысты иувәрсон (әнәдзуыпп) уарзондзинадыл, әнкъарәм дзы уарзты хъуырдухәнтә. Әрмәст Хостыхъоны «Чызгон зәрдә» — йы уынаәм зәрдәхсайды (мотив ревности) мотив:

Сау ләппу әндәрән амонд ахаста,
 Сау ләппу әндәр цәстыты срухс калдта...

Джусойты Нафи куыд зәгъы, афтәмәй Хетәгкаты Къостайы әмдзәвгәйы «выражено отчаяние обманутого в любви человека, которому предпочли другого. Но важно здесь отметить, что отчаяние на самого героя, а не на любимую, он винит себя, а не ее» [5, 199].

Тынг ахсджиаг сты, рауадзәг цы рәнхъытә фәуагъта, уыдон:

Эх, красавица,
 Почему меня
 Обманула ты?
 Бог тебе судья!

Джусойты Нафи куыд фыссы, афтәмәй: «Издатель выбрасывает их и этим, конечно, «нарушает мотив» всего произведения — подменяет мотив прощения мотивом ревности» [5, 199].

В. Г. Белинскимә гәсгә «...любящее сердце не может не страдать при потере любимого сердца; но оно не будет ревновать. Ревность... есть болезнь людей ничтожных, которые не уважают ни самих себя, ни своих прав на привязанность любимого им предмета; в ней высказывается мелкая тирания существа, стоящего на степени животного эгоизма» [6, 393].

В.Г. Белинскиимæ, æвæццагæн, не сразы уыдзысты бирæтæ, уыдонимæ Хостхъоты Зинаæ дæр. Уарзондзинад кæм и, уым, æнæмæнг, фæзындзæн зæрдæхсайд дæр. О, ис дзы банкъарæн эгоизмы райдайæн дæр, фæлæ, зæгъæм, куыд нæ аскъуыдтаид чызгæн йæ зæрдæ, «Хуры Фырт кæдæмдæр усгур» кæй цæуы, уый куы баззыдта, уæд:

Йæ фæдыл акастæн ма быруйы хуынчътæй,
Æрбадтæн каурабын цъæх кæрдæгыл æмæ
Ныррыстæн дудгæ рыстæй ме 'ппæт буары стджытæй,
Мæ уд мын нал иргъæвта иргъæвæг дæр, нæ.

(«Сусæг»)

Цавæр æнкъарæнтæ хъуамæ сæвзæрдаид сылгоймаджы зæрдæйы, йæ уарзон æндæрæн кæлмæрзæн куы балхæдта, уæд?:

Афтæ мæм фæкасти, цыма арвæй
Раскъуыдтай кæлмæрзæйнаг дæ къайæн.
Уалдзæджы куы балхæдтой æндæрæн
Урс кæлмæрзæн уарзоны лæварæн.

Æвæццагæн, — маст, хъыг, рыст æмæ, æнæмæнг, зæрдæхсайд.

В.Г. Белинскимæ гæстæ, нывыл адæймаг, йæ уарзондзинад æнæдзуапп куы разына кæнæ йæ йæ уарзоны зæрдæ куы фæива, уæд ын ис æрмæстдæр иу хос: «...со всем самоотвержением души любящей, со всею теплотою сердца, постигшего святую тайну страдания, благославить его или ее на новую любовь и новое счастье, а свое страдание, если нет сил освободиться от него, глубоко сохранить от всех, и в особенности от него или от нее в своем сердце» [6, 391].

Афтæ бакодта зындгонд уырыссаг фыссæг А.С. Пушкин дæр:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Ахæм намысджын разынд Хетæгкаты Къоста дæр. Поэт æмдзæвгæ «Ты вправе смеяться...» — йы хатыр кæны йæ уарзон сылгоймагæн, кæд ын уый йæ 'нкъарæнтыл фæхудт, уæддæр. Æфхæрд фыссæг баст, кæй бафиддзæн уымæн æрмæст уарзондзинадæй:

Покорная только рассудку,
 Ты чувство, которое грудь мне сожгло,
 Отвергла, как дерзкую шутку...
 Но я не дерзал возмущаться, роптать, —
 Любовь, этот акт всепрощенья,
 Умеет без меры безмолвно страдать,
 Не знает ни злобы, ни мщенья...
 Ответить обидой тебе я не мог
 За сердце, облитое кровью.
 Ты вправе смеяться, но я, — видит бог, —
 Тебе заплачу лишь любовью.

Æндæр хатдзæгтæм æрцыд Зинайы сфæлдыстад иртасгæйæ Дзуццаты Хадзы-Мурат: «Поэтессæ кæддæр кæй уарзта, уыдонæй йын иуæй-иутæ (се ‘ппæт нæ!) свæййынц æнæуынон, æмæ сæ йæ маст исы дæрзæг æмæ гуырымыхъай. Уардиты зæрдæты кæй ном бавæрдта, уымæн, дам, йæ гадзрахат се ‘хсæн калмы хуызы ныххылд æмæ сын сæ къусчытæй рацъырда йæ ном («Гадзрахат»). Уарзтæн, дам, йæхæдæг йæ цæстытыл чи ‘рхæцыд, уый йæм фæстæмæ куы раздæхт, уæд: «Цы ма дæ ‘рхаста, цæй, цы куыдз, цы хæрæг?!» («Мæн нал хъæуынц дæ хорз дæр æмæ ‘взæр дæр»). Цард ын кæй азарæй схъæстæ, чи дзы ацыд æндæрмæ, æмæ ныр сусæгæй кæй фæнды, куы та суайд йæ бинойнаг, уымæн йæ зæрдыл æрлæууын кодта: «Цыма куыдз феуагъд йæ бастæй, Уыйау систай мемæ æйтт. Уый бæрц та кæцæй æрхастай Ды дзырды фыддæртæ уæд?» («Уæд цы гæды ауад не ‘хсæн?»)» [7, 125].

Ацы рæнхъыты фæстæ сæвзæрд фарст: чи зоны никуы уыд Зинаæ æмæ ранымад нæлгоймæгты ‘хсæн æцæг уарзондзинад. Афæ куы ахъуыды кæнæм, уæд апостол Павел куыд загъта, афтæмæй «Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине» [1 Кор. 13:4-6].

Цыфæнды куы уа, уæддæр, æнæмæнг, нæ бон у зæгъын фидарæй, æппынфæстаг Зинайы æцæг уарзондзинад кæй бабæрæг кодта, уый. «Фембæлд, йæхицæн цардамондæн йæ сæнтты кæй мысыд, æхсæвæй, бонæй йæ цæстытыл чи уад, ахæм æцæг æмгарыл» [8, 3].

Æцæг уарзондзинад нæ риуыгъы стыр ракæндтæм. Искæй цардыхæлдыл йæхи цард йæ бон не сси саразын Зинайæн. Мæнæ цы ми бакодта йæ уарзæг зæрдæйæн:

Ныббастон æй æз дæр куыдзау рæхыстæй,
Ыскодтон ын мæ талынг риу куыдздон.

(«Уæд бамбардзынæн»)

«Сыгъдаг æмæ судзгæ уарзт кæддæриддæр удуæлдай у, — фыссы Бестауты Гиуæрги. — Æргом, æнагуырысхойæ хъары æппæт йæ ис, йæ фидыц. Йæхи хæссы нывондæн. Хостыхъоны лирикон хъайтар сæрибар у æгъдауы традицион цагъар ирон чызджы фырнымд, фырафсарм зæрдæйыуагæй. Уый уарзы фыццагысконд адæймаджы æнакъæм уарзтæй æмæ йæ фæндиагтæ æвдисы æргом, æфсармы æнкъарæнæй бæрзонддæр æвæры йе 'набаурумгæ уарзт, æгад æм нæ кæсы йæ уарзаны раз йæхи æрныллæг кæнын:

Райсомы 'ртæхау дæ уатмæ
Бацыдтæн уыцы изæр,
Дуары раз сабыр æрбадтæн,
Къухтыл æрхауди мæ сæр» [9, 6].

Раст уыцы æргомдзинад дисы æфтауы бирæты.

«Райсомы 'ртæхау дæ уатмæ бацыдтæн уыцы изæр», — фыссы Зинæ. Джыккайтæ Шамил ацы рæнхъыты фæдыл зæгъы: «Ам иуæй поэтикон абарст раст нæу, иннаемæй йæ хъуыды нæу аив, нæ фидæуы сылгоймаджы дзыхы, нæу йе 'фсарм æмæ йе 'гъдауыл дзурæг. Лæппуйы уатмæ бацыд, уым уадиссагæй ницы ис. Йæ фæсдуар æнæдзургæйæ æрбадт, уый дæр афтæ фæуæд. Фæлæ дарддæр кæсæм: «Зæрдæйы сусæг фæнд (?) азæлд, уадултæ суагътой цъæх арт». Ахæм у йæ хъуыдымæ гæсгæ мæнæ ацы æмдзæвгæ дæр:

Бахызт, гæдыйау, мæ уатмæ
Рудзынгыл бургуыбын мæй,
Азылди къуымты, мæ фарсмæ
Бафынæй заргæ, фæрнæй.
Хъавгæ йæ 'рсæрфын мæ æрмæй,
Ку 'ацæуа уый дæр, миййаг...
Фæндагыл рудзынджы размæ
Туаллаг пысыратæ 'рзад.

Цæуыл фыст у ацы æмдзæвгæ? Кæй хъысмæт æвдисы автор? Æнæуаг, хæтаг, абадгæ чызджы, æви, йæ уарзон кæй фæсайдта, ахæм æрыгон чызджы хъысмæт? Чи фæнды уæд, уæддæр æм æфсарм æмхиц нæу» [10, 81].

Дзуццаты Хадзы-Мурат Хостыхъоны сфæлдыстады фæдыл скод-

та хатдзæгтæ: «Зинæ дзырдта, æхсæнадон æмæ национ менталитетмæ гæсгæ цы 'мбæлы, цы фæччы, уый нæ, фæлæ цы 'нкъардта, цы 'взæрста, цин æмæ йын маст, æхцон æмæ йын хъызæмар цы хаста, уый, дзырдта йæ æргомай, æнæсайдай.

Зинæ табу кодта уарзтæн, сæрибарæн, рæстдзинадæн. Фæлæ табу нæ вæййы æнæ тобæ. Зинæ табу кодта, фæлæ тобæ нæ кодта. Адæмæн тобæйаг цы у, аккагыл цы нæ нымайынц, уый Зинæйæн арæх у аккаг æмæ табуйаг.

Поэтессæ йæ 'рдзытых æмæ йæ уæгъдибарæн се знагтæ хуыдта фыдæх, хæлæг, дам-думтæ, фыдгойтæ, «фæныкгуыз æгъдæуттæ». Фылдæр хатт сæ ницæмæ дардта-фылдæр æнкъарæнæй царди (зондæй нæ!) æмæ йын йе 'нкъарæн куыд дзырдта, куыд амыдта, афтæ кодта» [7, 127].

Цыфæнды куы уа, уæддæр раст уыцы æргомдзинад, сæрибардзинад нæфæтчиагæй æмæ уæндондзинад — сты Хостыхъоны сфæлдыстады индивидуалон æууæлтæ. Уымæй нæу иннæты хуызæн дæр. Чи ма загъта, зæгъæм, Зинæ йеддæмæ: «Ехх, ныр ме 'нгуылдзтæй куыд хъазин Уыцы сау боцъотæй æз» («Моладзан»), кæнæ чи бауæндыдаид зæгъын: «Бæгуыдæр дæм кæлæнгæнæг цæудзынæн, Æрхæсдзынæн дæ сæры хилтыл м 'арм, Цыдæртæ дын сусу-бусу кæндзынæн, Ды банкъардзынæ де 'ппæт буары хъарм» («Кæлæнгæнæг»).

Зинæ уæндонæй æргом æвдисы йæ интимон царды æцæгдзинад, ницы дзы сусæг кæны. Тырны иууыл адæмæн дæр бамбарын кæнын, цы стыр æхсызгондзинад хæссы уарзондзинад царды мидæг. Хостыхъоны интимон лирика гуырын кæны адæймаджы зæрдæйы хæрзвæтк æууæлтæ, у хигъæдон.

Буарæй æрзæронд Зинæ, азгъæлд йæ царды сыфтæр бурæй, «цыма æппындæр уалдзæг дæр нæ уыд», фæлæ æнæ уалдзæг, æнæ уарзт дæр йæ бон нæ уыд: «Ехх, уæддæр цæй диссаг у зæрдæ, — Уый та ма цæмæдæрты æхсайы» («Фæззæг мыл æнæнхъæлæджы 'рцыд»). Уæддæр бæллыд уалдзæгмæ, йæ кæддæры уалдзæджы раздæхынмæ: «Уыцы бонтæй ма иу чысыл исты! Иунаг иу хæфсы уаст дæр фæуæд» («Раджы уалдзæг-иу уадындзтæ фестад»). Уæддæр бæллыд уалдзæгмæ æмæ-иу æм уалдзæг цæугæ дæр æркодта.

Фæлæ кæд буарæй æрзæронд Зинæ, уæддæр йæ уд йæ фæстаг бонтæм дæр уыд æвзонг. Уыцы зæрдæ уыд кæддæриддæр уарзондзинадæй дзаг, уымæй уæлдай тырныдта æдзухдæр сыгъдæг уарзтмæ. Зæгъæн ис, æмæ Хостыхъоты Зинæ уыд æмхъуыды зындгонд колумбиаг фыссæг Габриэль Гарсиа Маркесимæ. Йæ фæстаг

«лавары» адамаен Габриэль фыссы: «Если бы Господь Бог на секунду забыл о том, что я тряпичная кукла, и даровал мне немного жизни... я бы доказал людям, насколько они не правы, думая, что когда они стареют, то перестают влюбляться: напротив, они стареют потому, что перестают влюбляться!» [11, 12].

Ахæм зондыл хæст уыд Зинаæ дæр. Уарзондзинадæй цух нæ уагъта йæ зæрдæ йæ фæстаг сулæфты онг.

Литературæ

1. Уанеты Владимир. Йæ Ирыстоныл зарынаей нæ бафсæст // Рæстдзинад. 1998. 6 янв.
2. Гафез. Базырджын сагъæстæ // Мах дуг. 1976. № 2.
3. Хозиты Барис. Фыды уæзæг, маæ фæллад уд дæ хъæбысы æвæрын... // Рæстдзинад. 1999. 6 янв.
4. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001.
5. Джусойты Нафи. Коста Хетагуров. Сталинир, 1958. 372 с.
6. Белинский В. Г. Статьи о Пушкине. Полн. собр. соч. Т.7. М., 1955.
7. Дзуццаты Хадзы-Мурат. Поэтессæйы æрвхуыз дуне // Мах дуг. 2001. № 3.
8. Дегъуаты Соня. Табуйаг курдиат // Размæ. 1998. 3 дек.
9. Бестауты Гиуæрги. Чызджы зæрдæ // Советон Ирыстон, 1968. 7 февр.
10. Джыккайты Шамил. Сæууон æртæх // Мах дуг. 1968. № 1.
11. Последний дар великого колумбийца // Северная Осетия. 2001. 12 янв.

**И. Н. ЦАЛЛАГОВА,
к.ф.н. СОИГСИ**

К ПРОБЛЕМЕ ДИНАМИКИ ГОВОРОВ ДИГОРСКОГО ВАРИАНТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

(на материале озрекского и стур-дигорского говоров)

В современных диалектных системах происходят определенные, обусловленные социально-экономическими и культурно-историческими факторами, процессы, характерные именно для данного этапа исторического развития того или иного языка. Известно, что большое влияние на социально-экономические и общественные отношения в селе, а тем самым и на функционирование говоров, оказывает технический прогресс, происходящий в современном мире [9]. В современных говорах сложилась своеобразная языковая ситуация, которая требует типологически-сопоставительного исследования характера и путей преобразования диалектных систем. Однако, такого рода исследования требуют новых методов изучения, одним из которых является сопоставление диалектных особенностей, характеризующих один и тот же говор в разные периоды обследования.

Осетинский язык, как известно, делится на два равноправных диалекта: иронский и дигорский. Отдельные стороны системы дигорского варианта осетинского языка получили освещение в трудах крупных осетиноведов А. Шёгрена, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, Г. С. Ахвледиани. Первый опыт монографического описания фонетики и морфологии дигорского диалекта осетинского языка принадлежит М. И. Исаеву [6]. В книге дан также краткий очерк смешанного иронско-дигорского наречия жителей Уаллагкома и тексты на этом наречии, прилагаются тексты записей устной речи, произведений художественной литературы и периодической печати, дающие представление о разных аспектах функционирования диалектной речи [15]. Большим продвижением в развитии литературного дигорского языка стали составление «Дигорско-русского словаря», в который вошло около 30 тысяч слов [11], и «Граммати-

ческого очерка осетинского (дигорского) языка». Очерк охватывает наиболее значимые вопросы фонетики, морфологии и синтаксиса [10].

Носителями дигорского диалекта являются около 80 тыс. человек. Сосредоточенно дигорцы живут в трёх районах Республики Северная — Осетия Алания: Дигорском, Ирафском, Моздокском, а также в с. Озрек Лескенского района Кабардино-Балкарской республики, Ставропольском крае [6, 4; 10, 8]. Говоры иронского диалекта довольно хорошо изучены [4], чего нельзя сказать о дигорском варианте осетинского языка [8, 105]. Ввиду отсутствия комплексного исследования говоров дигорского диалекта в определении их состава отмечаются некоторые расхождения. Так, по мнению М. И. Исаева, в дигорском существует три основных говора: горнодигорский, моздокский и дигорский [6, 13]. Б. Алборов выделяет задалеск — ханазский говор [3]. А. Дз. Цагаева описала и выделила некоторые особенности двух говоров — стур-дигорский и озрекский [13, 14]. Ф. М. Таказов считает, что в настоящее время в дигорском языке наблюдается два основных говора: дигорский (или как его называют в разговорной форме — дигоринский), характерный жителям г. Дигора, и чиколинский, характерный всем остальным районам, говорящим на дигорском наречии [10, 8].

Наиболее тщательному лингвистическому анализу подверглись стур-дигорский и озрекский говоры. Исследуя динамику говоров дигорского диалекта, мы подвергли анализу старые и новые материалы по этим говорам. Для сбора нового материала нами были организованы диалектологические экспедиции в эти населенные пункты. В работе использовались традиционные методы: непосредственное наблюдение над спонтанной диалектной речью, анкетный метод и метод опроса-интервьюирования. При анализе разновременных фиксаций исследуемого говора был использован сравнительно-сопоставительный метод.

Первая диалектологическая экспедиция в Лескенский и Зольский районы Кабардино-Балкарской Республики была в 1956 году [13]. В данных районах осетины живут в селениях Озрек, Урух, Старый Урух, Лескен II, Ерокко Лескенского района и в хуторе Лезгор, Зольского района. Так как из всех перечисленных сёл самостоятельным селением осетины (дигорцы) жили, и живут по настоящее время, только в с. Озрек, данный населенный пункт привлек особое внимание исследователей.

Особый интерес представляет история образования данного населенного пункта, так как она имеет давние корни. Каким образом попали осетины (дигорцы) в кабардинские земли?

По историческим данным начало переселения из горных ущелий предков жителей селения Озрек относится к середине XIX века. Осетины (дигорцы), занимающие ряд горных котловин и часть предгорий Центрального Кавказа, граничили на западе с балкарцами, на севере — с кабардинцами, на востоке — с осетинами-иронцами, а на юге, по Главному Кавказскому хребту — с грузинами. Одна группа людей начало свое переселение из селения Донифарс по направлению на северо-запад и остановилась в Таторсе, расположенном на правом берегу верховьев Хазнидонского ущелья. Через некоторое время они переселились на новое место жительства, которое называли Тургъта (от диг. *turġtae* — дворы). Затем они переселились на правый крутой берег реки Хазнидон в Хазнидонском ущелье, образовав там поселение, названное Гъаууат (от диг. *ġæw* + *wat* букв. «место для поселения»). Местность, где сейчас расположено балкарское селение Ташлытала, было следующим местом временного поселения. Здесь так же люди не задержались а спустились еще ниже на 15-20 км, и остановились на левом берегу реки Лескен (поселение было названо Найæнтæ). Спускающихся по Хазнидонскому ущелью насчитывалось около 30-35 семей (Темиркановы, Галачиевы, Габачиевы, Хацаевы, Дреевы, Галеевы, Шехинаевы, Цамакаевы). Приблизительно в 1855 году, к ним присоединились еще 24 семьи. Переселенцы были из сёл Кета и Кумбулта, так же спустившиеся с гор по ущелью, расположенному восточнее Хазнидонского ущелья (Кабалоевы, Царикаевы, Кокоевы, Кумеховы, Кебековы). Спускаясь дальше вместе на север в поисках свободных равнинных земель, они выбрали место на левом берегу реки Лескен, между ныне существующими селениями Ерокко и Анзорей (местность была названа Кекуз). Следующим местом переселения было выбрано место между Лескеном II и Аргуданом, и в честь растущих на горе густых кустарников лесной алычи оно получило название Ахшинчита (диг. *æxšinčita* — алыча) [12, 12-15].

Владелец этих земель князь Кайсын Анзоров, по словам информатора, имел тесные связи с осетинами, что и побудило его быть благосклонным к переселенцам и дать им землю (Текст № 1).

По данным нашего исследования, на сегодняшний день в селении Озрек насчитывается 363 двора с населением 1554 человека, которые составляют 57 различных фамилий. Подавляющее большинст-

во населения — осетины (дигорцы). Также проживают кабардинцы, балкарцы, русские, для которых родным языком давно уже стал дигорский. В конфессиональном плане основное население с. Озрек являются мусульманами. Такое смешение людей разной национальной принадлежности, выходцев из разных местностей не могло не найти своего отражения в языковых процессах данного говора.

В своем исследовании, посвященном говору данного населенного пункта, А. Дз. Цагаева выделила ряд фонетических, морфологических и лексических особенностей говора жителей селения Озрек, которые нам позволяют проследить динамику говора [13].

Выделенная А. Дз. Цагаевой [13,3] «главная особенность в системе гласных, по сравнению с другими говорами дигорского диалекта и литературным осетинским языком, сводится к замене гласного [i] слабым гласным [æ] в глагольной приставке [is-] перед группой согласных и фрикативными» до сих пор устойчива и находит свое подтверждение даже в высказываниях информаторов из других сел (Текст № 2).

А. Дз. Цагаевой было отмечено употребление в описываемом говоре некоторых архаичных языковых форм, которые сейчас уже в нем не встречаются, например, числительного *beræ* «много» в более древней форме *beuræ*» в нашем исследовании своего подтверждения не нашло [13, 4].

Однако при наблюдении над говором жителей с. Озрек нами обнаружен любопытный факт, а именно — использование в значении «грамма» термина *mexsag* (Текст №3). Исходя из этого, вопрос о мерах длины и веса был включён нами в диалектологический вопросник, разработанный нами специально для изучения дигорских говоров. Мы полагаем, что это иронское *mišxal/mišqal* — «золотник» (мера веса). Из араб. *misqal* «мера веса, равная 1 ½ драхме», употребляется для измерения дорогих металлов, жемчуга и т.п. Было в употреблении на всём Кавказе: арм. *msxal*, груз. *misxali*, авар. *misqal*, каб. *mesqal* и др. Обычно приравнивалось к 1/84 русского фунта [2, 123]. Данный термин малоупотребителен и знаком только представителям старшего поколения.

Одним из основных различий в звуковом строе говоров дигорского диалекта является разная степень палатализации переднеязычных щелевых [s] и [z] [1, 376] Следует отметить, что определение акустической природы этих щелевых согласных относится к наиболее спорным вопросам осетинской фонологии.

Современные исследования перцептивных характеристик данных осетинских щелевых показали, что «...осетинские согласные, реализуемые на месте орфографических *с* и *з*, существенно не отличаются от русских *ш* и *ж* и должны трактоваться как двухфокусные шипящие щелевые, обозначаемые в транскрипции знаками международного фонетического алфавита [š] и [ž]» [5, 141].

М. И. Исаев в своем исследовании, посвященном дигорскому диалекту, отмечает большую палатализацию этих согласных в говоре с. Озрек и в говоре дигорцев Моздокского р-на РСО — Алания [6, 16].

А. Дз. Цагаева в своем исследовании данного говора отмечает сильное преобладание шипящих над свистящими. Она утверждает, что согласные [ž], [š], [s], [c'], [z], **в отличие от других говоров дигорского диалекта**, представлены в озрекском говоре в чистом виде, в то время как в других говорах являются средними между свистящими и шипящими перед гласными переднего ряда.

По мнению Ф. М. Таказова звуки [ž], [š], [s], [c'], [z] **в позиции перед гласными** [e] и [i] имеют три варианта произношения:

1) **свистящий**, более мягкий, чем перед гласными [a], [æ], [o], [u] (характерно для речи жителей г. Дигоры);

2) **палатализованный**, близкий к русским шипящим [ж] [ш] [ч] [дж], (характерно для речи дигорцев Моздокского района);

3) **переднеязычный** — наиболее распространенный, средний между [з] и [ж], [с] и [ш], [ц] и [ч], [дз] и [дж], [цъ] и [чъ] [10, 30].

В принятой дигорской графике палатализация остается без обозначения, что в практическом применении не влечет за собой никаких неудобств, так как фонематического значения палатализация не несет [1, 377].

В виду того, что процессы ассимиляции согласных получили в дигорском меньшее развитие, чем в иронском [1, 380], во всех дигорских говорах наблюдается ассимиляция согласных, причем как прогрессивная, так и регрессивная. По наблюдениям А. Дз. Цагаевой, данное языковое явление больше распространено в озрекском говоре [13, 4] (Текст №3). По нашему мнению, такое утверждение требует более детального описания и анализа языковых особенностей всех говоров дигорского языка.

Характерной морфологической особенностью озрекского говора также выделяется употребление такой архаичной формы, как вставка между основой имени и формантом множественного числа *t* слога *æl*: *gæstæltæ* «игры», *žurdtæltæ* «слова», *tuppurgændtæltæ* «холмы» и т.д. [13, 5].

Сейчас такая форма существительного во множественном числе в речи жителей данного села практически не встречается. Используется общеупотребительная форма: *ǵæstittæ*, *ǵurdttæ*, *tuppurgændttæ* и т.д.

В ходе научной командировки в 1955 г. А. Дз. Цагаевой были обследованы населенные пункты Гуларского (Дзинага, Гулар, Нæуæггъæу, Ахсау) и Стур-дигорского (Стур-Дигорæ, Къуссу, Уодола, Москва) сельсоветов.

В отличие от с. Озрек, население которого значительно выросло за последние годы, некогда густо населенные данные горные территории, сейчас нельзя назвать таковыми. Как известно, основная часть людей, из-за нехватки земли и тяжелых условий жизни, переселилась на равнину. В связи с этим говор Стур-дигорцев потерял многие из своих черт.

Однако, некоторые особенности речи жителей данных населенных пунктов, отмеченные А. Дз. Цагаевой, устойчивы и на сегодняшний день.

Особенности в области фонетики наблюдаются как в системе гласных, так и согласных. Так, например, наблюдается смешение гласных [o] и [u]: *ǵolæg* вм. *ǵulæg* «обидный, неприятный» (ср. *ǵuælæg* с. Озрек), *soǵijnæ* вм. *suǵijnæ/suǵinæ* «иголка», *oǵæli* вм. *uæǵæli* «шиповник» (также имеются такие варианты произношения, как *uoǵæli*, *uæǵæli*, *uǵæli*) и др.

В некоторых словах происходит смешение свистящего согласного [s] с зубным спирантом [ç], например: *xucau/xusau* «бог», *xucaubon/xusaubon* «воскресенье» и т.д.

Однако, любопытный факт использования словообразовательного элемента *-mat* (*kizǵamat* «что то похожее на девушку», *čigdamat* «что то похожее на сыр», *fingamat* «что то похожее на стол»), отмеченный в исследовании, сейчас практически не встречается, или же информаторы путаются в значении данных слов (например, *kizǵamat* «очень хорошая девушка», «парень с женскими повадками») (Текст № 4).

Следует отметить, что все вышеизложенные доводы носят предварительный характер. Однако, даже исходя из этих предварительных сведений можно сделать вывод, что в процессе междиалектного общения, а также общения между носителями диалектов и литературного языка, неуклонно стираются диалектные черты. Вчерашние носители диалектов постепенно овладевают важнейшими нормами литературного языка. В результате междиалектных и литературно-диалектных контактов говор стур-дигорцев и озрекцев активно раз-

вивается в сторону сближения с литературными традициями дигорского диалекта.

Тексты

№ 1. *Qasum attæj qæbær katkin læk, æxuædækka attæj iron xuærifurt, utta jæ furt Mudaræn dær iron kizgæ ærkotta — Zurapti mukkağæj. Ironau dær kæžos žurtta. Ma næmæ womæ gæskæ xælar zærdæj rakastæj, ma nin zænxitæ ravartta.*

Кайсын считался мудрым человеком, его мать была осетинкой, а потом и своего сына Мудара женил на осетинке. С детства Кайсын имел тесные связи с осетинами, в совершенстве владел осетинским языком, всё это побудило его предложить переселенцам свои земли для жилых построек. (с. Озрек, Давид Царикаев 126 лет, цит. по 10, 17).

№ 2. *Maх æma čikolaiaæktæ kud ġæui wotæ žoræn: islæğæi, iskottoncæ, isæiiafta, fal ozrekkæktæ ba ševzak nikkuttaertæ kottoncæ, maх sæbæl xotkæ fækkæncæn, etæ žoruncæ: æslæğæi, æskottoncæ, æsæiiafta.*

Мы и чиколинцы говорим как надо: ислæг æй (возмужал), искодтонцæ (сделали), исæййафта (застал), а вот озрекцы говорят неправильно, мы над ними всегда смеёмся: æслæг æй (возмужал), æскодтонцæ (сделали), бæсæййафта (застал). (Лескен, Амилаханова Разимат, 91 лет).

№ 3. *Eu хatt mæ ġæuikkagi хæссæ rasporан. Ауај, tukammæ басæиуај та žæğaj kæžos digoronau: «дайте мне 100 грамм мороженого». Caldær adæjmagi bafarstan, fal nin neči žaxtoncæ, fal xestærti ku bafarstan utta nin žaxtoncæ, kudožæй eči žağd digoronau, uoj: «rattaj min sædæ mexsagi sældæk».*

Как-то мы поспорили со своим односельчанином: ну-ка, зайди в магазин и скажи на чистом дигорском: «дайте мне 100 грамм мороженого». Спросили мы нескольких человек, но нам никто не ответил. Потом мы спросили старших, и они нам подсказали, как эту фразу сказать на чистом дигорском.. (с. Озрек, Тупов Эдик, 42 года, 2011 г.).

№ 4. *Qæbær хuаrz kizgæ fæххонунсæ kizgamat.*

Про очень хорошую девушку говорят кизгамат. (с. Уодола, Хортиев Борис, 81 лет, 2011 г.).

Примечания

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Москва, 1949. Ч. I. 601 с.
2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь. Ленинград, 1973. Т. II.

3. Алборов Б. Задалеск-Ханазский говор (рукопись) // Архив СОИГСИ. П.23. Д.60.
4. Бекоев Д. Г. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвали, 1984. 386 с.
5. Дзахова В. Т. Фонетическая характеристика фонологической системы современного осетинского (иронского) литературного языка. Владикавказ, 2009. 208 с.
6. Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. Москва, 1966. 223 с.
7. Исаев М. И. Территориально-функциональная характеристика осетинского литературного языка // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АНГССР. Вып. XXVI. 1981.
8. Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, перспективы, современность. Владикавказ, 2002. 287 с.
9. Лукьянова Н. А. О некоторых тенденциях развития лексики современных русских говоров в свете проблемы экспрессивности // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск, 1984.
10. Таказов Ф. М. Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка. Владикавказ, 2009.
11. Таказов Ф. М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003. 736 с.
12. Хацаев М. Озрек и его жители. Владикавказ, 1995. 227 с.
13. Цагаева А. Дз. Некоторые особенности озрекского говора. Орджоникидзе, 1959. (Отдельный оттиск из «Известий СОНИИ». Т. 21. Вып.4).
14. Цагаева А. Дз. Некоторые особенности стур-дигоринского говора. Орджоникидзе, 1962. (Отдельный оттиск из «Известий СОНИИ». Т. 23. Вып.1).
15. Цаллагова И. Н. Об изучении говоров дигорского варианта осетинского языка // Вопросы кавказского языкознания. Вып. № 5. Дагестанский государственный университет. Материалы Всероссийской научной конференции. Махачкала, 2011.

Э.С. ЮСУПОВА,
лаборант-исследователь, ИГИ АН ЧР, г. Грозный

ЗООСЕМИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА

Фразеология чеченского языка — сравнительно новый и наименее исследованный раздел нахского языкознания. Первой работой в нахождении, где дано определение фразеологии, является исследование И.Г. Арсаханова, в котором рассматриваемые термины определены как «Вовшашца цхъаьна лела марзделлачу дешнех фразеологизм олу, ткъа и тайпа дешнаш Iамочу Iилманах олу фразеологи» — устойчивое сочетание слов называется фразеологизмом, а наука о нем — фразеологией [1]. В начале шестидесятых годов XX в. вышли в свет словари вайнахских языков А.Г. Мадиева, И.Ж. Оздоева, З.Д. Джамалханова и К.З. Чокаева, в которых теме «Фразеологизмы» было уделено незначительное внимание.

Попытку полнее и глубже описать предмет и задачи фразеологии чеченского языка предпринял известный лексикограф А.Г. Мадиев [2]. Он заложил практическую базу развития чеченской фразеологии и фразеографии, применив одним из первых ученых-кавказоведов метод фразеологической эквивалентности толкования.

В конце 70-х годов фразеология стала темой специального исследования кандидатской диссертации А.Т. Карасаева [3]. Одной из своих задач ученый ставил характеристику фразеологизмов с точки зрения их структуры. Разные мнения, существующие во фразеологии, оказали непосредственное влияние на работу А.Т. Карасаева. В этом контексте представляются актуальными наблюдения проф. А.И. Молоткова о том, что «перечни фразеологизмов русского языка, предлагаемые разными учеными, настолько отличаются друг от друга, что с полным основанием можно говорить о различных, часто противоположных, даже исключающих друг друга, взглядах на фразеологизм [4,9]. А.Т. Карасаеву удалось найти в общих чертах

правильный подход к поставленной проблеме и сделать некоторые выводы о природе фразеологизмов чеченского языка, в частности, что фразеологизмам чеченского языка присущи, в основном, следующие признаки:

- 1) воспроизводимость в готовом виде;
- 2) наличие в составе минимум двух компонентов;
- 3) наличие целостного значения, известного носителям данного языка;
- 4) постоянство лексического состава и ограниченность внутреннего перемещения составных компонентов единицы;
- 5) наличие экспрессивно-эмоциональной окраски, или образности, что характерно только для отдельных групп.

Современную историю изучения вопроса фразеологии в чеченском языке формируют такие ученые, как Л. М. Ибрагимов, А. И. Халидов, значительный вклад в исследование чеченских фразеологизмов внес Д. Б. Байсултанов, в диссертации которого «Экспрессивно-стилистическая характеристика фразеологизмов чеченского языка» рассматриваются вопросы изучения лексикографических разработок фразеологии и фразеографии, а также экспрессивно-стилистические свойства и стилистическое использование фразеологизмов в письменных источниках и устной речи чеченского языка.

В последнее время в современной фразеологии нахских языков становится актуальным изучение фразеологизмов, объединенных наличием какого-либо общего компонента. Интерес лингвистов к фразеологическим группам обусловлен тем, что их исследование способствует решению многих важнейших проблем, в частности, помогает глубже проникнуть в структуру фразеологизмов, определить роль компонентов в образовании фразеологического значения, решить вопрос о природе компонента фразеологизма и т.д.

В этой статье мы рассмотрим некоторые фразеологизмы чеченского языка с компонентом-зоонимом с точки зрения их структурной организованности и функциональной эквивалентности той или иной части речи.

Зоосемические фразеологизмы, т.е. единицы, образованные путём метафорического переноса на основе названия животного — зоонима и служащие для образной характеристики человека, являются весьма интересным составляющим компонентом во фразеологии любого языка. Такие фразеологизмы передают многовековые наблюдения человека над внешним видом и повадками животных, которые

сопровождают человека всю жизнь, являясь неотъемлемой её частью. Во многих житейских ситуациях они служат неким наглядным примером, поэтому могут использоваться в качестве модели жизни человека и общества. Значительная роль животных в картине мира нашла также адекватное отражение и в языке народа, в частности и во фразеологизмах.

Фразеологическая единица (далее — ФЕ) по структуре выступает как целое составного характера, состоящее из различных по своим морфологическим свойствам слов, находящихся между собой в разных синтаксических отношениях.

По своему структурному составу все ФЕ чеченского языка делятся на две большие группы: фразеологизмы, представляющие собою устойчивые сочетания слов (номинативные), и фразеологизмы, структурно равнозначные предложению (коммуникативные) [5, 41].

Зоофразеологизмы, структурно равнозначные словосочетанию с точки зрения функциональной эквивалентности, образуют в чеченском языке следующие группы:

1. **Субстантивные ФЕ.** Данный тип фразеологизмов чеченского языка является весьма продуктивным. Выделяются следующие типичные модели сочетаний:

а) «**имя прилагательное + имя существительное**», например: **кѳорза пхъид** — пестрая лягушка, о ком-л., кто резко выделяется среди окружающих его людей, рыжий; **сийна савърмик** — синий дракон (крокодил, змея), т.е. человек со злым, ядовитым языком. Имя существительное и имя прилагательное в этой конструкции являются семантически равноправными и смыслообразующими компонентами, имя прилагательное употребляется также как компонент, имеющий экспрессивный характер;

б) «**имя существительное + причастие + имя существительное**», например: **тIам бойна леча** — бескрылый сокол, т.е. одинокий человек, не имеющий поддержки; **да газанах воккху йиш** — хозяйина козы лишаящая песня, т.е. разговор не в пользу кого-либо. Причастие (бойна, воккху) выступает в этих примерах в роли стержневого зависимого компонента.

В языке встречаются и более сложные структурные типы ФЕ, близкие к этому разряду, например: **бен сту белча, батта пах цабелларг** — подарившему вола для забоя не давший и печенки на жаркое, т.е. скупец, неблагодарный; **уьстагI белча, жIаьла кешнашка доллийтинарг** — давшему овцу собаку на кладбище позволивший

похоронить — взяточник; *баллал белча, етт беже лалла баъхнарг* — если подарил корову, так и в табун ее гони говоривший, т.е. тот, кто, не зная предела чьей-либо доброты, требует от него еще и еще. Такие сложные структурные типы ФЕ по своему оформлению близки к коммуникативным единицам языка.

в) «имя существительное + союз + имя существительное + союз + имя существительное», например: *жлаълин а, цициган а доттагIалла* — собачья и кошачья дружба, т.е. вечная вражда и ссора; *цицигах а, дехках а ловзар* — 1. забавляться с кем-л., пользуясь своим превосходством, преимуществом, а затем убить, уничтожить; 2. хитрить, лукавить, стараясь обмануть, провести кого-л. Грамматически опорными и смыслообразующими являются оба зоосемических компонента имен существительных (*жлаъла, цициг, дахка*). Особенностью таких фразеологизмов является реализация категории лишь единственного числа.

2. **Глагольные ФЕ** чеченского языка весьма разнообразны в структурном плане. Наиболее распространенными в разбираемом типе являются фразеологизмы следующих моделей:

а) «имя существительное + глагол», например: *газа хьарча* — в козе задолжаться, то есть быть должным кому-либо козу — провиниться, поступив неправильно. Семантически опорным словом в данном типе ФЕ выступает имя существительное как носитель вещественного значения, глагольный компонент является грамматически стержневым словом и обозначает действие. Так, в приведенном примере семантически опорным словом является *газа*, а *хьарча* — грамматически стержневым словом;

б) «послелог + имя существительное + глагол», например: *тIе-ра кхакха баккха* — снять шкуру. Фразеологизмы такой модели в чеченском языке встречаются весьма редко; вариант данного типа: «имя существительное + послелог + глагол», например: *аттана тIе нуьйр тилла* — корову покрыть седлом, т.е. оседлать;

в) «имя существительное + имя существительное + глагол», например: *мозанна вас ца ян* — мухе обиду не причинить, т.е. и муху не обидеть; вариант этой конструкции: «причастие + имя существительное + имя существительное + глагол»: *тIаъхъависсинчун да-къа цициго дуу* — долю опоздавшего съедает кошка;

г) «имя существительное + причастие + глагол», например: *нох даъхна дала* — кончить жевать, то есть кончить есть;

д) «имя существительное + глагол», например: *бад ян* — утку сделать; *гIаз гIаттале* — гусь не проснулся (пока);

е) «деепричастие + имя существительное + глагол», например: *къанъелча, борз цаъпцалгаика яьлла* — когда состарился, волк стал охотиться на кузнециков;

ж) «имя существительное + деепричастие + имя существительное + отрицание «ца» + глагол», например: *церг йоцуи борз ца хуьлу* — волк не бывает без зубов.

3. Среди наречных ФЕ наиболее многочисленны фразеологизмы модели:

а) «имя существительное + имя существительное + наречие», например: *цицигана маIа яллалц* — пока у кота рог не вырастет;

б) «имя существительное + деепричастие», например: *нIаьнеш кхойкхуи (ваха, гIатта)* — петухи поют (когда) (идти, встать) — с петухами (идти, встать), то есть очень рано;

в) «имя существительное + имя существительное + послелог + союз «а» + деепричастие», например: *зу даг чу а йиллина* — ежа в сердце положив, т.е. кто-л. испытывает неприязнь, антипатию по отношению к кому-л.;

г) «имя существительное + санна + имя прилагательное», например: *борз санна майра* — как волк смелый; *цхьогал санна мека-ра* — как лиса хитрый;

д) «имя существительное + причастие + имя существительное + санна: *чов хилла экха санна* — рану получивший зверь как — как зверь разъяренный.

4. Адъективные ФЕ:

а) «имя существительное + имя прилагательное». Имя существительное и имя прилагательное могут быть семантически равноправными и смыслообразующими компонентами, например: *тIам шера* — крыло гладкое;

б) «имя существительное + имя прилагательное + причастие»: *хIуьрицIуьлдиган мехала доцу* — синицы ценность не имеющий. Смыслообразующим компонентом выступает имя существительное, имя прилагательное употребляется как незначимый член, имеющий экспрессивный характер.

5. Модальные ФЕ:

а) «имя существительное + глагол + местоимение + имя существительное»: *моза эккха хьан бага* — муха да залетит в твой рот;

б) «имя существительное + глагол + местоимение»: *ча тоьший-ла шех* — медведь да поверит ему;

в) «причастие + имя существительное + имя существительное

+ глагол + местоимение»: *делла жIаьла тоьшийла хьох* — мертвая собака да поверит тебе (при недоверии к кому-либо).

6. Адвербиальные фразеологизмы:

а) «имя существительное + послелог + имя существительное + причастие + наречие»: *кулла тIе моьлкьа баьллачу хенахь* — когда ящерица взберется на куст, т. е. слишком поздно.

7. Фразеологические единицы союзных конструкций:

а) **конструкции с двойными соединительными союзами.** Компоненты фразеологизма представляют собой однородные члены предложения, выраженные словами одной и той же части речи, порядок расположения компонентов закреплённый: *цицигах а, дехках а ловза* — играть в кошки-мышки; «имя существительное + деепричастие + глагол»: *котам а хилла ваха, нIаьна а хилла лела* — курицей став жить, петухом став ходить;

б) **конструкции с двойными разделительными и соединительными союзами**, например: *я велхэхь а, я велахь а, я вирах Iехахь а* — хоть плакать, хоть смеяться, хоть ослом кричать. В таких фразеологизмах порядок расположения компонентов закреплён, в начале всегда стоит союз;

в) **конструкции со сравнительным союзом «санна» (как).** В чеченской фразеологии наибольшее число фразеологизмов сгруппировалось вокруг этого компонента. К данному типу мы относим образные сравнения, в составе которых обязательным компонентом является сравнительный союз *санна* «как». В русской фразеологии многие компаративные фразеологические единицы образованы с участием сравнительного союза. Так, во «Фразеологическом словаре русского языка» более 160 фразеологизмов представлены с союзом *как* [6]. В указанном случае — это сопоставление двух предметов, мысли на основе общего признака. В структурном плане в чеченском языке это будет выглядеть в такой конструкции: субъект сравнения (постпозиция), сравнительный союз — *санна* (как) и общий признак (препозиция), например: *ча санна (онда)* — медведь как (сильный), *цхьогогал санна (мекара)* — лиса как (хитрый), *цIоганах вакхийча санна (гIийла)* — «хвост сосавший как (тощий) и т.д.

Подводя итоги изложенному о зоофразеологизмах чеченского языка, можно сказать, что в зависимости от смыслового содержания и полноты сообщения по структурному составу эти фразеологизмы делятся на две группы: номинативные (фразеологизмы, представляющие собою устойчивые сочетания слов) и коммуникативные (фразе-

ологизмы, структурно равнозначные предложению); с точки зрения соотнесенности к той или иной части речи они могут иметь разные структурные формы.

Примечания

1. Арсаханов И. Г. Лексика // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. V. Вып. 2. Грозный, 1964.
2. Мациев А. Г. Очерки лексикологии современного чеченского языка. Грозный, 1973.
3. Карасаев А. Т. О фразеологизмах чеченского языка. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Грозный, 1978.
4. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
5. Карасаев А. Т. Структурные типы фразеологических единиц чеченского языка // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. X. Вып. 2. Грозный, 1975.
6. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. М., 1986.

С. Г. БИДЕЕВА,
аспирант СОИГСИ

ГОРЫ И КАМНИ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОСЕТИН

В современных условиях жизни, в погоне за материальными ценностями люди теряют свою самобытность, утрачивают веками сложившиеся традиции своего народа. А народ, потерявший родные ориентиры, начинает умирать как общность. В связи с этим целесообразным считаем обратить внимание на религиозно-культурные воззрения предков.

Исторически сложившиеся условия жизни осетин в суровой горной местности не могли не повлиять на их религиозные воззрения и представления осетин. Некоторые предметы и явления в окружающей осетин природе оказывали весьма существенное влияние на хозяйственную жизнь и потому были окутаны религиозным почитанием. Таковыми являлись прежде всего горы и леса, затем гроза (молния), отчасти ветер и вода.

Н. Жданов в «Рассказах о кавказском племени осетинах» указывает, что из-за обособленности и замкнутости жизни у осетин возникли «свои порядки и обычаи, образовалась своя вера. Они поклонялись деревьям, боготворили горы, верили в многочисленных богов» [1,13]. Однако не стоит воспринимать этот факт как результат скудности знаний о природных процессах. Ведь даже после принятия христианства и появления значительного количества церквей, осетины гораздо чаще посещали старинные святые места, нежели церковь.

О древности почитания камней свидетельствует обилие их в могильниках. «На Кавказе, — пишет К. Кох, — имеется много так называемых священных гор, и каждый житель этих гор, будь он магометанин или христианин, или ни тот, ни другой, не взглянет на такую гору, не поклонившись и не осенив себя крестным знаменем» [2, 23]. Осетины в своих молитвах обращались к величественным снежным вершинам гор, считая их местом обитания святых [3,177].

О наличии культа гор свидетельствует также то, что практически все святилища находились высоко в горах в весьма труднодоступных местах. Со временем, чтобы миновать такого рода изнурительные подъемы, у подножия гор устанавливали обломок от святой скалы, и таким образом появлялись новые места поклонения, своего рода филиалы (кувæндоны), в легкодоступных для всех местах. Такой камень имеется в центре селения Гуджарет, доставленный со святилища на гребне горы [4, 272]. Иногда перенос функций основного святилища происходил неоднократно, причиной чему служило переселение людей на равнину. Например, святилище Дзывгъисы Уастырджийы дзуар было образовано как кувæндон — филиал святилища Дагомы Уастырджи, который в свою очередь был кувæндоном-алтарем святилища Хъæриуы Уастыстырджийы дзуар, находящегося на вершине горы Кариухох [5, 13].

Кувæндоны не были случайными, импровизированными постройками. Строительство их так же, как и основных святилищ, выполнялось по строгим культовым законам. Одни из самых древних молитвенников представляли собой подобие трехступенчатой пирамиды (зиккурата), где первая (наружная) ступень состояла из замкнутого круга камней, вторая ступень выкладывалась в виде квадратной площадки, и третья (центральная) возводилась на площадке в виде стелы с нишей для приношений. Такие молитвенники мы можем увидеть в с.Калак, святилище Саудзуар над с. Ечна и др. [5, 9-10]

В поверьях осетин встречалось предание об Ахары-дур (всепотрясающий и пожирающий камень), который, утверждали, упадет киаматы-бон (тяжелый день) с неба. Падением своим он якобы сотрясет землю, потом, обладая громадным ртом, поглотит её с обитающими на ней существами, а также солнце, луну и звезды [6, 206-207]. Это поверье объясняло процессы затмения солнца и луны.

Верили осетины в одушевленность камня. Свидетельством этого служит то, что при постройке жилища камни не обрабатывались кувалдой, полагая, что при ударе камень умирает. Были случаи, когда все же встречался подобный вид обработки, при этом камень крошился и становился непригодным. Такие факты не могли не усиливать веру в магические свойства камня [7].

И в мифологии мы можем найти тому подтверждение. В эпических сказаниях встречается сюжет о рождении Сослана из камня, оплодотворенного неким пастухом (или небожителем) при виде полуобнаженной Сатаны. Подобный сюжет можно встретить в мифи-

ческих сказаниях других народностей. Так, из скалы родился прославленный малоазиатский бог Митра (petrogenes— рожденный из камня) [8, 172-173].

Осетины глубоко верили в непреодолимую силу вещей и животных. Практически каждая семья имела свой собственный священный предмет. Среди таких предметов нередко встречались различные камни. В силу почитаемых камней верили настолько, что никогда не нарушали клятвы, данной над ним [1, 41]. Таким священным камнем-скалой является *кувæн дур* (камень Майрæм), расположенный у главного женского молитвенника на территории Ивард Реком (а) (Цейское ущелье). Считалось, что брачный стовор, заключенный у камня *кувæн дур*, был особенно прочным и счастливым. С данным камнем связан ещё один обряд. Когда мальчику исполняется год, мать и близкие родственные женщины несут ребенка на *кувæн дур* и крутят его 3 раза на плоском верхе камня приговаривая: «Лæппуйыл Сосланы тых бафтæд» (да прибудет в мальчике сила Сослана) [5, 44].

В силу данного обряда верят и совершают по сей день. Нам удалось стать свидетелем совершения этого обряда. В день празднования Рекомы *бæрæгбон* (праздник Рекома) С. Х. Джанайты совершил священный обряд над годовалым мальчиком, Дзаратом Дауевым, в присутствии близких родственников мальчика.

Сохранились сведения о большом белом камне со следами ступни легендарного Хетага, родоначальника Хетагуровых. Расположен он был в селении Нар Алагирского ущелья. Местные жители, проходя мимо камня, снимали шапки и поклонялись ему как святыне. Камень был сброшен местным священником и дьяконом в реку, но нарцы вытащили его из воды и поставили на прежнее место [9, 32-33].

Известно, что в селении Эдис Южной Осетии на возвышенной поляне раньше лежал большой белый камень. Однажды в праздник Уацилла (Уацилла — покровитель плодородия, а также повелитель грома и молний) с абсолютно ясного неба ударила молния и разбила этот камень. Данное явление было истолковано так, что Уацилла требует, чтоб на этом месте было устроено ему святилище. Так и было сделано. Из обломков разбитого камня построили капище Уацилла. В настоящее время святилище Уацилла на горе, к северу от селения Эдис, представляет сложенную в виде пирамиды кучу камней [3, 179-180].

Белый камень как оберег, наделенный особо сильными магическими свойствами, был известен и другим кавказским народам.

Продырявленный камень в качестве оберега издревле использовался осетинами. Об этом свидетельствуют найденные археологами кольцеобразные культовые камни на территории исторической Алании и современной Осетии. Подобный камень служил средством для обезвреживания злых сил. В эпических сказаниях упоминается серый камень — камень забвения, который находился на нартовском ныхасе, тот, кто на него ложился, забывал о своем горе [4, 272-273].

Среди священных гор Казбек занимает одно из главных мест. С древних времен рассказывают, что на его вершине расположена церковь, в которой находится колыбель Иисуса Христа. Сказание гласит еще о том, что рядом с колыбелью находится большой клад. Это неоднократно побуждало алчных людей взбираться на вершину Казбека. По преданиям, добраться до вершины никому не удавалось. По рассказам людей, церковь можно было видеть на юго-восточной вершине, сорвавшаяся же скала скрыла её от глаз осетин. Неудачной оказалась попытка двух осетин Дударока и Адашука найти клад на вершине горы. После их долгого отсутствия жители селения Гергети отправились на их поиски. Их нашли слепшими. Это обстоятельство было воспринято как наказание за преступное деяние. С возникновением селения Гергети связано весьма интересное предание. Отшельница по имени Гергети удалилась от соблазнов жизни, переселившись на возвышенность, находившуюся на Казбеке. Её благочестивая жизнь обратила на себя внимание осетин, которые стали считать её святой. Из отдаленных краев стали собираться к ней больные, чтобы получить, если не выздоровление, то, по крайней мере, утешение. После её смерти царица Тамара построила над её могилой церковь (на горе Кенеш). С течением времени около церкви стали поселяться верующие. Так возникло селение Гергети [10, 24-26].

Священной и непреступной так же считается гора Бурсамдзели (Брутсабсели) в Южной Осетии. Считалось, что на вершине обитает суровый дух, посылающий вьюги и метели, грозу, ветер и дождь. По преданиям, тот, кто дерзнет взобраться на её вершину, будет наказан слепотой или же превратится в камень [3, 177-178]. Как гласит сказание, два охотника решили взобраться на гору для того, чтобы завладеть находящимся наверху кладом. Неожиданно спустился густой туман и воспрепятствовал дальнейшему их восхождению. Один из них второй раз предпринял свою попытку и достиг второй трети горы. Тогда божество рассердилось на него, за что он был наказан слепотой. Ежегодно осетины приносили горе в жертву

животное, и, поднимая глаза к её вершине, крестились и смиренно склоняли голову.

Рассмотрев традиционно сложившиеся взгляды и верования осетин в отношении окружающей их природы, в частности горных систем и отдельных камней, мы можем наблюдать грамотное поведение в экстремальных горных условиях, что явилось залогом гармоничного существования с природной средой. На сегодняшний день, когда проблемы устойчивого развития горных территорий обсуждаются весьма остро, разумным стоит обратиться к исторически сложившейся культуре поведения и вместе с современными возможностями и технологиями применять мудрость, накопленную веками нашими предками.

Примечания

1. Народы России // Рассказы о кавказском племени осетинах Н. Жданова / Под ред. Н. Харузина. М., 1898.
2. Научный архив СОИГСИ (НА СОИГСИ). Ф. 4. Оп. I. Д.8.
3. Чурсин Г.Ф. Осетины. Этнографический очерк // Юго-Осетия. Материалы по изучению Грузии. Труды Закавказской Научной Ассоциации. Серия I. Выпуск 1. Тифлис. 1925. С. 132-232.
4. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Москва: РОССПЭН, 2008.
5. Джанайты С.Х. Три Слезы Бога. Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева., 2007. 158 с.
6. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник. Кн. 3/Сост. Чибиров Л. А. Цхинвали: Ирыстон, 1987.
7. ПМА. 2012 г. Информатор Дауев А. Ф., г. Владикавказ.
8. Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.
9. Шанаев Дж. Народные сказания кавказских горцев // Кавказские горцы. Сборник сведений. Тифлис, 1870. Гл. II. Москва: МНТПО «Адир», 1992.
10. Научный архив СОИГСИ (НА СОИГСИ). Ф. 4. Оп. I. Д. 5.

IV. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

**О.А. БИЧИЛОВ,
аспирант СОГУ**

ВETERАНЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

История Октябрьской революции и гражданской войны изучалась длительное время в рамках советской методологии, что затрудняло исследование многих вопросов, не вписывающихся в общепринятые научные рамки.

Современные способы исторического исследования позволили не только обогатить, но и выделить такие аспекты революционного прошлого, которые ранее оказались за пределами научного поиска.

Социальная помощь в условиях послереволюционного времени ветеранам гражданской войны, в том числе и «красным партизанам», является одной из самых малоизученных проблем. Мы не ставим в статье цель изучить весь комплекс проблем, связанных с «красными партизанами», но все же постараемся определить некоторые направления в исследовании этого важного социального компонента.

После окончания гражданской войны особое внимание было уделено социальному обеспечению демобилизованных красногвардей-

цев и «красных партизан». Официально объявлялось, что забота о социальной сфере относится к числу важнейших направлений деятельности партии и советского государства. Так, 22 февраля 1928 года Центральный исполнительный комитет и Совет Народных Комиссаров СССР приняли постановление «О предоставлении ряда льгот бывшим «красным партизанам» и красногвардейцам к X годовщине создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии». В связи с этим 24 марта 1928 года СНК РСФСР издал Постановление «О льготах, облегчающих ведение хозяйств, «красным партизанам» и красноармейцам». Этим постановлением было точно определено, на кого именно распространяются льготы. Для проведения в жизнь этих постановлений при военкоматах райисполкомов была начата работа по отнесению участников гражданской войны к категории бывших красноармейцев и «красных партизан». Однако 1 августа 1929 года в газете «Известия» Президиум ЦИК ВКП (б) и комиссии Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции СССР констатировали неудовлетворенность практического выполнения постановления ЦИК и СНК СССР от 22 февраля 1928 года. Постановление о предоставлении льгот бывшим «красным партизанам» и красногвардейцам не было достаточно популяризовано, что не давало возможность части «красных партизан» и красногвардейцев использовать льготы, предоставленные правительством. Кроме того, учет бывших «красных партизан» и красногвардейцев не был полностью произведен, в результате чего материальная помощь распределялась механически по районам, что приводило к излишку средств в одних районах при одновременной острой нехватке в других. Также обнаруживались факты использования этих средств не по назначению. В связи с этим СНК РСФСР 25 марта 1930 года принял решение об организации при районных исполнительных комитетах, городских советах и в сельских советах комиссий по выдаче удостоверений бывшим красногвардейцам, «красным партизанам» и членам их семей.

27 марта 1933 года Городской совет г. Орджоникидзе VI созыва принял Постановление «О льготах бывшим «красным партизанам» и красногвардейцам», где подтверждались льготы для красногвардейцев и бывших «красных партизан». В дополнение к постановлению Президиума Горсовета от 31 января 1931 года было установлено, что бывшие «красные партизаны» и красногвардейцы имели право на получение жилплощади из жилищного фонда от квартирного бюро. В случае нуждаемости наравне с рабочими бывшие «красные партиза-

ны» и красногвардейцы получали право на внеочередное получение продуктовых и промышленных товаров. Также ветераны гражданской войны имели право на льготное приобретение железнодорожных билетов и билетов в театр, цирк и на прочие увеселительные мероприятия. В документе подтверждалось: «...помимо льгот местного значения бывшим «красным партизанам» и красногвардейцам и семьям погибших красногвардейцев и партизан предоставляется право на специальные льготы, декретированные постановлением правительства, в частности, имеют преимущество при приеме на курсы и в учебные пункты производственно-технической подготовки рабочих для повышения квалификации; сами «красные партизаны» и красногвардейцы и их дети принимаются во все учебные заведения наравне с рабочими, а дети их пользуются преимуществом перед другими учащимися — правом на государственную стипендию; дети бывших красных партизан и красногвардейцев наравне с детьми рабочих помещаются на бесплатные места в детские дома, колонии и тому подобные заведения. На одинаковых основаниях с детьми рабочих дети умерших «красных партизан» и красноармейцев принимаются в эти учреждения в первую очередь» [1].

Во втором пункте данного постановления отмечается: «Имеющим право на социальное обеспечение инвалидам Красной гвардии и партизанских отрядов, членам семей погибших красногвардейцев начисляется пенсия в первую очередь преимущественно перед всеми остальными лицами. А также в случае нуждаемости их в курортном и санаторном лечении они посылаются на курорты в первую очередь (распространяются и на членов их семей)» [2].

Все льготы, как местного значения, так декретированные правительством, предоставлялись исключительно тем из бывших «красных партизан» и красногвардейцев, кто прошел проверку в 1932 году и имел на руках удостоверение установленного образца.

Несмотря на то, что правительство заботилось о выполнении указанных постановлений, на местах они нередко нарушались, а то и вообще игнорировались.

Так, 5 сентября 1933 года на имя директора электростанции города Орджоникидзе поступила жалоба от заместителя начальника городского собеса Гринберга о том, что вагоновожатые трамваев незаконно отнимают партизанские книжки у «красных партизан», не имеющих отметки о прохождении чистки за 1933 год: «Участились случаи, когда вагоновожатые трамваев отбирают справки и билеты у

бывших партизан, аргументируя свои действия тем, что на документах имеется отметка о прохождении чистки в 1932 году, а не в 1933 г. Городской собес считает такое явление крайне негативным» и разъясняет, что «последняя проверка была в 1932 году. Таким образом, все бывшие «красные партизаны», имеющие справки или отметки в партизанских билетах о прохождении проверки в 1932 году, считать подлинными, а также и их остальные документы до получения единого партизанского билета» [3].

Также от имени «Комиссии по делам красногвардейцев и красных партизан» на имя директора «Севкавцинк» (ныне ОАО «Электрощинк») 29 сентября 1933 года поступило заявление о том, что продавец хлебной лавки, принадлежавшей «Севкавцинку», не захотел без очереди отпускать хлеб «красному партизану», предъявившему свое удостоверение: «Продавец хлебной лавки №11, принадлежавшей «Севкавцинку», Албеков А. не хотел отпускать хлеб бывшему «красному партизану» без очереди, и на почве данного факта произошел скандал. Когда «красный партизан» предъявил свое удостоверение, то продавец заявил ему, что он никаким удостоверениям не подчиняется» [4]. Далее в письме администрацию завода просят ознакомить Албекова с постановлением Горсовета от 27 марта 1933 года и применить к нему строжайшие меры.

Письмо «О льготах забыли» было направлено в редакцию газеты «Северокавказский большевик» 19 июня 1934 года. В нем жаловались на то, что в городе Орджоникидзе ветераны гражданской войны лишены ряда льгот. Помимо этого, в письме говорилось: «В отличие от других городов, где распространяется льгота для «красных партизан» на посещение театра, кино и т.д., в Орджоникидзе такой привилегии ветераны лишены. Кроме того, каждый год во время отправки детей «красных партизан» в пионерские лагеря делалась 50%-я скидка в приобретении путевок. Однако председатель заводского комитета вагоноремонтного завода Бондаренко заявил, что: «Никому никаких скидок нет». Начальник завода предложил написать коллективное заявление за подписями бывших «красных партизан» в Городской совет. Тот, ознакомившись с данным заявлением, поручил «Комиссии «красных партизан» расследовать дело, и дать соответствующий ответ в редакцию «Северокавказского большевика», а копию ответа предоставить в Областной исполнительный комитет» [5].

1 марта 1935 года вышло новое Постановление Президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета «Об улучшении

материально-бытовых условий бывших красногвардейцев и «красных партизан», где спектр социальных услуг расширился и конкретизировался. Перед областными партизанскими комиссиями ставились конкретные задачи: так, в числе неотложных мер был вопрос о предоставлении всем красногвардейцам и «красным партизанам» и семьям погибших и умерших красногвардейцев и «красных партизан» следующих льгот:

«а) Получение бесплатной медицинской помощи наравне с застрахованными рабочими вне очереди во всех врачебных учреждениях городского здравоохранительного отдела;

б) преимущественное право на бесплатное помещение в детские ясли, детские сады и площадки. Установить 50%-ю скидку на питание в детсадах, площадках и яслях детям бывших «красных партизан», инвалидов-пенсионеров, многосемейных, чей заработок составляет менее 150 рублей, а также преимущественное право перед другими категориями населения приема детей в школы, на курсы повышения квалификации, получение стипендий;

в) бесплатный проезд на трамваях и автобусах городского и пригородного сообщения независимо от места выдачи красногвардейской или партизанской книжки;

г) бесплатный вход в городские и курортные парки культуры и отдыха, цветники, на стадионы «Динамо» и на устраиваемые в городах выставки;

д) право на получение с 50% скидкой билетов по одной красногвардейской и партизанской книжке в театр или кино;

е) право на заселение свободной жилплощади в домовладениях жилищной кооперации вне очереди наравне с рабочими, работающими на предприятиях;

ж) предоставить 30%-ю скидку квартплаты и платы, за коммунальные услуги (электричество, водоснабжение, канализацию). Скидки должны производиться с суммы квартплаты с коммунальных услуг;

з) право внеочередности и скидки в размере 50% платы за пользование банями и коммунальными услугами;

и) преимущественное право на получение топлива со складов гортопа и перед другими категориями трудящихся;

к) предоставить 50-е скидки за пользование трансляционными точками радио и телефонов, установленные для других категорий трудящихся.

1. Единственным документом, дающим право на получение установленных настоящим постановлением льгот, является единое удостоверение, утвержденное ВЦИК от 10 марта 1932 года.

Примечание:

а) Товарищи, имеющие билеты других образцов с отметкой пере-регистрации в 1933-1934 гг., пользуются такими же льготами впредь до обмена на билеты единого образца;

б) Если бывшие красногвардейцы и «красные партизаны» проживают не в одной местности с семьей, то семьи получают перечисленные выше льготы по справкам партизанских комиссий.

2. Предоставить право красногвардейцам и «красным партизанам» на очередное обслуживание в парикмахерских.

3. Предложить всем отделам Крайисполкома, Облисполкома и Горсовета жалобы бывших красноармейцев, «красных партизан» и их семей рассматривать в течение 3 дней.

4. Наблюдение за выполнением льгот красногвардейцам и «красным партизанам» возложить на Краевую партизанскую комиссию» [6].

О защите социальных гарантий партизанскими комиссиями свидетельствуют архивные материалы. Например, ответственный секретарь Северо-Осетинской областной партизанской комиссии Наскидаев просит заведующего городским коммунальным хозяйством Попова о том, чтобы он «обеспечил квартирой бывшего «красного партизана» Халлаева Кунуко собственной квартирой» [7]. Другой аналогичный случай: «Северо-Осетинская областная комиссия ставит в известность Председателя Орджоникидзевого РИК Торчинова о том, что на его имя поступила жалоба от вдовы бывшего «красного партизана» Мулукаева Хаджимуссы Мулукаевой Марии о том, что ее выселяют из занимаемой ею квартиры, причем, не предоставляя никаких льгот по взносу налогов. Областная партизанская комиссия просит Торчинова, чтобы он лично вмешался в данное дело» [8].

А 21 июня 1935 г. в Северо-Кавказскую краевую комиссию, в город Пятигорск, поступило письмо от Северо-Осетинской областной партизанской комиссии о том, чтобы как вышестоящая инстанция она «похлопотала для Северно-Осетинской областной партизанской комиссии на предмет снабжения больных партизан бесплатными курортными путевками в Кисловодск, Пятигорск и Цей» [9].

Также 5 апреля 1935 г. от имени Северо-Осетинской партизанской комиссии за подписью ответственного секретаря данной организа-

ции Наскидаева на имя директора Военно-инженерной академии им. Куйбышева была направлена просьба «...принять сына бывшего «красного партизана» Такоева Даукуя Такоева Г.Д. на учебу в академию» [10].

Как видно, социальные льготы оказывали немалую помощь данной категории граждан. Но вместе с этим выявлялись и факты нарушений постановлений местными органами власти, а то и вовсе ими игнорировались. Из-за этого бывшие «красные партизаны» и красноармейцы, а также семьи погибших «красных партизан» и красноармейцев вынуждены были обращаться в вышестоящие органы власти, прося их разобраться и принять должные меры. Власть в свою очередь старалась не оставлять без внимания эти жалобы и применяла соответствующие меры к недобросовестным чиновникам и должностным лицам.

Таким образом, партийное руководство искало дополнительные возможности для сплочения населения. Правящий режим, лавируя, создавал видимость стабилизации внутривластной обстановки, вселяя в людей иллюзорные надежды на восстановление добра и справедливости и особенно — веру в «мудрого вождя», который во всем разберется и воздаст должное творящим зло и беззаконие. Предоставление социальных льгот людям, участвовавшим в борьбе с контрреволюцией, было одним из инструментов, с помощью которых поддерживалась эта вера.

Примечания

1. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания (далее — ЦГА РСО-А). Ф.60 Оп.1.Д. 811. Л.24.
2. Там же. Л.35.
3. Там же. Л.56.
4. Там же. Л.56
5. Там же. Л.3.
6. Там же. Л. 23.
7. Там же. Ф.44. Оп.1. Д.177. Л. 44.
8. Там же. Л.45.
9. Там же. Л.49.
10. Там же. Л.50.

Г. Ф. ГЕБЕКОВ,
 кин, мнс ИИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И СОВРЕМЕННАЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА *(по материалам социологического опроса)*

Образование испытывало в конце XX — нач. XXI вв. влияние глобализации, информатизации, реисламизации. Усиление национального компонента в программах образовательных учреждений, необходимость учета национальных и религиозных особенностей, традиций в области просвещения вызывают в обществе неоднозначную реакцию.

Изучение родного языка усиливает и патриотические, и национальные чувства. Поэтому одной из основных учебных дисциплин национально-регионального компонента является «Родной язык». Кроме того, именно эта дисциплина вызывает в дагестанском обществе наибольшее число дискуссий. Как известно, в постсоветском Дагестане интенсифицировались процессы изучения родных языков в общеобразовательных учебных заведениях. В городских школах республики с 1988 по 1996 гг. на добровольных началах стали открываться группы по изучению родных языков.

Несмотря на то, что решением коллегии Министерства образования Республики Дагестан (МО РД) изучение родных языков с 1988 г. введено во все образовательные учреждения республики, к 2002 г. больше половины от общего количества учащихся городских школ не изучали свои родные языки. Это при том, что родной язык, наряду с другими дисциплинами, обозначен в примерном базисном учебном плане дагестанской общеобразовательной школы с 1997 г. как обязательный предмет [1, 53]. Приведем некоторые данные по городам на 1 июля 2002 г. В Кизляре родной язык изучали 7% учащихся, в Каспийске — 30%, в Буйнакске — 55%, в Кизилюрте — 63%, в Дагестанских Огнях — 83% [2, 53].

С начала 90-х гг. в сельских национальных школах республики

преподавание в 1-4 классах ведется уже на родных языках. В 5-11 классах они стали изучаться как предмет. Произошел возврат к оправдавшей себя модели обучения русскому и родным языкам, которая относительно успешно функционировала в период с 1938/39 учебного года до начала 60-х гг. Сотрудники Дагестанского НИИ школ, обследовавшие результаты перевода детей на трехлетнее обучение (не считая подготовительных классов) вместо четырехлетнего (не считая подклассов) и их обучение на русском языке с 3 класса, установили низкий уровень усвоения программного материала. С одной стороны, дети не были психологически подготовлены к переходу на русский язык обучения с 3 класса, с другой, — учителя не имели соответствующей квалификации для ведения учебных предметов на русском языке [3, 39].

Несмотря на юридически обязательное изучение родных языков, фактически во многих школах республики родной язык является факультативным предметом, а значит менее обязательным. По официальным данным, родной язык преподается везде, но редко где доводится до 11 класса. «Тут у директоров выискивается множество причин, это и отсутствие педагогов, и нехватка помещения, и отсутствие дидактического материала. Вот с этим и необходимо бороться, что касается кадров, то у нас есть два факультета, которые готовят учителей родного языка, был даже период, когда мы допускали, что эти уроки будет вести учитель-гуманитарий, носитель языка» [4].

Некоторые проблемы, с которыми сталкиваются учащиеся школ при изучении родного языка, имеют много общего с проблемами обучения иностранным языкам. Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко справедливо отмечают, что «в доперестроечные времена, традиционное изучение иностранных языков в средней и высшей школе сводилось в нашей стране к чтению текстов. При этом филологов обучали, как правило, на основе чтения художественной литературы, а все другие — не филологи — осваивали понимание специальных текстов соответственно своей будущей профессии и сдавали на экзаменах так называемые «тысячи». Роскошь обучения повседневному общению (разговорному языку) оставалась уделом привилегированных слоев населения — узкой группы специалистов-международников (дипломатов, работников внешней торговли, переводчиков и т. п.), а также выпускников средних школ с углубленным изучением иностранного языка (так называемых спецшкол), где практиковались особые методы и имелись специфические

возможности обучения разговорной речи. Детям из социально и культурно «продвинутых» слоев населения обеспечивалось качественное образование и в том числе углубленное обучение разговорному иностранному языку. Подавляющее большинство изучающих иностранный язык в те времена осуществляли это обучение в условиях абсолютной невозможности реального знакомства с миром изучаемого языка и практического использования полученных знаний. Даже в гуманитарных вузах все сводилось к изучению знаменитых «топиков», акцентировалась лишь одна — информативная — функция освоения иностранного языка, из всех возможных навыков (чтение, письмо, говорение, понимание на слух) развивался только один, пассивный, ориентированный на «узнавание», — чтение. Это было неизбежным следствием того, что страна была отрезана от мира и общение с иными народами было существенно ограничено. Инерция подобных методов обучения сохраняется в определенных институтах вплоть до наших дней» [5, 80].

При изучении родных языков в городских школах современного Дагестана многие учащиеся сталкиваются с теми же проблемами, что и при изучении иностранных языков: отсутствие возможностей для практического использования полученных знаний, недостаточное количество учебных часов, недостатки методологического характера (акцентируется лишь одна — информативная — функция освоения родного языка, из всех возможных навыков (чтение, письмо, говорение, понимание на слух) развивается только один, пассивный, ориентированный на «узнавание» — чтение).

Однако, несмотря на схожесть проблем, в практике преподавания иностранных языков в городах Дагестана, в отличие от преподавания родных языков, имеется больше положительных сдвигов: появляются платные курсы, предлагающие дагестанцам различные программы западного обучения иностранным языкам; предусмотрена сдача ЕГЭ по иностранным языкам; в большинстве учебных заведений кабинеты иностранных языков оснащены лучше, чем кабинеты родных языков, кроме того, во многих школах кабинетов родных языков вообще нет; меньше проблем с учебниками и учебными пособиями; больше специалистов, имеется более квалифицированный педагогический состав; обучением родному языку охвачено меньшее количество учащихся, вследствие того, что во многих классах могут быть несколько представителей определенных национальностей, которым по различным причинам не могут предоставить возможность изучать свой родной язык;

качество преподавания родных языков хуже, и требования к знанию этих дисциплин не такие высокие, как по иностранным языкам; в некоторых школах родные языки не преподают по различным, зачастую надуманным причинам, а в отношении иностранных языков такие случаи являются значительно менее распространенными.

В 2008 г. нами был проведен социологический опрос на территории трех географических зон Дагестана: равнинной, предгорной и горной. В числе различных вопросов были и такие, которые имеют непосредственное отношение к проблеме обучения родным языкам. Ниже в таблицах даны результаты анкетирования.

Таким образом, дагестанцы более терпимо относятся к учебным предметам общероссийской значимости, в сравнении с предметами, составляющими национально-региональный компонент (см. таблицу № 1).

Если же сравнить отношение респондентов к учебным предметам национально-регионального компонента, с одной стороны, и к предметам, имеющим отношение к общемировому историко-культурному и языковому наследию, с другой стороны, то, исходя из данных таблицы № 1, мы приходим к следующим выводам:

Во-первых, данное отношение несколько дуалистично. Так, все рассматриваемые социальные группы более терпимо относятся к преподаванию в образовательных учреждениях иностранного языка в сравнении с обучением родным языкам. Вместе с тем, противоположная тенденция проявляется в том, что мнение общественных страт более позитивно настроено по отношению к предмету культура и традиции народов Дагестана в сравнении с мировой культурой. Кроме того, наблюдается более положительное отношение социальных групп (за исключением преподавателей вузов) к предмету история Дагестана в сравнении с историей зарубежных стран. Положительное отношение респондентов к изучению иностранных языков может свидетельствовать об их прагматизме, который в свою очередь является одной из основополагающих ценностей западного общества.

Во-вторых, нигилистическое отношение более отчетливо и болезненно выражено в массовом сознании школьников: 34,5% которых считают, что не следует преподавать мировую культуру, 33,5% — родные языки, 27,1% — историю зарубежных стран, 26,6% — дагестанскую литературу, 24,6% — культуру и традиции народов Дагестана, 19,2% — географию Дагестана, 18,2% — историю Дагестана. Результаты опроса показывают маргинализацию молодежного сознания.

Таблица № 1
«Укажите, пожалуйста, какие из перечисленных ниже предметов на ваш взгляд не следует преподавать в государственных учебных заведениях (школах, училищах, институтах и т. д.), функционирующих на территории Дагестана?»
(отметьте не более 7 предметов)?»

Варианты ответов	русский язык	иностранный язык	родной язык	русская и зарубежная литература	дагестанская литература	география России и зарубежных стран	география Дагестана	история Отечества	история Дагестана	история зарубежных стран	история религий	мировая культура	культура и традиции народов Дагестана	все вышеперечисленные предметы нужно преподавать	затрудняюсь ответить
	Респон- денты														
школьники	10,3*	16,3	33,5	17,7	26,6	14,8	19,2	6,4	18,2	27,1	28,1	34,5	24,6	22,2	1,0
учителя школ	8,3	7,1	15,5	7,9	11,1	7,1	9,9	6,3	11,5	25,8	28,2	24,2	13,1	43,7	4,0
студенты вузов	3,2	4,3	17,2	4,3	4,3	4,3	8,6	2,2	2,2	10,8	8,6	7,5	5,4	57,0	11,8
преподаватели вузов	10,0	10,0	11,7	3,3	5,0	8,3	5,0	6,7	6,7	5,0	3,3	8,3	6,7	75,0	3,3
родители школь- ников и студен- тов вузов	6,5	9,2	17,4	12,0	7,0	12,5	10,9	9,8	7,0	26,6	20,7	22,8	12,0	41,9	7,0
итого	7,7	9,4	19,1	9,0	10,8	9,4	10,7	6,3	9,1	19,1	17,8	19,5	12,4	48,0	5,4

Примечание: в этой и последующих таблицах по результатам социологических опросов цифры относительные (в процентах к общему числу респондентов определенной категории).

Таблица № 2

«Считаете ли вы, что предметы национально-регионального компонента (родной язык, культура и традиции народов Дагестана, дагестанская литература, география Дагестана, история Дагестана) находятся в ущемленном состоянии в сравнении с другими предметами (отметьте не более 4-х вариантов ответа)?»

Варианты ответов Респонденты	да, иногда эти предметы не преподаются по различным, зачастую надуманным причинам	да, так как на их изучение отводится небольшое количество часов в сравнении с другими дисциплинами	да, качество преподавания этих предметов хуже, и требования к знанию этих дисциплин не такие высокие, как по другим предметам	да, отсутствуют специальные кабинеты, мало учебников, а те, что имеются, уже устарели	нет, на мой взгляд, не стоит отводить на изучение этих предметов дополнительные часы в ущерб другим предметам	нет, учитывая ненужность этих предметов, их положение вполне соответствует отведенной им второстепенной роли	затрудняюсь ответить
школьники	29,6	34,0	24,6	38,4	32,0	20,7	9,4
учителя школ	26,2	31,0	36,9	47,6	30,2	11,1	4,8
студенты вузов	16,1	30,1	39,8	36,6	14,0	14,0	8,6
преподаватели вузов	23,3	28,3	38,3	36,7	18,3	1,7	6,7
родители школьников и студентов вузов	28,3	34,8	33,2	39,1	21,7	9,2	13,0
итого	24,7	31,6	34,6	39,7	23,2	11,3	8,5

Таблица № 3

«Как вы относитесь к существующему в городских школах положению, когда родной язык является факультативным (не обязательным, изучаемым по желанию учащихся и их родителей?)»

Варианты ответов Респонденты	положительно, учащиеся должны иметь право изучать или не изучать свой родной язык	отрицательно, каждый учащийся обязан изучать свой родной язык, так же как и другие предметы	мне все равно	затрудняюсь ответить
школьники	44,8	45,8	7,4	1,5
учителя школ	35,3	56,7	2,0	4,8
студенты вузов	45,2	39,8	9,7	5,4
преподаватели вузов	40,0	55,0	5,0	0,0
родители школьников и студентов вузов	37,5	52,3	5,4	4,3
итого	40,6	49,9	5,9	3,2

Для выявления причин, способствующих негативному восприятию учебных дисциплин национально-регионального компонента некоторой частью населения республики, нами был поставлен вопрос: *«Считаете ли вы, что предметы национально-регионального компонента (родной язык, культура и традиции народов Дагестана, дагестанская литература, география Дагестана, история Дагестана) находятся в ущемленном состоянии в сравнении с другими предметами (отметьте не более 4-х вариантов ответа)?»*. Были получены следующие ответы (см. таблица № 2).

Ответы на поставленный вопрос свидетельствуют о стесненном положении, в котором оказались предметы регионального компонента. Интересно отметить, что у респондентов, имеющих отношение к средним общеобразовательным учебным заведениям, а именно у школьников и учителей, наиболее популярным был ответ *«да, отсутствуют специальные кабинеты, мало учебников, а те, что имеются, уже устарели»*. Видимо материальная проблематика наиболее остро стоит в школах республики. Особенно эти проблемы актуализируются, когда речь идет о предметах национального цикла.

Недостаточное внимание властных структур к материальному обеспечению преподавания дисциплин национально-регионального компонента детерминирует в какой-то степени нигилистическое отношение к этим предметам у молодого поколения. 20,0% школьников и 14,0% студентов считают, что *«учитывая ненужность этих предметов, их положение вполне соответствует отведенной им второстепенной роли»*.

Кроме того, пренебрежительному восприятию данных дисциплин в сознании учащейся молодежи способствует ситуация, когда они иногда не преподаются по различным, зачастую надуманным причинам, а также когда на их изучение отводится небольшое количество часов в сравнении с другими предметами.

Следует отметить, что из всех исследуемых социальных страт, именно школьники дали в процентном соотношении наибольшее число отрицательных ответов на поставленный вопрос. При сложении относительных чисел получается следующая картина: 52,7% учащихся общеобразовательных школ считают — *«не стоит отводить на изучение этих предметов дополнительные часы в ущерб другим предметам»* (32,0%), а также, что *«учитывая ненужность этих предметов, их положение вполне соответствует отведенной им второстепенной роли»* (20,7%). Это говорит, с одной стороны, о прагматизме

молодых людей, которые не хотят тратить свое время на изучение того, что, по их изначально ошибочному мнению, не понадобится им в будущей профессиональной деятельности, с другой стороны, о тривиальном нежелании получать вообще какие-либо знания.

Студенты и преподаватели высших учебных заведений наиболее часто указывали на то, что *«качество преподавания этих предметов хуже и требования к знанию этих дисциплин не такие высокие, как по другим предметам»*. На наш взгляд, это объясняется различными причинами:

Во-первых, в 90-е гг. XX в., когда началось поспешное усиление национально-регионального компонента, не было достаточного количества квалифицированных педагогических кадров. Зачастую преподавателями по учебным дисциплинам становились специалисты из смежных наук. Кадровый дефицит дает о себе знать и сегодня. Выпускники высших и средних специальных учебных заведений из-за невысокой заработной платы в общеобразовательной школе трудоустраиваются в иные социально-экономические отрасли. Во-вторых, конкурсы при поступлении на факультеты, к примеру, по дагестанской филологии незначительные. Зачастую поступают абитуриенты, которые не смогли поступить на более «престижные» специальности в силу причин, в первую очередь, материального, во вторую очередь, интеллектуального характера. В-третьих, дирекции школ, ректораты и деканаты не показывают должной требовательности к знаниям учащихся по учебным предметам национально-регионального значения даже в той мере, в какой это делается по другим дисциплинам.

Далее в контексте предыдущего вопроса респондентам был задан следующий вопрос — *«Как вы относитесь к существующему в городских школах положению, когда родной язык является факультативным (не обязательным, изучаемым по желанию учащихся и их родителей?)»*. Были получены следующие ответы (см. таблица № 3). Как показывает таблица, наиболее либеральными оказались студенты (45,2% ответили *«положительно, учащиеся должны иметь право изучать или не изучать свой родной язык»*), следом по порядку идут школьники, преподаватели вузов, родители, учителя школ.

Многие современные учащиеся общеобразовательных и профессиональных учебных заведений по истечении определенного периода времени, когда у них, возможно, сформируется соответствующее историческое и национальное самосознание, будут только сожалеть о потерянном языке. Поэтому государство и общество должны иметь

свои потребности и соответствующие им стандарты требований к личности. Государство не должно самоустраниться от проблемы изучения родных языков в учебных заведениях. Нельзя также искусственно сдерживать развитие родных языков. На наш взгляд, представители власти, интеллектуальной и творческой элиты правильно считают, что необходимо развивать национальный компонент и языки этносов. Хотя, реальное состояние общественного мнения по вопросу об обязательности изучения родных языков не столь однозначно, как это видится многим представителям власти и научной интеллигенции.

Примечания

1. Методическое письмо МО РД № 02-70 от 15.09.97 г. Цит по: Магомедов Г.И., Шурпаева М.И. Национально-региональный компонент в системе образования Республики Дагестан: теория и практика. Махачкала, 2003.

2. Подсчитано нами по абсолютным цифровым данным, приведенным в монографии Магомедова Г.И. и Шурпаевой М.И. (Национально-региональный компонент в системе образования Республики Дагестан: теория и практика. Махачкала, 2003).

3. Магомедов Г.И., Шурпаева М.И. Национально-региональный компонент в системе образования Республики Дагестан: теория и практика. Махачкала, 2003.

4. Новое дело. 2008. 4 апреля.

5. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Интернационализация образования и российская молодежь: открытия, обретения, результативность // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) Института социологии Российской Академии наук (далее — ИС РАН). М., 2008. Вып. № 4. http://www.isras.ru/INAB_2008_4_5.html (официальный сайт ИС РАН).

**М. А. МАНАЕВ,
аспирант ЧГУ, г. Грозный**

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ЧЕРЕЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Национально-государственное строительство — это многогранный процесс, связанный с всесторонним практическим решением национального вопроса, прежде всего вопроса о самоопределении того или иного народа в объективно обусловленной форме государственного образования — государственности [1, 299].

В царской России, в многонациональной империи, национальный вопрос в силу совокупности исторических, политических, социально-экономических, культурных, религиозных причин являлся одной из наиболее злободневных и острейших проблем и поэтому вполне закономерно занимал центральное место в политической жизни страны [1, 299].

Для народов Северного Кавказа процесс национально-государственного строительства в форме непосредственного предоставления им отдельных автономий начался в 1921 году и совпал с распадом Горской автономной республики по национальному признаку. Начало этому процессу положил выход Кабарды из ее состава, который и повлек за собою пересмотр остальными национальными округами своего положения в многонациональной автономии [2, 146].

В соответствии с Конституцией 1918 года высшим органом власти был Всероссийский съезд Советов. В промежутках между съездами эти функции исполнял Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). Совет Народных Комиссаров был ответствен перед Всероссийским съездом Советов и ВЦИК, которым принадлежало право контроля и смещения правительства.

Наиболее характерной и отличительной чертой новой власти, которая отличала ее от всех известных в те дни форм парламентаризма, было соединение законодательной и исполнительной власти. ВЦИК

через созданные им отделы руководил соответствующими отраслями государственного строительства и политической жизнью страны. Совет Народных Комиссаров, получивший право проводить мероприятия по борьбе с контрреволюцией, непосредственно, т.е. без предварительного рассмотрения во ВЦИК, приобретал право законодательной инициативы [3, 15].

Отсутствие опыта национально-государственного строительства как в центре страны, так и на местах вызвало к жизни целый ряд ведомств и учреждений, призванных осуществлять строительство новой жизни на территории бывших национальных окраин [4, 20]. Большой вклад в решение сложных проблем Северного Кавказа внесла деятельность Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца) — невиданного в истории общенародных революционных движений органа, специальным назначением которого стало демократическое, подлинно гуманное урегулирование сложнейших национальных взаимоотношений [5, 46]. Комиссариат должен был обеспечивать мирное сосуществование народов, оказывать всемерное содействие их культурному и хозяйственному развитию, наблюдать за правильным проведением в жизнь национальной политики Советской власти, являлся единственным учреждением, в основу структурного деления которого был положен именно национальный принцип [4, 20]. В его состав входили национальные комиссариаты и отделы, в том числе и отдел горцев Кавказа, основные задачи которого заключались в информировании центральных органов Советской власти о нуждах горцев, удовлетворении этих нужд, пропаганде и агитации идей Советской власти среди горцев [5, 47].

Именно Наркомнацу принадлежала решающая роль в активизации национально-государственного строительства в Российской Федерации, оказании содействия автономиям в решении их материально-технических и организационных проблем [4, 20].

Народный комиссариат по национальным делам возглавил И. В. Сталин. При комиссариате была создана коллегия, которая руководила всей её работой. Укомплектование Наркомнаца кадрами было одной из трудных задач. Сотрудники комиссариата обязаны были хорошо знать условия жизни того или иного народа, пользоваться у него авторитетом и, естественно, знать его язык.

Наркомнац работал в контакте с другими наркоматами и различными центральными ведомствами. Последние нередко соприкасались в своей работе с вопросами национального характера, но, не

зная особенностей быта и жизни национальностей, не всегда могли принимать верные решения. Поэтому наркоматы и другие учреждения должны были «по всем более или менее важным вопросам и мероприятиям, касающимся нерусских народов», запрашивать мнение Наркомнаца [6, 34].

Главной задачей Комиссариата по национальным делам было участие в национально-государственном строительстве. Так, в 1921 году из 464 вопросов, рассмотренных на коллегии Наркомнаца, 24 были посвящены образованию новых автономий, 7 — разграничению территорий между ними и т.д. [6, 45]. На Наркомнац возлагалась и обязанность обеспечить «мирное строительство и братское сотрудничество всех национальностей РСФСР, содействовать их материальному и духовному развитию применительно к особенностям их быта, культуры и экономического уровня» [6, 35].

В процессе национально-государственного строительства был выработан институт постоянного представительства национальных республик и областей. Постоянные Представительства создавались при Наркомате по делам национальностей в целях учета и обеспечения интересов автономии. Как указывалось в Постановлении ВЦИК от 6 ноября 1921 года «Об организации Представительств автономных советских республик», в их компетенцию входили «вопросы, требующие ускорения дел по удовлетворению нужд автономных объединений, по снабжению их необходимыми денежными, техническими, культурно-просветительными и другими средствами» и «забота о своевременном снабжении своих национальных республик и областей этими средствами» [7, 94].

1 марта 1921 года при Наркомате РСФСР было образовано представительство Горской АССР. Через два месяца было открыто дипломатическое представительство Горской республики в Закавказье и представительство Армении в Горской республике [7, 94].

Горское представительство при Наркомнаце РСФСР оказывало Горскому ЦИК и Совнаркому помощь в выполнении стоящих перед ними политических и хозяйственных задач. Представительству необходимо было наладить гибкий и работоспособный аппарат, обеспечивающий быструю разработку и подготовку вопросов и прохождение их в центральных учреждениях и организациях РСФСР, установление надзора и контроля за действием лиц, прибывающих в Москву от имени Горской республики, отдельных его наркоматов, ведомств и учреждений и оказание им всяческой помощи при исполне-

нии возложенных на них поручений; оказание законной поддержки и помощи всем гражданам, нуждающимся в таковых; принятие мер к быстрой транспортировке денежных и материальных ценностей в адрес республики.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 22 мая 1920 года принял постановление о реорганизации Народного комиссариата по делам национальностей.

8 апреля 1921 года Коллегия Наркомнаца утвердила «Инструкцию представителям при правительствах автономных и договорных советских республик» [8, 169]. В последующем эта же проблема рассматривалась и Президиумом ВЦИК, о чем сообщал зав. отделом национальностей при Президиуме ВЦИК Клиnger. 6 ноября 1921 г. ВЦИК определил компетенцию представительства в Постановлении «Об организации представительств автономных республик». Клиnger также пояснял, что предпринималось это с целью «ускорить удовлетворение нужд автономных объединений по снабжению необходимыми денежными средствами, техническими, культурно-просветительными и другими» [8, 169].

ХII съезд РКП (б) положил начало новому этапу в работе представительств автономных республик и областей в Российской Федерации. Принятое съездом решение о создании специального органа, в основе которого лежал принцип широкого и равноправного представительства национальностей, второй палаты ЦИКа — Совета национальностей, в который входило по 5 представителей от союзных и автономных республик, по одному от каждой автономной области, — способствовало упразднению Наркомнаца в июле 1923 г. [3, 15].

Представительства автономных республик и областей при Наркомнаце было упразднено в связи с тем, что в марте 1924 года был ликвидирован и сам Народный комиссариат по делам национальностей. Но уже в апреле 1924 года вновь созданные и преобразованные представительства продолжают свою работу при аппарате ВЦИК РСФСР [4, 11]. Материальное и техническое содержание представительств осуществлялось за счет средств ВЦИК. Была проведена работа по унификации и систематизации нормативной базы, регулирующей деятельность полномочных представителей автономных республик и областей при центральных всесоюзных и всероссийских органах власти [3, 33].

Основные задачи, которые в целом были поставлены перед всеми представительствами, заключались в установлении взаимоотно-

шений автономных образований с Центром, а также в выработке и проведении в жизнь всех государственных мероприятий, касающихся национальностей.

Для согласования работы представителей автономных республик и областей в деле проведения в жизнь основных начал национальной политики Президиум ВЦИК созывал Совещание этих представителей, а для руководства работой по осуществлению национальной политики на местах и координирования работы представителей в Москве учреждался Отдел Национальностей при Президиуме ВЦИК [4, 30]. Вопросы, касающиеся автономных республик и областей или национальных меньшинств и поступающие на рассмотрение, должны были вноситься в секретариат ВЦИК Отделом Национальностей. Сообщая об этом в циркулярном порядке для сведения руководства всех заинтересованных организаций и учреждений, Президиум Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета предлагал немедленно ускорить движение текущих дел, направляя все без исключения документы и материалы, адресуемые в Президиум ВЦИК, исключительно через Отдел Национальностей [4, 30].

Одной из основных задач административных изменений было направление на жесткую централизацию всех органов управления народного хозяйства, усиление роли самой страны в решении насущных внутривнутриполитических и экономических вопросов.

Общесоюзному ЦИК предоставлялось право издания декретов и постановлений, обязательных для исполнения во всех республиках. Между сессиями ЦИК вся полнота законодательной, исполнительной и распорядительной власти передавалась его президиуму. На верховные общесоюзные органы возлагалось определение основ народнохозяйственных планов, утверждение государственного бюджета, установление единой денежной системы.

Нормальное, полноценное функционирование полномочных представителей крайне затруднялось отсутствием соответствующей нормативно-правовой базы.

Президиум ВЦИК 1 июня 1924 года образовал Юго-Восточный край, переименованный с 16 октября того же года в Северо-Кавказский. Деятельность общекраевых партийных и советских органов имела большое значение для последующего развития советской национальной государственности на Северном Кавказе [7, 97].

Северный Кавказ, населённый многочисленными народами, в хозяйственном отношении представлял собой исторически сложивше-

еся единое целое. Объединение народов Северного Кавказа в составе Северо-Кавказского края, осуществленное из соображений хозяйственно-политического характера, обеспечивало подъём производительных сил и культуры края, развивало сотрудничество горских народов с русским и другими народами страны.

В Москве находилось и постоянное представительство (коллегия) Северо-Кавказского края, которое было связующим звеном между центральными учреждениями и краем. Необходимость создания этого представительства была вызвана еще тем, что автономные области, вошедшие в состав края, — Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Адыгейская, Чеченская, Ингушская и Северо-Осетинская — имели свои представительства в Москве. Краевое представительство было призвано объединять деятельность областных представительств, согласовывать их интересы и выступать от имени всего края. Национальные автономные области были включены в состав Северо-Кавказского края на особых условиях, которые обеспечивали им значительную самостоятельность [8,115].

Таким образом, создание единого союзного государства, учреждение новых и реорганизация старых органов власти и управления привело к изменению, в первую очередь, политического, а затем экономического статуса Института Представительств республик и автономных областей. По сути, они были упразднены и распущены. Взамен независимых представительств, подотчётных непосредственно своим республиканским и областным ЦИКа́м, создавался новый аппарат представителей государственно-административных образований с подчинением Президиуму ВЦИК. Отныне представительства как равноправный субъект правовых, политических и экономических отношений переставали существовать. Вновь образованный институт Полномочных представителей являлся лишь связью между Центром и национальными образованиями, органом, наделённым административно-информационными и хозяйственно-экономическими функциями. Политическая составляющая деятельности национальных Представительств при этом выпадала из общего контекста.

Примечания

1. Батыров А. Е. Представительство Северо-Осетинской автономной области при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (1924-1936 гг.). Владикавказ, 2008.

2. Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп, 1994.
3. Дзуганов Т. А. Кабардино-Балкарское Национальное Представительство (1921-1938 гг.). Нальчик, 2004.
4. История Чечни с древнейших времён до наших дней. В 2-х т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, 2008.
5. Кониев Ю. И. Автономия народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1973.
6. Макарова Г. И. Народный Комиссариат по делам национальностей 1917-1924 гг. М., 1985.
7. Хлынина Т. П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917-1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003.
8. Эбзеева С. Э. Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М., 1976.

Нурие МУРАТОВА,
 докт., пл. асс. по Архивоведению Югозападного университета
 «Неофит Рилски», Благоевград, Болгария
Марияна ПИСКОВА,
 докт., доц. преп. Югозападного университета «Неофит Рилски»,
 Благоевград, Болгария

АРХИВОВЕДЕНИЕ В ЮГО-ЗАПАДНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ «НЕОФИТ РИЛСКИ» БЛАГОЕВГРАД

Югозападный университет создан в 1975 г. В нем впервые в Болгарии начало осуществляться обучение будущих воспитателей детских садов и учителей начальной школы. Свою деятельность университет начал как филиал Софийского университета [1], который в 1983 г. был преобразован в Высший педагогический институт, а в 1995 году институт преобразован в Югозападный университет [2]. Со временем университет превратился в самый большой в Югозападной Болгарии. К настоящему времени в нем обучаются 16000 студентов и докторантов. В структуру университета входят следующие факультеты:

- Юридикo-исторический
- Природо-математический
- Экономический
- Педагогический
- Филологический
- Философский
- Факультет искусств
- Факультет общественного здравоохранения и спорта
- Технический колледж

Специальность «История» ведет свое начало с 1987 г., когда в университете она являлась частью новой специальности «Болгарский язык и история». С 10 января 1991 г. Академический совет университета ввел обучение по специальности «История». В следующем году введено и обучение по «Архивоведению в рамках 30 часов лекций для

всех студентов -историков.

Несколько лет позже, наряду с вступительным курсом «Введение в Архивоведение», студенты начали изучать дисциплины: «Формирование Государственного архивного фонда», «Информационная система архивов», «Археография», «Аудиовизуальные документы и архивы».

Реформирование высшего образования в контексте Болонского процесса привело к применению в Югозападном университете академических степеней «бакалавр», «магистр» и «доктор». В связи с этим в учебный план с 2004/2005 г. для бакалавров по специальности «История» вводятся следующие обязательные дисциплины по Архивоведению:

- Классическое архивоведение — 60 часов лекции и 30 часов упражнений;

- компьютерное архивоведение — 15 часов лекции;

- научная архивная практика — 60 часов.

Наряду с этим предоставлена возможность изучать выбираемые дисциплины:

- История болгарских архивов — 30 часов лекции;

- всемирная история архивов — 30 часов лекции;

- историческое документоведение — 30 часов лекции;

- организация, методика и практика в болгарских архивах — 30 часов лекции;

- мультимедиа в архивоведении — 30 часов лекции.

В следующих годах Архивоведение в Югозападном университете начали изучать и на других факультетах и специальностях, среди которых: «Связь с общественностью», «Право», «Международные отношения», «Европеистика». Нарастающий интерес к Архивоведению привел к открытию и магистерской программы «Архивы и музеи. Организация хранения культурных ценностей в условиях информационного общества». Программа введена в 2005/2006 учебном году и предназначена как для бакалавров по Истории, так и для студентов-гуманитариев. Первая рассчитана на 2 семестра, а вторая — на 4. В магистерской программе изучаются дисциплины, которые обобщают познания студентов над основными архивоведческими курсами. Среди них:

- Компьютерное архивоведение

- Личные архивы

- Устная история

- Местные архивы

- Аудиовизуальная память и архивы
- Политики памяти социализма
- Архивы и Интернет
- Экспертиза культурных ценностей
- Музейная практика для определения ценности культурных

памятников

- Визуальная антропология ромской культуры
- История балканских книжных языков

Магистры в этой программе готовятся для работы в архивах, музеях, в культурных и научных учреждениях. Они впервые в Болгарии получают диплом магистров — экспертов, оценивающих культурных памятников.

Обучение по архивоведению в Югозападном университете осуществляется в лабораториях и центрах, оборудованных современными техническими и технологическими средствами. В результате научно-исследовательских проектов обеспечены две лаборатории и центр дигитализации в университете и в государственном архиве в г. Благоевград.

В 2004-2005 гг. на основе международного проекта «Мультимедиа для гуманитариев. Новые образовательные технологии в процессе обучения» (партнеры из Университета в Грац, Компьютерного колледжа в Кошалин) создана новая модель практического обучения по Архивоведению. С одной стороны, в компьютерной лаборатории стало возможно осуществление практических упражнений по Архивоведению/компьютерному архивоведению, а с другой, — обеспечены условия для научной архивной практики студентов. Впервые в болгарских условиях студенты сами начали создавать цифровизированный корпус документов. В результате создана база данных на основе документов о приеме крестьян в кооперативные объединения в середине XX века. Оригинальные заявления сканируются, а данные из них размещаются в информационной системе. Таким образом созданы условия для потребителей читать документы в электронной форме, а также искать информацию с помощью ключевых слов. Также в рамках научной практики студенты применяют технологию ретронвертирование, создают цифровые копии негативов, хранящихся в государственном архиве.

В 2007-2009 гг. в результате проекта «Дигитальные архивы. Современные перспективы для научного обращения национального документального наследия» (партнер Государственное агентство «Архи-

вы») в университете создан цифровой центр, а в государственном архиве в Благоевграде обособлена лаборатория для оцифровки архивных документов. В данном проекте Югозападный университет являлся базовой организацией. Следует отметить то, что этим проектом положено начало нормативно-методической основой оцифровки архивных документов и архивных справочников в Болгарии. Студенты создали первый корпус цифровых архивных справочников, а также приняли участие в составлении первой виртуальной выставки архивных документов по теме: «Объявление независимости Болгарии в 1908 г.» [3].

В соответствии с требованиями Болонского процесса, как третья степень в Югозападном университете, введена научная и образовательная степень «доктора». В области Архивоведения она была аккредитована в 2007 г. на пять лет — максимально возможный срок. До этого по специальности «История» успешно защищена одна диссертация в области архивоведения. Тема диссертации: «Оцифрование архивного фонда муниципального управления в городе Горна Джумая». Одним из особо значимых результатов этой диссертации является действующая база данных: «Протоколы муниципального совета города Горна Джумая 1927-1934 г.» [4].

Поскольку докторантура является не только ученой, но и образовательной степенью, для каждой специальности имеется учебный план, в котором включаются как обязательные, так и выбираемые дисциплины. Наряду с этим, каждый докторант проводит семинары для бакалавров не меньше 30 часов. Учебный план докторантов предусматривает присуждение кредитов.

В результате уже 20-летнего развития университетского архивоведения в Югозападном университете созданы все условия для трехстепенного обучения по образовательным программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры. Обеспечена вполне современная материальная и информационная база, мультимедийный центр, в котором проводится оцифровка/дигитализация/документов, осуществляются также семинары по Исторической информатике, Архивы и интернет, Мультимедиа в архивах, библиотеках, музеях, Аудиовизуальные архивы и память и т.д.

Разработаны новые учебные пособия, обеспечивающие современные методы обучения при помощи мультимедийных пособий, цифровых кино и фотодокументов, базы данных и др. В качестве примера можно отметить — мультимедийный компакт диск «Вир-

туальная Горна Джумая»; Визуальные архивы. Особо ценными являются возможности, которые предоставляются в первом электронном историческом журнале [5], а также справочник о документах и архивных фондах болгарских архивов для женщин [6].

Создан аудио-визуальный архив, который постоянно пополняется новыми источниками. Этот архив является источником для обучения студентов и докторантов в области Архивоведения, Документоведения, Источниковедения, Микроистории, Устной истории, Исторической антропологии и т.д.

Примечания

1. В силу Распоряжения № 323 Совета Министров, с 9 авг. 1975 г. о создании филиал. Софийского университета «Кл. Охридски» — Педагогический факультет для подготовки учителей детских садов и начальных школ.

2. На основе решения о создании и преобразовании в высших школах. Д. В., бр. 68 от 1 авг. 1995 г.

3. <http://www.archives.government.bg/old/www.archives.government.bg/index.php?lang=bg&page=66>

4. <http://blagoevgrad.bulhostpro.org/default.aspx>

5. www.history.swu.bg

6. <http://www.history.swu.bg/aso.htm>

**Анастасия ПАШОВА, д-р, доцент
Югозападного университета «Неофит Рилски», Благоевград,
Болгария**

**МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА
«ИНТЕРКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

В условиях демократических перемен в Болгарии и благодаря накопленному опыту преподавателей в области образования, мы заметили, что находимся в принципиально новой ситуации в связи с легитимностью «другого», а конкретнее в связи с этническими, религиозными, языковыми, сексуальными, гендерными различиями. Легитимность «других» проявляется посредством их специфики по сравнению с нами, а также посредством их права конструировать свою идентичность. К сожалению, это не является объектом дискуссий в повседневности и в медийном пространстве. На наш взгляд, главной проблемой, которая ожидает свое решение, является вопрос: «Как понимать не только свою идентичность, но и уважать и понимать в неменьшей степени «других», отличающихся от нас? Решить эту проблему на уровне государственной политики возможно только если образование в Болгарии становится интеркультурным, то есть если государство официально признает, что разные культурные общности не угрожают национальному единству, а также если разные культурные модели становятся равнопоставленными». Все это имеет огромное значение, так как в государстве сосуществуют разные этнические группы, культуры, языки, религии, диалекты.

На уровне государственных институций и, в частности, Югозападного университета «Неофит Рилски» и Педагогического факультета решить проблему возможно на основе новой парадигмы университетского образования с целью формирования у студентов культуры толерантности. В свою очередь она предполагает одновременно усваивать знания о «другой» культуре и создавать позитивную направленность мышления по отношению к различиям. Конкретнее:

- Направленность мышления по отношению к различиям, а не отбрасывания их;
- Сопоставлять различия, а не отрицать их;
- Оpoznавать культурные различия, а не «знать» о них;
- Саморефлексивное опознавание самого себя и таким образом принимать и «другого».

Наш многолетний опыт университетских преподавателей показывает, что в Болгарии образование, и в частности педагогическое образование, не является интеркультурным. В учебных планах и программах, на основе которых готовят будущих учителей, отсутствуют дисциплины и тексты о религиозных и этнических различиях. В связи с этим возникает вопрос: как может университет найти свое место в процессе формирования у студентов — будущих учителей — способности понимать, принимать и уважать «другого»?

Утвердить новую культуру взаимопонимания возможно на основе новой образовательной философии и новых образовательных программ, новых принципов. Все это привело к разработке магистерской программы, целью которой является не только решение образовательных задач, но и формирование у студентов новой культуры общения и толерантности к «другому». Программу назвали «Интеркультурное образование», и она предназначена для специальностей: «Дошкольная педагогика», «Педагогика», «Дошкольная педагогика с иностранным языком», «Социальная педагогика», «Специальная педагогика».

Что является новым в этой программе?

- цели, которые она преследует;
- компетентности, которые обеспечивает;
- формы и интерактивные методы обучения;
- новые мультимедийные технологии, которые применяются в обучении.

Программа основывается на новой концепции образования в условиях постмодерного мира, которая в свою очередь предполагает:

- Образование, которое основано на множестве разных ценностей;
- Знание, которое является результатом ценностей и культур, обладает динамичным характером;
- Разные подходы в образовании, вместо модификаций господствующих тенденций;
- Образование является индивидуальной образовательной траекторией;

- Образование должно удовлетворять потребности разных групп и индивидов, и поэтому у него не имеется «центра»;
- Обучение должно быть последовательным, демократичным и диалогичным;
- Ценности и интересы учеников и богатство их опыта должны быть доступными как для учеников, так и для учителей;
- Роль учителя — это не доминировать, а предоставлять выбор, сравнивать, убеждать;
- Постмодерная педагогика — это педагогика различностей — она основана на различных этических дискурсах, она является педагогикой специфичного;
- Объединение этих дискурсов — это борьба против неравенства, несправедливости и в расширении основных человеческих прав;
- Подготовить новый тип учителей в соответствии с условиями постмодерности;
- Обеспечить не только педагогические, но и интеркультурные компетентности, которые нужны учителям в целях эффективности в области разных культур;
- Способность облегчить обучения в познавательной, эмоциональной и поведенческой области среди учеников из разных этнокультур;
- Знания об интеркультурности — сущность, культурные недоразумения и конфликты, факторы для эффективного интеркультурного взаимодействия; модели для оценки потребностей учеников;
- Широкий набор преподавательских стратегий для работы с учениками и родителей из меньшинств; Характеристики интеркультурных компетентностей учителя, которые будут целью его подготовки:
- Самосознание и себепонимание: осознание своих предрассудков и стереотипов, культурных ценностей и норм;
- Культурное сознание и понимание ценностей и норм учеников, не отрицая их, с уважением к различиям;
- Социальная чувствительность и ответственность; стремление к увеличению интеркультурного понимания между людьми; забота о ненарушении человеческих прав и борьба против дискриминации и предрассудков;
- Применение культурно-чувствительных педагогических технологий и стратегии в ходе организации взаимодействия с учениками;
- Познания об этнокультурной специфике и культурной идентичности учеников;

- Возможности и умения анализировать и адаптировать разные программы и учебную документацию для работы в интеркультурной среде;

- Отношения: чувствительности к «другим» и «другие» культуры.

Магистерская программа направлена на обучение студентов, которые уже получили степень «бакалавра» по специальности:

- Дошкольная и начальная школьная педагогика;

- Педагогика обучения учителей начальных классов и детских учителей с иностранным языком.

Какие возможности предоставляет магистерская программа?

После окончания программы студенты могут реализовать себя как:

- Магистры — педагоги по межкультурному образованию для всех дошкольных и начальных школьных учителей, которые преподают детям из разных этнических групп;

- Работать в специальных домах и социальных институтах.

Формы и срок обучения:

- Срок обучения — 1 год;

- Очная и заочная формы.

Нормативная основа:

- Закон о высшем образовании; документы Национальной агенции аккредитирования

- Европейские нормы

- Постановление Совета Министров № 162/23.07. 2002 г.

- Наредба №21/30.09.2004 — МОН за СНТК

- Нормативные акты Югозападного университета

Начало магистерской программы в Югозападном университете положено в 2003 году, когда с решением Академического совета в университете был создан Центр межкультурных социальных и образовательных коммуникаций. Основной целью центра является превращение культурного многообразия в источнике взаимопонимания и в предпосылке об обогащении учебных программ интеркультурным содержанием.

Преподаватели, которые принимали участие в деятельности центра, проводят антропологические исследования с 1991 г. В 2001 году на основе гранта в программе «Открытое общество» Сороса опубликована книга, содержащая автобиографические исследования представителей ромской общности. В этом же году проведено обучение 50 курсистов для представителей ромской общности как помощник

— в качестве помощников учителей, и опубликовано учебное пособие «Обучение помощник-учителей для ромского населения — технологическая модель». Преподавателями опубликованы еще две книги в помощь интеркультурного образования: «Социализация ромских детей» и «Состояние образования ромской общности в Благоевград». Все эти книги доступны на университетском сайте — www.roma.swu.bg

Следует отметить, что в основе магистерской программы «Интеркультурное образование» положен опыт европейских университетов в области интеркультурного образования. Заранее исследованы и все учебные программы и планы тех университетов, с которыми Юго-западный университет поддерживает договорные отношения, среди которых: Университет имени Адама Мицкевича (Познань, Польша); Государственный педагогический университет (Мелитополь, Украина); Батумский государственный университет имени Шота Руставели (Грузия).

О. Б. ХАЛИДОВА,
к.и.н., м.н.с. ДНЦ РАН
г. Махачкала

РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН КАК ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ И ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Северо-Кавказский регион — уникальная историко-культурная и географическая область на юге России, в этническом и конфессиональном плане представляющая собой пеструю палитру народов и верований, не просто сконцентрированных на ограниченной территории, но и перемешанных в результате многовекового исторического развития.

Из всех республик Северного Кавказа Дагестан — самая большая и самая многонациональная республика, представленная 120 народами.

Следует помнить, что этнический колорит, как в Дагестане, так и на Северном Кавказе, усиливают многочисленные, веками живущие на этой земле национальные диаспоры. Наиболее многочисленны из них армяне, грузины, азербайджанцы, украинцы, белорусы, евреи и немцы.

Сложную этническую картину нашего края дополняет не менее сложная в религиозном отношении картина. Дагестан является многоконфессиональной республикой с тремя мировыми религиями: исламом, христианством и иудаизмом.

Обращаясь к истокам появления христианства в крае, отметим, что оно получило распространение на Кавказе задолго до его активной колонизации Российским государством. Византийские, албанские, армянские, грузинские проповедники сделали немало для христианизации местных народов. История христианства в Дагестане насчитывает много веков. Уже в I в. н.э. в округе Чога (Дербента) выступал с проповедями Егише (Елисей) — ученик апостола Дади (Фаддея), т.е. одного из 12 самых первых апостолов, которых Иисус Христос направил вместе с апостолом Варфоломеем для проповеди христианства в Персию и на Кавказ [1].

Различные письменные, археологические, этнографические и другие источники и памятники свидетельствуют о широком в прошлом распространении христианства среди дагестанских народов. Христианство исповедовали в некоторых дагестанских селах до конца XV в. Позиции христианства были прочны в Аварии и в отдельных районах Южного Дагестана (Табасарана) [2, 58].

Иудаизм в Дагестане представлен горскими евреями. Уже в X в. имеются сведения о еврейской общине в области Кайтаг, расположенной к северу от Дербента [3, 7].

Первое знакомство народов Северного Кавказа с исламом относится к VII веку связано с арабским завоеванием Дагестана. К XVIII в. ислам получил широкое распространение на Северном Кавказе и в Дагестане, совпавшее с политикой Российского государства в регионе. Крещение горцев, большинство из которых исповедовало ислам, было одной из первостепенных задач русского правительства при построении внутривосточного курса, направленного на укрепление южных рубежей. Была выработана политика, направленная на христианизацию горцев, закреплённая законодательно. Переход из других конфессий в православие поощрялся и поддерживался местной администрацией.

Желая завоевать симпатии горцев и повысить у них интерес к принятию христианства, священники выдавали всем перешедшим в новую веру подарки и предоставляли различные льготы. Уезжавшие из Кизляра на свою родину новокрещенные знатные люди получали по 20 рублей, а простой люд — кормовые деньги и материю (холст) на платье. Кроме того, с привозимых этими лицами в Кизляр и Моздок товаров не взималась пошлина. Горцам, которые после принятия христианства перешли в русское подданство и поселились близ русских городов на Тереке, по Указу правительствующего Сената от 1762 г. давалось единовременное пособие из кизлярских доходов: узденям по 10 рублей, простым горцам по 5 рублей, а женщинам, сверх того, зеркальце и ножницы [4, 93]. «Желание получить эти подарки было так велико, что некоторые крестились по нескольку раз, переменяя для этого свое имя и переходя из своего прежнего местожительства в другое» [5, 180-181]. Но, как указывает Д. С. Васильев, деятельность эту нельзя признать успешной. Горцы неохотно принимали христианство, видя в этом покушение на их свободу [4, 92-93]. Многие принимали христианство в надежде получить подарки. Известны случаи, когда отдельные горцы по 2-3 раза крестились, а затем убегали. Но все

же, как видно из документов, кизлярский монастырь в течение первых 30 лет своего существования обратил в христианство около двух тысяч горцев [4, 93; 6, 35-36]. Об этом свидетельствует и тот факт, что в XVIII-XIX вв. существовал в Кизляре отдельный квартал Новокрещенов — Кристи-аул (христианская деревня), заселенный разными кавказскими народами, принявшими христианскую веру [6, 85].

В местном архиве Дагестанской республики имеются такие факты перехода из мусульманской, старообрядческой и католической веры в православную, а также переходы из Армяно-Апостольской церкви. Конечно, в большинстве своем, принятие православной веры было продиктовано той политической ситуацией, которую создала российская администрация. Например, желание принять православие жителем с. Катюрюрта Грозненского округа Гаирбеком Дадаевым объяснялось возможностью «приписаться к Обществу Петровских мещан и никогда не возвращаться на свою родину» [7, 14]. Но отметим, что в высокой степени «прозелитизм» не получил распространения в крае.

Говоря об истоках и особенностях религиозной ситуации в Дагестане, нельзя обойти молчанием и последователей других христианских конфессий. Здесь мы имеем в виду протестантизм. Некоторые исследователи неверно отмечают, что появление первых протестантов в Дагестане нужно относить к 1911 г. Со ссылкой на местный архив, мы полагаем, что они появились раньше, и связано это было с переселенческой политикой России на Кавказе, в частности — с переселением в Дагестан русских, украинских крестьян из внутренних губерний России.

С 1837 г. по 1930 г. в Темир-Хан-Шуре Дагестанской области действовал римско-католический приход [8, 82].

В годы Советской власти, когда начались гонения на религию, многие религиозные организации закрывались. В 30-е гг. XX в. по республике ширилось социальное соревнование между районами по проведению антирелигиозной пропаганды. Особо составлялись списки служителей культа и религиозных организаций. Тут надо отметить, что религиозный актив в те годы в ДАССР был достаточно внушительным: до 2000 мечетей, 20500 мулл, 2000 муталимов. Среди русского населения, евреев, армян и других национальностей насчитывалось до 150000 верующих и 91 религиозная организация [9, 24].

Политика органов власти республики заключалась в том, чтобы ослабить влияние религии на людей посредством закрытия молитвенных зданий (церквей, мечетей, синагог), гонением и преследованием

верующих и служителей культа. Со второй половины 30-х гг. начался быстрый рост количества закрывающихся молитвенных зданий. Эти мероприятия обставлялись как требования общественности. Среди рабочих, крестьян и служащих стали собираться заявления, обращения к ДагЦИКу и городским и сельским советам с предложениями закрыть культовые здания с тем, чтобы передать их под нужды культурно-просветительских учреждений. Интересно отметить, что если поначалу подобные заявления составлялись на отдельных бланках, то со временем конвейер заявлений был так налажен, что стали составляться бланки со списками с несколькими десятками подписей [10, 45-74].

Религиозные организации не только закрывались, но и уничтожались. В 1926 г. в Махачкале был снесен христианский храм Николая Чудотворца. А через 6 лет в Буйнакске — церковь и Андреевский военный собор. В 1937 г. была закрыта церковь Покрова Богородицы, а год спустя — хасавюртовская церковь Знаменской Иконы Богородицы. 10 сентября 1938 г. прошло последнее богослужение и в махачкалинском соборе Александра Невского. 21 апреля 1939 г. Президиум Махачкалинского Горсовета постановил утвердить комиссию для реализации церковного имущества бывшего Александро-Невского собора. И поручалось закончить эту работу к 10 мая 1939 г. [11, 5]

К 1943 г. церковная инфраструктура в России была в основном разрушена. В этот период формируется советское законодательство о религии, которое с небольшими изменениями продолжало действовать вплоть до 1990 г.

Процесс возрождения религии в РД начался с конца 80-х — нач. 90-х гг. XX в., когда права на свободу совести и вероисповедания перестали сковываться идеологическими рамками. В 90-х гг. были приняты федеральные и дагестанские законы о порядке регистрации религиозных организаций на территории республики. Регистрацией и перерегистрацией всех религиозных организаций занимается исключительно Министерство юстиции РД. По замечанию бывшего Председателя комитета по делам религий РД А. М. Магомедова, «наиболее активно проходила регистрация протестантских общин» [12, 100].

В Государственном Управлении Федеральной Регистрационной Службы по РД на 01.08.2005 г. было зарегистрировано 633 исламских организаций, 18 христианских (5 православных, 1 римско-католический приход, 2 армянские общины и 11 протестантских организаций), 5 иудейских религиозных организаций [13, 11]. По уточненным

данным Комитета по делам религий на тот же период всего в республике насчитывалось 18367 религиозных объединений, из которых: 1786 исламских, 46 христианских и 5 иудейских [13, 11].

На фоне возрождающихся исламских сооружений постепенно началось и возрождение старых православных церквей, действующих еще до революции. Так, в с.Терекли-Мектеб Ногайского района построена часовня, возведены и функционируют церкви в с. Таловка Тарумовского района, с. Брянск Кизлярского района, п. Комсомольский г. Кизляр. В Кизляре при непосредственном участии республиканских органов власти в 2007 г. открыт православный женский Крестовоздвиженский монастырь.

В 90-е гг. XX в. начался миграционный процесс среди русского населения республики, что отразилось на уменьшении паствы РПЦ. Особенно это стало очевидным после событий августа 1999 г.

Обратная картина наблюдается сегодня, когда в православных церквях появилось большое количество прихожан, среди которых наметился большой приток молодых людей от 15 до 35 лет.

В рамках республиканской целевой программы «Развитие национальных отношений в Республике Дагестан на 2011-2015 годы», утвержденной в феврале 2011 г., предусмотрено проведение реставрационно-ремонтных работ здания Георгиевского храма г. Кизляра (7, 8 млн. руб.).

В ходе реализации республиканской целевой программы «О взаимодействии с религиозными организациями в Республике Дагестан и их государственной поддержке на 2009-2011 годы» в 2010 г. из республиканского бюджета Республики Дагестан оказана материальная поддержка православному «Храму святителя Николая Чудотворца» в с. Крайновка Кизлярского района в размере 1 млн. руб., «Знаменской церкви», расположенной в г. Хасавюрте — 500 тыс. руб. [14] В сети Интернет создано несколько православных сайтов: «Гора Господня», «Православие в Дагестане», «Кизляр Православный», есть также одноименные группы в социальных сетях. По словам руководителя Межрегиональной молодежной лаборатории по проблемам развития Кавказа П. Павлова, начал издаваться официальный печатный орган Епархии — газета «Терские епархиальные ведомости» [15].

На сегодняшний день религия и религиозные организации в Дагестане, как и в стране в целом, продолжают играть заметную роль в общественно-политической и духовной сферах жизни общества. В республике выработана постоянно действующая система взаимо-

отношений и разнопланового сотрудничества религиозных объединений с республиканскими и местными органами власти и управления. Получила развитие практика организации объединенных совещаний, семинаров, круглых столов, конференций и т.п. по острым и злободневным религиозно-политическим проблемам с целью совместного обсуждения возникающих в ходе реализации требований законодательства о свободе совести, вероисповедания и религиозных организаций проблем, пресечения любых попыток использования религиозного фактора для раскола дагестанского общества, подрыве конституционных основ государства [16, 16].

Мусульманские, христианские и иудейские организации республики ведут большую работу по духовно-нравственному воспитанию своих прихожан. Они активно участвуют в поддержании межнационального и межконфессионального мира в Дагестане. Добрые взаимоотношения, сложившиеся на протяжении многих веков между конфессиями Дагестана, способствуют сохранению согласия и стабильности в дагестанском обществе. Этому способствует и проведение совместных встреч, бесед, диалогов руководителей вышеуказанных организаций республики.

Так, например, во время одного из визитов в мае 2000 г. в республику Епископа Бакинского и Прикаспийского Александра в г. Кизляре состоялась встреча с представителями ДУМД, в частности, с зам. Муфтия А. Тагаевым, Р. Курамагомедовым и представителями джамаата г. Кизляра. На этой встрече обсуждались вопросы, касающиеся проблем религиозного образования, появления и деятельности тоталитарных сект, обсуждались методы борьбы с нетрадиционными религиозными организациями деструктивного характера [17, 15].

13 января 2000 г. в Дагестанском филиале Российского фонда культуры прошло мероприятие под названием — «Конфессии Дагестана навстречу XXI веку: «Мир нашему дому...». На встрече присутствовали представители госсовета, министр культуры РД, научные деятели и др. Были приглашены религиозные представители — первый зам. муфтия — Абу-Муслим Халиков, представитель еврейской общины г. Махачкалы, православное духовенство. На встрече было принято обращение ко всем дагестанцам независимо от их вероисповедания и мировоззрения, в котором говорилось о духовном единении, о мире, о терпимости [8, 82].

Совсем недавно, 7 июня 2012 г., в столице республики в здании счетной палаты состоялся круглый стол на тему: «Православная цер-

ков в Дагестане сегодня: проблемы и перспективы». Мероприятие было организовано по инициативе Межрегиональной молодежной лаборатории по проблемам развития Кавказа при поддержке органов государственной власти Республики Дагестан, при участии Владикавказской и Махачкалинской епархии, молодежных и общественных организаций Дагестана и республиканских СМИ [15].

Таким образом, органами государственной власти уделяется серьезное внимание налаживанию конструктивного диалога между представителями традиционных конфессий республики. Лидеры республиканских конфессий утвердили и реализуют совместный План мероприятий, направленных на консолидацию усилий по противодействию религиозно-политическому экстремизму, сохранению межнационального и межконфессионального мира в республике.

Сегодняшнюю пеструю религиозную картину в Дагестане дополняют и новые направления в традиционных религиях (ваххабизм, протестантизм). Еще весной-осенью 2002 г. в Республике Дагестан в рамках федеральной целевой программы «Интеграция» (участники: преподаватели и сотрудники ДГУ, ДГПУ и ДНЦ РАН) было проведено социологическое исследование. Практически вся опрошенная молодежь в возрасте до 25 лет (82,7%) считает, что распространение новых, нетрадиционных религиозных движений и культов (ваххабитские, протестантские общины) является главной причиной существующей сегодня напряженности во внутри- и межконфессиональных отношениях [18, 26-35].

Таким образом, несмотря на то, что Дагестан — это республика, где преобладающая часть населения исповедует ислам, православные, иудеи, проживающие на Северном Кавказе и в Дагестане уже много веков, органично входят в многонациональную семью народов, как Северного Кавказа, так и Дагестана, сохранив при этом свои исконные традиции, язык, культуру, обычаи и уклад жизни.

По нашему мнению, эффективным средством в достижении мира и согласия в многоконфессиональном обществе является диалог. Речь в данном случае идет не о доктринальном диалоге и не о том, что кто-то должен поступиться своими догматами и канонами, а о поиске общих интересов и ценностей, способных объединить усилия всей общественности и религиозных конфессий на благо всего общества, Северного Кавказа, об умении слушать и понимать друг друга, даже исповедуя разные религии.

Примечания

1. Религиозные конфессии Дагестана. Христианство // [http:// www.minnaz.ru/](http://www.minnaz.ru/)
2. Ханбабаев К. М., Омарова Т. О. Христианство в Дагестане // Народы Дагестана. № 3. Махачкала, 2001.
3. История и культура горских евреев Кавказа. Иерусалим-Куба, 2009.
4. Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека: досоветский период. Махачкала, 1986.
5. Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау, 1947. Т. XI.
6. Цигорели А. А. Сношения России с Кавказом в XVI-XVIII столетии. СПб., 1891.
7. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 227.
8. ЦГА РД. Ф. р-1585. Оп. 2. Д. 13.
9. ЦГА РД. Ф. 238-р. Оп. 3. Д. 46.
10. ЦГА РД. Ф. 238-р. Оп. 2. Д. 2.
11. ЦГА РД. Ф. 238-р. Оп. 12. Д. 14.
12. Магомедов А. М. Государственно-конфессиональные отношения в современном Дагестане // Религиозный фактор в жизни современного дагестанского общества. Махачкала, 2002.
13. ЦГА РД. Ф. р-1585. Оп. 2. Д. 41.
14. «Русские в Дагестане» // <http://www.minnaz.ru> (27.06.2012 г.)
15. «В Махачкале состоялся круглый стол о положении Православной Церкви в Дагестане» // <http://www.minnaz.ru> (27.06.2012 г.)
16. ЦГА РД. Ф. р-1585. Оп. 2. Д. 41.
17. ЦГА РД. Ф. р-1585. Оп. 2. Д. 14 (Т. 2).
18. Муртузалиев С. И. Этнопсихологические аспекты межнациональных отношений в «Зоне нестабильности» (эмпирические исследования в Дагестане и на Северном Кавказе). Махачкала, 2006.

А. С. ХАЛИЛОВА,
к.и.н., м.н.с ИИАЭ ДНЦ РАН
г. Махачкала

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН С «ТРАДИЦИОННО РУССКИМИ» РЕГИОНАМИ ЮГА РОССИИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В 1993-2010 ГГ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 12-31-01201. («Общественно-политические взаимоотношения, миграционные контакты и социально-бытовое сотрудничество Республики Дагестан с Краснодарским краем, Ставрополем и Ростовской областью в 1980-2010 г.»)

Приступая к освещению вопросов, связанных с межсубъектным взаимодействием в рамках молодежной политики на территории Юга России, безусловно, следует начать с краткой характеристики протекания этого процесса в целом по России в хронологических рамках, заявленных в статье. Как известно, 1993 год в исторической науке принято считать точкой отсчета в формировании нового государственного устройства в нашей стране. В связи с чем, в этот период происходила переоценка, переосмысление и полная трансформация всех направлений общественно-политической деятельности. Не избежала этой участи и молодежная политика РФ. Однако работу глав нашего государства в этом направлении до недавнего времени навряд ли можно было бы назвать полноценной политической деятельностью. По сути дела, это были отдельные попытки, с одной стороны, каким-то образом узаконить и сориентировать стремления социально активных молодых людей к участию в жизни общества, а с другой, — удержать основную массу молодого населения от полной морально-нравственной деградации.

Одним из первых актов, регулирующих эту сферу жизни общества стал озвученный в сентябре 1992 года Указ Президента России № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» [1]. Этим актом «осуществление целостной государственной молодежной политики в России... признавалось (авт.)

... одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства, имея в виду: обеспечение соблюдения прав молодых граждан, установление для них гарантий в сфере труда и занятости, содействие их предпринимательской деятельности; создание условий, направленных на физическое и духовное развитие молодежи, предоставление молодым гражданам гарантированного минимума социальных услуг; осуществление поддержки молодой семьи, талантливой молодежи, молодежных объединений; содействие международным молодежным обменам» [2]. В соответствии с этим Указом в июне следующего года было принято Постановление Верховного Совета РФ [3] об основных направлениях государственной молодежной политики. В нем осуществление деятельности в этом направлении возлагалась на госорганы, молодежные объединения и ассоциации, социально активных молодых граждан. Кроме того, на основе этого документа Совету Министров было необходимо до конца года подготовить внести в Верховный Совет Российской Федерации «проект федеральной программы «Молодежь России», предусматривающей осуществление комплекса мер по социальной защите, поддержке самостоятельной трудовой, творческой деятельности и развитию молодежи» [4], а также предложения об изменении действующего законодательства. И если вопрос о принятии ФЦП по молодежной политике спустя несколько лет был решен, то Федерального закона о молодежи в России нет по сей день.

Однако это не означает, что российское руководство оставляло эту проблему совершенно без внимания. Во 2-й половине 1990-х — 2000-е годы на всех уровнях управленческого аппарата РФ принимались государственные акты, призванные отрегулировать порядок работы с молодежью и компенсировать отсутствие государственного закона. Так, 28 июня 1995 г. был принят Федеральный закон № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». Затем его расширил Указ Президента РФ № 727 от 16 мая 1996 г. «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» и Постановление Правительства РФ № 551 от 24 июля 2000 г. «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» [5,37].

В связи с завершением основного периода обустройства российского государства, общей стабилизацией ситуации в стране и повышением внимания нового Президента РФ В. В. Путина к проблемам

подрастающего поколения, в 2000-х годах этот процесс стал более активным. Так, в 2001 году в стране, наконец, начала действовать ФЦП «Молодежь России», утвержденная Постановлением правительства РФ № 1015 от 27 декабря 2000 г. и рассчитанная на 5 лет. Кроме того, за этот период была разработана и утверждена Распоряжением правительства РФ № 1760-р от 18 декабря 2006 г. «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на 2006-2016 гг.» [6]. В этом документе молодежная политика представлена как комплекс мер, «направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России, и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности» [6]. Основным источником формирования молодежной политики и силами по ее реализации были признаны федеральные и региональные органы государственной власти, опирающиеся на организованную молодежь в возрасте от 14 до 30 лет. Следует оговориться, что возрастной ценз для научного сообщества России был повышен до 35 лет для кандидатов и 40 лет для докторов наук. В то же время, несмотря на принятие и вступление в законную силу, результативность «Стратегии...» крайне не велика, и в первую очередь это связано с тем, что реальных средств на ее реализацию в бюджет страны не закладывается. Решение этой проблемы Департамент по делам молодежи видит в утверждении новой ФЦП по этому направлению. Однако пока этот вопрос остается открытым.

Непосредственно курированием вопросов молодежной политики на федеральном уровне в 2000-х годах стал заниматься Департамент (Комитет) по молодежной политике, который за текущее десятилетие трижды менял место своего подчинения. Первоначально он был создан при Министерстве образования РФ, затем перешел в подчинение Управления по делам молодежи и, наконец, в 2008 году вошел в состав Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации [8]. В том же году было учреждено и Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), основными задачами которого являются: оказание государственных услуг, управление государственным имуществом в сфере государственной молодежной политики, совместная реализация мероприятий, направленных на обеспечение здорового образа жиз-

ни, нравственного и патриотического воспитания, использование своих профессиональных возможностей молодежью [9]. К концу 2008 года в регионах страны вопросами молодежи занимался целый ряд учреждений: два министерства, десять объединенных министерств, шесть госкомитетов, 22 комитета по молодежной политике, пять агентств, 13 департаментов, 16 управлений и 9 отделов по молодежной политике. Однако, по мнению исследователей, реальная деятельность в этом направлении проводилась отнюдь не во всех субъектах Федерации, и во многом зависела от того, как ее понимает руководство региона. «В одних регионах на работу с молодежью выделяются значительные средства, проводятся масштабные мероприятия. В других нет ни средств, ни понимания важности работы в этой сфере», — говорят они [10].

В этой связи следует отметить, что Юг России, в том числе и Дагестан, является одним из регионов РФ, в котором работа с молодежью была поставлена на достаточно высоком уровне. Основными причинами такого внимания к молодежи являются полиэтничность и многоконфессиональность региона, к которым прибавляются устойчивый демографический рост, связанная с ним трудоизбыточность, экономическая неустроенность основной массы населения, идеологический вакуум и религиозный ренессанс, свойственные изучаемому периоду. В связи с этим еще в 1996 году Народным собранием РД был принят закон «О государственной молодежной политике в Республике Дагестан», определивший ее «основными целями:

1. обеспечение соблюдения прав молодежи на свободное физическое и духовное развитие;
2. воспитание молодых граждан на культурных и духовных традициях народов Дагестана;
3. обеспечение гарантий в сфере труда и занятости, социальной сфере и расширение возможностей молодежи в выборе профессий и видов деятельности;
4. создание условий для более полного вовлечения молодежи в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь государства и общества и недопущение в отношении их дискриминационных мер;
5. поддержка талантливой молодежи и реализации ее инновационного потенциала в интересах собственного и общественного развития;
6. обеспечение необходимых мер поддержки молодой семьи;

7. содействие осуществлению международных связей и сотрудничества с молодежными организациями» [11].

Таким образом, молодежная политика в Дагестане была заложена в качестве документа, имеющего статус: «обязательно к исполнению». В соответствии с этим Законом при Правительстве и Народном собрании РД были образованы (соответственно) отдел и комитет по молодежной политике. Реализация программы молодежной политики была возложена на Министерство образования, науки и молодежной политики, в 2007 году после реорганизации перешла под юрисдикцию Министерства по молодежной политике, туризму и спорту, а затем в 2010 году была передана в ведение Министерства (с 10.03.2010 Комитета) по молодежной политике.

В 1996-2010 годах в рамках Закона о молодежной политике в республике проводилось множество мероприятий, направленных на достижение его основных целей. В соответствии с темой исследования, нам предстоит рассмотреть деятельность только по одному направлению — содействию в осуществление международных связей и сотрудничества с молодежными организациями. Именно она в большей мере иллюстрирует сотрудничество молодежных организаций Дагестана с коллегами из Краснодарского края, Ставрополья и Ростовской области. Однако даже по одному направлению взаимодействие молодежи осуществлялось в разных областях общественно-политической жизни региона. Среди них можно выделить: политические контакты в условиях парламентской и законотворческой деятельности, взаимодействие органов по молодежной политике, научные связи и т.п.

Так, в области политических взаимоотношений видимое сотрудничество между молодежными организациями Дагестана и традиционно «русскими» регионами ЮФО проявляется только к началу XXI столетия. В основном это связано с тем, что 1993-1999 годы, по сути, были временем складывания новой государственности, политического реформирования всех сфер жизни общества, создания законодательной базы на которой в дальнейшем могла бы строиться эта деятельность. К 2000 году все основные кризисные моменты в законотворческой деятельности нашего государства были во многом преодолены, и руководство страны стало всерьез обращать внимание на уровень вовлечения подрастающего поколения в процесс формирования нового государственного строя. В связи с этим на высшем уровне встает вопрос о включении молодежи во все области государственного строительства. В поиске решения этой проблемы была

выдвинута концепция об образовании параллельных органам власти структур, полностью состоящих из молодежи — так называемых общественных палат молодежи (молодежных парламентов). Начиная с 2000 года, во всех субъектах Юга России постепенно образуются молодежные общественные палаты, союзы депутатов или парламенты. Одним из первых «Положение о молодежном парламенте при Законодательном Собрании» принимает руководство Ростовской области [12]. Вслед за ним, 27 мая 2004 года, было принято Постановление Народного Собрания Республики Дагестан «О создании молодежного парламента при Народном собрании РД» [13].

Своего апогея эта деятельность достигает к 2006-2007 годам. Так, в 2006 году для развития межрегионального сотрудничества при Южно-Российской парламентской ассоциации создается Совет молодых депутатов Краснодарского края. 9 августа 2007 года Постановлением Думы Ставропольского края № 154-IV ДСК [14] создается Общественная молодежная палата при Думе Ставропольского края. Год спустя, на IV Всероссийском форуме молодых парламентариев, проходившем в Анапе, представители Дагестана, Ростовской, Волгоградской, Астраханской областей, Ставропольского края, Ингушетии, Северной Осетии-Алания, Чечни, Кабардино-Балкарии, Калмыкии и Адыгеи, высоко оценив опыт работы Совета молодых депутатов Кубани, обращаются с просьбой организовать для них курсы повышения квалификации в Краснодаре [15]. Обучение молодых депутатов ЮФО было проведено в том же году на базе Краснодарского института агробизнеса. В результате учебного семинара делегаты пришли к выводу о том, что самым важным результатом проведенного обучения стали не только полученные знания, но и тесное общение, во многом способствующее укреплению дружеских взаимоотношений между южно-российскими регионами.

В итоге на IX конференции ЮРПА было решено образовать Советы молодых депутатов в каждом регионе ЮФО и установить между ними тесное взаимодействие для совместной продуктивной работы в рамках всего округа, для чего позднее был создан Совет молодых законодателей ЮФО.

Помимо этого, в связи с разработкой Стратегии молодежной политики в РФ, в ноябре 2008 года на V Всероссийском форуме молодых парламентариев была учреждена Всероссийская общественная организация «Ассоциация молодежных парламентов Российской Федерации» [16]. Основной целью ассоциации в 2008-2010 годах было инициирова-

ние принятия федеральной долгосрочной целевой программы поддержки молодёжи в РФ. Помимо этого, ассоциация на своих заседаниях ежегодно проводила церемонии награждения победителей конкурсов «Галерея Славы Юга России», «Лучший молодежный парламент», «Моя предвыборная программа — в действии» и других. Насыщенная работа парламентариев ЮФО продемонстрировала не только готовность молодых людей продуктивно участвовать в политической и общественной жизни, но потенциал объединения молодежных инициатив, возможность их влияния на ситуацию в стране [17].

Активную работу по налаживанию контактов между молодежью Дагестана и сопредельных регионов проводили и республиканские органы по молодежной политике. Отделом по делам молодежи администрации Ростова-на-Дону с 2006 года проводится ряд уникальных мероприятий, способствующих сближению молодежи наших регионов, в том числе молодежные фестивали «Кавказ — наш общий дом», «Молодежь за мир на Кавказе», в которых ежегодно принимает участие до 2000 делегатов со всех сопредельных субъектов Юга России.

9 июня 2007 года при комитете Ставропольского края по делам молодежи был образован молодежный межнациональный Совет, куда вошли общественные лидеры и представители региональных культурных центров, общественных организаций, молодежные лидеры наиболее массовых национально-культурных объединений, действующих на территории края [18]. За 2007-2010 годы Советом был организован целый ряд мероприятий по укреплению дружбы между народами Ставрополья и соседних субъектов в лице представителей диаспор и объединений в крае, исключением не стал и Дагестан. Среди них можно выделить: II Всероссийский молодежный лагерь «Школа толерантности» (2008), Открытый краевой фестиваль национальных культур «Моя страна — Россия!» (2009), участие в работе дискуссионных площадок Национального Совета молодежных и детских объединений России в рамках формирования Клуба «Многонациональная Россия» (2010) и т.д.

Безусловно, 2009 год — Год молодежи в России — стал поворотным для молодежной политики. Среди множества мероприятий, проводимых всеми субъектами Северного Кавказа в рамках чествования года молодежи, нам хотелось бы выделить мероприятия, переросшие его временные рамки, в частности, молодежные инновационные форумы «Селигер» и «Машук», которые действуют и сегодня. К ним же хотелось отнести организованную по инициативе А. Кабаевой, вхо-

дившей в состав оргкомитета Года молодежи, Школу молодых журналистов, основной темой которой стала публикационная этика [19]. Идея этого проекта появилась неслучайно. Оценка состояния современных СМИ и статистики, показывающей ежегодное падение доверия к СМИ, привело к мысли о необходимости возрождения статуса журналиста — глашатая правды. В ходе двух заседаний школы в Москве и Санкт-Петербурге, в которых приняли участие более 40 делегатов со всех субъектов Юга России, было решено придать ей статус всероссийского ежегодного мероприятия. 27 апреля 2010 года состоялось очередное заседание Школы.

Одними из немаловажных мероприятий, организованных при их содействии, стали проведенные с 14-16 апреля 2010 года на базе Ставропольского филиала МГГУ им. М. А. Шолохова курсы повышения квалификации работников сферы молодежной политики Северо-Кавказского федерального округа. В состав слушателей вошли и представители Дагестана и Ставропольского края, где обсуждались проблемы, в числе которых были выделены: «безработица, влияние экстремистских организаций на неокрепшие умы и души, квотирование мест для отдыха детей из Северо-Кавказских республик во Всероссийском центре «Орленок» и участие делегаций в Олимпиаде в г. Сочи».

Поводом для проведения этих курсов стало открытие при Ставропольском филиале МГГУ им. М. А. Шолохова нового структурного подразделения — Центра развития кадрового потенциала государственной молодежной политики в Северо-Кавказском федеральном округе и предстоящее межрегиональное совещание по проблемам, связанным с основными направлениями реализации молодежной политики в СКФО, в котором курсантам удалось поучаствовать.

Не менее плотное межрегиональное сотрудничество РД и других республик Северного Кавказа осуществлялось в научной сфере. Примером этому могут послужить ежегодные научные конференции молодых ученых, проводившиеся во всех субъектах с привлечением широкой географии делегатов. Особенную роль в этой деятельности сыграли члены «Ассоциации молодых ученых Дагестана». Ее рупором стал журнал «Научное обозрение. Вестник ассоциации молодых ученых».

Примечания

1. Кабаева А. Законодательство по молодежной политике РФ [Электронный ресурс]. //Личный сайт А. Кабаевой./URL: <http://www>.

kabaeva-alina.ru/life/youngpolitics/105/(дата обращения 05.03.2012.)

2. Указ Президента РФ № 1075 от 16.09.1992 г. «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики». [Электронный ресурс]// Система «Консультант-Гарант плюс»./URL: <http://www.consultant.ru/law/review/other/> (дата обращения 17.04.2012.)

3. Постановление ВС РФ от 3 июня 1993 г. N 5090-I «Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт Юридическая база РФ./URL: <http://www.jurbase.ru/texts/sector168/tez68303.htm> (дата обращения 17.04.2012.)

4. Постановление ВС РФ от 3 июня 1993 г. N 5090-I «Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» [Электронный ресурс]// Сайт Юридическая база РФ./URL: <http://www.jurbase.ru/texts/sector168/tez68303.htm> (дата обращения 17.04.2012.)

5. Козлов А. Государственная молодежная политика. // Ксенофобия в молодежной среде: Доклад по результатам мониторинга/[Баранов А. и др.]. — М.: Московская Хельсинкская группа, 2009. — С.37.

6. Распоряжение правительства РФ от 18.12.2006 № 1760-р «О стратегии государственной молодежной политики в РФ». [Электронный ресурс] // Официальный портал органов власти Чувашской республики./URL:<http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=16/530/561602/727054/727055/727081> (дата обращения 13.02.2012.)

7. Государственная молодежная политика в России. [Электронный ресурс] // Электронная энциклопедия «Википедия»./URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 17.04.2012.)

8. Положение о Федеральном агентстве по делам молодежи (утверждено 29 мая 2008 года) [Электронный ресурс] // Сайт Росмолодежь./URL: <http://www.fadm.gov.ru/about/polojenie> (дата обращения 07.05.2012.)

9. Козлов А. Государственная молодежная политика. // Ксенофобия в молодежной среде: Доклад по результатам мониторинга/[Баранов А. и др.]. М.: Московская Хельсинкская группа, 2009. С.39.

10. Закон «О государственной молодежной политике в Республике Дагестан» № 3 от 9.01.1997. [Электронный ресурс]// Сайт С.В. Левоневского./URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazazru/texts22/txt22663.htm> (дата обращения 07.05.2012.)

11. Постановление Законодательного собрания Ростовской области № 296 от 25.02.2004 г. «Положение о молодежном парламен-

те при Законодательном Собрании Ростовской области». [Электронный ресурс] // Сайт: Реалправо.ру./URL: http://www.realpravo.ru/biblioteka/molodejnii_parlamentarizm/documentation/2.php (дата обращения 13.06.2012.)

12. Постановление Народного собрания Республики Дагестан № 236-III НС от 27 мая 2004 г. «О создании молодежного парламента при Народном собрании РД». [Электронный ресурс]// Официальный сайт Народного собрания Республики Дагестан./URL: http://nsrd.ru/info/polojenie_o_molodejnom_parlamente (дата обращения 13.06.2012.)

13. Постановление Думы Ставропольского края N 154-IV ДСК от 9.08. 2007 г. «Об утверждении Положения об Общественной молодежной палате при Думе Ставропольского края». [Электронный ресурс] // Сайт: Дума Ставропольская края./URL: <http://dumask.ru/inform/consulting/mp/pl/17203/>(дата обращения 13.06.2012.)

14. Гриценко А. Совет молодых депутатов Краснодарского края создает будущее Кубани. [Электронный ресурс]// Сайт: Вестник ЮРПА: информационно-аналитическое издание./URL: <http://vestnik-urpa.ru/7.html> (дата обращения 07.06.2012.)

15. Ассоциация молодежных парламентов России. [Электронный ресурс] // Единый портал молодежного парламентского движения в России./URL: <http://newparlament.ru/texts/amprf> (дата обращения 15.06.2012.)

16. Молодые законодатели Юга встретились в Ростове. // Парламентская газета «Южный федеральный округ». — №25-26 (2509-2510) от 27 мая 2011 г. С.23.

17. Молодежный этнический Совет Ставропольского края. [Электронный ресурс] // Информационный портал молодежь Ставрополья./URL: <http://kdm26.ru/napravleniya-deyatelnosti/kraevoj-molodezhnyj-etnicheskij-sovet.html> (дата обращения 15.06.2012.)

18. Кабаева А. Школа молодого журналиста. [Электронный ресурс]. //Личный сайт А. Кабаевой./URL: <http://www.kabaeva-alina.ru/life/youngpolitics/105/>(дата обращения 05.03.2012.)

19. Отчет о проведении курсов повышения квалификации работников сферы молодежной политики (14-16 апреля 2010гг. Ставрополь). // сайт: Федерального центра развития кадрового потенциала государственной молодежной политики./URL: <http://www.fkcmp.ru/>(дата обращения 22.04.2012.)

**Л. К. ХУТАЕВА,
аспирант СОГУ**

БЛАГОУСТРОЙСТВО Г. ВЛАДИКАВКАЗ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Культурные и социальные процессы общества представляют собой жизнедеятельностную активность людей и являются осуществлением более или менее типовой последовательности процедур: осмысления людьми своих интересов и потребностей, возникающих в связи с какими-то обстоятельствами; разработки способов удовлетворения этих интересов и потребностей; практическое применение этих технологий и получения какого-то результата; оценки эффективности примененных технологий.

Цель данной статьи — проследить через «последовательность процедур» динамику социокультурных процессов в г. Владикавказ в разные временные периоды.

В качестве «срезов» предлагается взять дореволюционный Владикавказ и Владикавказ начала 30-х гг. XX века.

До революции Владикавказ представлял собой крупный административный центр, со специфической социокультурной средой. Городская культура была представлена театром, музеями, библиотеками и другими стабильными институциональными формами.

Театр во Владикавказе был основан в 1869 году. Изначально посещение спектаклей было привилегией городской элиты, т.к. билеты в театр стоили дорого. Однако ставились спектакли и для малоимущих слоев населения и студентов. К началу XX века театральная жизнь города заметно оживилась. Городской театр способствовал появлению осетинского, армянского, грузинского, еврейского драматических кружков. Осетинский кружок любителей театрального искусства ставил спектакли на осетинском и русском языках [1].

Театр во Владикавказе развивался, шло становление национальных театров.

Спектакли осетинского кружка пользовались большим спросом, однако к 30-м гг. XX века вопрос об организации осетинского национального театра остается открытым, несмотря на острую необходимость его решения. Имеющиеся в наличии помещения не удовлетворяли минимальных потребностей городского населения.

По проекту архитектора Ивана Васильевича Рябикина еще до революции предполагалось на набережной реки Терек возвести здание Народного дома. Для активного сбора средств под эти цели была изготовлена открытка с изображением внешнего вида здания [2]. Она призывала имущие слои населения вложить средства в осуществление этой идеи. Здание не было достроено, т.к. началась Первая Мировая война, а затем революция и гражданская война.

В 1933 году было принято решение об окончании строительства Народного дома для дальнейшей реконструкции его в театральное помещение вместимостью до 1300 человек. Окончание строительства было внесено в план благоустройства города на 1934 г. [3]. Однако Народный дом так и останется проектом.

Сложилась ситуация, когда театр стал недоступным ввиду отсутствия помещения для него.

В парке Ерофеева на берегу Терека располагалось общество «Трэк», созданное в 1893 году как общество любителей велосипедного спорта [4]. По описанию современников, это был один из самых благоустроенных городских уголков. По инициативе Михаила Родионовича Ерофеева, генерала, чьим именем назван городской парк, и с согласия городской управы велосипедисты очистили от мусора нижнюю заброшенную часть городского сада, которая представляла собой просто свалку, выровняли площадку для езды на велосипеде, устроили лужайки, поставили скамейки, посадили деревья, разбили цветники. Позднее появились беседки, озеро с лодками — любимая забава владикавказцев. Число желающих пользоваться велодромом постепенно увеличивалось. Появилась необходимость устройства особого навеса для того, чтобы можно было укрыться во время ненастья и жары. Инженер Кербедзом построил павильон, именуемый «Ерофеевским».

Со временем площадь трэка увеличивалась, был разбит парк, сооружены водоемы и пруды, площадки, качели и т.п. Владикавказский «Трэк» прославился своим благоустройством далеко за пределами Терской области. В книге посетителей неоднократно

было отмечено, что подобной красоты парк трудно встретить даже в Европе. Это отмечали туристы из Германии, Италии, Швейцарии.

С 1914 г. город взял «Трэк» под свою опеку, объяснив это тем, что 18-летний срок аренды территории завершился. У парка начались не лучшие времена.

Вполне естественно, что к 1930-м годам территория парка (около 8 га) перестала удовлетворять нужды горожан. Кроме местного населения парк привлекал внимание и проезжающих туристов. Однако работы по расширению парка не проводились, а средств на поддержание внутреннего оборудования и убранства не хватало. Все это отрицательно сказалось на состоянии парка. При этом посещаемость парка даже по сравнению с 1920-ми годами выросло почти на 20% [5]. А расширение парка было только запланировано.

В дореволюционном Владикавказе росло число бань, самые крупные из них — персидская, баня «Восток», баня Басиевых по улице Евдокимовской, бани Дейкарханова, Иванова, Андреева. Андреевская баня считалась одной из лучших в городе. По описанию современников в предбанниках были мягкие диваны, на полах — ковры, на стенах — зеркала; ванны были цинковые, с термометрами и паровым отоплением. При банях открывались прачечные с машинной и ручной стиркой [6].

В специфических условиях города Владикавказ, являвшегося головным пунктом транзита по Военно-Грузинской дороге, банно-прачечное обслуживание продолжало иметь особое значение и в первой трети XX в. Однако к 30-м годам оно находилось в плачевном состоянии. В частности, в 1933 г. с трудом удалось ликвидировать эпидемию сыпного тифа, начавшего принимать угрожающие размеры [7].

Возможности для строительства новых бань отсутствовали. Однако необходимо было увеличивать пропускную способность существующих путем надстройки этажей и реконструкции банных помещений, а также устройства в районе вокзала пропускника с душами и дезкамерой. Эти мероприятия могли повысить одновременную вместимость бань.

В это время намечалась постройка механизированной прачечной для сухого белья, в которой город нуждался. Вообще санитарно-гигиенические мероприятия составляли блок первоочередных задач. Особо остро стояла проблема канализации ввиду ее отсутствия. Фактически вывозилось только 40% нечистот, подлежащих к вывозу. Ливневые воды спускались в реку Терек прямо с улиц, туда

после некоторого обезвреживания спускали воды бань, крахмальных и других заводов. Город в начале 30-х годов XX века не имел сколько-нибудь оборудованной системы мероприятий по очистке от мусора.

В июле 1910 года был поставлен вопрос об открытии «Комитета Российского общества туристов в городе Владикавказе». Учредителями его были известные в городе люди — владельцы магазинов и отелей (Дж. Чиячич, П. Морозов, К. Отаров, Д. Шульц, А. Никитин, С. Вартазаров, Г. Бурдули, М. Кереселидзе, И. Андреев, фотограф А. Джанаев-Хетагуров, инженер В. Грозмани и другие).

В октябре 1910 года было основано еще одно «Владикавказское общество туристов», учредителями которого были отставные военные — подполковник Боков, полковник Ленский и другие.

В мае 1912 года было разрешено открытие во Владикавказе филиала «Русского горного общества». Общество обязывалось содействовать массовым экскурсиям учащихся из России, а также объединять исследователей гор и любителей горных путешествий, изучать горы. По Уставу оно могло проводить научные исследования, экскурсии, чтения, выставки, музеи, съезды.

Вследствие этого особое место в городской экономике занимал гостиничный бизнес. Одна из первых гостиниц «Нью-Йорк» была открыта в 1875 году Архиеписковым, который арендовал для нее часть первого в городе трехэтажного здания. В 1879 году была открыта старейшая в городе гостиница «Гранд-Отель» на Александровском проспекте. Позднее было основано еще 2 филиала «Гранд-Отель» на другой стороне Александровского проспекта и в Казбеги.

Арендой гостиниц занималось немало грузин. В 1882 году была открыта гостиница «Европа». В начале 1880-х годов была основана гостиница «Бристоль».

В 1880-х годах была построена гостиница «Париж». Христофор Андреев был владельцем гостиницы «Коммерческая», где при номерах имелись ванны с горячей и холодной водой, буфеты, различные развлечения. Отель «Империял», которым в разное время владели В. И. Римкевич и П. Е. Марандов, славился роскошным рестораном с европейской и кавказской кухней. Гостиницей «Центральной» владел осетин Цораев, «Купеческой» — грек Михайлов, «Европейской» — грек Попандопуло, «Малороссией» — армянин И. Аракелов, гостиницей «Кавказ» — армянин Ж. Казаров, меблированными комнатами «Эльбрус» — армянин Г. Тер-Антонианц.

В 1930-е гг. Владикавказ продолжает являться базой для многочисленного потока советских и иностранных экскурсантов и туристов, которые, совершая путешествия по Северному Кавказу, для ознакомления с окрестностями и с близ расположенными интересными объектами на некоторое время оседают в городе.

Необходимое обслуживание интуристов и экскурсантов из-за отсутствия транспорта в городе совершенно не организовано.

Решением ЦК ВКП (б) и СНК ССР от 3.09.1931 г. предусмотрено строительство гостиницы на 100 номеров для иностранных туристов (к 1934 г. строительство не осуществлено) [8].

Таким образом, мы можем говорить о том, что хорошо развивающийся дореволюционный город к 30-м гг. XX века остро нуждался в благоустройстве.

Разумеется, причины неудовлетворительного состояния Владикавказа в 30-х гг. XX века можно объяснить. Скажем, запланированная сумма на мероприятия по благоустройству города на 1933-34 гг. составила 13,6 млн. рублей. Сумма колоссальная. Однако надо отметить, что Горсовет не сумел грамотно использовать имеющиеся в самом городе значительные возможности для проведения мероприятий по внешнему благоустройству огорода: исправление, покраска и побелка фасадов зданий, установка урн, переходных мостиков, приведение в благоустроенное состояние зеленых насаждений, очистка улиц, дворов и площадей от мусора, грязи и нечистот, поливка улиц, площадей и базаров и т.д. Для превращения Владикавказа в чистый культурный город недостаточно привлекались советские и профессиональные организации.

Примечания

1. Канукова З. В. Старый Владикавказ. [http:// www. nocss. ru project / 24/gl²_p².php](http://www.nocss.ru/project/24/gl2_p2.php).
2. Канукова З. В. Старый Владикавказ.
3. <http://nslib.narod.ru/vladikavkaz/arhitectura/arhitectura1.html>.
4. ЦГА РСО — Алания. Ф.45, Оп. 1, Дело 49. Л. 81.
5. Канукова З. В. Старый Владикавказ. [http:// www. nocss. ru project / 24/gl²_p².php](http://www.nocss.ru/project/24/gl2_p2.php).
6. ЦГА РСО — Алания. Ф.45, Оп. 1. Дело 45. Л. 55.
7. Канукова З. В. Старый Владикавказ. [http:// www. nocss. ru project / 24/gl²_p².php](http://www.nocss.ru/project/24/gl2_p2.php).
8. Архив. ЦГА РСО — Алания. Ф.45. Оп. 1. Дело 49 Л. 82.
9. Архив. ЦГА РСО — Алания. Ф.45. Оп. 1. Дело 49 Л. 82.

Ф.М. ШОГЕНОВА,
аспирант КБГУ, г. Нальчик

«ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС» И ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ АДЫГСКОЙ ДИАСПОРЫ

Черкесы (самоназвание адыги) — древнейшие жители Северо-Западного Кавказа, чья история, по мнению российских и иностранных исследователей, корнями уходит в глубь веков.

Сегодня черкесы — один из разделенных и рассеянных по свету народов России. По последней переписи населения 2010 года, на исторической родине проживает около 730 тысяч черкесов. А за пределами Российской Федерации в 50 странах мира, по различным источникам, сейчас проживают более 6-7 миллионов черкесов. Независимо от страны проживания они сохранили свою идентичность и свое этническое название. Однако такое разделение адыгов привело развитие народа к ограничению и недостаточно эффективному духовно-эстетическому общению. Черкесы до сих пор лишены права носить свое этническое имя в странах Ближнего Востока и Передней Азии. Кавказская война, а затем многие события XIX-XX веков стали причиной этих и других бед адыгов.

Историческая память о трагедии Кавказской войны стала важным элементом национальной идентичности для народов Северного Кавказа, принадлежавших к адыгской группе. Этим обуславливается пристальное внимание адыгской интеллигенции к проблеме махаджирства, высокая актуальность этой темы в повестке дня современных адыгских национальных организаций, действующих как в России, так и за рубежом [3,48].

Помимо Кавказа, черкесы живут в Турции, Сирии, Иордании, Израиле, Египте, Ираке, Германии, Голландии, США и некоторых других странах. Многие диаспоры сталкиваются с реальной угрозой

ассимиляции (прежде всего в Турции, где проживает значительная часть черкесов), что заставляет их в практической деятельности смещать акценты в сторону культурно-просветительской работы (фестивали, изучение языка и т.д.).

Основные общественные объединения организации черкесов *Турции*:

— Кавказская ассоциация («Kaf-Der», «Caucasian Association», которая объединяет около 30 землячеств

— Федерация кавказских Хасэ («Kaf-Fed» — 60 организаций). Федерация ведет довольно активную деятельность в плане подготовки специалистов по языку, обмену студентами, проявляет интерес к проблемам репатриации;

— «Черкесский союз Яйлова», «Общество Культуры и Взаимопомощи».

Израиль. Большая группа черкесов жила на Голанских высотах до войны 1967 г., после чего переселилась в Дамаск или переехала в США. Около десятка черкесских сел на Голанских высотах стерты с лица земли. Сейчас основная часть диаспоры проживает в двух черкесских селениях Кфар-Кама и Рихания (около 3,5 тыс.). Можно предположить, что активную деятельность израильских черкесов по налаживанию связей с исторической родиной следует рассматривать в контексте общей политики Израиля и его основного стратегического союзника, пытающихся основательно закрепиться на Кавказе и иметь рычаги влияния. В Иерусалиме находится штаб-квартира Института восточного партнерства, руководителем которого является активно занимающийся Кавказом Авраам Шмулевич (урожд. Никита Демин). В Кфар-Каме работает общественная организация «Черкесский конгресс», кроме того, функционируют в Израиле благотворительная черкесская ассоциация «Нафна», «Адыгская ассоциация студентов Израиля». Израильские черкесы наиболее активны в требованиях по вопросу проведения Олимпийских игр 2014 года в г. Сочи, заявляя о координации действий с диаспорами Турции, Германии и США.

В Сирии, по данным региональных отделений благотворительного общества «Черкесский конгресс», проживает от 75 до 120 тыс. адыгов. Десятки черкесских деревень на Голанских высотах были разрушены во время арабо-израильской войны 1967-1968 гг.

Иордания. Около 100 тыс. адыгов (большинство кабардинцы). Диаспора занимает серьезные позиции в Королевстве. Несмотря на языковую ассимиляцию, иорданские черкесы сохраняют свою этническую идентичность и имеют ряд объединений, которые играют активную роль среди черкесского зарубежья.

Объединенные Арабские Эмираты. Диаспора занимается в основном бизнесом, налаживанием торговых связей. Стала более заметной в последние несколько лет.

Европейский Союз. В Европе наиболее крупные черкесские диаспоры находятся в Германии (Берлин), Голландии (Антверпен), Франции (Лион), Швейцарии (Базель). Самой крупной по численности является черкесская диаспора в Германии — около 30 тыс. человек.

Черкесская культурная организация Нидерландов была создана в 1979 г. Разные культурные черкесские организации объединены в «Федерацию черкесов Европы». Европейская Федерация является основным и наиболее активным черкесским лобби.

В США проживает около 7 тыс. адыгов. Наиболее влиятельной организацией диаспоры в США является «Черкесская благотворительная ассоциация», основанная в начале 1950-х гг.

Начиная с 2007 года, черкесская диаспора США серьезно активизировалась. Существенную роль в этом сыграли представители Всемирного Адыгского братства, а также деятели, связанные с политическими и научными кругами США. В Калифорнии было завершено создание новой общественной организации «Адыгэ Хасэ» Калифорнии¹⁹. При участии Всемирного Адыгского братства. На базе «Адыгэ Хасэ» Нью Джерси была создана Circassian Education Foundation, которая провела несколько мероприятий. Основной целью этих организаций является привлечение посредством Интернета молодых людей черкесской национальности к общественной, волонтерской работе [4, 27].

Но в то же время, одной из самых заинтересованных сторон в разрешении проблемы преодоления последствий Кавказской войны, в том числе возвращения потомков черкесов на историческую родину, является Российская Федерация. Древний черкесский народ 450 лет назад вместе с русским народом заложили основу образования федеративного устройства Российского государства. Черкесы вместе с русскими защищали Россию от внешних врагов, вместе строили и укрепляли ее.

После Кавказской войны на исторической родине, по официальным данным российской администрации, осталось около 80-90 тысяч человек, то есть 3% коренного населения исторической Черкесии. Большая часть эмигрировала в Османскую империю.

Примечания

1. «Иллюстрированный журнал Глсона». Лондон, 1854. № 1.
2. Хотко Е. С. Очерки истории черкесов. СПб., 2001.
3. Невальская Н. Черкесский вопрос: поиски ответа. М., 2002.
4. Темиров У. «Черкесский вопрос в России» // «Звезда». 2011. № 7.

С. А. ПЕТУШКИН

**к.ю.н., Московская государственная академия водного
транспорта МГАВТ (г. Москва)**

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРЛАМЕНТА
В ФОРМИРОВАНИИ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ**

*(на примере образования Горской Автономной
Советской Социалистической республики)*

Нет возможности излагать подробно историю развития представительных и законодательных органов Советского государства, но это не исключает необходимости сделать некоторые краткие пояснения. Обширная юридическая литература тех лет позволяет оценить общие черты законодательства и тем самым не нарушить объективных требований исторической преемственности.

В октябре 1917 года произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, в результате которой к власти пришли большевики.

Первым документом в области федеративного устройства стала Декларация прав народов России [1, 8], принятая 2 ноября 1917 года, в которой, в частности, провозглашалось: «равенство и суверенность народов России, право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена всех и всяких, национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

В результате были образованы новые государства — Финляндия, «Турецкая Армения», Урянхайский край (Тыва).

Впервые в России официально была закреплена федеративная форма государственного устройства в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа [2, 215], принятой III Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов 13 января 1918 года, в которой было сказано, что «Советская Российская Республика учре-

ждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик». Однако республик в составе России еще не было.

Конституция РСФСР 1918 года была принята на заседании V Всероссийского съезда Советов 10 июля 1918 года, в соответствии с которой высшей властью в РСФСР объявлялся Всероссийский съезд Советов [3,582]. Он формировался из депутатов от нижестоящих представительных органов, от городских Советов из расчета 1 депутат на 25 тыс. избирателей и от губернских съездов Советов из расчета 1 депутат на 125 тыс. жителей (ст. 25 Конституции РСФСР 1918 года). Таким образом, закреплялось преимущество в численном представительстве от горожан в 5 раз. Всероссийский съезд Советов созывался не реже двух раз в год (ст. 26 Конституции РСФСР 1918 года).

Текущие, очередные Всероссийские Съезды созывались ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) — органом, создаваемым Съездом (ст. 26 Конституции РСФСР 1918 года). Чрезвычайные Всероссийские съезды Советов созывались ВЦИК «по собственному почину» или по требованию Советов местностей, насчитывавших не менее 1/3 всего населения Республики.

В сфере законодательства к компетенции Всероссийского Съезда относились полномочия исключительного ведения и совместного с ВЦИК:

Установление, дополнение и изменение основных начал Конституции РСФСР 1918 года (п. «а» ст. 51) относилось к исключительному ведению Съезда РСФСР.

Кроме того, к ведению Съезда относилось «общегосударственное законодательство, судоустройство и судопроизводство, гражданское, уголовное законодательство и пр.» (п. «о» ст. 49). Эти вопросы находились не в исключительном ведении Съезда, а относились одновременно и к ведению ВЦИК.

Вторым по значимости высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом в РСФСР Конституция 1918 года называла Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), который избирался Всероссийским съездом Советов. В его составе должно было быть «не свыше 200 человек» (ст. 28 Конституции РСФСР 1918 года). Он также объявлялся высшей властью, но в период между Съездами (ст. 30 Конституции РСФСР 1918 года). Характеризуя место ВЦИК в системе организации государственной власти, Конституция РСФСР устанавливала, что ВЦИК — это выс-

ший законодательный, распорядительный и контролирующий орган РСФСР (ст. 31). Согласно Конституции РСФСР 1918 года ВЦИК был «всецело ответственен перед Всероссийским съездом Советов» (ст. 29 Конституции РСФСР 1918 года).

Согласно ленинской теории Советы имели следующие признаки их политико-правовой природы.

Советы квалифицировались как средство и форма политического объединения народа в социалистическом государстве. Именно осуществление Советами функции объединения трудящихся в государство, — является главным, — подчеркивал В. И. Ленин. Разрабатывая в 1919 году Программу РКП (б), В. И. Ленин писал, что «создание и развитие всесторонней и массовой организованности трудящихся есть первая историческая задача, которая ложится на Советскую Республику в области политической» [4,188].

Таким образом, Советы идентифицировались с идеей не правового, а революционного, классово-организованного государства. Они характеризовались не столько как представительные учреждения, а в большей мере, как форма политического объединения народа, т. е. им придавалось партийное качество. Хотя официально они, конечно, партией не назывались и фактически таковыми не являлись.

В качестве достоинства Советов В. И. Ленин видел то, что они соединяют «в лице выборных представителей народа и законодательную функцию, и исполнения закона»... В основе ленинской позиции лежала марксистская характеристика Парижской Коммуны. К. Маркс писал: «Коммуна должна была быть не парламентской, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы» [5,342]. Такая позиция была новой по сравнению с теорией предыдущих периодов.

К примеру, еще Ш. Л. Монтескье определяет структуру, порядок формирования и полномочия законодательной власти и взаимодействие с исполнительной: «Представительное собрание, избираемое на вполне определенной основе, нужно не для того, чтобы оно выносило какие-либо активные решения задачи, которую оно не в состоянии выполнить, но для того, чтобы создавать законы или наблюдать за тем, хорошо ли соблюдаются те законы, которые уже созданы» [6,293].

Советы же несли в себе отрицание прогрессивного принципа «разделения властей», они были основаны на противоположном принципе — единства, монизма власти, ее монополизации в одном

учреждении. Однако предмет исследования не в том, чтобы подробно рассматривать теорию представительства, вопросы парламентаризма, а показать роль парламента в установлении и развитии федерализма.

После принятия Конституции РСФСР 1918 года начался активный процесс «автономизации» России. Парламент, каковым будем условно считать Съезд Советов, ВЦИК не стоял в стороне от этого процесса. Это видно из следующего: образование трудовых комунн, автономных областей, автономных республик, национальных округов, национальных районов, сельсоветов.

Рассмотрим историю деятельности парламента, применительно к исследованию на примере образовании Горской Автономной Советской Социалистической республики.

II съезд народов Терека открылся во Владикавказе 17 ноября 1920 года. На съезде присутствовало свыше 500 делегатов от всех горских народностей Терека (кабардинцев, осетин, чеченцев, балкарцев, ингушей, карачаевцев) [7,114], а также от трудового казачества и «иногородних». С докладом «О советской автономии Терской области» на съезде выступил И. В. Сталин, который по поручению ВЦИК и Совнаркома РСФСР огласил Декларацию Совнаркома РСФСР об образовании Горской Автономной Советской Социалистической республики.

Съезд единодушно принял резолюцию, избрал делегацию в составе представителей всех основных национальностей Горской республики, которая в Москве совместно с центральными советскими органами Российской Федерации в короткий срок проделала всю необходимую работу.

20 января 1921 г. ВЦИК РСФСР издал декрет «Об Автономной Горской Социалистической Советской Республике» [8,41]. В декрете было указано, что Горская АССР образуется как часть РСФСР и включает в свой состав территорию, занимаемую чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами, карачаевцами и проживающим русским населением. В соответствии с этим, в административно-территориальном отношении Горская республика делилась на шесть горских округов: Чеченский, Назрановский, Владикавказский, Кабардинский, Балкарский и Карачаевский. Несколько позднее был образован еще один — Сунженский округ с преимущественно русским (казачьим) населением. Столица Горской республики Владикавказ, а также ее крупный промышленный центр Грозный были отдель-

ными административными единицами с непосредственным, наравне с округами, подчинением высшим государственным органам Горской АССР.

Декретом ВЦИК Терскому облисполкому, который после II съезда Советов народов Терека и провозглашения Горской АССР оставался еще высшим органом государственной власти, было поручено обеспечить созыв Учредительного съезда Советов Горской АССР. Для этой цели Терский облисполком образовал специальную комиссию, которая вместе с соответствующими партийными органами республики проделала всю подготовительную работу по созыву Учредительного съезда, включая организацию избирательной кампании и другие мероприятия.

Учредительный съезд Советов Горской АССР, явившийся заключительным этапом ее образования, проходил во Владикавказе с 16 по 22 апреля 1921 года. На съезде был образован ЦИК Горской республики. На его первом заседании, состоявшемся 22 апреля 1921 года, Терский облисполком сложил свои полномочия. Съездом был принят ряд постановлений (по землеустройству, продовольственному вопросу, о народном образовании и о шариатских судах). ЦИК Горской АССР в свою очередь избрал президиум из девяти человек и утвердил Совнарком Горской АССР в составе двенадцати народных комиссаров.

Горская АССР делилась на округа (национально-горские и один казачий) и имела в своем составе, как уже отмечалось выше, две самостоятельные административные единицы — города Владикавказ и Грозный. Каждый округ посылал в высший орган государственной власти республики — на республиканский съезд Советов — не равное число представителей, а пропорциональное численности населения. В частности, на II съезд народов Терека (ноябрь 1920 г.) 1 депутат избирался (от горских округов и казачьих отделов, тогда еще входивших вместе с округами в единую Терскую область) от 5 тыс. жителей. К выборам не допускались только явные контрреволюционеры. Поэтому же принципу избирались делегаты высшего органа государственной власти Горской республики — ее съездов Советов. Окружные съезды Советов избирали на республиканский съезд 1 депутата от 10 тыс. жителей (городские Советы Владикавказа и Грозного избирали 1 депутата от 2 тыс. избирателей, что соответствовало Конституции РСФСР 1918 года, предусматривавшей для рабочего класса определенные преимущества в нормах представительства по сравнению с крестьянством).

Структура органов государственной власти и управления Горской АССР полностью соответствовала общепринятой в РСФСР, а также в других автономных республиках Российской Федерации: съезд Советов республики, ЦИК и избираемый им Президиум ЦИК, Совнарком; на местах — местные Советы различных ступеней (окружные, городские, сельские и т. д.).

Высший орган государственной власти Горской республики — Горский съезд Советов — созывался один раз в год для решения наиболее важных общественно-политических, хозяйственных и иных вопросов.

В рамках компетенции, предоставленной Горской АССР общероссийским законодательством, полномочия съезда Горской республики были практически неограниченными. Он мог принять к своему рассмотрению любые вопросы, кроме тех, которые Конституция РСФСР относил к исключительной компетенции высших органов Российской Федерации. В этом реально проявлялся принцип федерализма.

Была предусмотрена также возможность созыва — в случае настоятельной необходимости и внеочередных, чрезвычайных съездов.

В период между съездами Советов высшим органом государственной власти в республике был избираемый на республиканском съезде Советов в составе не более 75 человек Центральный Исполнительный Комитет. ЦИК Горской республики работал в сессионном порядке, собираясь, на сессии один раз в три месяца. Как сказано в Положении о Центральном Исполнительном Комитете Советов рабочих, красноармейских, казачьих и горских депутатов Горской АССР, ЦИК был (в период между съездами Советов) высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом Горской республики. Он определял общее направление деятельности всех органов республики, объединял и согласовывал их деятельность по проведению в жизнь Конституции РСФСР, постановлений съездов Советов Горской республики и центральных органов Российской Федерации. ЦИК рассматривал и утверждал проекты декретов и других законодательных актов, вносимых Совнаркомом и отдельными народными комиссариатами, а также издавал собственные декреты и распоряжения. ЦИК созывал съезды Советов республики, каждый раз представлял им отчет о своей деятельности. Для общего управления делами Горской республики ЦИК образовал Совнарком и народные комиссариаты. В этом проявлялась парламентская суть Съездов Советов и ЦИК.

Высокому положению ЦИК в системе органов государственной власти Горской республики соответствовала его чрезвычайно широкая компетенция. Он осуществлял общее руководство внутренней политикой республики; разрешал споры между округами, входящими в ее состав; утверждал бюджет республики; устанавливал государственные и местные налоги и повинности; назначал и смещал как отдельных членов Совнаркома, так и весь Совнарком в целом. Все декреты и постановления общереспубликанского значения, не имевшие срочного характера, Совнарком был обязан вносить на рассмотрение и утверждение ЦИК, который вправе был отменить или приостановить всякое (постановление или решение, если оно противоречило действующему в республике законодательству. Мероприятия, декреты и постановления, требующие неотложного проведения в жизнь, могли быть осуществлены непосредственно Совнаркомом. Однако и в этом случае ЦИК сохранял за собой право последующего вмешательства — в случае необходимости — в ход их осуществления (вплоть до полной отмены). То есть практически Совнарком осуществлял исполнительную власть, а ЦИК — законодательную.

Вся связь государственных органов Горской республики с органами государственной власти и управления РСФСР осуществлялась только через ЦИК. Он рассматривал жалобы отдельных наркоматов на неудовлетворительные или несоответствующие общероссийскому законодательству постановления Совнаркома. Решения ЦИК по каждому такому обжалованию были одинаково обязательны как для соответствующего наркомата, так и для всего Совнаркома.

Президиум ЦИК Горской республики был оперативным государственным органом, функционировавшим в отличие от ЦИК постоянно. Президиум созывал сессии ЦИК и руководил его заседаниями. Положение о ЦИК Горской АССР определяло компетенцию его Президиума: он подготавливал материалы для заседаний ЦИК, наблюдал за выполнением постановлений, вносил проекты декретов на рассмотрение пленума, в необходимых случаях выступал от имени ЦИК, руководил инструкторской работой, как в центре, так и на местах, рассматривал различные ходатайства в период между пленумами ЦИК, имел право утверждать и отменять постановления Совнаркома, а также издавать необходимые постановления с последующим представлением доклада о своей работе очередной сессии ЦИК, назначал по представлению Совнаркома народных комиссаров, разрешал споры между наркоматами, главками и центром, с одной стороны, и

местными исполкомами Горской республики — с другой. Президиум ЦИК определял административное деление ГАССР.

Особая глава Положения о ЦИК Горской республики была посвящена правам и обязанностям его членов. Члены ЦИК не могли быть в пределах Горской АССР арестованы без согласия на то Президиума или председателя ЦИК. При аресте членов ЦИК за пределами республики власти, производившие арест, немедленно должны были уведомлять об этом Президиум ЦИК Горской АССР. Члены ЦИК могли быть преданы суду в пределах Горской республики только по постановлению ЦИК или его Президиума и т. д. Обыск на квартире члена ЦИК мог быть произведен только по ордеру, подписанному председателем ЦИК. Члены ЦИК имели право хранить и носить оружие на территории Горской республики. То есть парламенту принадлежали отчасти и судебские полномочия.

В полном соответствии с практикой, существовавшей в Российской Федерации, в пределах Горской республики правом законодательства обладали, с учетом субординации, съезд Советов, ЦИК Горской АССР, его Президиум и Совнарком.

Отметим, что с нашей точки зрения нет необходимости анализировать в полном объеме законодательную деятельность Съездов Советов и ВЦИК. В нашу задачу входит отражение федеративных начал в законодательстве. Следует еще раз подчеркнуть, что в полном смысле парламентом Съезды Советов и ВЦИК назвать трудно, и по способам формирования, и по функциям, и полномочиям, и по характеру деятельности. Тем не менее, наличие ряда признаков позволяет рассматривать съездовскую (Советов) систему в русле парламентской деятельности. Забегая вперед, можно отметить, что это замечание относится и к последующим системам Советов, хотя они менялись от этапа к этапу в развитии государства, общества.

Возвращаясь к деятельности съездов и ВЦИК, необходимо охарактеризовать четче элементы федерализма, национальную проблематику.

Все образованные до принятия Конституции автономные республики были весьма своеобразны. Даже сами их названия носят не национальный, а географический характер. И не случайно, ибо республики образовались в рамках старых административно-территориальных единиц — Терской, Кубанской, Донской областей, Черноморской и Таврической губерний, Туркестанского края. Эти единицы имели тот или иной процент нерусского населения — максимальный

в Туркестане, минимальный на Дону. Однако границы республик никак не соответствовали границам фактического расселения народов. Следовательно, автономные республики первой половины 1918 года, как и многие из последующих, в частности уже рассмотренная Горская, не вполне соответствовали национально-территориальному принципу.

В декабре 1922 года произошло событие огромной исторической важности — образование СССР. В этот союз вошли РСФСР (Россия), Украина (УССР), Белоруссия (БССР), ЗСФСР (Закавказская советская федеративная социалистическая республика). В какой-то мере можно сказать, что в модернизированном виде была возрождена Россия. Поскольку федерация развивалась в сторону централизации, то характер устройства республик, в том числе РСФСР, зависел от решения союзных органов. Поэтому нам приходится затрагивать вопросы деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти СССР, а затем уже останавливаться на деятельности этих органов в РСФСР.

Образование СССР было конституционно закреплено в 1924 году с принятием Конституции СССР. Исходя из данной Конституции, можно сделать вывод о принципах федерализма: добровольность объединения, советская форма правления и социалистический тип государств — субъектов Федерации, свобода выхода из Союза, разграничение предметов ведения и союзный контроль, ограниченный суверенитет в состоянии субъектности республик. Республики имели право принимать свои конституции, законодательствовать, влиять на внутреннее устройство. Тем не менее, многое зависело от того, как решится вопрос на Союзном уровне. В конституции СССР 1924 года, к примеру, говорилось:

— Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно. Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права союзных республик.

— За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза.

— Союзные республики в соответствии с настоящей Конституцией вносят изменения в свои конституции.

— Территория союзных республик не может быть изменяема без

их согласия, а равно для изменения, ограничения или отмены статьи 4 требуется согласие всех республик, входящих в Союз Советских Социалистических Республик.

— Для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство [9,24].

Необходимо обратить внимание на конфедеративный принцип — право свободного выхода из СССР. В ситуации 1922 года, возможно, это и было оправдано, но ведь этот принцип и в дальнейшем сохранялся.

На основе утвержденной в 1924 году Конституции СССР, на XII Всероссийском съезде была принята в 1925 году Конституция РСФСР, которая признавала «право за отдельными национальностями на выделение, по решению их съездов Советов с утверждения верховных органов Российской Социалистической Федеральной Советской Республики, в автономные советские республики и области» [10,41-42].

Необходимо отметить, что в первые годы установления Советской власти национальным проблемам уделялось достаточное внимание. Они рассматривались на партийных съездах, сессиях ВЦИК, позже ЦИК СССР. Наряду с Народным комиссариатом по делам национальностей в системе законодательной власти — при ВЦИК — существовал Отдел национальностей, в котором предварительно рассматривались практически все законопроекты, так или иначе касавшиеся социально-экономического и культурного развития автономий и других национальных образований. Отдел, его сотрудники принимали активное участие в обследовании регионов, проводили совещания представителей национальностей по вопросам землеустройства, коренизации административного аппарата, определения статуса и полномочий местных исполнительных органов власти, традиционных и новых институтов самоуправления народов [11,130-135].

В феврале 1924 года Президиум ВЦИК принял решение приступить к районированию Северного Кавказа. Для осуществления резолюции XII съезда РКП (б) была создана Юго-Восточная область (Северный Кавказ) [12,227], что сказалось на всем ходе национально-государственного строительства в этом районе, обусловив полное расформирование Горской АССР, оказавшейся в новых условиях излишним промежуточным звеном между общекраевым центром и входящими в Юго-Восточную область народностями. При районировании Северного Кавказа были учтены как хозяйственно-экономические соображения, так и политическая целесообразность, связанная,

в частности, с национальной пестротой его населения. Поэтому немаловажное значение придавалось учету исторического и культурного развития народов этого многонационального края.

В начале 1924 года перед районированием Северный Кавказ состоял из отдельных административных единиц, подчиненных непосредственно центру. Здесь были две автономные советские республики — Горская и Дагестанская, две объединенные национальные автономные области — Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская, две автономные области — Адыгейская и Чеченская, две губернии — Ставропольская и Терская, две области — Донская и Кубано-Черноморская и город Грозный на правах губернии.

К моменту образования Северо-Кавказского края национальные автономные объединения делились следующим образом: Карачаево-Черкесская автономная область с пятью округами — Баталпашинским, Малокарачаевским, Учкуланским, Хумаринским, Эльбурганским; Адыгейская автономная область с тремя округами — Фарским, Псекупским и Ширванским; Горская АССР в составе Владикавказского, Сунженского и Назрановского округов; Чеченская автономная область с семью округами и одним районом — Петропавловским, Надтеречным, Ново-Чеченским, Грозненским, Гудермесским, Шалинским, Веденским округами и Шатоевским районом; Кабардино-Балкарская автономная область с пятью округами — Нальчикским, Урванским, Баксанским, Балкарским и Малокабардинским [13,39-40].

Выделение каждой национальности Северного Кавказа в особую административную единицу было связано с трудностями, обусловленными малочисленностью каждой из этих народностей и их отсталостью в культурно-хозяйственном отношении.

Особую активность в 20-е и 30-е годы властные структуры проявили в деле обеспечения запросов национальных меньшинств. В определении национальных меньшинств ни тогда, ни сейчас ясности и четкости не было и нет. Прежде всего, в отношении критериев определения статуса таковых. Одни авторы понимают под национальными меньшинствами ту часть населения, входящую в состав национально-государственного образования, которая по количеству меньше, другие — малочисленные народы как целостные этнические единицы, третьи — часть этнической общности, проживающей среди инонационального населения. Скорее всего, последний подход к национальным меньшинствам доминировал в 20-30-е годы. Иногда к ним причислялись и малые народы [14,6-7;10].

При завершении рассмотрения данного вопроса, необходимо отметить следующее:

1. В Советской России изначально с первых дней ее становления существовали органы власти, подпадающие под понятие «парламент»: Всероссийский съезд Советов, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, Центральный Исполнительный Комитет СССР, Верховный Совет СССР, состоящий из двух равноправных палат: Совета Союза и Совет Национальностей, Верховный Совет РСФСР.

2. Впервые в России официально была закреплена федеративная форма государственного устройства в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа [15,215], принятой наделенным всеми полномочиями парламентом, III Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, в которой было сказано, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик».

3. Создание высших представительных (законодательных) органов свидетельствует о начале процесса формирования парламента в Советской России.

4. У первых автономных образований были обширные полномочия, их ограниченный суверенитет признавался Центром.

5. Первые автономные образования создавались по инициативе снизу, иногда даже не ставя в известность Центр.

6. В 20-е годы федеративное строительство осуществлялось на основе законов (декретов, постановлений Съездов, ВЦИК).

7. Национальная политика была такой, что учитывались интересы всех и каждой национальности, вплоть до создания национальных советов, колхозов и т. д.

Примечания

1. СУ РСФСР. 1917. № 2.
2. СУ РСФСР. 1918. № 15.
3. СУ РСФСР. 1918. № 51.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31.
5. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17.
6. Монтескье Ш. Л. Избранное. М., 1963.
7. Жизнь национальностей. 1923. № 1.

8. СУ РСФСР. 1921. № 6.
9. Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2.
10. «Съезды Советов Союза ССР...». М., 1962. Т. IV. Ч.I.
11. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 130-135.
12. СУ РСФСР. 1924. № 23.
13. Северный Кавказ после районирования. Т. I. Ростов н/Д., 1925.
14. Болтенкова Л. Ф. Интернационализм в действии. М., 1989.
15. СУ РСФСР. 1918. № 15.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

18-20 мая во Владикавказе проходила III международная научно-практическая конференция «**Молодые ученые в решении актуальных проблем науки**».

Организаторами конференции выступили Министерство РСО-А по делам молодежи, физической культуры и спорта, Совет молодых ученых и специалистов при Главе РСО-А и Владикавказский научный центр РАН и Правительства РСО-А.

Открывая работу международной конференции, председатель Совета молодых ученых и специалистов при Главе РСО-А, кандидат фармацевтических наук **В.А. Морозов** пожелал молодым ученым успешной и плодотворной работы. На пленарном заседании также было озвучено приветственное слово от Главы Республики **Т.Д. Мамсурова**.

В дальнейшем работа конференции проходила по 6 секциям, в том числе секция «Гуманитарных наук», в организации и работе ко-

торой активное участие приняли члены Совета молодых ученых СОИГСИ.

Кандидат филологических наук **М.В. Дарчиева** выступила с докладом «Хуры чызг (дочь Солнца) в космо-

гической структуре Нартовского эпоса осетин», кандидат исторических наук **К.Р. Дзалаева** рассказала о факторах формирования осетинской интеллигенции, в свою очередь кандидат фило-

логических наук **Е.Б. Дзапарова** раскрыла тему «Варианты перевода рассказа Сека Гадиева «Азау» в осетинской литературе: проблема адекватной перекодировки текста».

Работу секции «Гуманитарных наук» возглавил председатель Совета молодых ученых СОИГСИ кандидат исторических наук **Б.А. Синанов**.

6 июля 2012 года прошла VII Всероссийская (с международным участием) историко-филологическая школа-конференция молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования».

Школа — конференция ежегодно проводится СОИГСИ им. В.И. Абаева при поддержке Президиума РАН с целью качественной

подготовки молодых ученых, их привлечения к актуальным гуманитарным исследованиям.

Открывая конференцию, директор СОИГСИ **З.В. Канукова** поприветствовала участников и гостей меро-

приятия, с удовлетворением отметила динамичное развитие Школы за прошедшие 7 лет, расширение ее научных направлений и круга участников, выра-

зила особую признательность зарубежным гостям конференции. Впервые в работе Школы приняли участие ученые из Болгарии, Австрии и Македонии.

Постоянными участниками школы стали ученые Кабардино-Балкарского и Дагестанского научных центров РАН, Академии наук Чеченской Республики, Ставропольского государственного университета.

Программа Школы включает мастер-классы и лекции ведущих российских ученых, которые делятся своим исследовательским опытом с молодыми коллегами, проводят экспертизу их докладов, дают ценные рекомендации. Научной молодежи предоставляется возможность получить консультации, установить профессиональные контакты, наработать опыт публичных выступлений, опубликовать

свое исследование, одобренное экспертами, в данном журнале «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых».

Школа - конференция ставит перед собой и задачу интеграции

академической науки и вузовского образования, ежегодно привлекая аспирантов СОГУ. В этом году впервые в ее работе приняли участие и студенты. Они представляли исторический факультет СОГУ (под руководством доктора исторических наук, зав. кафедрой отечественной истории, профессора **С. А. Хубуловой**), а также вновь образованную кафедру социально-гуманитарных дисциплин, возглавляемую доктором политических наук **Л. Х. Дзаховой**.

Работа Школы-конференции проходила по четырем секциям: «История», «Этнология», «Филология» и «Социология и политология». С мастер-классами по методологическим проблемам выступили

из австрийского университета профессор **Карл Казер**, этнограф **Доминик Гутмайер**, македонский исследователь **Биляна Йосифовска** из Института национальной истории Македонии, ученый **Петар Воденичаров** из Юго-За-

падного университета «Неофит Рильский», возглавивший делегацию ученых Болгарии.

Большой интерес вызвали и мастер-классы отечественных исследователей — доктора исторических наук, профессора Северо-Кавказского федерального университета **Т. А. Невской**, доктора исторических наук, зав. отдела истории Дагестанского института истории, этнологии и археологии **Э. М. Далгат**, доктора исторических наук, профессора Кабардино-Балкарского государственного университета **П. А. Кузьмина**.

Об особенностях работы с архивными документами, в частности о вопросах доступа пользователей к ним и методике поиска информации, мастер-класс был представлен директором ЦГА РСО-Алания **Л. С. Зассеевой**.

Специализированные мастер-классы на секциях были проведены директором Центра языковой подготовки СОГУ **Э. Т. Гуриевой**, научными сотрудниками СОИГСИ.

Участники Школы-конференции поддержали призыв Т. А. Невской, обращенный к молодежи, о необходимости создания новой теории историко-культурного развития Кавказа, который слабо вписывается в формационную систему и нуждается в новых методологических подходах.

Несмотря на молодой возраст участников, озвученные темы поднимали широкий круг актуальных проблем отечественной науки. Всего было заслушано и обсуждено более 70 докладов. Руководители секций — доктор исторических наук, зам. директора СОИГСИ **С. А. Айларова**, молодые доктора наук СОИГСИ **Б. В. Туаева**, **Е. И. Кобахидзе**, **И. Т. Марзоев**, кандидат филологических наук **И. В. Мамиева**, кандидат социологических наук **Е. В. Федосова**, кандидат экономических наук **М. Р. Кулова**, а также многочисленные эксперты отметили значительно возросший уровень подготовки молодых исследователей.

Участники признали плодотворность работы школы-конференции, ставшей интеллектуальной площадкой для обсуждения новых научных подходов, исследовательских достижений и обмена опытом. Наряду с реализацией научных задач, подобные мероприятия способствуют развитию межнациональных и межконфессиональных отношений в молодежной среде Кавказа.

Для более глубокого знакомства с Осетией гостям конференции была представлена концертная программа с участием национальных инструментальных и танцевальных коллективов «**Къона**», «**Ертхурон**», «**Молодость Осетии**», учащейся Детской хоровой школы **Аминат Туаевой**. Мастерство молодых актеров до слез растрогало зарубежных гостей.

Не менее впечатляющей оказалась поездка в Куртатинское ущелье, где участники конференции осмотрели памятники нашей духовной культуры, поднялись высоко в горы, а затем методом «включенного наблюдения» ознакомились с застольным этикетом и национальной кухней осетин.

Прекрасный знаток Владикавказа, директор музея города, **Елена Габоева** показала гостям старый город, рассказала много интересного о его истории и культуре. Особенно удивило гостей разнообразие религиозных храмов, многонациональность и многоконфессиональность республики.

За проведение Школы-конференции отвечают сами молодые ученые. Руководство института особо отметило необычайную оперативность профсоюзного лидера **Алана Багаева**, дебютировавшего еще и в качестве замечательного экскурсовода по Куртатинскому ущелью, активное участие Совета молодых ученых СОИГСИ во главе с его председателем **Борисом Синановым**. Эти молодые ученые, кандидаты наук **Мадина Дарчиева**, **Искра Цаллагова**, **Камила Дзалаева**, **Лиза Дзапарова** семь лет назад были первыми слушателями Школы-конференции. Сегодня они стали ее организаторами, способными достойно представить науку и культуру Осетии.

Встреча молодых ученых СОИГСИ с делегацией турецких осетин

9 августа в конференц-зале Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева состоялась встреча молодых ученых и аспирантов СОИГСИ с делегацией представителей осетинских фамилий, проживающих в Турции. В состав

делегации вошли шесть молодых людей из фамилий Албеговых, Кусовых, Цориевых и Царукаевых, проживающих в Стамбуле и Анкаре.

В атмосфере неформального общения, проходившего на иронском и дигорском вариантах осетинского языка, гости не только узнали

много нового о жизни и сфере интересов своих сверстников из Осетии, но и завязали прочные дружеские контакты.

В свою очередь молодых ученых СОИГСИ интересовали вопросы сохранения культуры, традиций и языка турецкими осетинами. По словам Лейлы Албеговой, осетинки, проживающие в Турции, стараются сохранить обычаи и учить этому своих детей. Однако больше это удастся тем, кто живет в сельской местности.

Особую атмосферу встречи придавали выступления фольклорного ансамбля «Къона», продолжающего древнюю осетинскую музыкальную традицию. По

завершении встречи молодежь продолжила общение, посетив Художественный музей имени М.С. Туганова, где гидами для гостей выступили молодые ученые и аспиранты СОИГСИ.

18-19 сентября 2012 года в г. Каспийске состоялась Международная научная конференция «Северокавказский город в региональном историческом процессе», приуроченная к 155-летию со дня основания города Махачкалы. Организатором конференции при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 12-06-06007-г) выступил отдел новой и новейшей истории Дагестана ИИАЭ ДНЦ РАН во главе с доктором исторических наук, профессором Э.М. Далгат.

В работе конференции рассматривались проблемы возникновения, развития и современного состояния северокавказских городов в рамках междисциплинарного подхода.

В освещении столь актуальной научной темы приняли участие ученые из более чем 30 городов России и ближнего зарубежья, в том числе Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодар, Грозного, Владикавказа, Майкопа, Нальчика, Черкесска, а также Минска, Ташкента, Баку. В ходе конференции было зачитано около 80 докладов, глубоко раскрывающих предложенную тематику. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева представляли, молодые ученые дин **Туаева Б.В.**, кин **Дзалаева К.Р.**, и аспиранты **Бедоева И.А.**, **Бузарова И.В.**, **Залеева З.И.**

После подведения итогов конференции на заключительном пленарном заседании участникам была представлена концертная программа при участии заслуженных артистов РФ и Республики Дагестан.

26–28 сентября 2012 г. в Ростове-на-Дону состоялась Всероссийская научная конференция «Национальная политика и модернизация системы управления на юге России: исторический опыт и современные вызовы». Научное мероприятие было организовано Институтом социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук. В организационный комитет вошли академик РАН Г.Г. Матишов, академик РАН В.А. Тишков, заведующий отделом этнографии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Ю.Ю. Карпов и др.

В работе конференции приняли участие представители СОИГСИ им. В.И. Абаева ведущий научный сотрудник, дин Елена Исааковна Кобахидзе и аспирант отдела истории С.М. Кязимова. На пленарном заседании Е.И. Кобахидзе выступила с докладом «Механизмы «русификации» в административной практике Российской империи на Центральном Кавказе (к постановке проблемы)». В рамках секции «Управленческие практики и территориальные образования на юге России в имперский, советский и постсоветский периоды» был представлен доклад С.М. Кязимовой «Социальная сущность и формы бытования института аманатства».

Организаторы конференции отметили высокую актуальность представленных исследований и выразили надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

3-5 октября в подмосковном городе Звенигород состоялся Съезд молодых востоковедов России и СНГ. Организаторами съезда выступили Совет молодых ученых РАН, отдел историко-философских наук и Институт востоковедения Академии наук России при поддержке Центра стратегических исследований (ЦСИ) Азербайджана.

В мероприятии приняли участие более 60 учёных из регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Примечателен интерес, проявленный к конференции со стороны молодых учёных-востоковедов. Из-за большого числа участников работа проходила в не-

скольких секциях, посвящённых китаистике, ближневосточной проблематике, странам СНГ, вопросам международного сотрудничества.

Основной целью Съезда молодых востоковедов, проходившего с участием большого количества молодых ученых России и СНГ, стало укрепление связей между представителями гуманитарно-научной молодежи России и СНГ, занимающиеся исследованиями в области востоковедения.

Республику Северная Осетия-Алания на Съезде представили аспиранты СОИГСИ им. В.И. Абаева, которые выступили с докладами по темам: «Социальная сущность аманатства на Северном Кавказе (конец XVIII — первая половина XIX)» (**Кязимова С. М.**), «Статус женщины в традиционном обществе осетин» (**Тавасиева Э. И.**) и «Символика паремий с анималистическим компонентом в свадебном обрядовом тексте осетин» (**Абаева Ф. О.**).

Помимо этого в работе Съезда в заочной форме приняли участие кандидат филологических наук **М. В. Дарчиева** «Концепт сой (жир, масло) в осетинском фольклоре», аспиранты **И. А. Бедоева** «Традиционные осетинские напитки и их отражение в Нартском эпосе и фольклоре осетин», **А. В. Бароева** «Хион» («свой») как понятие осетинской фразеологии и **А. Г. Кочиева** «Система образования на Северном Кавказе в 40-50-е гг. XIX в. между регионализмом и централизмом».

После завершения работы Съезда участникам была организована экскурсия в Саввино-Сторожевский монастырь.

В соответствии с распоряжением Правительства Республики Северная Осетия — Алания от 26 января 2001 г. № 17-р «Об утверждении Положения о Государственной республиканской стипендии имени В. И. Абаева» и на основании представления комиссии по назначению стипендии имени В. И. Абаева была назначена Государственная республиканская стипендия имени В. И. Абаева на 2012/2013 учебный год за достижения в научно — исследовательской деятельности в области осетиноведения молодому ученому — **Тавасиевой Элине Иналовне** — аспиранту СОИГСИ.

В октябре 2012 г. вышла в свет новая монография старшего научного сотрудника отдела этнологии СОИГСИ, члена Совета молодых ученых Владикавказского научного центра РАН, кандидата исторических наук К.Р. Дзалаевой «**Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX – начало XX вв.)**».

Монография посвящена проблемам формирования осетинской интеллигенции в эпоху пореформенной модернизации второй половины XIX - начала XX вв. Предметному исследованию подвергаются факторы ее возникновения, профессиональная, общественная и благотворительная деятельность. Особое внимание уделяется социально-культурным взглядам наиболее ярких ее представителей, возложивших на себя ответственность за повышение качества жизни родного народа и принявших активное участие в деле распространения мировых достижений в области экономики, культуры и социального взаимодействия на территории Осетии, способствуя ее поступательному развитию и успешной интеграции в социокультурное пространство России.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А объявляет конкурсный прием в аспирантуру по очной и заочной формам обучения по специальностям:

07.00.02 — Отечественная история

07.00.07 — Этнография, этнология и антропология

10.01.02 — Литература народов РФ (осетинская литература)

10.02.02 — Языки народов РФ (осетинский язык)

Прием документов — до 1 ноября 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I. МАСТЕР-КЛАССЫ
(ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ)

ЗАСЕЕВА Л. С. ВОПРОСЫ ДОСТУПА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ К АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ РГБУ ЦГА РСО-А (нормативно-правовая база)	1
НЕВСКАЯ Т. А. О КОНЦЕПЦИИ КУРСА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКАХ	6
КАЛИНИНА Е. В. НОВЕЙШИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ	9
ХУБУЛОВА С. А. ЧЕЛОВЕК ФРОНТИРА: БЫТ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД НЭПА (Методологические зарисовки)	15

II. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

СУХОВ А. Д. ПОЗДНЕБРОНЗОВАЯ КУЛЬТУРА ЮЖНОЙ ОСЕТИИ	21
ОГОЕВ М. М. ГОРСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА В РОССИЙСКОЙ АРМИИ (СЕРЕДИНА XVI — СЕРЕДИНА XIX ВВ.)	31
МУРТАЗАЕВ А. О. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЙТАГСКОГО УЦМЙИСТВА С ДАГЕСТАНСКИМИ ВЛАДЕНИЯМИ В XVII В.	36
БАСИЕВА З. М. НАЧАЛО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕЙ МЮРИДИЗМА В ЧЕРКЕСИИ (1842-1844 ГГ.)	42
КЯЗИМОВА С. М. ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА В СИСТЕМЕ ИСКУССТВЕННОГО РОДСТВА НАРОДОВ КАВКАЗА	51
ШУРДУМОВА Д. А. ЧЕРКЕСИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 30-50-Е ГГ. XIX ВЕКА	56
КОЧИЕВА А. Г. ПРЕДПОСЫЛКИ ЗЕМЕЛЬНО-СОСЛОВНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 50-60 ГГ. XIX В.	62
АББАСОВА Н. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА В КОНЦЕ 70-Х — НАЧАЛЕ 80-Х ГГ. XIX В.	66
БАДОВ Ч. Р. РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ИСТОРИИ АЛАГИРА	73
АЗНАУРОВА З. З. ПОНЯТИЕ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» И ЕГО ТРАКТОВКА	81
ДЗОДЗИЕВ З. Т. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ГРУППА «ХИЗАН» В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ (2 ПОЛ. XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)	88
АЛИБЕКОВА А. А. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ДАГЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. (к историографии вопроса)	96
ЖУРТОВА А. А. ПРОБЛЕМА ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАБАРДЫ К РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	104

БУЗАРОВА И. В. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ	112
ВОДЕНИЧАРОВ ПЕТАР. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В БАЛКАНИСТИКЕ.....	119
VODENICHAROV PETAR. ANTHROPOLOGICAL APPROACHES TO THE BALKAN STUDIES	119
НИКАЕВ Х. Р. ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА	125
САЛИХОВА Л. Б. ТЕМИР-ХАН-ШУРИНСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)	132
СИНАНОВ Б. А. ДУХОВЕНСТВО ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.	140
ЭСЕДОВА С. С. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ДАГЕСТАНСКОГО АУЛА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	151

II. КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ДАУЕВА Т. Т. СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ БЫТОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ	158
ДЗАГОЕВА Э. П. ГЕНДЕРНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРУДОВЫХ ФУНКЦИЙ В ТРАДИЦИОННОЙ ОСЕТИНСКОЙ СЕМЬЕ	163
МАРГУШЕВА А. М. РЕФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	170
БЕДОЕВА И. А. РИТУАЛЬНАЯ РОЛЬ ЧАШИ В ОСЕТИНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ	178
ГУТМАЙЕР ДОМИНИК. ВОПРОС АВСТРО-ЧЕРНОГОРСКОЙ ДЕЛИМИТАЦИИ: ПРИМЕР ДИПЛОМАТИИ МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И ГОРНЫМ НАРОДОМ	185
GUTMEYR DOMINIK. THE CASE OF THE AUSTRO-MONTENEGRIN DELIMITATION — AN EXAMPLE OF DIPLOMACY BETWEEN AN EMPIRE AND A HIGHLAND PEOPLE	185
КУМАХОВА З. Х. ОБРАЗ ЧЕРКЕШЕНКИ У ЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.	193
ТАВАСИЕВА Э. И. ОБРАЗ ВДОВЫ В ОСЕТИНСКИХ ЛЕГЕНДАХ И СКАЗАНИЯХ.....	198
ГИБИЗОВА С. Р. ПРАЗДНИК ПАСХИ У ГОРОДСКИХ ОСЕТИН.....	202

**III. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА
В ЯЗЫКЕ, ФОЛЬКЛОРЕ, МИФОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА**

АБАЕВА Ф. О. КОНЬ БÆХ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ОСЕТИН	212
ГАБОЕВА З. М. КОНЦЕПТ «ТРУД» КАК НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ В ПОСЛОВИЦАХ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА.....	218
ИКЪАТЫ Э. А. ИУÆЙ-ИУ ИРОН НÆМТТЫ РАВЗÆРДЫ ТЫХХÆЙ: ÆЛДАТТАТЫ МЫГГАДЖЫ БÆЛАСМÆ ГÆСТÆ	224
БРИТАЕВА А. Б. ОБРАЗ ДОЧЕРИ СОЛНЦА В НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ	229
КОВЫЛЯЕВА Н. Е. ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	235
ДАРЧИЕВА М. В. ТИПОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (на материале ираноязычного и тюркоязычного эпосов)	240
ХАЖБИКАРОВА М. И. ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ КАК ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОМПОНЕНТ В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ С.-Б. АРСАНОВА «КОГДА ПОЗНАЕТСЯ ДРУЖБА»	245
ДЗАПАРОВА Е. Б. ОСЕТИНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ОЧЕРКА К. Л. ХЕТАГУРОВА «ОСОБА»: К ПРОБЛЕМЕ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ	251
СИДАКОВА А. А. ОСОЗНАНИЕ НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ДРАМЕ Е. БРИТАЕВА «ХАЗБИ»	264
ЗАЛЕЕВА З. Т. ЗНАХАРСТВО В ОСЕТИНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ.....	272
ХЕТАГУРОВА К. И. ХОСТЫХЪОТЫ ЗИНÆЙЫ ИНТИМОН ЛИРИКÆ	278
ЦАЛЛАГОВА И. Н. К ПРОБЛЕМЕ ДИНАМИКИ ГОВОРОВ ДИГОРСКОГО ВАРИАНТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА(НА МАТЕРИАЛЕ ОЗРЕКСКОГО И СТУР-ДИГОРСКОГО ГОВОРОВ)	287
ЮСУПОВА Э. С. ЗООСЕМИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА.....	295

**IV. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

БИДЕЕВА С. Г. ГОРЫ И КАМНИ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОСЕТИН	302
БИЧИЛОВ О. А. ВЕТЕРАНЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	307

ГЕБЕКОВ Г. Ф. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И СОВРЕМЕННАЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА (по материалам социологического опроса)	314
МАНАЕВ М. А. МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ЧЕРЕЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЕЙ.....	323
МУРАТОВА НУРИЕ, ПИСКОВА МАРИЯНА. АРХИВОВЕДЕНИЕ В ЮГО-ЗАПАДНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ «НЕОФИТ РИЛСКИ» БЛАГОЕВГРАД	330
ПАШОВА АНАСТАСИЯ. МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА «ИНТЕРКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»	335
ХАЛИДОВА О. Б. РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН КАК ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ И ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	340
ХАЛИЛОВА А. С. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН С «ТРАДИЦИОННО РУССКИМИ» РЕГИОНАМИ ЮГА РОССИИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В 1993-2010 ГГ.	348
ХУТАЕВА Л. К. БЛАГОУСТРОЙСТВО Г. ВЛАДИКАВКАЗ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ.....	358
ШОГЕНОВА Ф. М. «ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС» И ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ АДЫГСКОЙ ДИАСПОРЫ	363
ПЕТУШКИН С. А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРЛАМЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (на примере образования Горской Автономной Советской Социалистической республики)	367
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	380

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

ВЫП. 8

Научный журнал

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*

Компьютерная верстка — *А.В. Черная*

Дизайн обложки — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 07.11.2012

Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. 65 гр. Гарнитура шрифта «Minion»

Тираж 100 экз. Заказ №168. Усл.п.л. 34,8

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.

362002, РСО–Алания, г.Владикавказ, пер. Павловский, 3

e-mail: rio-soigsi@mail.ru